

к 84(2)
3-80

**ЛЕОНАРД
ЗОЛОТАРЕВ**

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

ОРЕЛ • 2012

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

ТРАГЕДИИ, ДРАМЫ, МЮЗИКЛЫ

ОРЕЛ • 2012

3 81 Золотарев Л. М. **СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ.**

(трагедии, драмы, мюзиклы). –

Орел: Издатель Александр Воробьев,

2012 г. – 416 с.

Драматургический том (трагедии, драмы, мюзиклы) замечательного русского писателя Леонарда Михайловича Золотарева в единое целое объединяет тема любви, большая могучая сила, порой излучение страсти, пронизывающая включенные сюда произведения. Любовь, взаимоотношения мужчины и женщины, как благодать свыше в современной и исторической жизни движут трагедией, музыкально – лирической драмой, мюзиклом, создавая характер героев, заставляя по-иному звучать музыку, а слово быть наполненным, одухотворенным, божественно прекрасным. Такова власть любви, власть слова, самого художника слова.

Будучи крупным современным драматургом, Леонард Золотарев умеет это делать мастерски, естественно и просто, интеллектуально. Драматические произведения автора адресуются сцене, а также предназначены для чтения, главное – для общения читателя с автором – мастером современного мюзикла, историко-художественного полотна, с художником слова.

*Родина могучая моя.
У святого колодца Девятая пятница*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Драмы любви.

В новую книгу Леонарда Михайловича Золоторёва включены пьесы в основном исторической, социальной направленности. Это глубокое исследование основ цивилизации, христианской нравственности, в целом всё это по сути целый театральный репертуар – от полной драматизма трагедии «Бедный Рюрик», из которой узнается, что первые русские князья были вполне вероятными сводными братьями шекспировского Гамлета, до философско-психологической квинтологии в стихах «Кентавриада» – обширного историко-художественного исследования античного мира, состоящего из дилогии «Александр Македонский» и трилогии «Сакральный Крест». При этом к каждой из двух трагедий в них («Пламень Александрии», «Сокровения Тора») прилагается музыкальный ключ, записанный на аудиокассеты. Закljučают книгу драматургии Л.М.Золотарева трилогия малых исторических драм «Господа Каменские».

А это новая книга автора, обладающая всеми качествами предыдущих. Мастерство и масштаб, тонкость и лиризм, ироничность, аналитичность мышления, свободное владение историческим материалом представляют драматурга во всем блеске таланта, игры

ума, в подтексте слова, законов жанра, в коллизии личности и социума. Многопланова, естественно гармонична, кинематографична палитра автора. Целые пласты различных исторических, социальных слоев предстают в живой образной форме, выражая энциклопедию жизни, интересов времени, «феноменологию духа» (Гегель). И это, на мой взгляд, важно сейчас театру, кино, интересно читателю, зрителю искушенному, со вкусом, в нынешнюю эпоху наступления массовой культуры. Сцена нуждается в такой обладающей традиционным и в то же время современным духовным абсолютом, немалым внутренним потенциалом, многообщающей драматургии. Светлого пути Леонарду Золотареву на театральную сцену, на киноэкраны!

Г.Б. Курляндская.

*Доктор филологических наук,
профессор*

В последние годы писатель Леонард Михайлович Золотарев проявляется себя как зрелый, опытный драматург. Им написаны десятки драматических произведений в стихах и прозе, в которых талант мастера раскрывается в исторических трагедиях, современных психологических драмах, блещет острым словом, наполнен юмором, иронией в его искрометных комедиях. Назовем отдельные из них. Это трагедии: «Прометей», «Крещение Руси», «Бедный Рюрик, или Путь «из варяг в греки»», «Манускрипт императора», «Княжна Тараканова», «Я полюбил тебя на Волге (Рафина любовь)» и др.

К современным внутриличностным, психологически развернутым драмам относятся «Любящая Мария», «Тургеневский бережок». «Страсти по власти» и др. К одноактным трагедиям и драмам можно причислить трилогию «Господа Каменские», «Сумерки в Карфагене», «Не сотвори себе кумира» и др. Список комедий составляют «Аппаратчики», «Веселый поезд», «Скиф, едущий на трамвае», «По чем фунт лиха», «Паркетчики и телефонисты» и др.

Самое главное, что отличает драматургический талант Леонарда Золотарева, - это то, что герои его живые, насыщены мыслью, чувством, музыкально-поэтическими соответствиями с божь-

ственным сознанием. Звучит музыка русского слова, история и современность слиты воедино. В эстетике драматургии, как и в прозе, поэзии, выделим основные моменты: фундаментальность, эпичность и в то же время лиризм, внутренняя психологическая мотивация конфликтом как в самом человеке, так и вовне его, во Вселенной, определяющих, по словам Ф.М. Достоевского, «фантастический реализм» как эстетику будущего. Красота, тайна (содержание) и соответствия (форма) выражают любовь и дух творческой состоятельности Леонарда Золотарева.

*О.Н.Осмоловский,
Доктор филологических наук,
профессор*

ЖДИ МЕНЯ

(Русские женщины)

Музыкально-лирическая новелла

Одноактные мелодрамы

Автор на авансцене, в углу за столиком, сидя под электрической лампой с зеленым абажуром, перелистывает рукопись. Тут же перед ним магнитофон. Автор читает текст, иллюстрируя его то записями из магнитофона, то действиями артистов тут же, сбоку себя, на сцене.

МЕЛОДРАМА ПЕРВАЯ

(«ОЛЬГА ЧЕХОВА»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ И МНИМОДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОЛЬГА ЧЕХОВА – русская актриса, жена брата Антона Павловича Чехова - Михаила, государственная артистка Германии, подруга Евы Браун – любовницы Гитлера.

ГИТЛЕР – фюрер, канцлер Германии.

ГИМЛЕР, ГЕБЕЛЬС, ГЕРИНГ – сподвижники фюрера.

НЕМЕЦКИЙ ЛЕТЧИК – любящий Ольгу Чехову.

АРТУЗОВ – работник спецслужб СССР.

ТОВАРИЩ СТАЛИН.

ИЗАБЕЛЛА ЮРЬЕВА – замечательная русская певица.

Действие происходит в Германии, во время Второй мировой войны, как говорится, в самом логове Гитлера, где действует в пользу Родины Ольга Чехова - актриса, носящая знаменитую русскую фамилию.

ГОЛОС АВТОРА. К Дню Победы. «Русские женщины» - музыкально-лирические новеллы. Это концерт – гимн, моноспектакль двум замечательным русским женщинам Ольге Чеховой и Валентине Серовой.

Мелодия из «Одинокого пастуха». На фоне мелодии Голос Автора.

Судьбы их чем-то схожи, они трагические. Обе артистки, обе пели русские песни, русские народные песни, русские романсы по обе стороны фронта. Коня они на скаку не останавливали, а приближали конец режимов, обоих режимов, сыграв выдающуюся роль в общей нашей Победе.

Действительно, национальная, даже общечеловеческая роль их в Победе, в становлении народного духа неоценима. Обе они артистки, их судьбы были связаны с первыми лицами государства и общества, которые обожгли их тонкие артистические натуры своим грубым мужским дыханием.

Итак, первая новелла «ОЛЬГА ЧЕХОВА».

Ольга Чехова была племянницей жены великого русского писателя Антона Павловича Чехова – Ольги Леонардовны Книппер – Чеховой, была женой брата Чехова – Михаила Чехова, в будущем великого русского актера.

Мелодия из «Одинокого пастуха». Хор на фоне мелодии.

- Ты некрасив, я уже не люблю тебя, - сказала она, Ольга Чехова, мужу своему, и уехала в тогдашнюю дружественную Германию – сниматься в немом кино, петь русские песни, однако предварительно побывав у Артузова, на Лубянке. И вот, после переворота, она уже государственная актриса Германии, подруга Евы Браун, в фаворе самого Гитлера.

И она любит немецкого летчика, аса, героя Германии.

Мелодия заканчивается.

ГОЛОС АВТОРА. И «ласточки» от нее летят через линию фронта - до Кремля, до самого товарища Сталина, и роман ее с летчиком пока развивается успешно. Она поет русские песни со сцены, с эстрады, во фронтовых бригадах – возлюбленному своему, летчику.

Русский романс «Графине Ольге Орловой».

«Капризная, упрямая».

«Капризная, упрямая,
Вы сотканы из роз.
Я старше вас, дитя моё,
Стыжусь своих я слёз.

Капризная, упрямая,
О, как я вас люблю!
Последняя весна моя,
Я об одном молю:
«Уйдите, уйдите, уйдите!»

Вы шепчете таинственно:
«Мой юноша седой,
Ты у меня единственный,
Один лишь ты такой.

Но, сказкой околдованный,
Я сам себя бужу.
И, осенью окованный,
И сам я вам твержу:
«Не лгите, не лгите, не лгите!»

Вы светлая, лучистая,
С улыбкой на устах.
И, если правда чистая,
Есть только те слова:

«Отбросив тень сомненья,
Прошу каприз я вам,
И жизнь мою осеннюю,
Как надо только вам,
Возьмите, возьмите, возьмите!»

А в промежутках между концертами, изредка встречаясь со своим летчиком, она читала ему стихи Андрея Белого, привезенные ею сюда из России.

В.П.Светицкому.

«Родина»

«Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ.

И в раздолье, на воле - неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля -
Посылает нам крик: «Умирай -

Как и все умирают...» Не дышишь,

Смертоносных не слышишь угроз:
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой -
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?»

«Капризная, упрямая», – немецкий летчик-ас - ее возлюбленный гладил ее плечи, волосы, кольцами ниспадающие ей на плечи.

А там, за линией фронта, тоже в концертных бригадах, пела тот же старинный русский романс русская певица Изабелла Юрьева.

А там, обратно же за линией фронта, эта красивая русская женщина, с громким именем – Ольга Чехова была приближена к Гитлеру и участвовала в приемах элиты. Под взглядом Гитлера она пела, ставила подобного рода пластинки, иронично глядя на фюрера.

Л. Утесов. Из кинофильма «Веселые ребята».

«Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свете жить.
Сердце, как хорошо, что ты такое.
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить».

Инструментальный ансамбль. Танцевальные ритмы. Сменяются другим, живым ритмом. Поет ЭДИТ УТЕСОВА.

- Ну... как идут у нас дела?

ЛЕОНИД УТЕСОВ.

- Все хорошо, прекрасная маркиза,
Дела идут, и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза,
За исключением пустяка.

Так, ерунда, пустое дело:
Кобыла ваша, околела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо».

ЭДИТ УТЕСОВА:
- Кобыла наша умерла?
Скажите мне, мой верный кучер:
Как эта смерть произошла?»

Л.УТЕСОВ.
«Все хорошо, прекрасная маркиза.
Все хорошо, как никогда.
К чему скорбеть от глупого сюрприза,
Все это, право, ерунда.
Все было что? Пустое дело.
Она с конюшнею сгорела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо».

Э.УТЕСОВА. «Какой неслыханный удар!
Скажите мне, с утра пораньше,
Когда в конюшне был пожар?»

Л.УТЕСОВ. «Все хорошо, прекрасная маркиза.
И хороши у нас дела.
Но вам судьба, конечно, из сюрприза
Еще сюрприз преподнесла.
Сгорел ваш дом с конюшней вместе...
А в остальном, прекрасная маркиза
Все хорошо, все хорошо».

Э.УТЕСОВА. ... Алло, алло...
«Я вне себя, скажите прямо:
Как это все произошло?»

Л.УТЕСОВ. «Узнал я вас, прекрасная маркиза,
Что разорил себя и вас.
Не вынес он подобного сюрприза
И застрелился в тот же час..
... Конюшня заперта была,
А в ней кобыла умерла...
И дом весь выгорел до тла...
Тыр-тыр-тыр-тыр...

А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хорошо».

Бравурная музыка. Смех.

ГОЛОС АВТОРА. И все хохотали – гитлеровская элита и артистка Ольга Чехова. Но каждый хохотал о своем. А потом она, глядя на Гимлера, пела русский романс Котляревской на слова Фета (*голосом Изабеллы Юрьевой*).

«Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу».

ГОЛОС АВТОРА. Гитлер благосклонно похлопал в ладони. И тогда Гебельс сорвался и закричал: «Браво! Браво!» Все дружно зааплодировали. Ольга стояла бледная, как полотно. Гитлер положил руку ей на плечо. И Геринг, подойдя, сказал:

- И не бойшься ты, Ольга, Евы Браун? Она ведь ревнива.

И Ольга стала ей постепенно подругой. Она была на виду всех подругой Евы Браун, но тайно любила одного раненого немецкого летчика, встреченного ею в госпитале, и иногда, посещая госпиталь, там пела ему. (*Поет голосом Изабеллы Юрьевой*).

«Все недосказанное вами
И недослушанное мной».

И новая мелодия.

«... Рассказать бы тебе,

Что люблю каждый миг,
Но, я знаю, ты любишь другого.
Глядя в очи твои, внемля песне твоей,
Я шепну хоть заветное слово.
Но, я знаю, что ты мне ответишь: «Забудь!
Потому что ты любишь другого»».

ГОЛОС АВТОРА. А ночь была за окном. Глубокая, темная
ночь. Мужчина и женщина, немецкий летчик и русская актриса.
На фоне музыки (слова Л. Золотарева).

Вот он поет ей свои заклинанья:

«Жди меня, жди меня»
Зиму, лето и осень.
Из войны, из огня –
Каждый день, каждый час.
Но не знала она,
Что он ее уже бросил,
Но она не исчезнет из глаз.

Как же он заклинал,
Как ее добивался.
«Жди меня, жди меня»
Каждый день, каждый час.
Вот он жив и остался.
Не убило вчера,
Не убьет и сейчас.

«Жди меня, жди меня»
Зиму, лето и осень.
Из войны, из огня –
Каждый день, каждый час.
У кого же еще
Жить подольше попросишь,
Если сам, не дождавшись,
Он уходит от нее и от нас».

И голос его растворяется в музыке.

АВТОР. «Если сам, не дождавшись,

Уходит от нее и от нас».

Музыка. Голос в ночи. Экзальтация.

Звуки переходят в другие ритмы. Внешние, бравурные,

А в голосе его боль, тоска, предчувствие смерти.

Песня немецкого летчика без слов.

Затаенная боль, невозможность всего.

Он поет перед ней, высказывая свое. А главное - предчувствуя, что это, возможно, в последний раз...

ГОЛОС АВТОРА. Когда ее там спросили: кто победит – Германия или Россия?

- Германия такая ма-а-ленькая, - ответила она. – И вы поете вполголоса. А Россия такая бо-о-ольшая! И поют там во всю глотку, во широкой степи.

Шишкин – Языков. «Ночь светла».

Мы поем вместе с Изабеллой Юрьевой.

«Ночь светла. Над рекой

Тихо светит луна.

И блестит серебром

Голубая волна.

Тёмный лес там в тиши

Изумрудных ветвей.

Звонких песен своих

Не поёт соловей.

Милый друг, нежный друг,

Я, как проще, любя,

В этот час при луне

Вспоминаю тебя.

В эту ночь при луне

На чужой стороне,

Милый друг, нежный друг,

Помни ты обо мне.

Под луной расцвели
Голубые цветы.

Это в сердце любовь,
Это в сердце мечты.
И к тебе я лечу,
Твоё имя шепчу.
Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.

В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне».

Романс переходит в оркестровую мелодию. Лихой, бесшабашной такой русской народной песни.

И опять-таки я пою вместе с записью.

«Начинаются дни золотые
Воровской непроглядной любви.
Крикну: «Кони мои вороные!
Черней ворона кони мои!»

Устелю я сани коврами,
Ленты в конскую гриву вплету.
Пролечу, прозвеню бубенцами
И тебя налету подхвачу.

Мы ушли от проклятой погони,
Перестань, моя радость, рыдать;
Нас не выдали черные кони,
Им теперь вороных не достать».

Мелодия естественно переходит в другую русскую народную песню «Ой, мороз, мороз!» (И опять-таки я пою вместе с записью).

«Ой мороз, мороз!
Не морозь меня,
Не морозь меня,
Моего коня.

Не морозь меня,
Моего коня,
Моего коня,
Белогривого.

Моего коня,
Белогривого.
У меня жена,
Ох, ревнивая!

У меня жена
Ох, красавица!
Ждет меня домой,
Ждет печалится.

Я вернусь домой
На закате дня,
Обниму жену,
Напою коня».

НЕМЕЦКИЙ ЛЕТЧИК. Смотри, Ольга! Это опасно: радиоприемник, русские пластинки.

ГОЛОС АВТОРА. А вчера Гимлер сказал ей: «Завтра Ольга, придем к тебе утром». Пришел Гимлер... со своими в черных мундирах... а у Ольги сам Адольф Гитлер, сидит, пьет с ней кофе. Улыбнулась Ольга Гимлеру и поставила старую пластинку.

Леонид Утесов.

«Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.

Товарищ, мы едем далеко,
 Подальше от нашей земли.
 - Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
 Сказал кочегар кочегару. —
 Огни в моих топках совсем догорят,
 В котлах не сдержать мне уж пару.

Товарищ ушел, он лопату схватил.
 Собравши последние силы,
 Дверь топки привычным толчком отворил,
 И пламя его озарило.

Окончив бросать, он напился воды,
 Воды опресненной, нечистой.
 С лица его падал пот, сажи следы,
 Услышал он речь машиниста:

«Ты вахты не кончив, не смеешь бросать,
 Механик тобой недоволен.
 Ты к доктору должен пойти и сказать,
 Лекарства он даст, если болен».

На палубу вышел, сознания уж нет.
 В глазах у него помутилось,
 На миг увидал ослепительный свет,
 Упал, сердце больше не билось...»

ГОЛОС АВТОРА. *Мелодия затихает, пряча концы в воду.*

ГИМЛЕР (*ехидно*). Что — главная русская песня?

ГИТЛЕР (*решительно вставая*). Песня о смерти, о гибели России, русского человека.

ГОЛОС АВТОРА. И встал, заторопился к выходу. За ним потянулись и все остальные.

ОЛЬГА ЧЕХОВА (*стоя под нос себе, шепотом ему вслед*). У самого тебя в глазах помутилось.

И поставила себе такую пластинку.

Петр Лещенко. «Чубчик».
«Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, по ветру.
Раньше, чубчик, я тебя любила,
А теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку оденешь на затылок.
Пойдешь гулять и днём и ввечеру.
Из-под шапки чубчик так и вьётся,
Так и вьётся чубчик по ветру.

Пройдёт зима, настанет лето,
В саду деревья пышно расцветут,
А мне бедному да мальчонке
Цепями ручки-ножки закуют.

Но я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже русская земля.
Вейся, вейся, чубчик кучерявый,
Эх, развевайся, провожай меня,
Развевайся, чубчик, по ветру».

ГОЛОС АВТОРА. А «ласточки» все летели от нее в Кремль, к самому товарищу Сталину, но и летели к ней «голуби». И вот прилетел к ней «голубь», который сообщил, что летчик, ее возлюбленный, упал вместе с самолетом при ночной бомбардировке Лондона. Грусть, тоска, даже страх объяли ее. Помогали русские песни, романсы, «Жди меня, Родина!»

«Все вперед, все впереди».
«Брось недобрые, темные думы,
На меня без укора гляди.
Расставаясь, не будем угрюмы,
Что бы ни было - всё впереди.

Не хочу я, чтоб новая складка
Возле губ твоих милых легла,

Чтобы мгла не родилась украдкой
Необжитого сердца мгла.

Все пройдет, что прошло – не вернется,
И разлуки приходит пора.
Может, завтра тебе улыбнется
То, что горем казалось вчера.

Прогони же ненужные думы,
По-хорошему, милый, гляди.
Расставаясь, не будем угрюмы,
Что бы ни было, всё впереди»

Поет Ольга Чехова (*голосом Изабеллы Юрьевой*).

«Есть в жизни каждого из нас
Нам хороший знакомый почерк,
Твои любимые цветы,
Твоя тетрадь стихов.

Найдете вы, прочтете вы в отрывках строк
Простые слова, простые желанья -
Дружить и любить, в заветный час встречать
И ждать простые слова, но сколько в них очарованья.
Скажите мне так о чем можно горячо мечтать?
А мы становимся все старше...»

И на фоне мелодии.

ГОЛОС АВТОРА. Эти простые слова слушала в одиночестве там Ольга Чехова, рыдая в подушку. И от нее летели эти слова, эти «ласточки» через линию фронта, в Кремль, к самому товарищу Стадину.

«Простые слова, простые желанья,
Дружить и любить, в заветный час встречать»...

P.S. Умирала Ольга Чехова уже на Родине после войны, от рака мозга где-то там на Лубянке. Говорят, она первая сообщила о сроке наступления врага на Орловско-Курской дуге.

Конец первой новеллы.

г. Орел.

«ЖДИ МЕНЯ»
(Русские женщины)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВАЛЕНТИНА СЕРОВА

Вторая музыкально-лирическая новелла
Одноактная мелодрама

Мелодия из «Одинокого пастуха». Прерывается, переходит в протяжную лирическую грусть. И на фоне мелодии возникает.

ГОЛОС АВТОРА. Валентина Серова – перед войной известная в стране артистка театра и кино, жена любимого Сталиным сокола – летчика, после гибели похороненного у Кремлевской стены. Всю жизнь она будет носить его громкую фамилию. Все празднества, все походы у них с дочерью будут начинаться отсюда, от Кремлевской стены.

Мелодия переходит в лирическую песню, с хором отдаленным.

Увидев ее, Константин Симонов был сражен ее красотой. «Жди меня» - гимн верности написал он ей с фронта. Гимн любви, сказанный женщине воином, в пылу сражений. А она и сама бывала на фронтах в составе фронтовых концертных бригад, где пела солдатам и офицерам русские песни, романсы.

Однажды она встретила в госпитале раненого Рокоссовского и влюбилась в него. Пела лишь для него, писала письма ему: «Жди меня, и я вернусь».

Леонард Золотарев (стихи).

«Как же он заклинал,
Как ее добивался!
«Жди меня, жди меня» -
Каждый день, каждый час.
Отмолила его,
Вот он жив и остался.
Не убило вчера,
Не убьет и сейчас.
«Жди меня, жди меня» -
Зиму, лето и осень –

Из войны, из огня
Каждый день, каждый час.
У кого же еще
Жить подольше попросишь,
Если сам, не дождавшись,
Уходишь от нас?
«Жди меня», «жди меня» -
Зиму, лето и осень -
Из войны, из огня -
Каждый день, каждый час.
И не знала она,
Он ее уже бросил.
Но она, но она
Не исчезла из глаз».

ГОЛОС АВТОРА. Фронтовая бригада.

«В лесу прифронтовом».

«Офицерский вальс» (Случайный вальс).

ОРКЕСТР. Поет Леонид Утесов.

«Ночь коротка. Спят облака.
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро зовет
Снова в поход.
Хорошо, что я встретился с вами,
Проходя мимо ваших ворот».

ГОЛОС АВТОРА. Это мое военное детство. Это же наш городок Малый Архангельск. Лето 43-го, Великая битва на Орловско-Курской дуге. И эта мелодия, голос Утесова, который слышу я до сих пор. А офицеров майора Лисунова и капитана Евдокимова (погибли потом в этой битве), вижу в глаза по сей день. И мои сестры танцуют с ними последний этот «Случайный вальс».

«Пусть я с вами совсем незнаком,
И далеко отсюда мой дом.
Но, мне кажется снова,

Я у дома родного.
В этом зале большом
Мы как будто вдвоем.
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем...»

* * *

«Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет...»

И все это на фоне мелодии, слов утесовских

«Но мне кажется снова
Возле дома родного...»

ГОЛОС АВТОРА (*продолжая*). Голос солдата:

«Константин Симонов!
Какой-то Валентина Серовой!»
«Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем».

ГОЛОС ДРУГОГО СОЛДАТА. Как какой-то? Да вот же она перед нами – в концертной бригаде! Знаменитая артистка!..

Она была сражена! Это читал газету молодой солдат, вскочив на эстраду. Эти стихи прямо с газеты.

«Жди меня»...

- Урра-а! Просим, – это кричали все собравшиеся здесь, в лесу прифронтовом.

И она пела для них голосом Изабеллы Юрьевой.

«Мне сегодня так больно,
Слёзы взор мой туманят,
Эти слёзы неволью
Я роняю в тиши.

Сердце вдруг встрепенулось,
Так тревожно забилося,
Все бывшее проснулось,
Если любишь - прости.

Мой нежный друг,
Часто слёзы роняю,
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,
Мой нежный друг,
Если можешь, прости.

Танцевальные ритмы.

Я жду тебе снова,
Видишь, капли на строчках.
Все вокруг так сурово
Без тебя, без любви.

Твои письма читаю –
Не могу оторваться.
И листки их целую,
Умоляю: «Прости».

Мой нежный друг,
Часто слёзы роняю,
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

Мой нежный друг,
Если сможешь прости».

Музыка. Высокий мужской голос. Петр Леценко.

«Был день осенний,
И листья грустно опадали.
В последних астрах печаль хрустальная жила.
Грусти тогда с тобою мы не знали,
Ведь мы любили, и для нас весна цвела.

Ах, эти черные глаза - меня пленили.
Их позабыть никак нельзя - они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза - меня любили.
Куда же скрылись вы теперь? Кто близок вам другой?

Ах, эти черные глаза меня погубят.
Их позабыть нигде нельзя, они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза, кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда и сердце, и покой».

«Очи черные, очи страстные!
Очи милые и прекрасные!
Как люблю я вас, как боюсь я вас,
Знать, увидел вас я в недобрый час».

Танго. Танцевальные ритмы Оскара Строка.

«Ах, эти черные глаза, кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда и сердце и покой».

Фортепиано. Энергичные, токкатные ритмы Цфасмана.

ВАЛЕНТИНА СЕРОВА (голосом Изабеллы Юрьевой).

«Проходят годы безвозвратно,
Но продолжаю я грустить.
Я жду тебя, мой друг, обратно
В надежде нежно полюбить.

Веселый час придет к нам снова.
Вернешься ты, и вот тогда,

Тогда дадим друг другу слово,
Что будем вместе навсегда.

С тобой не в силах быть в разлуке,
Я образ твой в душе ношу.
И всюду давит бремя скуки,
Забыть тебя я не могу.

Веселый час придет к нам снова.
Вернешься ты, и вот тогда,
Тогда дадим друг другу слово:
И в дальний путь, на долгие года».

ГОЛОС АВТОРА. «Жди меня! Жди меня!». Стояли они вдоль лесной дороги, когда она уезжала. И тот паренек, который читал ей газету. Все махали и кричали: «Жди меня!»

А через несколько дней она узнала, что весь этот танковый полк сгорел в жестоком бою на Орловско-Курской дуге.

Как и вначале, та же мелодия. Тревожная, глубокая, раздумчивая. Человеческий мотив, мотив судьбы.

ГОЛОС АВТОРА. В госпитале она встретила Рокоссовского, он поразил ее: высокий, красивый, да еще генерал, раненый, герой. Она пела только ему, только ему.

Все та же мелодия, разворачивается тема.

РОКОССОВСКИЙ ей. А это вы та «Жди меня» которая, да?

Она просто пела. Не отвечая. Без слов.

Энергичные ритмы фортепиано. Токкатные, цфасмановские звуки.

ВАЛЕНТИНА СЕРОВА (*голосам Изабеллы Юрьевой*).

«Хмуришься, мой милый,
И печален ты.
Ближе, мой любимый,
Ближе подойди.

Помнишь наши встречи
И любовь мою,
В тот счастливый вечер
Ты сказал – «люблю».

Улыбнись, милый, ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Радостные дни.
Улыбнись, милый,
Ты сильней люби.

О разлуке нашей
Стоит ли грустить?
Встреча будет краше,
Только будешь ты.

А зимой суровой
В яркий день весны.
С каждой встречей новой
Вспыхнут счастья дни.

Улыбнись, милый,
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Ты сильней люби!»

Будь же веселее!
На меня взгляни.
Будь со мной милее,
Крепче обними.

Спаянные вместе
Дружба до сих пор.
Надо нам, как прежде,
Сохранять задор.

Улыбнись, милый,
Ласково взгляни.
Жизнь прекрасна наша,
Радостные дни.

Улыбнись, милый
Ласково взгляни.

Жизнь прекрасна наша,
Ты сильней люби!»

Гитара. Переборы. «Только раз» (русский романс).

Валентина Серова (голосом Изабеллы Юрьевой).

«День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова.
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова.

Только раз бывает в жизни встреча,
Только раз судьбою рвется нить.
Только раз в холодный зимний вечер
Мне так хочется любить

Гаснет луч пурпурного заката,
Синевой окутаны цветы.
Где же ты, желанная когда-то,
Где во мне будившая мечты?

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить.
Только раз в холодный этот вечер
Мне так хочется любить».

Мелодия сменяет мелодию. «Белая ночь».

«Весна не прошла...
Звенели соловьи на старых клёнах.
Ждала я тебя, и ты пришёл,
И был со мною, влюблённый, нежный мой,
Шептал слова любви.

Белая ночь, милая ночь,
Светлою мглою в честь наших роз.
И не спеши и до зари.
Белая ночь, милая ночь,
Сон добрых слов нежно навеи,
Пусть я и ты

Мы вдвоём - я и ты.
И снова весна. Опять всё цветёт,
Вновь соловьи звенят в аллеях парка.
Ночами их песнь невольно придет.
Сердце вновь так жарко шепчет мне
О той, другой весне.
Белая ночь, светлая ночь.
Тучи как гром, память о нем.
Дождь не из туч, мне песня зари.

Белая ночь, светлая ночь,
Тихо в окно шепчет одно:
«Нет его, нет, он ушёл, -
Он далёк».

ГОЛОС АВТОРА. А сердце ее и в белую ночь было все там же,
у красной Кремлевской стены.

Мелодия. Тонкая, щемящая сердце.

В ее сердце всегда были герои: летчик Серов, теперь Рокоссов-
ский.

*Тонкий женский голос ведет мелодию. Песня без слов. Мелодия
набирает темп.*

ЖЕНА РОКОССОВСКОГО (Валентине). Милочка, чтобы
стать женой маршала, надо сначала выйти замуж за лейтенанта...
Ты сама героиня – в глазах народа. «Жди меня, и я вернусь...»

Мелодия уходит и растворяется.

ГОЛОС АВТОРА. «Жди меня, и я вернусь...» - кричали ей вез-
де, где она бывала с концертами.

И она вернулась – в семью, к своему Константину Симонову и
пела ему, лишь для него.

Игривые ритмы, веселые ноты.

Песенка «Улыбнись».
«Теплый прозрачный день.
Утро. Весна. Сирень.
Жалко терять минуты
И сидеть, как птица, дутым.

Отпуск идет шальной,
Сердце полно весной.

Выйдем, пройдемся,
Вместе пойдем со мной.

Ну, улыбнись, мой милый,
Не сердись, мой милый,
Ну, посмотри, любимый ты мой.
Ну, посидим, мой милый,
Ну, посмотри, мой милый,
Ну обними, хороший, родной...»

ГОЛОС АВТОРА. Иногда она шутиливо становилась перед ним на одно колено и так пела ему.

И опять же Валентина Серова голосом Изабеллы Юрьевой.

«Мне сегодня так больно,
Слёзы взор мой туманят,
Эти слёзы неволью
Я роняю в тиши.

Сердце вдруг встрепенулось,
Так тревожно забилося.
Все былое проснулось,
Если можешь - прости.

Мой нежный друг,
Часто слёзы роняю,
И с тоской я вспоминаю
Дни прошедшей любви.

Я жду тебя, как прежде,
Но не будь таким жестоким,
Мой нежный друг,
Если можешь, прости...»

ГОЛОС АВТОРА (*на фоне мелодии*). А сама думала и вспоминала, и видела перед собой красную Кремлевскую стену. И лесные земляники, госпитали на Орловско-Курской дуге, где порою случалось выступать с Изабеллой Юрьевой, петь те же песни, романсы русские, которые проникали людям в самую душу.

P.S. Сразу же после войны писателя Константина Симонова, признанного деятеля культуры, направили во Францию с особой миссией: склонить И.А.Бунина, некогда эмигрировавшего за границу, к возвращению на Родину. С ним была и его жена – актриса Валентина Серова.

И вот в Грассе Бунин перед ними. Он бросился сначала почему-то не к Константину, а к ней, Валентине Серовой, обнял ее и начал читать на память стихи – те самые, ей, а не ему.

«Жди меня, и я вернусь,
 Всем смертям на зло.
 Кто не ждал меня, тот пусть
 Скажет: «повезло».
 Не понять неждавшим им,
 Как среди огня
 Ожиданием своим
 Ты спасла меня.
 Как я выжил, будем знать
 Только мы с тобой.
 Просто ты умела ждать,
 Как никто другой».

ГОЛОС АВТОРА. Сначала беседа была втроем. Потом вдвоем – с глазу на глаз, визави, тет-а-тет. Она не говорила ничего. Достала старую пластинку.

Песня. «**Чубчик**» (голос Петра Лещенко).
 «Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый!
 Развевайся, чубчик, по ветру!»
 Раньше, чубчик, я тебя любила,
 А теперь забыть я не могу.

Бывало, шапку наденешь на затылок
 Пойдешь гулять и днём, и вечеру.
 Из-под шапки чубчик так и вьётся,
 Так и вьётся чубчик по ветру.
 Пройдёт зима, настанет лето,
 В саду деревья пышно расцветут,
 А мне бедному да мальчонке
 Цепями ручки-ножки закуют.

Но я Сибири не страшуся,
Сибирь ведь тоже Русская земля.
Ах, вейся, чубчик кучерявый,
Развевайся, чубчик, по ветру!»

P.S. Умерла Валентина Серова в одиночестве. Муж покинул ее. Умерла при странных обстоятельствах. Говорят, она поставила пластинку и слушала последний романс Вадима Козина, записанный в Магадане.

ГОЛОС АВТОРА. Вот запись недавняя с Радио России.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. «Козин прекрасно играл на рояле. Запись романса «Твои глаза зеленые» - одна из последних записей, сделанных в Магадане».

«Твои глаза зеленые».

«Так хочется хоть раз
В последнее поверить,
Не все ли мне равно,
Что сбудется потом.
Любви нельзя понять,
Любви нельзя измерить,
Что там, на дне души,
Как в омуте речном.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама.
Твои глаза зеленые,
Твои слова обманные,
И эта песня звонкая
Свели меня с ума.

Не надо никаких
О прошлом сожалений.
Такого все равно
С тобою не дано.
Но хочется еще,

Хоть на одно мгновенье,
В бездонность твоих глаз
Еще раз заглянуть.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама.
Твои глаза зеленые,
Твои глаза обманные,
И эта песня звонкая
Меня свела с ума».

ГОЛОС АВТОРА. Говорят, Константин Симонов просил тело его после смерти развезть пеплом над Белоруссией, где был пик его поэтического взлета. Где написал он свои знаменитые стихи о любви «Жди меня».

P.S. А 5 августа 2006 г., в моем Малом городе Малоархангельске, когда в день Освобождения Орловщины, установили Мемориальный Танк с Вечным огнем, телевизионщики спросили меня:

- Как вы думаете, почему мы победили тогда в такой страшной войне?

Я ответил: - Во-первых, мы были у себя дома. А во-вторых и, может, самое главное: для меня лично «оттепель» была, не как у всех в шестидесятые, а тут и тогда, летом 43-го, когда всю звучали полузапрещенные песни, романсы, а в репродукторы гремели, читались стихи из «Василия Теркина». Пели Изабелла Юрьева, Лев Лещенко, Вадим Козин, наши солдаты, офицеры шли с улыбкой на смерть с этой музыкой, с песнями, с поэтическим словом в груди!

Занавес.

*27 марта 2005г. –
21 ноября 2008 г.,
г. Орел, Россия*

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

НОЧИ ВАЛЕРИИ

(одноактная мелодрама)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВАЛЕРИЯ ЛЕОНИДОВНА ЗАВОЛОКИНА – старший преподаватель французского языка в провинциальном университете.

Тень ее мужа Николая Заволокина, Коля, не так давно ушедшего из жизни.

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕИЧА КОЧИНА – ее коллеги, нашего трагического современника.

Как призраки, голоса певцов с кассеты, записанной Кочиным:

Шарль Азнавур,

Армстронг,

Далида,

Мерей Матье,

Лайма Вайкуле.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Музыка из мюзикла «Собор Парижской богоматери».

Картина первая

Жилой дом. Обыкновенное двухкомнатная квартира. Зальчик с телевизором и магнитофоном. На стене портрет мужчины – это Николай Заволокин, Коля, муж Валерии Леонидовны, недавно ушедший из жизни.

Сама Валерия Леонидовна только что вернулась с работы, сняла пальто в передней. Входит в комнату. Раздается телефонный звонок.

ВАЛЕРИЯ (*берет трубку и тут же как-то обессилено садится в кресло у телефонного столика*). Да, я вас слушаю... (*Зажимая другой рукой трубку и говоря в сторону, мужскому портрету*). Коля, это зав. кафедрой Нинон. Не могла там сказать, на работе. Надо сюда ей звонить... издевается... (*В трубку*). Да-да, я вас слушаю. Завтра заседание кафедры? А по какому поводу? Была ведь недавно... (*И Коле, мужскому портрету*). Ага, годовщина как не стало нашего коллеги Евгения Сергеевича? Ну да. Ну, конечно, буду (*Грамче в трубку*). Ну, конечно, приду... На кладбище ехать? Нинон Степановна, может, пусть, кто помоложе, на кладбище... Да-да... А мы, кто постарше, стол пока что накроем...

Ну да, похлопочем... А то ведь ноябрь, можно сказать, зимний месяц в наших широтах. Так просифонит, что потом сляжешь... Сляжешь, говорю, без температуры не обойдешься.

Разворачиваясь всем телом к мужскому портрету.

Ну да. Если член кафедры, обязательно ехать. Никаких скидок... Да, да... И разговора быть не может... Ну, конечно, никаких возрастных цензов, поблажек и т.д., и т.п. Коля, это она так мне...

Что вы говорите: какой Коля? Да это я так, Нинон Степанна. Никакого Коли тут нет... Что у меня, что ли, крыша поехала?.. Куда поехала крыша? Никуда не поехала. У нас на крыше антенну летом поставили... Этот, как его, Интернет, тарелки ставят... да не опять за тарелки я, за свое, за то, чтобы стол накрывать... Это другие тарелки – антенны круглые, для телевизоров...

Ну, конечно, приду. Ну, конечно, поеду... Что – опять ставки на кафедре сокращаются? В связи с чем?.. Ах, мировой финансовый кризис?.. Ну, конечно, приду. Ну, конечно... Не сомневайтесь. Не расстраивайтесь, Нинон Степанна. Вам нельзя этого делать. Вам сына надо на ноги ставить... Кафедра, конечно, тяжелая. Что ни человек, то, конечно, проблема... А тут еще этот как его... интернет... Ах, не интернат, а мировой финансовый кризис... и это нет, нельзя брать так глобально?.. А что же? А образование как национальный проект... Что – президент так сказал? Ну да, он же вел, будучи вице-премьером, эту строчку... не «дочку», какую «дочку» и не точку... точку зрения?.. А какая у вас, такая и у нас... что, что?.. Президент далеко, а бригадир близко?.. А как же национальный проект по образованию?.. Ах, мировой финансовый кризис...

Конечно, конечно, у нас есть свой президент. Не Америке же все нам указывать...

Отрываясь от трубки и в сторону.

Коля! Про Фурсенко что-то говорит, про министра нашего, а про ректора ничего...

И в трубку, с готовностью. Да, да, да. Про ректора говорю. Ах, про Фурсенку надо? А что про Фурсенку? А помните в прошлом году Федеральные университеты создали... Да, да, министр был в Восточном университете, в Красноярске. Так студент один... из Тюмени, да? Из Тобола?... так студент этот яйцом тухлым ко-

стюм ему залепил. На другой день министр был уж в свитере... Что, что вы мне? Ах, опять крыша поехала? Да куда там поехала! Никуда не поехала. Все видели, телевизор показывал. Думали, Путин его не возьмет уж в свое Правительство, а он взял... Как это не мое дело? Вы тоже говорили тогда об этом. А сейчас нет?..

А, ну да. Мировой финансовый кризис? Национальный проект?..

Портрету, отрываясь от трубки. Ух, замотала! Замотала окончательно.

В трубку. Чего-чего, говорю! Кого замотала? Да трубку вот, говорю, замотала. Труб-ку за-мота-ла!..

Ну да ладно. Приду, приду – поеду, поеду... На кухню мне надо. Кормить надо... Кого? Да Колю, Колю!.. Ну да, умер. Уж год, как Евгений Степанович, тьфу, Семеныч... Ну да, Сергеич, Сергеич... что у меня опять, что ли, крыша поехала? Ну куда она может поехать? Да, да, да! Кормить надо!.. Кого... Да себя же, себя! Только что в дом ввалились. И крошки во рту с утра не было... не было... не было... Да, не было... крошки...

Какие крошки? Деточки такие маленькие, по телику показывали? Видела, видела, показывали, как этот идиот... второй раз, да, второй раз... смачнул таких крошек вместе с мамой на остановке и дальше поехал, представляете, а?.. Кран потек, кран! Во! Соседи стучат... На кого?.. Да не на кого? А ко мне стучат... Что крыша, что ли, поехала?.. Да соседи стучат. Ну псих там один живет. Тоже кандидат наук, много из себя воображает... стучит, да, стучит... Кран потек, кран – вот и стучит... А-а, вам еще надо звонить... Вот таким, как я, великовозрастным?..

Ну я побежала. Куда? Да кран же потек, кран. Слышите? Ах, топают, слышите? Это кандидат наук топает. Ну, да, как вы, кандидат... Вы не топаете? Ну да, конечно... Чего вам топать?.. У вас это как его... интернет? Восточный университет?.. Ну приду, приеду – приеду, приеду...

Наконец, вздохнув облегченно. Да это телефонная трубка! Наконец, отцепилась. Господи! Вот привязалась... Надо было сказать не про кран, а, мол, газ залило, газ идет... хотя это слишком сильное средство... надо запомнить.

Валерия садится в изнеможении в кресло. Утирая лоб ладонью, говорит, обращаясь к мужскому портрету на стене.

Вот так, Коля, и живем. Вишь, как оно без тебя. Гнишь, революция, напирает коррупция. Что удумала! Кафедра у нее завтра! Это так, для прикрытия Кочин. Будут с нами решать вопрос, с пенсионерами: кого оставить, кого выкидывать? И начнут, Коля, очевидно, с меня.

Картина вторая

Там же. Та же Валерия в комнате. Но уже в пестром домашнем халатике.

ВАЛЕРИЯ (*дожжевывая яблоко*). Се ты – это все. Коман талеву? – как вы поживаете? А вотр санте – как ваше здоровье? Как масло коровье: тает и питает, говорю... Компрачикосы – это у кого рот до ушей. Гуинплен – был такой у Виктора Гюго. Крали детей, уродовали их, рот до ушей им делали, людям показывали, деньги на том зарабатывали...

Обращаясь к портрету на стене.

Коля! Как она со мной теперь разговаривает? Как с придурком каким? Десять раз повторила: «а крыша у тебя не поехала?» У самой десять раз поехала. Десять раз повторила мне – десять раз на себя и взяла. При тебе так со мной не разговаривала, не позволяла себе, а то без тебя все можно. Нет мужского духа в дому... Да, да, Коля! Это так. Когда мужчина есть в доме, и по телефону-то с тобой люди не так разговаривают... Да-да, архитектуру отношений с тобой строят не так. А мы, женщины, этого не замечаем. Не ценим, конечно, не ценим...

Видал, что придумали? Ставки сокращать будут. С Францией отношения улучшаются, а они французский язык выводят в школах. Дескать, родители требуют английский. Про немецкий молчок. Про испанский вообще ни гу-гу... На французском сосредоточились. Надо им меня, лично меня как-то выпихнуть – вот и в школах уж язык сокращают, и на кафедре часы убирают. А из Сивона, бывшего декада, долгожителя делают. Уж скоро сто лет в обед, а они ему все целую ставку.

Коля! Видал, до чего дело доходит, до какой смехатории? Спрашивают как-то его студенты... с иронией... ну и как вы выглядите? А он им нагло вато так: «На все сто!» Вот так... Господи, Коля! Я без тебя не могу... Как дело к ночи, так хоть криком кричи. Уж и портрет твой не помогает. Включаю музыку...

Где же эта кассета? Что подарил тогда Евгений Сергееч? Сам записывал для тебя специально. Ты тогда к юбилею его стихи составил. Ну не венок, а все же сонеты. Надо поискать копию, что ты тут оставил себе. Коля! Может, прочтешь на память? Я постараюсь запомнить...

Открывает ящички в стенке, роется в бумагах, наконец-то находит нужную.

ВАЛЕРИЯ. Вот! Давай сделаем вид, что это ты читаешь. А фактически давай прочитаю я. Говорили тогда на кафедре в один голос, что это удачно у тебя получилось.

Ну, Коля, читай! А я послушаю...

Читает: «**Кочиннада**».

Посвящается Евгению Кочину:
 Хоть и не венок, а все же сонеты.
 «Один такой – неповторимый
 Среди друзей своих, коллег, -
 Он мог бы стать повыше Рима,
 Понедоступней всяких Мекк -
 С великим именем Евгений,
 С которым кто он – трижды гений.
 Один – от слова самого,
 Другой – с рожденья своего,
 А третий – с эрой Водолея,
 В какую входит каждый росс,
 Он к небу словно бы прирос,
 С богами вместе звезды сея.
 А он всего-то Кочин Женя –
 Наш гений, наше отраженье.

* * *

Один такой – незаменимый,
 Поэму может сочинить.
 Его студентов аж до Крыма
 Протянется живая нить.
 Он может все – «бон а ту фер»,
 Он наш галантный кавалер.
 Ему крутись, а нам везет:
 И привезет, и отвезет.
 Еще и скажет нам с прононсом:

«Для милых дам, для милых дам
Все, что имею я, отдам!»
И все друзья ему под Солнцем.
Другого нет такого в мире!
Тепло умножено в Алжире!

* * *

Судьба Евгения хранила.
В теченьи институтских вод
Его талантом наделила –
Учить и просвещать народ.
Кто просвещен, а кто блажен.
Еще один талант, Эжен,
Явил ты миру в цвете дней –
Двоих прекрасных сыновей!
Жена – с французским, сын – с французским.
Да вся семья! Ни дать, ни взять.
Держи-ка, новосильский зять,
Нам нашу марку, дух наш русский!

* * *

А мы тебя другим не знали,
Мы – здесь собравшиеся все.
Живешь, Эжен, на магистрали,
На рю – Московское шоссе.
И из Москвы, и на Москву.
И как во сне, и наяву.
Идут машины – мимо, мимо.
Но ты один незаменимый,
Но ты один неповторимый
Среди друзей твоих, коллег.
Мы все артисты, грим на всех,
Но ты один такой – без грима!
Все смотрят в зеркало одно,
А видят разное кино.

* * *

Храни судьба тебя, храни!
Теплись твой огонек, Евгений!
Да не задуют в наши дни
Ветра твоих предназначений.

Да не остудит душу тьма,
 Да пусть кончается зима!
 С весною красной по старинке
 Шлем всем влюбленным «валентинки».
 Года, как птицы. От зимы
 Куда им, этаким, летится?
 И остается лишь гордиться
 Той птичьей стаей, где и мы.
 Эжен! Ты рыцарь наш, ковбой!
 Ты на коне, мы все с тобой!»

14 февраля 1997г.
 Написано к юбилею,
 погиб 7 ноября 1999г.

Картина третья

Все там же, в зальчике своей двухкомнатной квартиры. Валерия Леонидовна встает и проходит к столику, включает магнитофон.

Возникают звуки оркестр. Знакомая мелодия из мюзикла «Нотр дам де Пари» («Собор Парижской богородицы»).

ВАЛЕРИЯ (залу). Этот концерт составил Николай, мой Коля, благоверный мой. А музыку к нему подбирал Евгений Сергеевич. Подарил когда-то Коле, как ответ на его стихи о нем на «Кочиниаду»...

Музыка «Нотр Дам де Пари», развиваясь, заполняет все помещение. Валерия вслушивается в звуки мелодии, создающей трепет души и тела.

ВАЛЕРИЯ (прямо перед собой, как бы сама себе, богам Нотр Дам де Пари). Глядя в окно.

Ночь уже на дворе. Ноябрь. Короткие дни. Как только ночь, так эта мелодия из мюзикла, эти грезы, мученья. Знаю, что будет. Проснусь где-то в час ночи, и с двух до пяти - тени, глаза, воспоминанья.

Одна, одна. Сын еще когда ушел жить к жене своей. А не так давно не стало Коли, мужа моего. Одна в пустой квартире. И страхи, страхи. Как держаться в этой жизни, как устоять?

Мелодия мюзикла развивается, следуя дальше по своим канонам, захватывая дух.

ВАЛЕРИЯ. Весь век в своем университете, со своим французским. Преподаватель, старший преподаватель. Только на одну ступеньку вверх за жизнь и продвинулась. С ассистентов. А Женя все еще был ассистентом. Или, кажется, только представили к званию старшего преподавателя? Да, Евгений Сергеич?..

Появляется тень Кочина.

ВАЛЕРИЯ (выключая на момент магнитофон и теперь обращаясь к тени). Вас называют «Наш трагический современник», а почему? Вроде не тайный алкоголик, так, да? И с семьей все в порядке, так, да? И на работе... мы все ваши коллеги, даже любили вас, Евгений Сергеич... Даже Коля мой, Николай, искренне посвятил вам эти сонеты... Да, Коля?

Появляется тень Николая Заволокина, мужа Валерии Леонидовны.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (тени Евгения Сергеича). Однозначно. Но почему?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕИЧА. Что почему?

ВАЛЕРИЯ (вполне реальным голосом, тени Евгения Сергеича). Почему вы это сделали, коллега?

Тень Кочина начинает колебаться, растворяться в углу комнаты.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (спеша ей на выручку). Ну что вы все к нему привязались?

ВАЛЕРИЯ (реальным голосом). Ну, конечно, конечно... Опять крыша поехала... Может, оттого что так долго сидел в ассистентах? Никак не мог защититься. Другим давали звания «старшего преподавателя», а его все обходили. А дома, небось, жена упрекала... А он, на все руки мастер, сделал декану даже евроремонт...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ. Не надо, не надо... О, божественная, божественная Валерия!.. Зачем ты так?

ВАЛЕРИЯ (вслух уходящей тени). «Не сыпь мне соль на рану», так, кажется, да? Откуда это? Ты все у нас знаешь...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (начиная тоже колебаться и исчезать). Из персидских поэтов.

ВАЛЕРИЯ. Кто – Хафиз? Не Хафиз?.. Кто же? Эмир Ибн аль-Мутаз?.. Не эмир?.. Так кто же, кто?

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (исчезая вместе с Заволокиным, который когда-то играл на «любимой гармонии», но успевая все же что-то

сказать). Амир... Амир...

ВАЛЕРИЯ (*подхватывая*). Ну да, эмир...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*у самой двери*). Нет, Амир!.. Амир Хосров Дехлеви... Стихи «Соль на рану»...

ВАЛЕРИЯ (*цепляясь за тень*). Не уходи, побудь со мною... Не уходи, побудь еще со мной...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*приостанавливаясь*). О божественная, божественная, божественная Валерия... Для тебя, для тебя, для тебя... шах ин шах Реза Пехлеви...

ВАЛЕРИЯ (*реальным голосом*). Амир Хосров Дехлеви?

ТЕНЬ НИКОЛАЯ (*из двери уж*).

«Скитаться на путях любви,
О сердце, неустанно!
Бессильно тело без тебя,
Бессильней тела танец.
Винят влюбленного в тебя
В жестокости – пускай,
Еще сильнее мучь меня,
Еще больней тирань.
Слезами скорбными Хосров
Оплакал каждый стих.
Да будет счастлив он от слез
Соперников своих».

Валерия проходит к столику, включает магнитофон. Все та же мелодия из мюзикла «Нотр Дам де Пари» заполняет помещение.

ВАЛЕРИЯ (*продолжая, как ни в чем не было*). Да, да. Весь век в своем университете. Со своим французским. Только недавно, что там, старший преподаватель, а тоже ведь с молодости все была в ассистентах... что там, да, да, на копейках... Только трое нас таких и осталось. «Лошадки мои, красавицы», - говаривал декан, когда-то выделив их из студенток, и взял на работу.

И вот уже финиш. Как же незаметно жизнь скользнула! Уж пенсия. То ставки, то часы сокращают. Обучим молодых, и не нужны. Правда, одна из троих - кандидат наук, у другой – сын кандидат, муж – начальник...

Мелодия мюзикла заканчивается. Острая тишина, звонкая тишина. Давит на уши, давит. Каплет дождь за окном...

ВАЛЕРИЯ (*заканчивая мысль*)... а у меня за спиной – черная дыра. С меня и начнут.

Господи! Наконец-то отдали за Колины похороны шесть тысяч рублей. Да еще десять тысяч собрали родственники. Вот и ухнула все шестнадцать на одежду себе...

Возникает другая мелодия. Фоном идет Лайма Вайкуле. Звучит ее голос. Не то в магнитофоне, не то в углу, куда ушли и растворились только что тени Коли – мужа ее, Николая, и Евгения Сергеевича...

«Еще не осень, еще не осень,

Еще светла дорога...

Пусть говорят, что приближается гроза...

Никому тебя я не отдам...»

Картина четвертая

Там же, все та же Валерия Леонидовна Заволокина. Одна в пустой квартире.

ВАЛЕРИЯ. «О, божественная, божественная, божественная Валерия!» – так звал меня Коля, как некогда свою возлюбленную римский император Сулла.

«Еще не вечер, еще не вечер...

Пусть говорят, былого счастья не вернуть...

Никому тебя я не отдам...»

Говорят, Пушкин знал Заповеди блаженств и претворял их в своем творчестве. Ну и что? Что это продлило ему жизнь? Как и Марио Ланца, тоже прожил тридцать семь... первая ступень ракетносителя... что это путается в моей голове... первой ступенью стал почему-то Марио Ланца, а ведь Пушкин жил еще когда до него...

Да, однако, Пушкин знал Заповеди блаженств. Вот «Заповедь пятая». Коля, как она там читается?

Возникает тень Николая Заволокина. Под мелодию Лаймы Вайкуле бегут такие строки сонета, читаются тенью Николая Заволокина.

«Блаженны, милостивы те,

Кто милосердны, сострадалцы.

Ведите падших к красоте,

Как к алтарям бредут скитальцы.

Скрываясь в тернии души,
В никем не видимые слезы,
Спускайтесь со своих вершин,
Чтоб отвести от павших грозы.

Дадут ли голому одежды,
Возьмут ли на себя чей грех,
Они несут в себе надежды,

Что ты ведь тоже человек.
За подвиг их, великий труд
Им боги руку подают».

И снова мелодия из мюзикла «Нотр Дам де Пари», но другая. Мужской голос, кажется, Колин голос, вот он, вот. Хрипловатый такой, родной. И одновременно его же голос, который исходит от его тени, появившейся снова в углу. И другие тени отступают, отступают. Но появляется все та же тень Евгения Сергеевича Кочина.

Пауза. Ни мелодии, ни голоса. Наконец голос тени Евгения Сергеевича (обращаясь к Колиной тени). А помнишь, у Пушкина? Что говорит царю какой-то злодей:

«Тебя, твой трон я ненавижу,
И гибель я твоих детей
Со злобной радостью предвижу».

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. Зачем ты это вспоминаешь?
К чему?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА (упорно, продолжая свое). Это, кажется, обращение поэта к Андре Шенье.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. А у Марины Цветаевой:
«Андре Шенье взошел на эшафот»...

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. У Пушкина:
«Пустыни сеятель свободный...»

ВАЛЕРИЯ (сидя в кресле и слушая перепалку теней). К чему вы все это затеяли передо мной? Что вы хотите этим сказать? (Кочину). Я поняла: у вас кризис среднего возраста? Да, особенно это проявляется у мужчин. Нужны физические нагрузки... Автомобиль отобрал у вас движение, дачу вы продали...

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Что вы говорите! Это все несущественно. Существенно то, то Сталин попал в телепроект «Имя Россия». От имени всей Великой Отечественной войны, от имени миллионов, уничтоженных в тридцать седьмом... Вы знаете, что семьдесят лет с лишним у нас не существовало истории? Была только политика, государственный заказ на отлов и отстрел...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. Женя, ну зачем же так резко?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Вы знаете, что Вышинский.. до того... был меньшевиком и потому с полноги выполнял то, что ему поручал Хозяин?..

ВАЛЕРИЯ (*чувствуя кресло под собой горячим*). Евгений Сергеич, ну зачем же так резко? Это все-таки художественное произведение.

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Не реализм же, если присутствуют призраки, тени. Идеалистическое направление. (*Тени Николая Заволокина*). Нам с тобой все теперь можно, мы уже за чертой.

ВАЛЕРИЯ (*возникая*). Ну так поберегите меня.

ТЕНЬ НИКОЛАЯ. О, божественная, божественная, божественная Валерия!

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. А чего ей бояться? Она уж почти двумя ногами на пенсии.

ВАЛЕРИЯ (*встывнув, тени Евгения Кочина*). Это правда, что вас с матерью (*вы, Евгений Сергеич, были еще, извините, грудным ребенком*) в двадцать четыре часа из Воронежа?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА (*едва колыхнувшись*). Да, правда.

ВАЛЕРИЯ (*упорно*). Это правда, что отец ваш подписал брату двоюродному по-польски адрес на конверте?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЙ КОЧИН (*колыхнувшись сильнее*). Правда.

ВАЛЕРИЯ (*твердо*). А чего б вы хотели? В тогдашних условиях.

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. А ничего, кроме правды. Истина – дороже всего. А истина в чем?

ВАЛЕРИЯ (*заинтересованно*). Да, в Жене, в чем?

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. А в том, что им понадобилась наша квартира. Как же, две комнаты в центре города... Истина в том, что всех, кто сажал, расстреляли через месяц... энкавэдэ... в том числе и наркома Ежова... Истина в том, что в войну и потом

еще своими руками и руками врага «расстреляли» не меньше... а еще был военный ГУЛАГ...

ВАЛЕРИЯ (*отстраняясь от угла, где возникли и двигались тени*). Ну хватит вам, хватит!

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. И последнее, главное. Истина в том: что запугали, отбросили нас лет на триста, создали и без того мифологическому народу миф, сказку, иллюзию... вместо жизненной правды... да, мифы, в которых мы и живем...

ТЕНЬ НИКОЛАЯ ЗАВОЛОКИНА. Что ты, Женя, хочешь этим сказать? Ты прямо как из «Медного всадника» Евгений – маленький человек, говоришь, как в статусе императора...

ТЕНЬ ЕВГЕНИЯ КОЧИНА. Пора говорить-то. Если хотим оставаться в цивилизации. История ходит кругами, витками развивается... Надо говорить, чтоб неповадно было и нынешним. Тоже и их зуд неймет. Сталина включили в число двенадцати, а Льва Толстого – нет, Жукова – нет, Рокоссовского – самого серьезного стратега в войне - тоже нет, даже Юрия Гагарина нет... Что мы от такого народа хотим, если сами себе, свои таланты не разумеем, не ценим...

Тени исчезают. Замерев, Валерия сидит неподвижно. Встает решительно, подходит к магнитофону.

ВАЛЕРИЯ. Вот разнервничалась-то! Впустила в себя эти тени, вдоволь дала им в душе своей повыкаблучивать... Однако продолжим концерт...

Картина пятая

Там же. Дело уже к середине ночи. Включив магнитофон, Валерия слушает знакомый, даже родной, Колин голос все из того же мюзикла.

Мелодия заканчивается.

ВАЛЕРИЯ. А голос отзвучал и ушел. И вновь ты одна. Но вот возникает другая мелодия, другой голос – это, кажется, Фрэнк Синатра? Так, кажется? С какими-то странными словами, откуда? И Фрэнку подпеваешь, кажется, Коля?

Голос объявляет:

«Одиночество в ночи».

Из «Белой Скифии» - продолжения «Одиссеи» Гомера.

Песня Одиссея.

«Ночь течет во мне,
И звезды с весел падают на звезды.
Наклонясь, я разбиваю их рукой.
Я иду по ним, прямо по ним – по звездам
На тот манящий берег,
На тот пьянящий берег,
Где, как во сне, я вижу тебя далеко.

Моя лодка. Мое одиночество
В этой глубокой,
В этой глубокой ночи.
Как я боюсь потерять тебя
В этой пучине, в этой пучине
Звезд отраженных.
О приблизься ко мне,
О не молчи!

Руку мне протяни,
К груди меня притяни -
В пламя свечи, в самое пламя свечи.
Два одиночества, сразу два одиночества
Вдруг исчезнут
В этой глубокой, в этой глубокой ночи.
Кружится моя лодка,
Падают звезды с весел
В пламя свечи, к ней подберу я ключи,
Не огорчи!

Весла оставим на берегу,
Мы их в объятия бросим,
В водовороты ночи,
В водоворотах ночи
Губы, губы твои горячи.
О не молчи, не молчи!
Губы, губы твои горячи!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут же, без всякой паузы, возника-

ют четкие, акцентированные ритмы испанской гитары. Армик, «Фламенко».

ВАЛЕРИЯ (*под энергичные ритмы гитары*). Попробуем одеть новое платье – это, фиалковое. «Фиалка Монмартра».

И почему этот фиалковый цвет так кардиналы любили?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Она переодевается. Начинает движение. Пританцовывая. Плавные движения превращаются в вальс, танго.

ОНА: «Настроение улучшается, улучшается, улучшается».

Возникает мелодия. Мирей Матье. «Прощальный вальс».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Посвящается Евгению Кочину. Она зажигает свечи. Вальс при свечах. Она движется по комнате сама, одна. Затем берет стул, движется плавно со стулом, держа его прямо перед собой.

Под ритмы вальса, голоса Мирей Матье.

Берет зеркало, смотрится в него. Облегающий ее талию зеленый костюмчик. Как красиво тебе в этом костюмчике. Снова движется, обняв теперь уже зеркало, как бы за талию. Порывистая, и еще молодая.

ПЕСНЯ АРМСТРОНГА. Поет Далида.

«Жизнь в розовом свете» (*en rose*).

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И снова переодевается. Теперь уже в длинное, до пят, черное пальто. Подруга, у которой сын – кандидат, говорит ей, что такое пальто ненадолго. На неделю, не больше. Замызгается низ, в грязь превратится. Ну и что? Ношу вот. Длинно, зато красиво. Когда приду на кафедру – произведу эффект. Даже на молодых.

А ночь за окном. Глубокая, глухая, почти зимняя ночь. И с двух до пяти самое время мистики, страхов. Время призраков, фей.

Возникает мелодия. Гитара, Армик. На ее фоне голос откуда-то, свыше.

«Заповедь седьмая».

«Блаженны те, кто миротворцы,

Кто мир явился примирить.

Чтобы для всех сияло Солнце,

Чтобы глаза не все открыть.

Обиды прочь! И ссоры прочь!
Из сердца вон мечи и стрелы!
Какие дни! Какая ночь!
Не слепы мы, не оголтели.

Встаем меж стрел, и флаги белы.
И руки подняты на стрелы.
Как к наивысшему лицу

Идем на все, идем к отцу.
Сыны Небес, Земли сыны –
Они богами рождены».

ВАЛЕРИЯ (*глядя в окно*). А ночь глубока, далека. Просто аспидно-черна. И где они, эти тени, призраки? Где мой Коля, Коля? И Евгений Сергеич?

И голос оттуда, издалека. Не то Колин, не то Кочина Жени. Поэт песню-романс на слова Заболоцкого, музыку Звездинского.

«Очарована, околдована,
Ветром в поле когда-то обвенчана.
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная ты, моя женщина.
Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная
И звезда ты моя сумасшедшая...»

ВАЛЕРИЯ (*в сторону*). Однажды, это было лет пять тому, нет Коли, нет. А должен быть уже дома. Я знала, где он может быть. Не стала звонить, а прямо туда, на «мальчишник». Нагрязнула, неожиданно-негаданно. И что я вижу? Сидит мой Колюня с приятелем в окружении девиц. На работе, конечно, на работе. Но после рабочего дня...

Оказывается, он пел уже эту песню. А потом кому-то пришла идея устроить состязанье певцов. И послали за одним знакомым – поющим тоже, приятелем Колиного приятеля. И вот ждали, когда он придет.

Пришел. Спел при мне какую-то песню.

Все вежливо поаплодировали и ждали, когда Колюня допоеет эту самую песню. И он подошел ко мне, с меня начал... Но тут мы закончим. Тем, что далее было.

Подошел он ко мне. Присел на колено. Обнял и допел.

«Я склонюсь над твоими коленями,

Обниму их с неистовой силой.

Картина шестая

Там же, те же, продолжение.

И слезами, и стихотвореньями.

Обожгу тебя, горькую, милую.

Что прибавиться, не убавится.

Что не сбудется, то позабудется

Отчего же ты плачешь красавица?

Или все это мне только чудится?»

ВАЛЕРИЯ. Как он предчувствовал будущее. Меня одну, эту ночь. Мое одиночество в этой ночи.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Снимает пальто с себя. Берет его одной рукой за вешалку, другой – как бы за талию. Так и движется с ним плавно, танцуя. Под мелодию, заполнившую все помещение, душу ее. Замирает. «У меня хорошее настроение, у меня хорошее настроение, у меня хоро...»

И голос ее Колюни откуда-то издалека. Его авторская песня. Для нее одной его голос.

«Зеленые глаза».

«Своими я зелеными глазами

Гляжу на мира всяческий окрас.

Себе погоду делаем мы сами,

И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача.

Виски белеют, как примета лет.

Не покидай меня, моя удача.

Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами

Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.

Себе погоду делаем мы сами,
 И что с того – она не человек.
 Стареем мы, сполна дается сдача.
 Сказал словечко молодой поэт.
 Не покидай меня, моя удача!
 Не выцветай ты, мой зеленый цвет.
 Мы все уйдем, уходим понемногу.
 Да не спешите ж нас толкать туда!
 Проходит день за днем – и слава богу.
 Приходит ночь – и это не беда.
 Своими я зелеными глазами
 Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
 Не покидай меня, мой лед и пламень,
 Не выпадай, зеленый, из огней!
 Не покидай меня, мой лед и пламень,
 Не выпадай, зеленый, из огней!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Валерия стоит, замерев, зачарована песней. И тут же возникает знакомая мелодия Армстронга. Голос черного музыканта. Под музыку эту, ритмически двигаясь, она снимает с себя сначала пальто, затем облегающий её свой зеленый костюмчик, остается в легком фиалковом платье.

И уже снова голос Далиды продолжает карнавал музыки, танца. «Amore, amore».

ВАЛЕРИЯ. О море! О море! О любовь, любовь!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И опять она начинает двигаться в такт биению своего сердца, в такт с ритмом Далиды. Все энергичнее, энергичнее. Страстно. Как будто это делает в последний раз в своей жизни.

Разойдись, она сбрасывает с себя и это фиалковое платье, цвет которого так обожали кардиналы, и остается в тонкой ночной рубашке. Тело ее движется, движется по-молодому. Все энергичнее, все энергичнее-е-е!

«Коля, Коля! Amore, amore».

В изнеможении валися она на тахту. И опять возникает все та же, что и вначале, другая мелодия. Голос мужской из того же мюзикла «Нотр Дам де Пари». Колин голос... задушевный... трепетный...

«О любовь моя, о любовь».

Завтра она придет туда к ним в этом своем длинном, до пят, пальто, в этой шляпке роскошной под вуалькой. К шляпке еще бы и «штраусовое» перо.

«О любовь моя, о любовь».

Делает движение, как бы поправляет это перо. Остолбенеют и скажут: «Ну ты обалденна! Просто нет слов».

Музыка из мюзикла.

«О божественная, божественная, божественная Валерия!» - так говорил своей возлюбленной Сулла. Так говорил ей Коля, Николай – ее муж.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. От входной двери потянуло запахом гари. Открыла дверь – сгоревшая газета. Кто-то сжег ее у самой двери.

ВАЛЕРИЯ (*шепотом*). Был бы жив Коля, газеты бы под самой дверью не жгли.

А за спиной ее все та же музыка, тот же мюзикл «Собор Парижской богоматери».

Валерия, стоя, слушает концерт, но теперь уж с конца к началу.

«Богема».

Шарль Азнавур.

Голос ее Коли вместе с Далидой.

Мирей Матье. «Вальс при свечах».

Картина седьмая

Там же, в комнате. Валерия по-прежнему одна.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Светаёт. Тени исчезают. «Вальс при свечах» завершают мучения ее ночи.

«О божественная, божественная, божественная Валерия!»

Она падает лицом в подушку. Плечи ее сотрясают рыдания.

Занавес.

7 ноября 2008 г.,
г. Орел.

МАНУСКРИПТ ИМПЕРАТОРА

(трагедия)

*Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.*

А.С.Грибоедов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

ПАИСИЙ – иеромонах Орлейского мужского монастыря, в миру – бывший учитель истории.

НАДЕНЬКА, по мужу Тарнавская – дочь Паисия, арфистка Губернского симфонического оркестра, из детей индиго.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ – Око государево в Орле, городе среднерусских традиций.

РАДА СЕМЕНОВНА – жена Недремова.

ДУХ ПУШКИНА.

ПРИЗРАКИ САМОДЕРЖЦЕВ:

ПАВЛА I – императора Российской империи.

АЛЕКСАНДРА I – его сына, участника заговора против отца.

СВЯТОЙ ВОИН АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – во гробе перед всем православным народом.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА – жена Паисия, возникающая в его памяти.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН – друг Паисия, директор областной филармонии.

АВТОР.

Серединная Русь. Жители старинного города Орлея. Ангел-хранитель в белом. Эхо в храме. Черный человек, он же послушник. Участники крестного хода к храму Михаила-архангела, куда на три дня и три ночи привозят из Санкт-Петербурга на поклонение мощи святого Александра Невского.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Центр города на Оке. Храм Михаила-архангела. Площадь перед храмом. Сюда с иконами и хоругвями движется крестный ход. Во главе армейский бронетранспортер с почетным карау-

лом. Из Санкт-Петербурга прибывают мощи князя Александра Невского – святого воина, защитника Русской земли.

С почестями воины проносят мощи в собор.

Иеромонах Паисий, учитель истории, с другом детства Алексеем Куницыным, в числе первых ступают за порог храма. У алтаря, на возвышении, уже сияют в золоте мощи. Людской поток стремится к ним. Крестясь, люди православные прикладываются к окладу, выходят в боковые врата.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*наклоняясь к другу*). Долгожданное – такое событие во граде нашем, в жизни мирян.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Год не был тут, в этом соборе. Как все преобразилось! Алтарь зияет, деревянный резной, как Приамов, иконы в окладах, священники в позлащенных ризах... а ты все в черном...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Мне так надо.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. В епископы собираешься, в высшие сферы?.. Сколько еще тут работы! Только отдельные фрески расчищены. Вон место особо мне нравится: Казанская божья мать с младенцем.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Так семьдесят с лишним лет атеисты правили. Зерно, хомуты хранили – все отсырело, фрески осыпались... И твой отец, Алексей, был в «воинствующим атеистом», колокол с Михаила-архангела сбрасывал... А сам хорош, Алеша, - божий ты человек. Твоя, что ль, идея была – устроить тут орган зал, от филармонии?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*шепотом*). Органный? Совсем пропадать стал храм-то, уже разбирать с угла начали... на кирпичи...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ну и что – надо было еще и подкапываться под него, под фундамент?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А куда раздевалку девать? Где раздеваться? Вот и делали там, внизу, раздевалку.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*раздраженно*). И стенки поехали, да?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Пришел я в Белый Дом и говорю: прекратите, не то вовсе храма лишимся. А орган уже привезли...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. И где же сейчас он?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Да где-то в сарае.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. О боже!

ИДУЩИЕ РЯДОМ. Да тихо, вы.. тшшш...

Медленно, медленно – торжественно, крестясь троеперстием, православный люд продвигается по собору к святым мощам, к алтарю. У правой колонны Куницын подходит к иконе, прикладывается к ней, ставит свечу.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*Паисию*). Николе-угоднику поставил чудотворцу нашему...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. В помыслах и делах чудотворец-то?

Пауза. Запахло ладаном от священника, размахивающего кадиллом. Совсем уже близко святые мощи.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Трепет-то какой чувствую в теле.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Слышу скрежет металла и скрип зубовный, удары мечей, предсмертные хрипы.

А вот и мощи – темное где-то внизу, в золотом окладе. Два брата священника, в белом – по обе стороны мощей. Паисий прикладывается губами к пальцам брата, к стеклу над мощами. Куницын слегка запинается – правый брат тут же сует ему пальцы, Куницын поспешно наклоняет голову.

У выходных врат можно и постоять. Куницын как проваливается наружу, а Паисий задерживается.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*оглядывая храм изнутри*). Глядите-ка, лесенка в хоры для певчих. И кафедра... в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге анафеме с такого амвона предавали Льва Толстого. А тут где-то, скорее всего, у алтаря, где сейчас мощи, покоилось некогда тело государя – императора Александра Первого. Его, почившего в бозе, провозили тогда из Таганрога... на север, в столицу... в собор Петропавловский...

(*В сторону*). Господи! А что, если бы этот... Куницын... поставил бы тут орган, сделал бы из православного храма органный зал? Да нет, почему же? Кафедральный собор в Санкт-Петербурге был в Исаакиевском. Так что ты там видел, Паисий, помнишь? Гляди, и тут, и везде по православным храмам иконы, фрески - плоскостное изображение... Христа, Богородицы, всех святых... А в Исаакии не только иконы, но и скульптуры, объем, выпуклость, как у католиков... А ведь Исаакий - храм кафедральный, главным был недавно на всю Россию... Нагрешили, вот оно и откликнулось... до сих пор катится по столицам и весям... по земле и небесам... горим в геенне огненной...

Когда был учителем истории в школе, возил детей в Польшу. Так пан Болеслав, наш гид, водил группу по Кракову, по католическим храмам. Входя, крестился сам и все оборачивался: почему это мы не крестимся? Христине ведь, тоже ведь верим в Христа.

А дети после допытывались у меня: «А почему это он коммунист, а крестится?» - «И почему они, поляки, тоже вроде славяне, а католики?» - «И почему в храмах у них орган играет, а у нас, мамка говорила, поют?»...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (глядя вверх на хоры для певчих, на кафедру). А почему это я в черных одеждах, а не в золотых... Как эти священники. Не в белых, как те...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*возникая из ничего, шепча ему на ухо*). Не спеши, архирией, в епископат. Чтобы ходить в золотых одеждах; надо сначала побыть чернецом, походить в черных одеждах. Всякий настоящий солдат носит в ранце маршальский жезл. Маршал должен побыть сначала в шкуре солдата... Вон, видишь, мощи святые Александра Невского, князя? Сразу, что ль, стал он князем, святым? Сперва пострадай, на смерть постой за Отчество... Отравили Александра ордынцы, когда ездил к ним туда за ярлыком на княжение. Прикоснись к святости, душой прикоснись...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Понял, понял тебя, Ангел мой, мой хранитель, мой друг.

Сцена вторая

Там же. Сумерки. Храм покидает последний верующий, ворота закрываются. Прячась в углу, за колонной, иеромонах Паисий остается один. Появляется церковный сторож. Заметив монаха в черных одеждах, кивает ему, приняв за своего, за охранника. Уходит и возвращается вскоре.

СТОРОЖ (Паисию). На всю ночь, до утра?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (пожав плечами). Да вот... стою...

СТОРОЖ (подавая ему кусок хлеба, три яблока). Возьми, подкрепишь – и- иссь...

ЭХО (где-то вверху под сводами). ...пись...пись...пись

Черные птицы за окном, встрепенувшись, улетают вслед уходящему Сторожу.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (в сторону). Керры – души умер-

ших... переходят черту... И пойдут потом, полетят: одни – в рай, в райские кущи, другие, вкусив яблока, – в ад... в геенны огненные, стихии огня... Наши пращуры - предки особые скифы – сколоты, выращивали тут, в наших местах, хлеба. И отправляли их туда, на юг, к Геллеспонту – Черемному – Черному, Русскому морю. А уж оттуда, через греческие города – полисы хлеб везли в Грецию, вскормили всю Элладу: Гомера, Эсхила, Платона, Аристотеля, а через них подняли всю европейскую, мировую цивилизацию, - вот какова цена здешнему хлебу, полям, человеку земли!...

И воину, защищающему их.

ГОЛОС АВТОРА.

С ВОСТОКА НА ЗАПАД Северным Причерноморьем, по двенадцать километров в сутки – вслед заходящему Солнцу - двигались несметные стада. Где-то в устье Днестра, по легенде, у скифов был рай, туда и стремились пращуры, где каждый, а не только властители – по пути, защищаясь, мог стать победителем, героем и вознестись на небеса...

Святые воины, идущие по облакам там, южнее, где Керчь, керы – души умерших – бились о скалы, бора – северный ветер топил корабли тех, кто попадал сюда от Колхиды, отправляясь за золотым руном – за добычей, и пропадал где-то в пучине от жадности... Тут, южнее Керчи, у скифов, был ад... Но почему? На месте греческого поселения, еще во времена Гомера, было тут уже княжество, форпост Тьмутаракань – праславянский исток, отдаленный – еще византийской, греческой Веры, а мать городов русских Киев, потом уже, через тысячу лет...

Славного воина – графа Николая Михайловича Каменского, командующего Дунайской армией, отравленного в Кишиневе агентами Наполеона, везли к устью Днестра, в райские кущи. Это он был автором «скифского» плана ведения войны с узурпатором...

Святые воины, идущие по облакам,
Вслед заходящему Солнцу.

И вот везут тело почившего где-то там, в Таганроге, неподалеку от Тамани – Тьмутаракани, самого государя-императора Александра I и, провозя через этот город серединной Руси, устанавлива-

ют гроб тут, в этом храме. Слушок прошел, что во гробе-то тело не государево, а полицмейстера Таганрога, очень сходного телом с царем, а сам Александр, под видом старца, окажется после где-то в Сибири, вблизи Тобола, тогдашней столицы сибирской...

* * *

Иеромонах Паисий переступает с ноги на ногу, выходит из-за колонны, движется к алтарю, перед которым и покоятся святыи мощи Александра Невского – защитника Русской земли.

Темнота вокруг и таинственность.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (в сторону, холодея от страха). Из всех углов лезут керры. Что-то предчувствую нехорошее, что? Да вот же, вот он, гроб с телом государя – императора, рядом с мощами. Как стоял еще тогда, так и стоит, никуда не девается...

Тени ползут из углов храма. Из гроба встает видение – призрак государя-императора Александра I, приближается к святым мощам на возвышении.

ПРИЗРАК ИМПЕРАТОРА (шепча, но так что эхо раздаётся под сводами). Я – Александр и ты – Александр, государи на Неве...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (заслоняя собой святыи мощи). Не приближайся, не подходи. Он – святой, мощи святыи, а ты кто такой?

ЭХО В ХРАМЕ. Кто тако-о-ой? Ой...ой...ой...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Спроси у святыи мощей, кто он такой – Александр Невский!.. А ты...ты?...

ЭХО В ХРАМЕ. Невский, Невский, Невски-и-ий...ский...ский... ски-и-фы-ы... Он – святой, а у тебя – омыты-ы-и...

ПРИЗРАК ИМПЕРАТОРА. Эй, а ты кто такой, кто ты?

В другом углу возникает другой призрак, видение, дух, еще один Александр – это Пушкин, поэт.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (каменя от ужаса). Все три - Александры! В это невозможно поверить... Древний князь - государственная особа и глашатай эфира, эфиоп, потомок Ганнибала...

ЭХО В ХРАМЕ. Прадел – был тринадцатым сыном царя Эфиопии.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (хватаясь за голову). Лунатизм, смешение света и тьмы... Боже! Защити грешного...

ДУХ ПУШКИНА (*указывая на мощи*). Он – святой, он герой по облакам идущий! Сюда к нам – от битвы со шведами на Неве. А с ним и мой предок – Ослабя, из нашего рода. Вот они прямо на колесах по мосткам рвутся с берега в шведские лодьи. И князь Александр под знаменем с мечом и Ослабя, сметая врага, мощной палицей валят шведа в невскую воду...

А что скажет он? (*указывая на гроб и призрак в нем императора Александра*). Скажи нам...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*насторожась*). Молчит.

ЭХО В ХРАМЕ. ...чит ... чит... чет-нечет... черт – не черт... Тогда пусть скажет сыну – душегубу Павел... отец... загубленная душа...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Вон кафедра наверху. И тень на амвоне убиенного отца. Как быстро возникает, чтобы вещать... Глядите, Александр ложится в гроб, не хочет говорить. Нашел поэт управу на царей, пусть скажет Павел...

Иеромонах Паисий подходит ближе к лесенке, ведущей на хоры.

ДУХ ПОЭТА (*останавливая его*). Они творили, им и отвечать.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*лицом к кафедре*). «Скажи мне, чудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?» (*И в сторону*). Глядите-ка, тень Павла I все явственней, резче. Рвется сюда к нам, стоит как перед святыми мощами.

Сцена третья

Там же. Те же. Иеромонах Паисий перед призраком императора Павла I, возникшем почти реально, осязаемо перед ним тут на кафедре, в соборе Михаила - архангела.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в закрытые врата*). Как бы служители не вошли, не застали меня, грешного, в храме, зачем я тут, для чего? А истину узнать даже через века. Вон блики мелькнули по потолку – машина промчалась по улице. Еще блики – это люди прошли с факелом, сейчас войдут и увидят его тут... прости меня, Господи...

Паисий достает из кармана яблоко и начинает есть его жадно, с хрустом. Недоеденное – кладет обратно в карман.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вверх, глядя на призрак Павла I*). Смотрите-ка, тело стало плотное, уже не воздушное, прогляды-

ваемо насквозь. А лицо еще резче, реальнее. Синева какая-то появилась, от удушья подушкой... Смотрите-ка, история человечества развивается витками: все то же, но выше, на другой волне повторения. Так было, так есть и будет... И еще один Александр – самый первый, от которого все: Македонский! Все мы оттуда, «дежа вю», от античности. Вот и отец Александра – Филипп, царь Македонии, предвидя полчища с Востока, создает войско. А если войско, то оно должно воевать, повелевать. Они и убили Филиппа, посадили на трон сына его Александра, и уже Александр повел войско... Так, да?

Иеромонах Паусий взглядывается в императора Павла I, тень императора взглядывается в него. Взгляд убиенного не выдерживает взгляда живого. И, как Косыгин, премьер-министр, когда-то в Парижском аэропорту, сперва просто говорит, потом тянет из кармана бумагу – манускрипт и сперва, поглядывая искоса, а потом, как по нотам, начинает читать по бумажке.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (вслух Паусию). «Вольные каменщики прошли к нам, в Россию, с Запада и захватили сознание. Тайная глобализация: общее к частностям. Так было, так есть и так будет. Вот и я, император, самодержец, попался на эту удочку. И сын мой тоже... И даже Пушкин где-то там, в Кишиневе, слава богу, ненадолго... И вот я тут на три дня и три ночи вместе с мощами. Я знал, предчувствовал это, сидя в своем дворце – Инженерном замке, окруженном водой. Тени мне говорили, что офицеры придут по душу мою от имени сына... Тайные знаки, готика, сообщества тайные: тени, мистики ночи, Бактрия и Соглиана, - все эти исчадия шатают уже нашу веру, державу... Знают, военным путем Россию не взять...

Ну ладно. Возьмемся за главное: за разговор по душам – отца, убиенного сыном. А не отца Императора с Императором - сыном. Впервые за столько лет сатанинской истории! С сыном, как бы в семейном кругу. С чего начать – даже не знаю...

Вот гроб! Вот – сын, зрящий во гробе! Да и сын ли он мне, несчастному отцу, восставшему из гроба, чтобы людям что-то сказать. Но что я слышу от стен? Вообще-то, а это уж не подмененное ль тело? Сын ли это, может, и нет... Ты знал, мой сын Александр, судьбу Александра Великого. Убив Филиппа, воины во главе с Александром пошли на Восток, на самую мощную тог-

да из империй – на персов. И завоевали весь знаемый мир, и вот Александр, сын Филиппа, в Багдаде. Ты знал, мой сын Александр, судьбу Александра Великого: его отравили в Багдаде. История ходит кругами, и факты каждый раз возникают на новом витке повторения... Но ты, мой сын, самодержец российский, так тени говорят, положил в гроб кого-то вместо себя, а сам ушел от судьбы... в люди...

И вот мне предоставлено право судить. Конечно, мы, государи, живем не как все, для нас законы не писаны. Но какие – людские, а божьи?... Ах да, о чем я? О библейских заветах. О заповедях жития. Вот манускрипт. Поэт перевел их, все десять - в стихи. Вот **первая заповедь**.

Призрак Павла I разворачивает свиток.

«Ты есть на Земле, ты рожден Человеком.

Кто Бог тебе, кто – Судия?

Подобно текущим по млечности рекам,
Божественна поступь твоя.

Иди к своему всемогущему Богу,

Держи совесть в лоне своем.

Пройди Человеком такую дорогу,

В такой уходи окоем,

Чтоб Духу Святому не смеркнуться днесь,

А в нем не иссякнуть ключу.

Ступая по падям, храни ту свечу,

Моля во спасенье о хлебе,

Знай, часть того света, возможно, и здесь.

А все остальное – на Небе».

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*переводя глаза со сводов храма на Паисия*). Ты понял, монах, о чем говорит тебе не тень императора, а человек?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*потрясывая губами, всем телом*). Я понял, понял, отец.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. А это вот то, что помогает устоять в суетном мире. **Заповедь третья**.

«Не поминай же Бога всуе.

Для утверждения, без нужды,

Стихии гордые рисуя
И заметая их следы...»
Прорезается Дух Пушкина (начиная читать вслед за императорам).

«Все так. И оттого, напрасной
Обремененный суетой,
Не жди от Неба воли ясной,
Сам на ногах подтверже стой.

Когда б к себе мы были строже,
Взывали реже к небесам,
Покрепче б знали: тут я сам,

А там – возвышенное, божье.
И не роптали бы на Бога,
Что счастья мало, горя много».

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*оживая стихом, к Паисию*). Ну, что, монах,

Проникся словом?
Запечатлелась на устах
Святая божия основа?
Иль не проникся, а, монах?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*крестясь на алтарь, на святые мощи, на призрак во гробе императора Александра*). Проникся я, отец, проникся.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*показывая на гроб императора Александра*). А вот это ты зря. На кого тут, во гробе, молиться? Предвижу в роду цепь кровавых убийств. Все наши потомки будут плохо кончать. Он должен покаяться, но как это сделать, когда его уже нет? Скажи, монах.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*крестясь на мощи*). Вот он – святой он скажет.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*мощам*). Что скажешь, Александр святой?

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (*во гробе зряще*).

Чтобы народ молился за царей,
А не убий, кровищу зря не лей.

Так люди откровенно говорят
И про царей, и про царят.

Сцена четвертая

Там же. Те же.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*иеромонаху Паисию, сворачивая манускрипт*). А это и так, без свитка, помню наизусть.

Заповедь шестая

«Не убий, не убий, не убий!
Ни телесно и ни духовно.
Черный князь, темный свет, страшный вий –
Эти серые, мстящие кровно.
Есть такие, что ставят к стене.
Но такой, что, загнав тебя в угол,
Точит в тайне, страшнее вдвойне, –
Этот серый из черного круга.
Ты в углу, у тебя только Бог –
Твой единственный страж и спаситель.
Чем-то черным обвили обитель.
Кто кого, несшибаемый, с ног?
Ни его, ни других не убий!
Возлюби, и исчезнет твой вий!»

Свернув манускрипт, император Павел I исчезает. Кафедра на хорах пуста. Звенящая тишина. Иеромонах Паисий всматривается в белое пятно на кафедре - на месте государя-императора. Черная птица за окном бьется в стекло. Начинает светать.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*стоя за колонной*). Все трое - властители, все трое – Александры... Александр Македонский, Александр Невский и Александр I - самодержец российский... И еще один Александр – из племени Прометеев.

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Тот «столп», вытесанный из гранита на Дворцовой площади Санкт-Петербурга стоит, ни разу не покачнувшись под собственной тяжестью, а мимо – другие поэты, цари, революции, войны, эпохи.

Цари никогда не любили поэтов,

Поэты всегда не любили царей.

Иеромонах Паисий переступает с ноги на ногу. И шепчет под нос себе, подражая поэтам.

Цари никогда не жалели людей,

Они же идут к ним на поклоненье.

Во имя каких-то... каких-то, каких-то...

Каких же идей?..

Такое, такое,... такое-то... мнение...

Тьфу! Как это сказал Лев Толстой: «Писать стихи – это все равно, что пахать и за сохой танцевать. Это прямо-таки неуважение к слову». И что же ты сам-то - согласен со «львами»? Львы тоже цари, но - зверей... А Павла я просто не узнаю: как он опростился там, перейдя Рубикон. Взывает к Богу, к душе. Надобно умереть, чтобы почувствовать жизнь... оттуда – сюда...

Скрежет металла. Иеромонах вздрагивает: служители открывают врата.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону*). Сейчас поток людской возобновится, как и вчера, рекой потечет.

«Они любить умеют только мертвых»...

Да, так, Александр?

ДУХ ПУШКИНА (*исчезая последним*).

Да-да, да-да,

«И мальчишки кровавые в глазах».

* * *

Мужской монастырь. Келья. Иеромонах Паисий в одиночестве, на своем жестком ложе.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Да много ль мне надо? Съел яблоко – и сыт. А сон?.. Я кто – сова или жаворонок? Всю жизнь прожил, уж что там осталось, но так и не понял, кто я. Поют слова, мол, царь – сова. А монахи нового времени - вчерашние светские люди?...

Появляется Алексей Куницын, друг Паисия, директор областной филармонии, музыкант.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Куда ты пропал? Где был вчера? Кого ни спрошу все пожимают плечами.

ПАИСИЙ (*многозначительно*). Не тех спрашивал.

АЛЕКСЕЙ. А кого бы?

ПАИСИЙ (*пальцем в небо*). Его.

АЛЕКСЕЙ (*живо*). Ты знаешь, о ком я подумал, глядя на святые мощи?

ПАИСИЙ. Ну-ну.

АЛЕКСЕЙ. О Чернявском – баянисте нашего хора. Уж с год прошло, как не стало его, уже позабыли. На купол собора забрался и бросился вниз – зачем, как ты думаешь? Неужто, коли уж было надо, нельзя было к мосту на речку пойти или лечь под поезд? Один поэт все допытывался: да не столько зачем он это сделал, а сколько, зачем именно на купол, на собор Михаила – архангела? Как ты думаешь? Любил высоту, для известности хоть на момент?..

ПАИСИЙ (*отворачиваясь к стене*). Трудно было.

АЛЕКСЕЙ. Ну и что?

ПАИСИЙ. Богу верил, думал - спасет.

АЛЕКСЕЙ. Ну и что!

ПАИСИЙ. Чем жить, прозябая, лучше раз поближе стать к Богу, взлететь – орлом пролететь, а там что Бог даст!

* * *

Полдень. Собор Михаила-архангела. Людской поток неиссякаем: протекает в одни врата, вытекает из других. Иеромонах Паисий включается в движение внутрь храма, к мощам Александра Невского.

Во двор перед храмом въезжают машины. Прибыл Губернатор Недремов. Заметив Паисия, подходит, здоровается с ним за руку.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ (*заметив, Паисия*). Ну и как поживаешь, учитель?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*замявшись*). Видите, монах я теперь, в черной рясе.

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ. Для нашей семьи ты учитель... Дочь учил в школе. Для меня лично учитель истории... Ну, и как, почему в черных одеждах?

ПАИСИЙ. Да так. Что – не знаете?

НЕДРЕМОВ (*с участием*). Что? Не знаю.

ПАИСИЙ. Сан фами, жена пропала. Вот и ушел в монастырь.

НЕДРЕМОВ. Как пропала? Кажется, Устинья Николавна?

ПАИСИЙ (*дрогнувшим голосом*). Ушла и пропала.
 ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ (*приостановясь*). Как это можно... пропасть?

ИЕРОМОНАХ (*перекривившись*). А-а (*махнув рукой*). Да что вы не знаете, как пропадают?

ГУБЕРНАТОР НЕДРЕМОВ. И давно?

ИЕРОМОНАХ. Больше года.

Губернатор подзывает кого-то из свиты, что-то шепчет на ухо.

НЕДРЕМОВ (*Паисию*). Разберемся.

Подает Паисию руку, вместе со свитой проходит вперед – к алтарю, к святым мощам Александра Невского - защитника Русской земли.

Сцена пятая

Там же, в людском потоке, уже внутри храма. Иеромонах Паисий, застыв на момент, смотрит вслед Губернатору.

ПАИСИЙ (*в сторону*). Как будто не знает... про Устинью-то. Все про каждого в области знает, держит все под контролем, а про Устинью не знает, не помнит... Пропала сразу после того, как сходила к нему на прием... Нашли труп женщины... идентификация ничего не дала...

Поклонившись мощам, Губернатор с женой возвращаются обратно, в эти врата. Подходят к Паисию.

ГУБЕРНАТОР (*процаясь за руку*). Помню, конечно, помню. А ты, учитель, держись. И вообще... в черных одеждах... рассчитывать будем на лучшее...

РАДА СЕМЕНОВНА (*подавая Паисию руку*). Конечно, мы о вас помним. Рассчитываем на лучшее.

Губернатор Недремов с женой уходят.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*проводжая их взглядом*). Как у Льва Николаича: ударили по правой щеке, подставь левую? Оба сияют, в белых одеждах. Ваше сиятельство... и наше плебейство...

ЭХО ХРАМА (*возникая над ним*). Монах! Не кощунствуй. Молись и помни, помни и молись.

Как и вчера, коснувшись святых мощей, иеромонах приостанавливается у самого выхода. И, отделяясь от потока людского,

становится за колонну под хорами, улесенки, ведущей под своды, на кафедру.

Среди последних, выходящих из врат, оказывается и дочь Паисия - Наденька. Заметив отца, она бросается к нему с рыданием в голосе.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*отступив на шаг*). Что с тобой, доченька?

НАДЕНЬКА. Вадима убили... на Кавказе... в горячей точке...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*опершись о колонну*). О Господи! Еще и это!

Стоят, обнявшись, какое-то время.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*пролетал над ними*). Вадим – это кто?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Муж вот ее (*показывая на дочь*). С полгода как вышла замуж... Уффф? (*скрипнув зубами*). Что же ты не уберег ее? Зачем же тогда ты витаешь над ними?

НАДЕНЬКА (*рыдая*). Папа... папа...

ПАИСИЙ (*глядя ее по головке*). Иди, иди домой. Я приду, непременно. Жди, моя дорогая, единственная...

Наденька уходит. Иеромонах остается под колонной, где и вчера.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*обращаясь к святым мощам*). О князь Александр! Землю нашу, всю нашу Русь защищаешь, а человека русского, одного - единственного, мужа дочери моей – ее любимого человека пошто ты не защитил? Меня – отца своей дщери – убиваешь, не даешь продыхнуть... О государь-император Александр I, лежащий во гробе, пошто задал тон, построил такую систему, что, Господи, века уж лишашь жизни нас, гробишь нашей детей? Европа нацелена на Восток, а Восток на Европу, и все через нас, серединных, через нашу судьбу...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*возникая*). Если не та тебе, человек, эта ось, то тогда есть другая: Север – Юг, Юг – Север, а все равно - через судьбу...

ЭХО ХРАМА. У...у...у... судьбу-у... о...о...о... ось-сь-сь... -у-у-у...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*оглядываясь*). Храм-то как живет звуками.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ (*наклонясь*). И легендами.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*глядя в окно*). Ветер, что ли, поднимается? Черные птицы бьются опять о стекло?

Возникает видение государя императора Александр I, оно в призрачном гробе. Гроб перед иеромонахом начинает вдруг подниматься, становится стоймя.

ПАИСИЙ. Ты ли это, государь-император Александр I или в образе твоем тело таганрогского полицмейстера? Пошто молчишь? Не хочешь или не можешь со мной, живым, разговаривать?

На верхотуре возникает другое видение: государь-император Павел I, отец, когда-то задушенный подушкой.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Опять ты явился, пришел сюда из небытия?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Не тебе говорю, а сыну. Вот ему (*указывая на гроб, стоящий перед ним стоймя*). Все с него началось. И пойдет по династии морок: одного отравят, другого взорвут, третьего расстреляют вместе с семьей... (*Паисию*). А ты отойди, ты из другого мира, не путай, я ему говорю (*указывая на призрак Александра I во гробе лежащем*). Вот ему говорю о Зле, объявшем Отечество...

Кадриль пошлая, птицы бьются в стекло, пляшут керы – души усопших, тобой усыпленных вместе с Наполеоном в войне, о какой вы договорились прежде на середине Немана – это ты так, Александр, ополчился на меня, твоего отца? Все тебе скажу, вот послушай. И тебе говорю, и другим в назидание.

Существует три принципа. Выбери – что подходит лично тебе.

Делаешь людям пользу (Добро) – получаешь зло. (По теориям «разумного эгоизма», делай каждому то, что ты хочешь от него получить).

Делаешь людям пользу (Добро) – вправе рассчитывать тоже на пользу (себе лично).

И еще. По Конфуцию. Польза другим – себе все во вред. (Так живут только поэты).

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*себе самому, не выдержав*). Ого! (И призраку Павла I). На что сам хоть рассчитываешь?

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*усмехнувшись, указывая на другой призрак – Александра I во гробе стоящем перед ним стоймя*). Его спроси. Добро ему вроде делал, его на свет божий пустил, его, а что получил?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ты же государь, христианин. А жизнь по-христиански – это благо, Добро.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Себе же во зло.

Сцена шестая

Там же. Те же.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*призраку Павла I*). Опять будешь сыну читать мораль? Нашел, где читать. Читать надо тогда, когда класть можно еще поперек лавки. Он уже император, как ты.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ну тогда я еще почитаю, из библейских заветов. Каждому послушать не лишне про житие.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ему-то зачем?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Тебе.

Заповедь пятая

«Чти отца своего, свою мать.
Возрастай под их светлой рукой.
Будь достоин родительской стати –
Приумножить, проводи, упокой.
Чти таких, что дают тебе встать,
Не жалея добра своего.
Чти отца своего, свою мать,
Все мы дети отца одного.
Как откроешь небесные дверцы,
Как с земным свяжешь душу и плоть,
Так тебе и положат на сердце
Твой преломленный хлебный ломоть.
Чти седые, ушедшие были,
Чтобы после и нас не забыли».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

В храме слышатся посторонние звуки: хруст какой-то. Опять идет этот сторож церковный. Тот, который вчера давал ему яблоко. Идет и хрустит, так что в стенах отдается. Жизнь бьет ключом, когда уже рассвело и пора уходить. Хруст яблока напоминает о доме, дочери. Страх за нее как вломился в грудь монарху, так и сидит, никуда не девается. Даже тут в божьем храме – перед ликом Христовым, перед алтарем. Какой гнусный он в нем, этот нечеловеческий страх.

Мужской монастырь. Келья иеромонаха. Сам Паисий на голом топчане, в грубых резиновых сапогах, обрезанных по щиколотку. Под образом Николая-угодника едва светится лампадка.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (сам себе). Привратник приходил, сказал: дочь была – Наденька, спрашивала меня. Даже он заметил: сама не своя. Мать для нее была все: Устинья Николаевна, тоже учительница... Только ей и доверяла дочь сердечные тайны. Все, бывало, шепчутся, шепчутся. И когда мать пропала, а я с горя запил... потом взял и ушел сюда, в монастырь. Для Наденьки таким единственным, угодником стал этот Коля... а теперь нет и Коли...

Паисий трогает двумя пальцами слабенький фитилек, заставляя лампадку гореть поярче. Паисий встает и крестится в угол.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (Николаю-угоднику). Без тебя, как без рук. Люди жестоки, заняты только собой (Светильнику). А ты тлеешь вот, святисься, даешь надежду... Помогите, боже, Наденьке – дщери моей в этой жизни, горе дай перемогти, и дальше пойти дорогой любви...

Забыл и дорогу домой. Только и знаю, что хожу сюда, в свою келью. Молюсь за всех страждущих и болящих. Думалось, что нас-то хоть, нашу семью обойдут эти горести, а не обнесло, зацепило. И за что хоть? Угодник, прошу тебе: помоги Наденьке – дщери моей, она молодая, не успела еще нагрешить, отведи от нее черные, жестокосердные силы...

Устинья Николаевна! Моя дорогая, родная, явись, подсоби! Усовести Николая-угодника, ну что ему стоит повернуться ликом своим святым к нашей дщери?..

Дверь кельи распахивается ветром, появляется тень – это Устинья, его жена, пропавшая в прошлом году.

ПАИСИЙ. Устюша? Господи, наконец-то! Даже не верится.

Тень Устиньи Николаевны молча стоит на пороге. Молча слушает его. Колыхнув воздух, молча уходит, порога не переступив.

ПАИСИЙ (в сторону). О чем заставляют думать: о дщери. О своей и о губернаторской. Если бы не она, не были бы мы так несчастны. Власти никогда не жалеют людей. Ни в военной, ни в мирной стихии. Когда Екатерине доложили, сколько солдат погибло при взятии турецкого Рущука, императрица сказала: «Ни-

чего-ничего, русские бабы еще нарожают». Русские роты, батальоны, полки, даже целые армии посылались в войну – на убой. И вот я молюсь теперь тут за всех убиенных невинно. Познав историю, ушел в монастырь, чтобы молиться за всех... не только невинных, но даже и грешных... Но покамест душа на святые мощи молится, а за него (*показывая на гроб стоямя Александра I*) - нет.

А что Павел I? Создал образцовую армию, муштровал в Гатчине, гонял по плацу. Но армия, если она существует, должна воевать. И она, как когда-то ... Филиппа, убила его. И сын повел полки на персов... Но почему один Александр велик, а за другого душа молиться не хочет?...

Вот манускрипт в руках - душа отца убиенного императора Павла I. Вот первая ночь, речь с кафедры... Судить царей могут только Боги. А человека - цари, наследная власть? А Власть от человека, от людей? Президенты, губернаторы, воеводы – часто двойные стандарты. И тут одна правда – по законам, которые пишут для всех, по-божески. Другая – своя, маленькая, греховенькая, чтобы усидеть, дожить до рассвета.

В таких пределах мы и живем: рождаемся и пропадаем. Одни – властители, другие – «зомби». Да здравствуют «зомби», да здравствуем мы, все дело – в свободе и хлебе, а все остальное – на небе...

Выглянув за дверь, иеромонах затворяет ее поплотнее. Оглядевшись, достает из-под своего топчана книгу.

ПАИСИЙ (*Николаю-угоднику*). Слушай! (*читает*). Николай Федоров. «Философия общего дела». Воскресение через Веру, очищение через Господа-Бога.

Сцена седьмая

Там же. Паисий сидит под лампадкой с желтеньким лисьим хвостом. Под угодником, исполнителем всяческих богоугодных дел.

Стук в дверь.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Кто там?

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Почтальон Печкин.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЯ (*открывая*). А, это ты, Алексей, друг мой, божий ты человек.

Входит Алексей Куницын – друг детства Паусия, директор филармонии.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*вздыхнув глубоко*). Пришел вот выразить сожаление.

ПАИСИЙ. По какому поводу: по тому еще или уже по другому?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*вздыхнув еще глубже*). По-третьему.

ПАИСИЙ. Типун тебе на язык. Ты что – провидец?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Дочь береги. Перестала ходить на репетиции, арфу забросила. А ты все же отец, повоздействуй.

ПАИСИЙ (*сметая полую рясу с голого топчана*). Садись, поговорим.

Достает книгу из-под полы, протягивает Алексею.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А-а, Николай Федоров – друг Льва Толстого. Главная мысль – о бессмертии, без Гомера не было бы ничего.

ПАИСИЙ. Что конкретно – его «Одиссея», развитие по спирали?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Самая прекрасная легенда у человечества – от скифов, наших далеких предков. Помнишь, царь Одиссей у Гомера после Троянской войны должен был отправиться в новое путешествие? Чтобы достойно быть похороненным в земле родимой Итаки. И куда, думаю? А в земли, где бы весло в его руках приняли бы за лопату. То есть туда, где выращивали хлеб. И куда именно? А сюда к нам, в Белую Скифию, к скифам-сколотам, хлеборобам. А попутно он и слышит от пращуров наших - скифов миф о бессмертии, легенду прекрасную...

Века за веками, волна за волной шли племена по степям – от Урала по Северному Причерноморью - по двенадцать километров в сутки вслед заходящему Солнцу. Шли они со всеми своими стадами по ковылям... на небо, в рай, за бессмертием... Помнишь, Паисий, мы зачитывались этим в детстве... Где в устье Днестра был рай у скифов. Здесь герои, а не только цари, уходили на небо, в бессмертие... люди, идущие по облакам...

ПАИСИЙ. «Вот что написано у Федорова? Он прежде всего придумывает нравственные предпосылки бессмертия. Главное для него – пробудить любовь к отцам, сознание нравственного долга сынов перед ними»...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*иронично*). А сам ведь был внебрачным сыном князя Гагарина, оставившего его на произвол судьбы...

ПАИСИЙ (*продолжаю читать*) «... рождение есть принятие, взятие жизни от отца, т.е. лишение отцов жизни, - откуда и возникает долг воскрешения отцов, который и дает бессмертие».

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Что ж, по-твоему, это естественно сынам отправлять отцов на тот свет, чтобы самим становиться бессмертными?

ПАИСИЙ. Так в природе вещей: весной рождаются, осенью умирают.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А у людей?

ПАИСИЙ (*несколько замаявшись*). У простых людей, может, и так.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А не у простых? Например, у царей?

Паисий встает и решительно начинает ходить по келье: три шага вперед – два шага назад. Берет у Куницына книгу и сует назад себе под подушку.

ПАИСИЙ (*уверенно*). Только не у царей.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Почему?

ПАИСИЙ. Приходи завтра в храм Михаила-архангела, останься на ночку со мной – там увидишь.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Что, монах, охраняешь мощи?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*односложно*). Приходи.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. И что увижу?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А всех сразу: отца и сына, и святого духа... Как ты думаешь, император Павел I как человек ничего, тебе нравится?.. А сын его Александр?..

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А, оба вольные каменщики. Я вообще-то не монархист, особа, приближенная к республиканскому образу мышления.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А все же. Александр участвовал в заговоре против отца.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Земля мыслится «как кладбище всех погребенных поколений». А Федоров мыслит воскрешение все умерших на земле через любовь... Воскрешение отцов через любовь деток, их сыновей. Представляешь, что может быть, если это случится?..

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вспыхнув*). Приходи завтра в храм! Услышишь, что скажет с кафедры император.

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Ты это всерьез? Или так, крыша поехала?

ПАИСИЙ. Вчера ночная фантастика, завтра – реалии дня.

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Друг мой! Монах! Так есть, в конце концов, Бог или нет?

ПАИСИЙ. Речь о другом. Две ночи отец читал манускрипт сыну. И стены, возможно, это записали навечно. Могут и воспроизвести. Если их, конечно, хорошенько попросят.

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Два атеиста! Никак не разберемся в одном: в идее бессмертия. Это божественная идея, бессмертие тут не при чем. Еще у греков античных было.

ПАИСИЙ. Между прочим, что у Велимира Хлебникова сказано о «двойниках»?

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. А что ты имеешь в виду?

ПАИСИЙ. Циклы в 365 лет. Как у Земли, так и у Человека. Впереди-сзади у нас «двойники».

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН (засмеявшись). А-а, вот ты про что. Один поэт начинал с Хлебникова. Стал искать, есть у него «двойники»? В Италии, Франции, Англии, России... все перерыл – нет у него никого. «Тьфу, бездарь!» - думает он про себя.

А нашел где, по-твоему? В Бельгии, среди художников. Ян Брейгель - старший... И написались тогда тем поэтом такие стихи...

ПАИСИЙ. Твои, что ли, под псевдонимом?

АНАТОЛИЙ КУНИЦЫН. Такие! Стихи!

ПАИСИЙ. Завтра прочитаешь. Во храме.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена вторая

Храм Михаила-архангела. Третий день пребывания святых мощей Александра Невского в городе. Между тем, поток людской не иссякнет. Приезжают даже из других городов. Появляются иеромонах Паисий в неизменной своей старенькой рясе и Алексей Куницын, друг его – музыкант, в новеньком, тоже черном, костюмчике.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*удивясь девушке с явно монгольским обликом*). А ты тут чего?

Девушка, хмыкнув, молчит.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*Куницыну, недовольно*). Что ты к ней пристаешь? Пришла, значит, надо так. Ну, читай.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. «Двойников»? Так, читаем.

«Надо мною проплывают облака,
 Это длится уже годы и века.
 Жил когда-то Брейгель-старший,
 Я – братишка его младший,
 Я – двойник его, на мне его рука.
 Наши годы коротки и велики.
 Я узнал, что существуют двойники.
 В той же Бельгии когда-то
 Жил художник, вроде я там
 Делал маслом свои первые мазки.
 Надо мною проплывают облака,
 Воплощаются в меня мои века.
 Я пою, а Брейгель-старший
 Мне нашептывает марши,
 Все слова живописует свысока.
 Хорошо, что существуют двойники.
 Поживем, хотя и годы коротки.
 Где ты мой, братишка младший?
 На сонет мой, чуть увядший,
 Ты положишь свои свежие венки».

Пауза.

ПАИСИЙ. Твои? Надо думать, твои. С двойным дном.

Конец дня. Поток людской иссякает. Рассматривая частично сохранившуюся роспись по стенам храма, иеромонах Паисий и Алексей Куницын садятся на скамью возле задней стены. Поток иссякает, врата затворяются. Паисий и Алексей укрываются за строительные леса.

Тишина. Где-то капает капля. Появляется церковный сторож. Идет, хрустит на весь храм яблоком. Подходит к возвышению со святыми мощами. Перекрестившись, перестает жевать, уходит. Гнетущая тишина.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*Паусию, шепотом*). Ну, и где твои императоры?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*дрожа всем телом*). Скоро увидишь. Подходят к святым мощам, крестятся. Придвигаются к лешенке, ведущей на хоры, к кафедре.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*нетерпеливо*). Ну, где же, где они?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А вот.

Показывая на мощи, рядом с ними на табурет.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Где, где?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ, Да вот, на табурете. Видишь? Гро-о-о...о...о...

ЭХО В ХРАМЕ, ...о-о-ппп... о-о-о-ппп...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*Дрожа всем телом*). Вижу, вижу-у-у... Гроб с телом государя-императора Александра I... А Павел I где?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*указывая вверх, на кафедру*). Да вон на амвоне, видишь?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Не слышу.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А еще божий человек, называется. А ничего не видишь, не слышишь во храме Господнем.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А где же еще?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*Переставая дрожать*). Холодно, что ли? (*Раздраженно*) А теперь-то хоть видишь?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Теперь-то? Вижу. Гроб на табурете, возле мощей. А в нем кто-то есть, кажется, император...

ПАИСИЙ. Александр I?

АЛЕКСЕЙ. Александр I. (*Оживясь*). Ну да, Александр I – государь-император... А Павел I где?

ПАИСИЙ. А Павел I, где хоры, на кафедре, видишь?

АЛЕКСЕЙ. И Павла I вижу, вижу.

ПАИСИЙ. И что Павел I делает?

АЛЕКСЕЙ. Держит свиток какой-то, манускрипт. И что он говорит?

ПАИСИЙ. Не говорит, а читает. Сейчас будет читать... Ну слышишь? Что слышишь?..

АЛЕКСЕЙ. Капля капает. Капля где-то и камень долбит.

ПАИСИЙ (*вовсе тихо, едва слышимо*). Это вот – дальше, за каплей. Пианисси-мо-о, слышишь?

АЛЕКСЕЙ. Пианиссимо слышу. Музыка слов... небесные сферы...

ПАИСИЙ (*удовлетворенно*). Ну вот. А еще говорил, что отец у тебя атеист.

АЛЕКСЕЙ (*поправляя*). Дед, дед был «воинствующий атеист». Общество было такое, сбрасывали колокола.

ПАИСИЙ. А ты музыкант?

АЛЕКСЕЙ. Музыкант.

ПАИСИЙ. Да еще крестился недавно.

АЛЕКСЕЙ. Когда стало можно. (*Затаенно*). Да, слышу, слышу... музыка сфер...

ПАИСИЙ. И гроб встает стоймя.

АЛЕКСЕЙ (*следом*). И гроб встает.

ПАИСИЙ. И свиток дрожит в руках императора.

АЛЕКСЕЙ. Манускрипт.

ПАИСИЙ. Ну да. Манускрипт, манускрипт... Ну вот ты и готов к восприятию духа...

АЛЕКСЕЙ. К восприятию мира.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вздыхнув реально*). Сейчас отец с сыном будут выяснять отношения.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*все так же, в сомнамбулическом трансе*). А мы послушаем их через поколения, через века-а...

ЭХО ХРАМА. ...а...а...а... века- ... а... а... а...

Гроб с государем-императором Александром I, покачнувшись, принимает и вовсе вертикальное положение. И тихий, слабый голос из гроба.

ГОЛОС ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*туда к хорам, отцу Павлу I*). А почему мы здесь выясняем? Что – нельзя выяснить у себя там, в соборе Петропавловской крепости?

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*кивнув на Паисия и Алексея, стоящих под хорами*). Да вон они так хотят, свидетели эпохи.

ПАИСИЙ (*Алексею*). Ты так, что ли, хочешь?

АЛЕКСЕЙ (*дрожа всем телом*). Н-нет, я н-не хочу...

ПАИСИЙ (*решительно*). А я хочу –у-у!

ЭХО ХРАМА (*недовольно*). ...у...у...у...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Черные птицы бьются крылом о стекло. Души усопших – керы слетаются, чтобы все слышать, все знать,

все в том и этом мире осознавать. Слышите, капля капает? Это вода. А жизнь через воду, а с ней и через человека, его проявленья ходит туда - сюда, через поколения и эпохи.

Сцена третья

Там же. Те же. Паусий с другом своим Алексеем. Замерев, стоят они в храме перед призраками двух императоров-самодержцев всероссийских, перед отцом и сыном – Павлом I и Александром I. Один внизу, во гробе стоямя, другой вверх, на кафедре перед ними.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*с четким, ясным лицом – сыну сюда, во гробе стоящему*). Ты убил меня с офицерами! Ты участвовал в заговоре против отца! Покрыл позором династию, и как ты думаешь отвечать за содеянное перед Временем?

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*с неясным, размытым лицом – отцу туда, в хоры*). Я ответил уже... ушел с трона, покинул его вместе с жизнью... Я не Власть уже, я – Никто.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ты ушел воровски, не отрекшись. Грех великий лежит на тебе. После тебя, я предвижу, все цари станут уходить неестественной смертью... Николая I после Крымской войны, скорее всего, отравят («Скажите ему, чтобы они ружья свои не чистили кирпичом»), Александра II – Освободителя бомбой на куски разорвут («Скажите им, что «черный передел» землю не переделает»). Александр III сам от излишеств, скорее всего, уйдет. («Скажите ему, чтобы пузырь не совал за ботфорты, увидев императрицу»). Николая II расстреляют вместе с семьей («Скажите им всем, что все это, в конце концов, отольется России слезками – миллионами жизней, распадом империи»)...

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*качаясь во гробе, как маятник, туда-сюда, то в тот мир, то в этот*). Я, что ли, виноват, что Грузия всему миру явит тиранов – одного и другого?

ПРИЗРАК ПАВЕЛ I (*раскатывая манускрипт сверху донизу, до самого полу*). Все с тебя и началось. С греха твоего первородного. Вот читаю.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I. Стихами?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Послание вольных каменщиков, зашифрованное поколениям... И азь воздам... Боги тщания требуют че-

рез очищение, а очищение – через любовь. Очищение любовью невинной души. Кто возьмет на себя наши грехи?.. Вот записано:

«И азъ воздам грехам твоим соразмерно»...

Однако! Блаженны те, кто, претерпев гоненья,

И, путь торя, свой беззаветный путь,

Не потеряли радости, горенья,

Кому любовь еще вздымает грудь.

На смерть готов, но смерть одолевашь.

Готов страдать, давая жизнь другим.

Так сам себе, свой крест и понимаешь.

Стоишь за Правду, можешь и моги!

Останься благ в кипящих сонмах зла!

Останься светел во грядущей тьме!

Идешь босым по терниям, кроме –

Кровь по следам твоим еще тепла...

И подвиг твой, твой дом, который будет,

Признают, наконец-то, люди!»

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*расхохотавшись во гробе*). И ты, отец, идешь босым в «кипящих сонмах зла»? Ты светел («во грядущей тьме»? Эти слова для простых смертных, а не для нас, царей. Мы – власть, мы – грешники и должны за содеянное терпеть, кипеть в сонмах, мучиться за других, пока существует Вселенная...

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ты таков! Ты не готов страдать, давая жизнь другим. И крест свой не готов нести.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I. Чего ж ты хочешь от меня?

СВЯТЫЕ МОЩИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (*оживая рядом, на возвышении*).

Что проклято людьми,

То проклято и Небом.

И люди проклянут тебя.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I (*растерянно*). Но кто меня судит?

Кто обо мне что знает?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вмешиваясь*). «Есть грозный судия, наперсники разврата!»

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*перебивая его*). За – Пушкина? И что – обоих на одну доску?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Они – властители, они обои грешны. АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*решительно*). Ну нет! Я не согласен. Сын согрешил, против отца пошел – свершил переворот... «революсьон» сподобил... а я, отец, за сына отвечаю?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Отец за сына отвечает. Отец! За то, что сын убил его. И тем пресек связь поколений...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Мы что-то гнем не то, живые. Вмешались вдруг, в стихах заговорили.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Трагедия. Как будто у Шекспира Гамлет. Там братец посягнул на брата, а тут прообраз воин гражданских – братоубийственных по сути. Семейные дела: сынок убил отца...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Ну нет, я не согласен. В простой семье, у нас, у смертных – да. А тут – цари! И даже императоры! Не плотником уж – каменщиком пахнет... Давай-ка спросим у героя (*показывая на мощи Александра Невского*). Он тоже с берегов Невы. Хоть раньше в поколеньях жил, а чтут.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Святые мощи! Александр Святой! Мне тяжело, я не живу как будто, а все страдаю, тшусь. Ушел в монахи, а все покоя нет... Жена исчезла, власть переменялась. И дочь не как у всех – невинная душа... индиго, говорят... придумали ж такое... Скажи, святой! (*обращаясь к мощам*). Как жить, что делать дальше? Во храм пришел тайком, как вор какой-то, преступник. А все за тем, чтобы царей спросить, ответить на вопрос, чтоб Боги подсказали...

А тут цари сражаются друг с другом...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Спроси у Губернатора получше, твою семью он знает. И человек практичный, губернию ведет он хорошо.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Вести-то он ведет, да только вот куда. (*И сам же себя одергивая*). Чего «куда»? Я против власти не иду. Куда нам до властей?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А до царей? Воззвал же вот царей уж мертвых – отца и сына. И заставляешь раскрываться перед людьми и временем живых.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Перед Богами, а они бессмертны. Не путай, божий человек. Цари далеко, бригадиры близко... Ну я пошел. А ты тут оставайся.

Сцена четвертая

Там же, во храме. Иеромонах Паисий остается один.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*призракам*). Чур, чур! И вы уйдите. Всю душу истерзали за ночь мне.

Переходя к иконе Божьей Матери.

Богородица! Заступница моя!.. Я редко обращаюсь к тебе, не надоедаю. Но час пришел, к тебе я припадаю... Вчера мне дочь – последняя кровинка – показалась страшной. Зашел домой и не узнал ее. И тянется ко мне руками, все упрекает вроде: куда ушла мать да куда исчезла? Ты виноват, отец... Скрываешь что-то, а чего и сам не знаешь. Дело-то человеческое – наше, семейное... И тут еще любимый мой погиб там где-то на Кавказе, лежит, а это уже сверх меры. Не человекьи силы это, темные, сверхсилы. Я вижу там кого-то, как в полусне, в шерсти – бараньей шапке, а тут в папахе... Папаха, папаха, папаша...

И тут Наденька руками замахала, забормотала, что-то как бы освобождаясь от сил откуда-то на нее поднасевших, в меня же страх вошел и вот не покидает... И монастырь не помогает, монашій постриг... и горе... индиго-дети... все в слова играем... Надеялся, дочь перерастет, пройдет сквозь времечко невинная душа. А вот и не проходит...

О, Матерь Божья! Богородица, заступница наша. К тебе, под крышу твою пришел, а ты все не являешься, молчишь. Зато вот эти императоры словоохотливы! Творцы! Да сразу двое: отец и сын, какой же из них грешнее? Все делят власть и там уж, за чертой. Тут этот мир никак не переделят. Им не до нас, таких вот, сырых, как дочь моя, как все мы. Кому подумать о нас, Матерь, кроме тебя да сына твоего? Вот к вам, особенно к тебе, и припадаю, поскольку сам Он занят всем народом, всем человечеством. Молю, прошу тебя, мать наша, мать божья, беду от душ детей невинных отведи... Изю всего, что вижу тут во храме, она важнее мне всего – моя Надежда, Вера... Пошел вот в монастырь, чтобы молиться, готов и в ад спуститься... тут дело совести, когда душе чего-то не хватает...

ЭХО ВО ХРАМЕ. е... э... э... грешил и ты, греховное в тебе-е...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*возвращаясь назад, под кафедру к*

призракам императоров). Все в людях ищите грехи, в народе. Народ вам все громоотвод...

Звук монотонный, и капля за каплей тюк-тюк.

ПАИСИЙ. Дождь на улице, а крыша течет. Капля живая, как жизнь туда - сюда. Славно это у человечества – идея бессмертия. Вперед, Россия, через интуицию, через науку вперед! Да императоры – младенцы в сравненьи с нами! Ну балы устраивали, ну купались в шампанском, чего стоит один только Администратор города, человек из народа. Как он удовлетворяет свои мирские, свои эгоистические интересы: и самолет наготове всегда куда-нибудь в Мальту, и «лимонаы» в швейцарской баночке, и родичи по злачным местам...

Себе все достоянья науки, здоровье, а тебе дети-индиго, дисгармония чувств. Нам – нравственный долг, земная любовь, а им – все из мистерий благ...

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*возникая опять-таки со своим манускриптом – длинным свитком своих высказываний, цитат и программ*). Итак ты опять докатишься, до французской крамолы, аннексий и сатисфакций... как вольные каменщики... ревнители крамов... спасители человечества...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Что ж - власть у нас тут так уж опрощена, обезбожена? А как у них там в Парижах? Так ли уж человек у них весь в божественном ореоле, в арийскости чувств, но без совести и любви... смешиваясь, красота спасет мир...

ЭХО В ХРАМЕ. Спасла бы, кабы была не зла... демоны... лемоны... демоны...

Иеромонах утирает со лба испарину.

ПАИСИЙ. И Наденьку вижу с каким-то черным, и сама с черно-белыми крыльями. И сюда ко мне тянет руки, Господи – эти аспиды, да что же это такое? Надя, Наденька, на что это похоже? Они «захватили» тебя, эти слепые силы природы, и ты переходишь черту... Боги, не дайте ей переступить.

Появляется церковный сторож. Достает из кармана яблоко. На сей раз сторож не видит Паисия. Откусив с хрустом яблоко, он проходит мимо, едва не задев плечом и его, Паисия, и государя-императора Александра в его домовине стоймя.

Перед мощами церковный сторож приостанавливается, кланяясь в пояс, осеняет себя крестным знамением.

СТОРОЖ (*бормоча*). Свят, свят, свят... Когда же придет хоть свет божий, прольется настоящий рассвет?

Иеромонах Паисий осторожно уходит в тень, за колонну под кафедрой. с которой все еще свешивается вниз сюда, как специально для него, манускрипт императора – длинный свиток изречений, стихов, тайных знаков, искаженных провидений и предвидений, положенных на барабан пергамента из тугой бычьей кожи.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в страхе расширив глаза в ритм падающей капли за каплей*). Надя, Наденька, не иди сюда, не переступай. Здесь все уже не такое, как было... Все там уже или почти все там... А ты еще молодая, не надо...

Паисий бьется лбом о колонну, постепенно приходит в себя.

ПАИСИЙ. Что это я? Крыша, что ли, поехала? Все ночь тут, в храме, сам по себе. Или силы откуда-то давят – чужие... Надо вспомнить что-нибудь светлое, чистенькое, из детства...

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.
Ну вот, и что дальше? Приехал мужичок,
Срубил он нашу елочку
Под самый корешок.

О, Господи, Матерь Божья, Богородица – заступница наша! За чем, он срубил? Зачем ты дала мужичку тому срубить эту нашу с Наденькой зеленую елочку? Зачем детство человечеству перерубила ты пополам... по полям... елочка, елочка. Зачем срубили тебя эти изверги, черные силы, острые, как топоры?..

Паисий падает на пол храма и начинает скрестись по нему руками, разбросанными по сторонам.

Елочка, елочка! Америка и Европа. В Южной Осетии фатум Свободы, а в Кутаиси ливни смывают дома... И Наденькин мальчик в погонах лежит в потоке с двуглавого Эльбрусе, который несет его на тот свет. А Наденька идет по тому потоку сюда к нам, в храм этот божий, чтобы учиться любви тут уже за чертой...

Сцена пятая

Там же, в храме. Иеромонах Паисий. Призраки исчезли, оставив его в одиночестве.

ПАИСИЙ (*гулко, на все помещения*). Павел Петрович! Государь-император!... Тишина. Не откликается... Александр Палыч! Государь – император! Тоже не отвечает... Покинули землю обетованную, ушли, скорее всего, на небо. Цари ведь – и святые, и грешные – ходят по облакам... Устинья Николаевна! Устинья – жена моя! Откликнись. Ты меня слышишь? И она не откликается...

Появляется церковный сторож. Замечая его, подходит ближе.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*узнав его*). А, это ты, Паисий, ты звал меня, черный монах?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Звал, но не тебя, а Устинью, Устинью Николавну – жену свою.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Ты чернец, в черной рясе, какая тебе жена? Так что, она не является?

ПАИСИЙ. Нет, не является.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Ну вот, видишь, не является. А если бы была не жива, то явилась бы. Призраком. Значит, жива. Живет где-то, может, даже и припеваючи, а ты тут страдай.

ПАИСИЙ. Как это где-то жива? Быть того не может. Пропала, исчезла, из бытия, значит, уже не жива.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Жива, жива. Коли на вечный зов не является. Всяко, брат мой, бывает... Мать одна сына с Чечени ждала. Ходила в храм и ходила, молилась, молилась и – отмолила. Явился сыночек намедни уже откуда-то из Иордании, – живой. Но уже другой веры – не нашей, не православной, а иорданской. Там, говорят, в черный камень верят, а не в человека, не в белые облака (*Паисию*). Слышишь?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Что – слышать-то? Всяко разное?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Значит, не слышишь. А я вот слышу. Откуда-то исподнизу сначала, а потом переходит наверх.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Что слышишь-то – голоса?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Зачем голоса? Не голоса, а «варган».

ПАИСИЙ. Орган? Музыка такая существует в католических храмах. А тут быть не может.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Ну, значит, арфа.

ПАИСИЙ. Откуда ты все это знаешь? Про орган и про арфу?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Давно сторожу. Еще, царство им небесное, при атеистах. Филармония хотела «варган» тут устроить, подвал уж копали под раздевалку. Директор сюда все ходил, он тут всем про это рассказывал. Пока крыша не поехала...

ПАИСИЙ. У кого, у директора?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*прикладывая пальцы к губам*). Тихо, тихо... Зачем у директора, у большого начальника. Он «варган» тот и отменил. Арфу поставили. Чтобы, как ветер подует, было слышать.

ПАИСИЙ. Эолову арфу?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Зачем Эолову – нашу, из Губернаторского оркестра, которым Репка руководит.

ПАИСИЙ (*не выдержав*). Ух, какой ты грамотный! Все про музыку знаешь.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Слышу все я, слышу. Музыка еще не родилась, только будет, а я ее уже слышу. «Варган» слышу снизу, как бы из подвала, где землю копали, а арфу – сверху, с небес... Ну, слышишь?..

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Чего слышать-то – «варган» или арфу?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*махнув рукой*). А-а, опять «телефонный» попался... Ну, я пошел... Да, а ты тут что – при святых мощах состоишь?

ПАИСИЙ. Да вот, состою.

Церковный сторож уходит и уносит с собой его одиночество.

ПАИСИЙ. Хорошо бы собаку купить, думаю.

ГОЛОС АВТОРА. И начинает слышаться ему что-то свыше, откуда-то с колокольни, из туч, поднасевших на храм, – визг какой-то собачий, зубовный скрежет, а между ними арфа звучит – нежно, нежно.... Наденька, что ли, играет? Кому же еще? Она одна в оркестре играет на таком инструменте...

Надя, Наденька, не иди сюда, там играй, не заходи за черту... вот она – возникает перед моими глазами, вся в белом, с белой арфой, с белыми-белыми звуками. А черные звуки исходят откуда-то снизу, там где-то гудит этот черный «варган». Что это я – совсем офонарел, что ли? Как церковный сторож слышу все и соображаю? Что играют – Баха скорее всего или, может, Бет-

ховена? Как в Домском соборе в Риге, где были мы однажды с Надеждой...

Черные птицы начинают биться в окно, насели черные тучи, мечутся по небу, как у Жака Превера, грызутся между собой, как собаки. А карьерный рост? Караван кораблей идет в Марсель через бедствия, через войну и страдания – так оно, Барбара... И вот эта Луна, и луч из нее по окнам, «Патетическая соната»... Одиссей в Белой Скифии... и князь Колаксар на телеге реет под облаками...

Наденька, не обрекай себя на мученья своим музыкальным талантом, не играй в ореоле страданий и сострадания. Твоя мама жива, так говорят манускрипты, и люди верят им или не верят, как знают...

Светает. Иеромонах Паисий видит яблоко на полу, его оставил ему, скорее всего, этот сторож церковный – душа человеческая.

ПАИСИЙ (*многошумно вонзая острые зубы в яблоко*). Надо идти в реализм, не то в самом деле, крыша поедет. Кому нужна будет дочь твоя Наденька, а также вся ее белая арфа и аспид этот - многострадальный «варган»?

Сцена шестая

Филармония. Кабинет с портретом. В нем двое: Алексей Куницын – директор и Паисий – монах.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Про орган, небось, уже забыл? Про то, что филармоническое общество органный зал хотело открыть в соборе Михаила-архангела? Сидишь под портретом, а это уж выветрилось из памяти.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Нет, почему же выветрилось? Видишь, дверь напротив? Пригласили из Риги, даже квартиру выбил ему...

ПАИСИЙ. Ну, и что?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Боги не дали. Копать стали, подвал делать под раздевалку – стенки поехали. Вместе с крышей, кабы собор в Пизанскую башню не превратился.

ПАИСИЙ. А органист? В Ригу вернулся?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Вишь дверь? Зав. музчастью. А орган на складе валяется.

Пауза.

ПАИСИЙ (*опасливо оглядевшись вокруг*). Японской аппарату-

рой тебя еще не заплели?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Монах! Ты что это – кабинету не доверяешь или мне лично? Говори, не стесняйся, друг детства.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Кнопку все-таки выключи. Или перейдем, в другую комнату?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Ну давай, если так уж важно, сов. секретно.

Переходят в другое место. Тут у Куницына комната отдыха: диван, столик чайным сервизом, электрический самовар.

АЛЕКСЕЙ (*лукаво, пальчиком*). Хитер монах. Потянуло на чай с огурцами?

ПАИСИЙ. Давно уж не пью - ничего, кроме воды из монастырской скважины... Так про что я: про Устюшу -- жену мою Устинью Николавну. Пропала вроде, а сверху показывает: вроде жива.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*оживляясь*). Откуда данные? Кто сказал?

ПАИСИЙ (*нервно катая по столу хлебный шарик*). Да так. Призраки, понимаешь, в храме предсказывают.

АЛЕКСЕЙ (*вглядываясь в него тщательно*). Развелось шарлатанов. А так привидения в моду входят.

ПАИСИЙ. Призракам верю. Они по подкорке бродят, как в собственном доме.

АЛЕКСЕЙ, Ух, друг детства, какой впечатлительный!

ПАИСИЙ (*пожав плечами*). Я же монах.

АЛЕКСЕЙ. А я – музыкант, ну и что?.. Хотя всяко, конечно, бывает. Экстрасенсы, ясновидцы, предсказатели... Лично я люблю параллели, параллельные факты из жизни, очень даже помогает сконцентрировать мысль. Вот хотя бы такое. В соседнем регионе, тоже у директора филармонии, жена однажды куда-то делась...

ПАИСИЙ. Что тебе иголка, что ль, в сене?

АЛЕКСЕЙ. Не иголка, естественно. А куда-то девалась. Исчезла, как сон. как утренний туман. Как это бывает иногда у нашего брата – артиста бродячего или у моряков дальнего плавания. Пока плаваем по морьям-окиянам, по гастролям разъезжаем, жены наши ориентиры меняют.

ПАИСИЙ. Ты мою Устинью-то знаешь. Не иголка, но и не кукла в чьих-то лапах.

АЛЕКСЕЙ. Всяко бывает в бальзаковском возрасте. А бальза-

ковский возраст может и подтянуться... В общем, откровенно скажу: нашел тот директор жену. И, знаешь где, – в Калининграде! С кадром одним – механиком дальнего плавания. Вдвоем сели на одну мель... Жуть! Янтарный край, янтаря сколько хошь. Бери, на шею навешивай. Броши, ожерелья всякие стал моряк этот вытаскивать да через друзей на кораблях по всему миру распихивать.

ПАИСИЙ. Ну, а зачем жену-то чужую взял?

АЛЕКСЕЙ. Сейчас мы чайку сварганим. Посидим, погутарим. А то и слово некогда молвить. И некому, откровенно сказать...

ПАИСИЙ. Ну, и чем он взял-то ее?

Алексей разливает чаек, ставит на стол печенье, вишневое варенье.

АЛЕКСЕЙ. Во пачечка – цейлонский чаек. От Сиримаво Бандаранаике Помнишь такую? А, только одну «железную леди» и помнишь – Маргарет Тэтчер. А я помню всех этих деятельниц наперечет: ну вот эта на Цейлоне – Бандаранаике...

ПАИСИЙ. Индира Ганди...

АЛЕКСЕЙ. Индира Ганди, Лолита Торес... тьфу, эта, что в Аргентине, как ее... в Литве премьерша была, затем в Норвегии, красавица в Турции – тоже премьер... в Финляндии сейчас президентом, что ли...

ПАИСИЙ. Ну Украине Юлия Тимошенко.

АЛЕКСЕЙ. Юлия! Вот от кого не ожидал прыти-то. И патриотизма такого.

ПАИСИЙ. Ну и что дальше-то – про эту, что с моряком дальнего плавания? Чем он взял-то ее?

АЛЕКСЕЙ. Брошь такую сделал ей из янтаря – на злобу дня! С мушкой внутри. Это, говорит, ты так с мужем живешь. И светло, не в темнице, и в то же время в тюрьме. А мы пустим тебя в дальнее плавание...

ПАИСИЙ. Как это – в дальнее плавание? Что – блошки в брошке?

АЛЕКСЕЙ (*нараспев*). Позабыт, позаброшен с молодых, ранних лет... Послал он брошь эту с мушкой на Парижскую выставку всех времен и народов – это вещь! Уникум! А ее королева Великобритании возьми и купи – Елизавета II, представляешь? А потом и говорит, я, мол, хочу видеть, кто до такого додумался:

чтобы мужику ту, как Диану, туда навсегда поместить, чтобы она не прыгала...

ПАИСИЙ. Это про Левшу сказка-то?

АЛЕКСЕЙ (*подчеркнуто*). Про талант русский, а он неиссякаем... Пока я тебе турысы заправлял, тут у меня мысль созрела.

ПАИСИЙ. Хорошая мысль приходит опосля.

АЛЕКСЕЙ (*наливая в чай по второй*). Да уж какая есть... Ты вот что, поищи ее там, где меньше всего думаешь, понял?

ПАИСИЙ. Ну, и где?

АЛЕКСЕЙ. В окружении Губернатора. Найди подход, пообщайся.

ПАИСИЙ. Да ты что?

АЛЕКСЕЙ. Педагог! В призраки веришь, а реализму не доверяешь. Контрапункт есть контрапункт, особая консистенция.

Сцена седьмая

«Хрущевка». Квартира Паусия. Пусто-пусто, как в домино. Однако еще хранятся следы пребывания и его самого (книги на столе), и жены его Устиньи (халатик перед шифоньером) и дочери Наденьки (ее портрет под трюмо)

Паусий поправляет фото, тупо смотрит в окно.

(*Раздумчиво*). «Алексей этот... божий человек... голову заморочил... Ну был я у самого Губернатора, и что? А ведь в Белый Дом так просто не попадешь («ох, рано встает охрана»). Но народ у нас дошлый, знают, как проходить через стенки. Подожди его с утраца перед центральным входом, как выйдет из дому, пойдет через площадь, так его тут и лови. Но, если на машине, дело – труба, подвезут к самим дверям...

Протиснулся вот, стою перед дверью. Увидал он меня – и охрание: «Это ко мне». Так и вошли вдвоем в кабинет. Сели, значит, сидим идиллически. И тут надо же, в дверь охранник обратно и ко мне в сомненьях, в мой пакет рукой.

А Губернатор ему:

- Да ничего там такого быть не может.

- Вот перчатки, говорю. Ношу с собой. А то однажды сперли, говорю. перчатки-то прямо в кабинете директора. У Куницына то есть...

Засмеялся он и говорит:

- У меня не сопрут. Тут в нас высоко оплачиваемые...»
В дверь стучат. Монолог Паисия самому себе прерывается появлением друга - Алексея Куницына.

АЛЕКСЕЙ. Ну, и как, сходил к Губернатору?

ПАИСИЙ. Рассказал твою балду про мушку-то в янтаре.

АЛЕКСЕЙ. Намекнул про Устинью?

ПАИСИЙ. Губернатор же, слету все понимает.

АЛЕКСЕЙ. Будем ждать результата.

ПАИСИЙ. Какого?

АЛЕКСЕЙ. Как какого – жива или нет? И вообще не до жиру, быть бы живу. А ты думаешь как ходить к Губернаторам.

ПАИСИЙ. Я ему еще про призраки – про Императоров было начал. Мол, че там Губернатор – к самодержцам имеем доступ.

АЛЕКСЕЙ. Ну, и что?

ПАИСИЙ. Засмеялся и говорит: боги высоко, цари далеко, а бригадиры близко... Намекнул про одно местечко, куда бабы бальзаковского возраста... ну женщины, женщины... от мужей скрываются. Вот ты, говорит, ушел в мужской монастырь, а у них вроде того... женский... называется санаторий... где лечат женские болезни... весьма длительный процесс... без мужиков не обходится... главврач – главный специалист...

АЛЕКСЕЙ (*строго*). У нас в области как! Главный во всем Губернатор! Если кто сомневается – вон портреты везде, даже по детским библиотекам.

ПАИСИЙ. Ну, и что?

АЛЕКСЕЙ. Не догадываешься?

ПАИСИЙ. А, ты про это? Взял и снял я в келье своей Иисуса Христа и повесил портрет Губернатора. Уважаю.

АЛЕКСЕЙ. Да ты что! В келье нельзя.

ПАИСИЙ. Ну, тогда я домой сюда принесу. Тут повешу перед зеркалом. Чтоб, когда смотреть на себя, его видел. Чтоб Устинью искал получше. А то Наденька совсем никуда, могу лишиться надежд... лишиться...

АЛЕКСЕЙ. Хватит тебе! Запел Лазаря. Еще и инфаркт хватанет, кто тогда за нас, грешных, будет молиться? С такой квалификацией, энциклопедией знаний. В Бога веришь и в знания – это хорошо, это прекрасно, это что-то особенное... ну я пошел...

Паисий остается один. Держит в руках портрет Надень-

кин. Как тогда еще, после десятого класса, сняли ее на это вот фото, так и стоит она перед глазами, никуда не девается.

ПАИСИЙ (*прикладываясь к фото губами*). Доченька.

И тут же возникают шаги по лестнице: легка на помине. Но шаг что-то тяжеловат: доченька, Наденька! В черной косынке, в темном демисезонном пальто.

(*Бросаясь на шею к нему*). Папа-а-а! Вернулся домой окончательно? Ушел, наконец, из своего монастыря?

ПАИСИЙ (*вслух*). Епископа из Москвы прислали в епархию. Молодой, амбициозный. Говорят, гайки закрутит, запросто домой уже не приедешь. А у тебя, дочка, что?

НАДЕНЬКА. Делегация солдатских матерей на Кавказ собирается. И я поеду – на могилку хоть гляну.

ПАИСИЙ. Какая могилка – разорвало же в клочья.

НАДЕНЬКА. А могилка должна быть... все равно...

Замечает халатик у шифоньера. Ой! (бросаясь лицом в подушку). Ой, мамочка! Да за что же горе так нас пересекло, навалилось! Дыхнуть невозможно...

ПАИСИЙ (*глядя плечи ее*). Ничего, ничего, доченька, как-нибудь перемогнем, перемогнемся. Назад, что ли, домой сюда переходи, если там у них тебе плохо. Тут намоленное местечко, наше с матерью... А я за тебя молюсь и молиться буду, пока жив, пока дышу, пока сердце стучит, пока боги слышат меня. Молиться буду за наших ребят, за Колю Тарнавского – своего, за всех наших воинов от века до века, хожу вот в собор к Михаилу-архангелу, к святым мученикам, к герою нашему – Александру Невскому, все прошу, прошу. пусть он хоть Колю примет туда к себе, в свое лоно боевое содружество, Колю, Колю нашего, твоего – тоже воина, любимчика нашего, русского человека, богатыря.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

Ночь. Храм Михаила-архангела. Иеромонах Паисий все там же, у алтаря, перед святыми мощами Александра Невского, у колонны напротив хоров. Стоит, подняв голову ввысь – туда, к кафедре, где появляется император Павел I со своим манускриптом – длинным свитком до самого пола. Со свитка этого само-

держец и оглашает обычно начертания слов.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону*). Тревожно что-то. Блики бегут по потолку – проходят мимо машины. Вчера Президент сказал напрямую по телевидению, после грузино-осетинского конфликта война возможна. В любой момент! А мы – дети еще той войны. Еще от тех битв не отошли, ночью все бомбежки мерещатся, а уж тут делят мир, территорию, деньги... Кризис финансовый, а по радио говорят: военные получают только прибавки до 160 тысяч. А маневры войск вдоль Урала растянулись на тысячу километров. А тяжелый крейсер «Петр Великий» в полном боевом движется по Северной Атлантике к Венесуэле. А этот Хавьер Салана, как и тогда в Сербии, уж Тбилиси против настраивает... Бабка одна московская слушала, слушала это все и сказала - другой, деревенской: «Сколько пенсия у тебя – две с половиной? Так какая тебе разница, под кем быть-то - под Японией или НАТО? Те меньше пяти-десяти не дадут».

«А Освенцим? – мне подумалось. – А Сабуровское поле?»

Иеромонах Паисий наклоняется и целует край свитка, которыми свешивается с кафедры оттуда сверху, до самого полу.

ПАИСИЙ (*крестясь, вслух*). Государь-император! Самодержец российский, хозяин земли Русской! Появись, объясни. Что нам делать – русским людям, как быть? В самом деле, не класть же голову под японца. Вон по Казахстану. Договорились, вести автобан по Великому шелковому пути до самого Китая, а ведь это кратчайший путь в Азию, это деньги, а еще оттуда на боевых машинах сюда. В Арктику, снова отправляются экспедиции, а ведь это ледовые аэродромы с Северного полюса как покорооче... Был когда-то на БАМе, у тоннельщиков, на Байкале, - на квартиру себе зарабатывал, - Байкальск – город такой - там основывал. А теперь его целлюлозно-бумажный комбинат отвратляет священное море. И стыдоба берет, что же это я, дурак такой, давал жизнь тому и смерть этому...

Отец! Государь-император! Хозяин Русской земли! Скажи Президенту, что ружья «кирпичом», в самом деле, не чистят. А ведь все еще «чистят». Особо по местам присутственным, по чиновным сусекам - мышиный помет метут, опять будем пятиться, как в сорок первом. до Волги?

«Опять Орел мой – город приграничный?»

Проходит грань по сердцу моему».

Ни ружья «кирпичом» не чистят, ни наши рожи. Ибо мы тоже люди, че-ло-веки. Тем более рожи у поэтов, мы – трибуна, мы – символ. А то в Адамове – родном моем, героическом городке – на лавочке бабки высокооплачиваемы да низкосидящи, людей по квартальчику своему подсчитали да и говорят: домики-то пу-стенские, двадцать одного отнесли в последнее время.

Высоко на кафедре появляется призрак императора Павла I. Из неясной, неяростной дрожкости формируется узнаваемое лицо.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Ты звал меня, Авакум спесивый монах? Вот я пришел к тебе, появился. Оставим Александра в сторонке. На совесть лягут пусть деянья его. Хочу к тебе пройти, через черту, в сознательную жизнь, но керы не дают. Вишь, как стучат в окно крылатые, черные птицы? Так веришь мне, монах? Иль ни во что уж не веришь?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Про Совесть говоришь, а сам? Создал такое войско, такой маршрут им задал, что до сих пор по Гатчине, повсюду идут. Две мировых и столько же революций... Со дня «красного террора» - 4 сентября 18-го, по радио сказали, по сей день в лагерях пропало 62 млн. И это только у нас. А в мире насильно в том веке ушло 150 млн. И это без великой войны... только в гулагах...

Что скажешь, император?

Идущие по облакам свое нам сказали.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Читай мой манускрипт. В нем все: от сме-ны декораций до деклараций эпох. С 2003-го по 2008-й две эры отойдут, мир ждут потрясения, тектонику планеты шатает...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Не уводи вовне, скажи, что изнутри: у нас – в России, как будем жить, к чему влекут нас герои?

Из небытия возникает гроб с призраком Александра I. Шата-ясь из стороны в сторону, становится стоймя.

ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА I. Он сам не знает ничего, не видит никого кроме себя.

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Нет, почему же? Мы в эру верим. Водолея переходим, все в России будет отменно, будет нам всем хорошо.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Кому? Живым и мертвым? Великим

и малым? Империи или люду простому, народу? Как в человеке это все обустроить, согласовать? Невидимое с видимым сблизить, как?

Не верю вам, вы свергнуты,
По облакам идущие герои, -
Герой один.

(Показывая на мощи Александра Невского) –

Вот он!

(Обращаясь к мощам).

Что скажешь нам, святой,
Угодник золотой,
Народу своему!
Как быть ему?
И вы скажите!
Все втроем!
Империи властители,
России самодержцы,
Государи, хозяева земного!

АВТОР. Святые мощи, пошевелись, образуют облако, из облака – образ, из образа – лик, из лика возникает герой. Сам Александр Невский – России первый человек. И ныне как живой,

Герой, идущий по облакам,
От тех людей к этим –
К нам!

Сцена вторая

Там же, те же.

ЖИВЫЕ МОЩИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО. Ослабя задал тон. Тогда – своею палицей в той битве. Сегодня задает тон из рода его – Поэт. Он – камертон Руси, Земли и Неба, Огня, Воды всех четыре стихий.

Он – Пушкин!
За ним идут -
От Прометея перед ним,
До Прометеев после, впереди.
Очиститесь – и Боги вас поймут, полюбят,
Разделят участь.

Александр Невский переходит обратно в призрак, призрак пре-

вращается в мощи, лежит под окладам недвижно. И тишина.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Видение ли было Александра? Или живым ко мне он приходил?

А вы? (*Обращаясь к обоим императорам*). В реалии все рвется – для чего? Чтоб оправдаться? Совесть успокоить?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Меня не трогай, я и так обижен. Вот, лучше почитай, монах, написанное некогда тобой.

Колыханием манускрипта монарх протягивает нижний край длинного, бумажного полотенца иеромонаху.

Чаша Грааля

Pro aris et focus –

В защиту алтарей и очагов.

Из латыни.

«Изгоняли из рая самого Люцифера.

И упал изумруд с головы на траву.

Кто-то выточил чашу – служи, полусфера,

Питию и веселью, роду и-ро-до-ву!

И стояла пред всеми высокая чаша,

И Граалем святым нарекли ее дно.

И на вечере тайной, молитвы шабаша,

Сам Христос из нее пил золотое вино.

И, пригубив едва из небесного камня,

В кубке кубков лоя отражение звезд,

О мессии, любви говорил очень странно,

Кой-кому не по сердцу такое пришлось.

А затем в изумруды Грааля сливали

Кровь густую распятого миром Христа.

И на Небо Грааль силы духа призывали,

К двери Веры с небес уж пришла Красота.

Люди пили из чаши и – передавали

Из рук в руки ту чашу и – передают.

И на дне Красоту у Грааля искали.

И все ищут и ищут, да пьют все и пьют.

С той поры эта чаша – священников, магов,
Чей-то ангел-хранитель, зеленый вулкан.
Это в камне Космической Матери влаги,
Мост такой нам на Небо божественный дан».

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*шепча в сторону*). Очиститесь, и Боги вас полюбят, и позабудут дерзкое у вас. Но как очиститься, да, как? Через невинную душу, невинных потрясенье? Катарисс, – но через кого? Через Любовь, и Веру, и Надежду?.. Наденька – дочь моя, в тебе слилось все мое, вся Надежда моя и Вера во времени, все пространства любви человеческой.

* * *

Келья мужского монастыря. В келье – Паисий, иеромонах. Входит Наденька, его дочь.

НАДЕНЬКА. Папа, папочка! Ну идем домой, ну идем. Что ты к ним привязался, к этому монастырю? Ты же учитель, вот и работай в школе, детей учи. Ты же хороший учитель истории. А молиться каждый сумеет, дело простое...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Нет, доченька, Богу молиться не каждому дано, дело это очень и очень тонкое, сложное. Брать на себя грехи людей, давать пример терпимости, веры и совести... Ты когда-нибудь слышала, чтобы в людях говорили о коррупции в церкви? О чиновниках услышишь, сколько угодно, и законы везде принимают, чтобы страну не растаскивали. А вот о церкви и речи...

НАДЕНЬКА. А церковные расколы? Посмотри, сколько золота, роскоши в храмах, в одеждах священнослужителей, зачем? Чтобы меньше люди им верили?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Для красоты! Наивная ты у меня. Судишь по поверхности, соединишь вешей пока тебе недоступно.

НАДЕНЬКА. И мама говорила. Это ты наивный, ты большой ребенок у нас. Ну зачем ты ушел в монастырь – чужие грехи замаливать, свои у тебя разве есть?

Мама не пропала, она просто ушла. Надоел ты: жил своим монастырем, этой кельей...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. «Отца Сергия» у Льва Толстого читала? Почитай, дочь, проникнись.

НАДЕНЬКА. То, что было для XIX века, сейчас примитивно...

Папа, давай маму искать. Через Интернет, а не только через милицию. Через Интернет эффективнее... Я больше не могу без нее. Без мамы мне плохо, я так и сама помру скоро... Ну если бы хоть похоронили ее, на кладбище отнесли – это я еще понимаю. Куда деваться, в конце-то концов? А тут ведь пропала, ушла из дома, и нет. Да как это ушла куда-то, как это нет? Надо искать, а ты, по моему, этого делать не хочешь...

Папа, папочка! Ты ее разлюбил? Она больше тебе не нужна? Но ведь я-то люблю вас обоих, вы оба мне нужны – вместе, а не врозь, по одному.

ПАИСИЙ. Милочка, девочка моя! Разве я не ишу? Да с ног сбился. всю душу вывернуло, измордовало всего, вот в монастырь пошел. чтобы к Богу оказаться поближе, его уж просить, с ним общаться...

НАДЕНЬКА. Не ври, папа! В монастырь ты пошел до того.

ПАИСИЙ. До чего?

НАДЕНЬКА. До того, как мама пропала... Все вы врете мне, все! Я у вас обделенная, как чужая. Да, папа, да!

Сцена третья

Там же, в келье. Иеромонах Паисий один, в размышленьях.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*в сторону*). Дети индиго – кара Господня. За что? Скорее всего, Устюша всего этого не выдержала и ушла, сбежала. Вся жизнь натянута, как струна, колоколом звенит. Искры сыплю, бывало, от диалогов с Устиной; кто виноват, от кого дочь такая – «индиго»?.. А некоторые даже завидуют нам, она, говорят, у вас все видит, насквозь проникает, а главное – добрая, за каждого переживает. А мы с Устюшей, бывало, все берем на себя: на сердце свое, на «шепчущки» ночами... Ох, да и рассказывать-то не хочется... Это тебе не СПИД, где все ясно, материя грубая. А тут филигрань, интуиция. Сегодня, завтра вроде одно и то же – заметишь, а послезавтра результат прямо противоположный...

Плоховато мне даже тут, в келье! Хорошо только там, в храме Михаила-архангела. Особенно ночью, когда созерцается все: живое и мертвое, грешное и святое. Завтра, сказали, мощи Александра Невского повезут обратно туда к себе, в Питер. Надо туда к нему, пока есть возможность. Побывать с ним, еще подпитаться, он

действует на меня благотворно, на всю мою душу грешную, как и у многих.

Чувствую, что-то должно произойти – нехорошее! Керры – эти черные птицы, души усопших – бьются уже не только об окна в храме, но и о сердце. Мое бедное, бедное сердце! Как ты мне надоело, в чувствах своих и предчувствиях.

Вечереет. Снова надо идти во храм, к Михаилу-архангелу.

Надо идти к святым мощам, к Александру Невскому.

Надо идти к самому себе, по пядям Неба, ступая прямо по облакам.

* * *

Храм Михаила-архангела. Народ все так же втекает в одни врата, вытекает в другие. Ни сегодня-завтра святые мощи Александра Невского увезут обратно в Питер – в северную столицу.

Иеромонах Паисий ставит свечку Николаю-угоднику. Шепча молитву, просит его о своем, затаенном. О чем – знают только они вдвоем, больше никто. К Паисию подходит друг его – Алексей Куницын, директор.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*кивнув на икону*). Ну что, помогает?

ПАИСИЙ. Тлеет лампадка, и хорошо.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН, Наденьку твою видел... вон там (*показывает на киоск со свечами, окруженный людьми*). Сама не своя... глаза провалились, губы дрожат... Ты бы за ней присмотрел...

ПАИСИЙ (*обеспокоясь*). Где, где видал Наденьку, там?

Появляется Губернатор со свитой. Проходят прямо к мощам. Прощаясь с Александром Невским, целует золоченый клад.

Во внутренний двор въезжает бронетранспортер с молодыми солдатами. Два здоровенных монаха подхватывают мощи и несут над собой, уносят.

Храм пустеет. Иеромонах Паисий замирает у той же колонны, всматривается в людей у киоска. Подходит Алексей, кладет руку Паисию на плечо.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Вот и уезжают (*кивает на бронетранспортер у храма*). Наполнили храм святым духом.

ПАИСИЙ (*не отводя глаза от мощей*). Лихо мне, лихо. Дурные предчувствия...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН (*глядя вверх тут, на кафедру*). Что это – видишь? Опять возник Павел I. Манускрипт... это рабочие повесили полотно, фрески так прикрывают, строительные леса...

ПАИСИЙ (*под нос себе*). Где моя Наденька, дочь моя... где?..

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. А ты Бодлера читал с манускрипта – про колокола?

ПАИСИЙ (*растерянно*). Полотно! Бодлер! Кто тебе это сказал? Это лишь будет... будет...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Храм-то наш православный, зачем тут Бодлеру быть с сослуживцами?

ПАИСИЙ. Так император же, вольный каменщик... миссионер...

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. И плоскостное, изображение будет – фрески, а не выпуклое – скульптура. Да вот что. «Домашнюю» церковь сделали в Питере. Был священный Синод, а теперь там Конституционный Суд.

ПАИСИЙ (*рассеянно*). Да?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Напрямую будут с Богом общаться, получать указания.

ПАИСИЙ (*приостанавливая знакомого*). Наденьку мою не видел?

ЗНАКОМЫЙ. Вон там. Пробежала куда-то.

ПАИСИЙ. И птица черная крылами в стекло.

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Где, где? Не вижу... Будет работа судам после Южной Осетии, будет. Пять дней воевали – пять лет разгребать будут. Коррупцию и международное напряжение...

ПАИСИЙ. Да вон же птица, вон! Разве не видишь?

АЛЕКСЕЙ КУНИЦЫН. Кого, Наденьку?

ПАИСИЙ. Птицу же, птицу!.. О Господи, лихо мне, лихо! Дети «индиго»... Дурные предзнаменования...

Что-то мелькает за окном. Черные птицы с криками взмывают вверх.

Звеня ключами, пробегает Церковный Сторож. Приостанавливается перед Паисием.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Что-то упало – большое, как человек. С колокольни долой.

И бросается к дверце, ведущей наверх.

А во врата уж вбегают люди, крича:

- Суицид! Суицид!

Он бежит к ним туда от киоска:

- Кто же?

Вбжавшие:

- Девушка... скорее всего, в лепешку... лежит...

Сцена четвертая

Мужской монастырь. Келья иеромонаха. Паисий лежит на топчане обутый, отвернувшись к стене.

Спиной к двери.

ПАИСИЙ (*сгорбно*). Про хриплый колокол сказал... но он еще только будет... очишение души... Это он спасает нас, очищает нас, наши души. Молодые способны на поступок, старость - нет, это власть стариков. Вот лежу, не могу встать и пойти, встать и пойти, да, но куда? Туда к ней, где она лежит с вечера? Прибрана уже, с венчиком на лбу...

Утром надо ее забирать и куда? Сюда в келью? На квартиру, где они жили с Колей, или туда, где жили мы когда-то втроем? Ночь тянется, тянется – бесконечно. Вальпургиева ночь – ночь ведьм и чертей. Нельзя дать им разыграться, они заберут туда к себе и его, кто хоронить будет Наденьку – тетка, материна сестра?

Доченька! Святая, невинная душа. Доченька! Ты взяла все на себя, все грехи наши тяжкие - мои и Устиньины. это с ума меня сводит, жить не дает со вчерашнего, ужас! Как это было?

Сумерки уж, вхожу в свою келью, а за порогом что-то темное – пятнышко. Ай листок за каблук зацепился да и отцепился после, на пол прилег. И пальцами хватать его, а он, листик-то, возьми да и пискни в пальцах-то. Да так жалобно, жалобно, тонко – ужас какой-то! Живое... Мышка это... лежит, как и крот анэдись в саду на дорожке... И так жалобно – жалобно, тоненько-тоненько... держится в памяти до сих пор, никуда не девается.

И высверкивает из памяти. Да это ж я положил под топчан отраву. Увидел дырочку в стене подле ножки и положил. Чтобы они, мыши-то, не бегали по столу. А она, бедненькая, и попалась. Господи! И так тоненько-тоненько, жалобно-жалобно... Как Устинья боялась мышей, а я нет, не трогал, доверял коту Ваське... На даче, помнится, сапогом хотел пнуть. А она, веселая, до того разыгралась. В стенах – дырки, из одной дырки выглядывает, пробежит

по полу да в другую. Пока бежит, я в нее сапогом, сапогом, а она нырь, из одной да в третью. И со мной давай играть, я уж сам смеюсь, сапогом-то швыряя... а она тут жалобно-жалобно, тоненько-тоненько... прямо в пальцах... ужас какой-то...

Вот сейчас рассветет, еще разок посмотрю на то местушко, где лежал темный листок... Господи, Наденька, дочка, дочь моя незабвенная!.. Беру все на себя, душа не лежит сказать что-то против. Господи! Святые угодники! Да что же мы так? Хрипел, умолять, просить ведь тебя, в землю лбом бил... Листок лежал, одинокий, хоть ноги о него вытираи, хоть пальцами бери... а он тоненько-тоненько... Это я положил под топчан пашаничку... зернышки крашенные, под вишневый рассвет...

И тут стук в дверь. Кто? – говорю. – Черный человек, он же послушник, – говорит. – Келью подмести вот пришел. – Да что ж я сам, что ль, подмести не могу? – Новый епископ, – говорит, – приказ такой выпустил: монахам, стало быть, подметать. Чтоб чернота с них скорее сходила. А они пущай Богу молятся, больше будет так у нас в монастыре КПД. А ты, – говорю, – кто тут, из физиков? – Да, – говорит, – из них. – А ты? – А я, – говорю, – из историков. – А-а, – говорит, – прагматики. Те, что в Бога не верят. – Кто тебе это сказал! – говорю. – У Аристотеля прочитал, в «Поэтике» у него там написано. – Ну мети, – говорю, – давай мети. Только сор, гляди, не выметай.

* * *

Послушник уходит. Паисий остается один.

ИЕРОМОНАХ. Вот как, Господи, боже мой! Ни мышей, ни камней-голышей. Одна тебе в ночи только тьма кромешная. Коррупция, называется.

Страшно встать и пойти туда к ней, где она лежит уже с вечера мертвая. Одна. А это не по-христиански. И лампадка должна гореть, чтобы не было ей так страшно в новом ее состоянии...

Встаю и иду.

Господи! Помогите мне покой обрести, утешение.

ГОЛОС СВЫШЕ. Очистись сырый и несчастный.

Не юродствуй, схимник, встань и иди.

* * *

Городской морг. Паисий стоит перед дверью, не решаясь войти. Дверь приоткрывается, выходит...

ПАИСИЙ (*так и осев*). Боже! Устинья! Устинья Николаевна! Живая!

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Всю ночь пробыла тут, сидела (*залакав*) с дочечкой моей, Наденькой... А ты чего тут, ирод?

ПАИСИЙ (*склонив голову*). Да, ирод, ирод я, я такой? Не уберег, не сохранил... одну нашу... единственную...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Это конец всему... Ангел ведь, где были, монах, твои боги?

Сцена пятая

Девять дней спустя. Иеромонах Паисий в храме Михаила-архангела, ставит свечку Николаю-угоднику.

Появляется Устинья Николаевна. Подходит к Паисию.

УСТИНЬЯ. А, вот ты где! Лицо без определенного места жительства.

ПАИСИЯ (*растерянно*). Нет, почему же, Устюша! У меня есть место жительства – монастырь, моя келья.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА (*в том же тоне*). Всю жизнь провел в дурацких фантазиях, все тебе что-то мерещатся: дети «индиг», призраки... Так и не научился зарабатывать деньги.

ПАИСИЯ. Нет, почему же, я учителем был.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Учителем! Твои сокурсники уж...

ПАИСИЙ (*приходя в себя, иронично*). ... столбовые дворяне, да? Князья, маркизы, академики, орденосцы?

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Да, академики.

ПАИСИЙ. Знаешь, сколько академиков надо на миллион населения? Два. А поэтов - один на эпоху. А тут у каждого не грудь, а иконостас... смущать маловерных...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. А ты и этого не умеешь. Костюм одевать так и не научился, пиджак на тебе, как на чучеле. Галстук не можешь завязывать.

ПАИСИЙ. В монастырь пошел, галстуки тут не нужны.

УСТИНЬЯ (*переходя на рыдания*). Доченьку погубил, Надю нашу, Наденьку мою дорогую...

ПАИСИЮ (*угрюмо*). Не надо было бросать нас с дочерью...

УСТИНЬЯ (*руки в боки*). Ах, я шлюха, да? Я шлюха? А ты черный человек, чурка! Курицу зарубить не можешь, к соседке бежишь, голову курице отрубить. Мужик, называется. С детства

тебе династии, троны мерещатся. Да поэты пушкинской поры.
Как это?

«Цари никогда не любили поэтов.

Поэты всегда не любили царей».

За такое ж в тюрьму содуют. А ты вот до монастыря докатился.

ПАИСИЙ. Проверен, послушником был.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. А теперь подполковник или, как это у вас ... иеромонах. Карьеру сделал, и ради чего?

ПАИСИЙ. Это ты под... полковником... А у нас не ради чего, а потому что. В Бога верю, в народ...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Ой, держите меня! Ой, умру от взрыва смеха!

ПАИСИЙ (*увещевая жену*). Не надо, Устюша, не надо. Зачем, успокойся. Нервы, но что поделывать?

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА. Полгорода пришло ее хоронить. А тебя, негодяй, закопают в яме для бедных, без всяких свидетелей... Девять дней стукнуло. Поминают покойников, люди пришли, а ты и не подумал... сама провела...

ПАИСИЙ. Я в храме молюсь, свечки ставлю.

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА (*собираясь уходить*). На роду написано: кому человеком быть, а кому идиотом.

ПАИСИЙ (*в стину ей*). А ведь из деревни своей в город выбралась – из-за меня.

УСТИНЬЯ (*приостановясь*). Не из-за, а благодаря.

ПАИСИЙ. Кому «благодарить»-то? Ты существо не благодарное... Ладно, приду домой, включу тебе синхрофазотрон.

УСТИНЬЯ. Какой син – хро – фа – зотрон?

ПАИСИЙ. Ну какой по ночам мужиков тебе голых показывает. Телевизор, называется...

УСТИНЬЯ НИКОЛАЕВНА (*уходя*). Тоже мне «индиго»! Большой ребенок. Надоел уж, небось, и монастырю.

* * *

Там же, в храме. Иеромонах Паисий на привычном месте у колонны, перед лестницей, ведущей к хорам. Силится вызвать на кафедре явление призрака императора. Однако Павел I на сей раз никак не является. Наконец, возникает какая-то зыбкость, реальность, вроде, переходящая в миф.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*призраку императора*). Видал, се-

мейные радости? А еще говоришь, хуже, чем у тебя, не бывает?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Бывает.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. А куда делся свиток твой, манускрипт, каким ты мир путаешь?

ПРИЗРАК ПАВЛА I. Мир кутаю. Спроси сына Александра, тоже ведь император, все знает.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Все. Гроб больше не возникает. Я так полагаю: либо Устинья электричество отключила, либо сына твоего – самовержца вместе со святыми мощами попутно тоже увезли в Санкт-Петербург.

ПРИЗРАК ПАВЛА I (*махнув рукой*). Вон видал? Строители свиток убрали. Сняли покровы с фресок, ткань, штаны, небось, из нее себе сшили. Рабочую одежду. В связи с экономией средств.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*очнувшись, вслед призраку*). Ты и в долларах разбираешься?

И тут на реальный голос Паисия из-за реальной колонны выходит реально церковный сторож.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*твердо*). Разбираюсь, монах, и я в долларах. И все мы тут. Но евро лучше, как-то стабильнее...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Ну кадры пошли – церковная епархия! То на «западенцев» надеялись, а то свои «бурсаки» валом валят... Что ж ты, друг, называется!

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. А что?

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ (*вздыхая тяжело*). Про девять дней дочери-то мне не напомнил.

Сцена шестая

Иеромонах Паисий у наружной стены храма Михаила-архангела.

ПАИСИЙ (*припадая к земле, целуя*). Вот сюда и упала. Сюда холмик насыпать, цветы посадить.

ГОЛОС СВЫШЕ. Разрешение надо спрашивать у предстоятелей церкви, у молодого епископа.

ПАИСИЙ (*подняв голову, глядя ввысь на колокольню*). Вот откуда летела, как птица. Тридцать секунд полета, целых тридцать секунд! И тут вот, в этом самом месте...

Упирается лбом в землю, всем телом дугой изгибается, да так и лежит. Черная птица, пролетев мимо, взмывает ввысь

над ним, к колокольне. Черный человек, проходя мимо, превращается снова в Церковного Сторожа с серебряной, звонкий связкой ключей за поясом.

ПАИСИЙ (*приподняв голову*). Чудится все мне или въяви?
Поднимается медленно, ловит щечкой свежий ветер. Подзывает сторожа.

ПАИСИЙ. Послушай, это ты черный человек?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*склонив голову перед ним*). Слушаю тебя, князь.

ПАИСИЙ. Я – Пассий, иеромонах, белое солнце в пустыне.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Разум путается. Ветер с реки, скоро дождь.

ПАИСИЙ. Так ты черный человек?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. В черных одеждах, с серебряными ключами.

ПАИСИЙ. Сверху может лететь только дождь, зачем человеку лететь вниз, когда он еще молодой?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Молодые-то и летают, летальный копец. Бери ключи и иди, закрывай. А я пошел за метлой. Столько народу было, столько всего после каждого. Эх-хе-хе, грехи наши тяжкие! А невинная, молодая душа искупай...

Церковный Сторож уходит, иеромонах остается лежать на земле.

ПАИСИЙ (*пошевелись*). Может, Устюша права? С себя начинать, чистить народ перед Богом, перед самим собой, в поколениях, а не убивать молодых... хотя бы и на войне... Молодые погибают, не успев нагрешить. Какой ресурс пропадает у всего человечества. Формируя узлы памяти вокруг войн, убиваем гордецов в этих узлах... Стюша права: чистить надо Авгиевы конюшни, очищать себя в ощущениях... живу теперь без Надежды, без Наденьки, ради чего? На всех грешных не хватает уж божьих ресурсов. Но промысел божий возлагаем себя...

Звоны в отделении: снизу как бы этот «варган» - орган, сверху – голоса: арфа и дождь над ней, шелестенье дождя о звуки, а звуки – от соприкосновения жизни о смерть. Чем ближе к земле, тем больше печали... зачем он оставил ключи мне? Серебро ключей, серебро на висках, серебро дождя...

Музыка слов, слова музыки - меньше двух видов нельзя, чтобы

сферы колебать, выражаясь. «Ей захотелось идти прямо по облакам! – пронзает монаха. – Это ты внушил ей эту мысль. Она ушла туда, за черту, в облака».

А что сделать тебе, чтобы вернуть ее обратно сюда, в лоно свое?.. Хотя назад во времени не возвращаются даже цари... «наука имеет много гитик»...

Поднимаясь с усилием, иеромонах кипит мыслью: император Поднебесной ради согласия с Небом раз в год соприкасал колени с Землей...

ПАИСИЙ (*решительно*). На колокольню! На колокольню! Скорбь и страх связать с высотой, упоением полета... она летать не умела...

ЭХО ХРАМА (*снизу*)... белено мелом, белено мелом...

Иеромонах появляется на колокольне.

ПАИСИЙ. Вот они близко – небо стозвучное. Немые колокола. Атеисты их научили молчать.

И я, иеромонах, развязываю канаты, протянутые к подвешенным тут колоколам. Совсем близко Небо – я уже не хочу молчать, как молчал перед всеми всю жизнь: перед летящим городом, перед собой с высоты, перед Белым Домом, перед Губернатором, самими Богами. Перед всеми, кто прежде взбирался сюда к героям, идущим по облакам...

Принимается дождь. Мелкий, подлый такой, бодливый козел. Он течет уже по щекам – соленые, крупные, прометеевы капли бегут пополам со слезами. Он свободен тут, он может лететь, а они, там внизу, этого сделать не могут... Императоры всех империй, не прикасайтесь коленом к земле! Дайте людям возможность лететь, защитите нас, лишних. Андре Шенье взошел на эшафот. Отмените смертную казнь! Не казните, тайно и явно, не бросайте людей с колоколен!..

ПАИСИЙ (*вдруг остановившая себя*). Что это я говорю? Гарибальди, Жанна Д'Арк, Спартак, Навуходоносор? Сколько свободы мелькнуло по Небу перед глазами Истории.

И все равно! Каждый раз перед нами эти старые храмы,
Новые императоры,
Но и новые, новые, новые облака.

Сцена седьмая

Паисий все там же, на колокольне храма Михаила-архангела. Замер, стоит на самом краю.

ПАИСИЙ (*делая взмах обеими руками*). Если бы я был птицей... если бы я был Икаром... если бы я был дождиком... вызываю дождь на себя. Представьте себе, я вызвал его силой своего духа, во имя памяти дочери моей Нади, Наденьки, Надежды своей. Я не могу, не хочу жить без нее, я просто не хочу жить в этом мире, без нее, моей маленькой, моей искорки, моего грома и молнии, пламени с неба в самое сердце.

Я накликнул эту тучу, это мелкие капли – слезинки теплые, божьи, бьющие меня по щекам, по лицу. Все яростнее, неодолимее ручьи уже, реки, океаны воды хлещут меня по глазам, по секундам жизни, годам и эпохам. Я ухожу вместе с этим дождем туда, в те эпохи... Звуки арфы, вы где-то там, выше меня, льетесь в мыслях моих потоками воздуха с дождиком и так жалобно-жалобно, тоненько-тоненько. Звуки органа всхлипывают из полуподвалов храма, где-то внизу.

Песнопенья из жестоких романсов летящего города сливаются с хорами сел и деревень. Мне, необмытому, больно за всех тех, кто в зелени сумерек способен повеситься на своем рукаве или, протестуя, пасть с колокольни в беспределы земли. Пора бы очиститься, смыть с себя птичий помет – от черных птиц, грачей...

Внизу у стены храма, на том самом месте, что-то появляется живое, сверху похожее на паука.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Эй, ты зачем там, Паисий? Отойди от края, от беды, земного в себе не усугубляй! И без того все охвачено скорбью...

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ. Прометей! Вызываю огонь на себя. Молнии с неба! Шируйте мне прямо в сердце... смотрите, они уже вспыхивают и погасают с шипением за спиной в самом Прометее, в цивилизации, предопределяя судьбу...

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ (*снизу*). Эй, Паисий! Отойди, не умиряйся, не усугубляй!

ПАИСИЙ. Ты что-нибудь слышишь сверху?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Я вижу, вижу призраки, небо.

ПАИСИЙ. И во мне?

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Когда бываю на колокольне, то во мне

лю... Монах! А ты чему внемлешь, чему, монах, служишь?

ПАИСИЙ. Какие призраки? Что у тебя за императоры, русские самодержцы?... Но почему ты косноязычен? Говори же так, чтобы я хоть что-нибудь понимал в этом мире.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ. Интеллигенция! Косноязыки, как душу с детства захватывает черные птицы, так и держат, не хотят отпускать... А ты, человек, изгони, освободись и очистишься. Помоги, Боже, стоящему высоко устоять, не коснуться коленом грязи земли...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. По радио России сообщили: в Москву из Америки доставлены колокола Свято-Данилова монастыря. Спасая после гражданской войны, их увезли за океан, передали Гарвардскому университету. Почти век звонили они науке и знаниям. И вот, взамен двойников, их привезли домой обратно. И тут уже, как и прежде, ударили в бронзу.

Красота – в звуке,

А звук – в Красоте.

Поющие в бронзе! ты их слышишь, Паисий? Они к тебе ближе.

Осенняя себя крестом. Иеромонах делает шаг вперед. Чтобы лучше слышать из Москвы свято-даниловские песнопения сюда долетающие. Чтобы лучше видеть то самое место у стены храма на горе нас обрекающее.

Рядом с Паисием, появляется Церковный Сторож. Берет за плечи иеромонаха, удерживает от последнего шага. Другой рукой служитель ищет канат. Перебирает пальцами, находит нужное положение.

Размах и – первый удар по бронзе. Одинокий звук возник, затрепетал в горле.

ЦЕРКОВНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ (*передавая канат Паисию*). На! Говори с дочерью, с дочерьми всех людей, с поколениями, с человечеством.

ПАИСИЙ (*с горькой радостью*). Старик! Дождь белый бежит по щекам! Соленые капли дождя! Я пою его голосом, он поет голосом птиц. Колокола не дают нам состариться, умереть в тишине. Сколько их – восемнадцать и у каждого свой голос, своя нота, голос народа, песнопения вечнозеленые, бронзового века, судьбы.

Люди, подойдите поближе!
Вслушайтесь, пойте!
Прекратите сползание к войне!
Отмените смертную казнь!
Нет и не может быть лишних людей на земле.
Это вопиет совесть, это – Голос свыше,
Любовь, Красота.
Слышите? Не обрекайте детей на погибель.

ОТ АВТОРА
(Вместо пролога)

Обращаясь к зрительному залу.

Представьте себе, что это уже не герой мой, а я, Автор, звоню в колокола собора Михаила-архангела тут в Орле, а слышатся оттуда, аж из Москвы, звоны колоколов Свято-Данилова монастыря, доставленные из мест не столь отдаленных – представьте себе, да, из Америки! Поет себе и под песни «Битлов».

Вечерний звон,
Вечерний звон.
Как много дум
Наводит он.

И под эти Свято-Даниловские звоны хорошо ложатся роковые слова переводов Бодлера, среди них и мой перевод, возможно, не самый худший.

И плывут эти звоны с Михаила-архангела, плывут и слова рока. Вот что говорит человек – этот колокол, герой нашего времени, о себе.

«Хриплый колокол»

А колокол откуда-то, не знаю,
В мгновение пришел, в мгновение исчез,
Малиновою памятью играя –
Пасхальным звоном, благовестом месс.

Он жив, тот колокол! Не сброшен вниз, не сломлен.
Что Вере в медной сути – зло, века!
Его все бьют, все яростней, все злобней,
А он гремит свое, надтреснутый слегка!

Когда мне плохо, вся душа разбита,
Преследует неумолимый рок,
Мне колокол поет – мой знаменитый!

Мой друг! Я укреплюсь, я не сшиблен с ног!
Хрипишь, старик мой, слабость отвергая?
Песнь вроде та, да жизнь уже другая.

Когда спросят, где ты берешь силы для такого вечернего звона, я говорю: а с манускрипта императора в храма Михаила-архангела, с длинного, длинного свитка его от громкого неба до тихого дона земли.

Пока мы живы, я вам тут говорю, там во врата Михаила-архангела уже втекает новый крестный ход: несут высоко над собой, на руках в окладе мощи Матроны Московской. Неостановимы, неодолимы людей в духе своем.

Вечный звон,
Вечный покой,
Роковые страсти по средам.
Люди, Люди, бейте же в колокола!

Главный церковный праздник в Малоархангельске – Михаила - Архангела вечно летящего в небе высоко-высоко среди моих и твоих, облаков.

*Сентябрь 2008 г..
г. Малоархангельск –
г. Орел*

**«Я ПОЛЮБИЛ ТЕБЯ НА ВОЛГЕ
(Разина любовь)»**
(трагедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЦАРЬ И ПРИДВОРНЫЙ

НАСТАСЬЯ – любовница Разина, его сподвижница, во всех делах и походах, женщина лет двадцати пяти.

САМ СТЕПАН РАЗИН – донской казак, герой русского эпоса. личность отчаянная, трагическая.

ЖЕНА СТЕПАНА – смиренница, больше сиднем сидящая, на домашнем гнезде.

СЕРЕНЯ – их сынок, весь в отца, тоже отчаянная голова.

КРИВОЙ – донской казак, закадычный друг Степана, тайно любящий Настасью, тоже вождь разбойных дружин.

ГАРМАШ – отец Настасьи, из понизовских казаков, из богатеев.

МОКЕВНА – мать Настасьи, жена Гармаша, бабушка многих внуков.

КОРМЧИЙ – управляющий парусным стругом Разина.

ПЕРСИЯНКА –

ВОЕВОДА - верный слуга царя, приставленный охранять разбойника в железной клетке.

КАЗНАЧЕЙ РАЗИНСКИЙ, он же целовальник, тамада с провидческим даром.

ЕСАУЛ – запевала казачьего хора.

ТАЙНЫЙ ЦАРСКИЙ ЛАЗУТЧИК.

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ КУПЦОВ.

СТАРЫЙ КАЗАК.

МОЛОДОЙ КАЗАК.

ВАЛДАЙ – звонарь колокольный в разинском стане.

МОСКОВСКИЙ ПАЛАЧ – в красной рубахе, с секирой на плече, на лобном месте.

Разинская вольница, воронежские и персидские купцы, донские казаки - понизовские богатеи и верхние нищелюбы. Стражники из казаков и солдатский конвой. Действие происходит на Волге – на Жигулевском откосе, где гуляет и грабит разинская братва проплывающие мимо купеческие караваны; на нижнем Дону, где

Степана Разина, продав, заковывают в «железа»; на Красной площади в Москве, где Степана на Лобном месте казнят всенародно под набат кремлевских колоколов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Жигули. Волжский утес, разинский стан в крепком предугроженном сне.

Сцена первая

Солнце показывает свой алый краешек из-за Волги. раздается на всю округу зычный голос:

– Сарынь на кичку – у – у!..

И тут же начинается бухать колокол. Звук летит с утеса далеко за Волгу над вечным покоем.

Стан пробуждается, гудит вяло, после вчерашнего перепою.

НАСТАСЬЯ (в полном боевом снаряжении появляясь на краю утеса). Во-он! (своим сюда булавой). Вон парус! Купец! Идет сверху, из Руси!..

Кричит вниз с откоса.

Эй, купцы! Вы откуда? Полно или худо?..

А, саратовские? Значит, полно. Эй, Кривой! Давай сарынь на кичку... вдогонку...

И еще, гляди-ка, парус! снизу, из Персии...

Перс или русский? косою парус – русский.

Эй, купец! вы откуда?..

Ах, воронежские?

Земляки Степановы! Ну тады худо-бедно. Тады проплывай....

ГОЛОС СО СТРУГА СЮДА. Повидаться хотим со Степаном. С земляком. Кое-что передать.

НАСТАСЬЯ (туда, вниз, воронежским). Ну тады причаливай, кунаками будем. (Кривому). А ты, брат, дружину в струг и вали на саратовских! У этих трюмы всегда от добра ломаются, полны. В Персию, однако, собрались – есть че везти им туды на обмен. И золотишко у саратовских водится, даже камни сапфирные, яхонты...

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ с провидческим даром. Богатый народ, а будет еще богаче. Автозавод через три века построят – вот когда заживут...

НАСТАСЬЯ (*тамаде строго*). Брешите поменьше (И Кривому). Бери дружину и вали следом. Что возьмете, то ваше. Знаете, мне только камни...

Появляются воронежские купцы. Поднимаются грузно, припадают на колено перед Настасьей.

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. А где сам-то? Степан где?

НАСТАСЬЯ (*хмуровато*). Да в Воронеж, что ли, пошел к себе, в Воронеж. Проведать жану, сыночка сваво... А меня за себя тут оставил. Я тут дань собираю теперча. Поняли, мужики?..

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Чудно! Баба, а на этом деле стоишь... на утесе то исть...

НАСТАСЬЯ (*строжась*). Ладно, не ваше дело... Вон туда идите (*указывая булавой*). Там котлы, кувшины, там мужики опохмеляются после вчерашнего... Идите туда, я сейчас...

Глянь, опять парус! И теперча снизу. Из Персии, полон ли?.. Эй, тамада - казначей! Бери другую дружину и вали на них проверь. Что возьмете, то ваше. И тебе, казначей, в общий котел. И мне, знаете чего – только камни... Нам со Степаном на спине унести...

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ. Знаем, знаем. С Востока парус-то как это будет петься потом: «не счесть алмазов в каменных пещерах...»

НАСТАСЬЯ (*сбрасывая шлем с головы*). Во, волосы бабьи-то. так по плечам, гляди, и покатались.

КРИВОЙ (*украдкой взглядывая на нее*). Русские, золотого разливу.

НАТАЛЬЯ. Чего стоишь? Уж давно бы на струге был, а то купца-то потом не догонишь. Уйдет ведь, увезет добычу хорошую.

КРИВОЙ. У нас не уйдет. К парусу у нас в подсобу еще и гребцы. Весла вон какие гребучие, а руки могучие.

НАСТАСЬЯ (*окружающим*). Ну, я пошла. А вы постойте тут... Куда? Да к костру. К кувшинам да котлам, к котлам, куда же еще? Земляков Степановых угощать... А вы тут за меня поглядите...

Настасья идет к главному костру разинской вольницы. Салит-ся на свое место, рядом с главным – Степановым. Пересаживает-ся в него.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ. Чего это ты? Это место атамана, Степаново.

НАСТАСЬЯ (*кинув плеть казаку*). На-ка всыпь ему пару горячих.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ (*казаку*). Только попробуй! Из добычи ни черта не получишь. Я тебя причешу.

НАСТАСЬЯ. Ладно. Иди садись к костру вместе со всеми. Пока я добрая.

Обращаясь к главному из воронежских купцов.

Ну, рассказывай, братец, где бывали, что видали? Без брехни. Но чтоб было понятно. Всем понятно (*повея плетью вдоль всего большого костра*). И интересно... В Персии ж были-то?..

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Да в Персии, в Персии. Да не в энтот интерес.

НАТАЛЬЯ. А в чем же?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Дома весь интерес Притеснения терпим. Специально хотели идти к Степану... просить его... заступу искать...

НАСТАСЬЯ. Ну, и от кого терпим?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Да самого-то нет, чего языком зря мотать.

НАСТАСЬЯ (*сдвинув брови*). Ну, я тебе что – не помощь?

ГЛАВНЫЙ ИЗ ВОРОНЕЖСКИХ. Ты – баба, а то – а – та – манн.

НАСТАСЬЯ. Много ты понимаешь.

ТАМАДА (*усмехнувшись*). Мужик – голова, а баба – шея. Куды повернет дышло, туды и вышло.

И наливает Настасье в глиняную кружку вина, приговаривая:

Тебе богато, полно. Как Волга на Дону, донышке. Скудно. Пока ума не прибавится.

Сцена вторая

Там же, те же...

НАСТАСЬЯ (*тамаде - казначею*). Наливай и по третьей православному люду... Так. Крякнули, рукавом закусили. Не басурманы чай, встали, перекрестились, братья, низко поклонимся Господу-Богу нашему Иисусу Христу. Пушай гости к нам сюда едут, не переводятся, пушай какие плывут мимо, а какие напрямик сюда в лапы к нам... а мы проверим. Порядок наводим, забираем излишки. Если царская власть в бессилии, или тоже самое бедный

народ, как басурмане какие...

Оборачиваясь к главному из воронежских. Ты про это хотел сказать Степану, земляк? Мол, царь грабит воронежских с особым рвением? Ибо Степан-казак-то донской да урожден на окраине Воронежа.

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ. При чем тут Степан? Степан короб царя-то не валит. Это все слуги царевы, пакостные, им все мало... Предвижу: через века, а именно, в 1937 году 9 октября эти царевы слуги под именем НКВД расстреляют ни за что ни про что только в Зубовском лесу под городом сразу десять тысяч. Да еще готовили партию в том числе и отца автора этих строк, будущего потомка мово, а потом кокнул и тех, кто расстреливал, этих царевых слуг, отобравших у отца к тому же квартиру. Этих-то расстреляют другие слуги народа. А отца уж пошлют по этапу... освободить не успеют... Спасибо хоть сынок от него остался, а то бы пресекался род...

НАСТАСЬЯ (*сдвинув брови*). Придержи язык, помело! Тайны веков не разглашают.

ТАМАДА-КАЗАЧИЙ. А что я сказал-то, подумаешь! Если я с провидческим даром.... если это прет из меня... А ведь был отец-то ударником труда, с Калининым – всесоюзным старостой – сфотографирован. Квартиру в центре города дали, а забрали потом вместе с жизнью. А отец-то строил завод имени Коминтерна, буква «К» («Катюша»). Гвардейские миномёты на полгода война, а сократили. Не то на нас упало бы то, что потом на Японию...

НАСТАСЬЯ. Тамада! Сам пей поменьше, ближних не забывай.

ТАМАДА. А я и не забываю. Вечная память тем... в Зубовском лесу... Из прошлого посылаю поклоны им туда, в будущее...

НАСТАСЬЯ. Эй, звонарь! Как тебя зовут? Эй, Валдай! Вдарь-ка в колокол. Призови дух Степана. Пушай поскорей сюда возвращается. Разин свой колокол хорошо слышит.

Звони, звонарь! Бей в бронзу – певчую! Говори, что Степан Разин пришел сюда дать всем волю, а мне любовь... Запевай, мою любимую, нашу со Степаном!...

Появляется Есаул – запевала казачий, широк голос во широкой степи.

ЕСАУЛ (*слегка кашлянув, сначала тихо-тихо, потом уж набирая силу*). Дедова еще песня, давнишняя...

Ах, я полюбил тебя на Волге.
И билось сердце трепетно в груди.
Мне не забыть твой голос звонкий.
Эх, Жигули, мои вы Жигули!

НАСТАСЬЯ (*швырнув полную чашу в костер*).

Ах, спадали звонкие мониста,
Кипела молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.

Настасья подходит к краю откоса. Крутнув головой так, что волосы волнами с откоса покатались, с плеч ее куда-то вниз, в бесконечность, под жигулевский откос, закачались вместе с солнцем на блестящей волне.

НАСТАСЬЯ (*иступленно на всю Волгу, аж до того берега*).

Степа – а – ан!

Степа – а – а – а...

Сте – е – епь ...

Широка – а – а – я...

ЕСАУЛ (*подхватывая*). Высота ль, высота ль

Поднебесная!

Океан – море

Чудесное.

ВСЕ У КОСТРА (*хором*). Разгуляй, гуляй, гуляй!

Удаль молодецкая!

Душа рукавая, человекская!

Два казака тащат чужака под ручки, бросают к ногам Настасьи.

КАЗАК. Вот тайный лазутчик! Высматривал все тут и запоминал. Язык вырезать хотели, да старшой не велел. Пушай, говорит, атаманше все скажет, потом решим.

НАСТАСЬЯ (*упрев руки в бока, тиная ногой лазутчика*). Ну! Говори!

ТАЙНЫЙ ЛАЗУТЧИК (*едва шевелясь*). Сам пришел. Сказать Степану хочу... Войско царево идет на Разина – несметная сила. Немец какой-то ведет, генерал... Шопенгаврин, что ли...

НАСТАСЬЯ. Русский, небось: Сопин... Гаврюха... двойная фамилия...

Тайному лазутчику (*сдвинув брови*). Сволочь! Позабыл для чего родная мать родила?

ЛАЗУТЧИК (*извиваясь под каблуками Настасьи*). Для чего, мама?

НАСТАСЬЯ. Для воли! Широкой, как степи эти заволжские. Для песни! Для человеческой жизни!.. Эй, Есаул! Запаева – а – ай... Тамада! Налива – а – а – й...

КАЗАК, *приведший лазутчика*. А это дерьмо куда, мать?

НАСТАСЬЯ. В Волгу! С откоса! На дно...

ЕСАУЛ (*во всю глотку*).

Эх, матушка - мать! Любовь Степанова,

Дорогая ты наша казачья!

Я полюбил тебя на Волге.

И билось сердце трепетно в груди.

Мне не забыть твой голос звонкий

Ах, Жигули, мои вы, Жигули!

НАСТАСЬЯ (*с откоса*). Стеа – а – ан! Степушка – а – а!..

Войско царево идет!

Собирай свою силу на силу, силушку!

Сцена третья

Волга - русская река. Струг под парусом. В струге сам атаман со товарищи. Возвращается из Астрахани, где разинцы погуляли вволю. Вот уж скоро и Жигули, откос, где их ждут с богатой добычей.

По пути пустили на дно персидское судно, а к себе на струг Степан Разин перенес на руках персиянку – красавицу. Вот она лежит на коврах с атаманом. И, как в песне поется:

«Всюду... всюду... слышен ропот:

Нас на бабу променял».

СТЕПАН РАЗИН (*грозно*). Кто это сказал?!

Тишина.

Кто сказал, говорю!

Полная тишина.

Кто сказал, говорю, так-то вот

Про княжну персиянскую?!

ГОЛОС (*с кормы, из-за спины казаков, молодой казачонок*). Я сказал, я!..

И еще:

Только ночь с ней провожжался,

Сам наутро бабой стал.

СТЕПАН РАЗИН (*оглядывая всю свою вольницу в струге, всех сидящих на веслах*). Бабой стал? Кто я?

ВОЛЬНИЦА (*хмуровато*). Сам наутро, а то как же!

В последний раз, вразтяжку целует атаман персиянку. младую княжну. Сладко-то как, не оторваться. И, как в песне поется поднимает атаман ее над собой и с размаху княжну-то в волну набезавишую.

И опять тишина, звончей какой не бывает, аж в ушах щекотно. И сидит атаман на носу струга спиной ко всем, вперясь взглядом в показавшееся впереди Жигули.

СТЕПАН РАЗИН (*рыпнув зубами*). Весла на воду, пошел!

КАЗАКИ. Эх, какую девку загубили! Атаман, казачонку бы лучше отдал!

СТЕПАН РАЗИН (*запевая*).

Эх да, я полюбил тебя на Волге,

И билось сердце трелетно в груди...

И ПЕНИЕ ЖЕНСКОЕ *отдаленно откуда-то, свыше, оттуда – с откоса:*

Мне не забыть да твой голос громкий...

Ах, Жигули, мои вы, Жигули...

КАЗАКИ (*нагрянув на весла*). Настасьин голос, Настасья кличет. Родина – мать зовет.

СТЕПАН РАЗИН (*взрыв с клетком, по-орлиному*). Ну, вот мы и дома! В родных берегах... Братцы! Грянем песню удалую на помин ее души... Наливай, казаку! за Настасью, Настасьюшку, за нашу казацкую долю!

* * *

Таца добычу со стругов, разинская вольница тяжело поднимается в гору – к главному костру, к Атамановой поляне увидев разинцев. все от костра бросаются им навстречу. Впереди всех летямя летит Настасья – любовь, сподвижница Разина.

НАСТАСЬЯ (*ложась головой Степану на шею*). Живой! Казак! Цела – а – ай!

СТЕПАН (*улыбаясь*). А чего мне? Я заговоренный. Ни сабля меня, руцкая, ни ятаган турецкий...

Жадно целуя Настасью, он тут же уводит ее в шатер.

В шатре наконец, насытятся друг другом, все дивятся, милуются, как бы давно не виделись.

СТЕПАН. Ну и как ты тут без меня? Никому не давала?

НАСТАСЬЯ (*хохоча*). А тебе-то что? Ай ревнуешь? Сам-то как – ничего там, в Астрахани-то, никого не приласкаивал?

СТЕПАН (*улыбаясь*). В Астрахани-то? Да нет, в Астрахани никого.

НАСТАСЬЯ (*хохоча и играя*). Никого, никого?

СТЕПАН. Да так. Бросил одну тут в Волгу.

НАСТАСЬЯ (*отпрянув в испуге*). Да ты шо – о – о!

СТЕПАН. Да это я так. Пошутил.

Мимо тешиного дома.

Я без шуток не хожу.

То ей блин намедни комом,

То оглоблю покажу.

НАСТАСЬЯ (*примкнув к нему*). Ух, Степан! Сладкай. Покажи лучше мне... оглоблю-то...

СТЕПАН (*едва оторвавшись от поцелуя*). Ну что заждалась, скучала тут? А, Настя? Милая моя, дорогая, любота моя, сухота. Вишь, без тебя, весь иссох, протрезвел. Все пьют, а я как стекло. Про тебя только, толечко-то и думаю. А ты думала обо мне, Настасьюшка?

НАСТАСЬЯ. Я без тебя жить не могу, не умею. Не знаю, как жить-то, Степа, Степушка, не ходи больше без меня никуда. Я боюсь. Все мне кажется, что без меня тебе плохо там, а то могут и убить даже, жизни лишить. А я тебя-то укрою, заслоню собой, своей грудью. Со мной плохого тебе ничего не случится... Гляди, целый, родной мой, живой...

Настасья гладит Степана по плечам, по плечам, обнимая всего.

СТЕПАН. А чего мне? Вишь, какой я большой и грозный – атаман! От мово только взгляда вязы сохнут, солома на крышах берется полымем.

НАСТАСЬЯ. Только от взгляда ли?

СТЕПАН. Это враги клеветят. Мол, хаты рязанцы жгут. Мы хаты не жжем, мы бедному люду волю даем. Мы дворцы палим, волость царскую, а люди пушай живут, а мы плохих обираем, а то и вовсе концы в воду, и все табе. Чтoб не пакостили, не смердили... А еще слуги царевы чего учудили: и Юрьев день отменили.

Единственный, когда крестьянам можно переходить к другому помещику...

НАСТАСЬЯ. А тебе-то что? Плохо, что ли? Пушай отменяют. Зато бегут к нам сюда, во широку степь, погуще стало, втрое супротив прежнего. А тебе то и надо. Твое войско в избытке.

СТЕПАН РАЗИН. Кормить надо, а где взять?

НАСТАСЬЯ. У кого есть, у того и бери. А у кого нет, что с них взять?

СТЕПАН (*обнимая Настасью*). Ух ты, моя умница да разумница! Что я без тебя-то, валенок необутый. Неподшитый, старенький.

НАСТАСЬЯ. Старенький, да удаленький.

СТЕПАН. Да какой же я старенький?

НАСТАСЬЯ (*вздыхнув глубоко*). Ненасытный! Ты атаман души моей, всего маво тела, только бери. Горстями. Бери и пей, как из Волги. И тела, и дела всего атаман.

Сцена четвертая

Там же, на Жигулевском откосе. На Разинской поляне. Те же – вдвоем, Степан и Настасья.

НАСТАСЬЯ (*отстраняясь от него*). Персиянку-то зачем в Волгу бросил?

СТЕПАН (*живо*). Откуда знаешь?

НАСТАСЬЯ. Лучше бы казачонку отдал. Молодое молодому.

СТЕПАН (*еще потуже притягивая к себе Настасью*). Оно и мы с тобой еще ничего, не старые. В самый раз, Настасьюшка?.. А Кормчему в другорядь башку снесу за такие дела.

НАСТАСЬЯ. За какие? Пошто астраханского архиерея с колокольни сбросил? Церковь все же, не след с церковною ссориться, кровь лишнюю брать на себя. Кормчий сбросил-то, а на тебе, и кровь.

СТЕПАН. Богу молимся, и хорошо. Когда выпил, и ищцо.

НАСТАСЬЯ. Богохульник, молчи! Не то боком тебе все это выломится.

СТЕПАН (*с лентой, вращая жску*). Кому, мне?

НАСТАСЬЯ. И мне, и тебе. Мы с тобой одной плетью повязаны.

СТЕПАН. Скажи, не было чего промеж тут с тобой, окромя?

НАСТАСЬЯ. Насчет кладов?

СТЕПАН. Да хоть так.

НАСТАСЬЯ. Лазутчик тайный обнаружился. Сказал про войско цареву. Что и так все знают. А я так думаю, что он шнырял тут, воздух нюхал... насчет клада... туточки в Жигулях...

СТЕПАН. Да кто ж про место знает-то, окромя нас с тобой?

НАСТАСЬЯ. А Казначей? (*холодея*). Этого что в расчет уже не берем?

Тут же появляется Тамада, он же и Казначей разинский.

СТЕПАН (*нервно, аж засмеявшись*). Как за дверью стоял, стенку слушал.

КАЗНАЧЕЙ. Насчет клада говорите? Лики дюже серьезные. Я так и думаю, лазутчик тут появлялся...

СТЕПАН (*строго*). И что?

НАСТАСЬЯ. Да со скалы его вниз головой, меры приняты...

СТЕПАН. Другого жди, скоро появится (*Казначею*). Так что, брат, приглядывайся. А лучше всего, клад распахать по разным местам. (*Настасья Казначею*). Поняли, ватажнички мои дорогие?

Казначей уходит в задумчивости. Пауза.

СТЕПАН (*вслед ему, Настасье*). Засиделся что-то он на двух должностях.

НАСТАСЬЯ. Да шея-то одна, шеюшка. Верно, Степан, мы с тобой не токмо плеточкой, но и кровью повязаны.

СТЕПАН (*многозначительно*). Помыты.

НАСТАСЬЯ. Ну, помыты.

СТЕПАН. Этот Казначей не чета нам... тоже разбойничек из разбойничков... По местам разным надоть клад распахать...

НАСТАСЬЯ (*ловя мысль*). Золотишко-то скоро сгодится: за оружием к персам сбегать. Может, и вовсе там погодить, а, Степан? Пока войско цареву будет ходить тут по крови...

ТЕПАН. Нельзя нам туда, не пустят.

НАСТАСЬЯ. Что – наследили ватажнички?

СТЕПАН. Да уж помахали сабелькой по басурманским головушкам. А они нас жалеют?

НАСТАСЬЯ. Сколько оружия иметь, чтобы от полков царевых отбиться! Сколько злага – серебра! А где взять? Людей-то тьма, только кликни – враз сбегутся. Особо с севера Дона. Да все нищebroды.

СТЕПАН. Значит, в понизовье подаваться. В твои, Настасьюш-

ка, родные места. Вот где полки готовые. Поставил под хоругви и на этого... как его... немца с царевым войском... на «Шопен-гаврина», что ли?

НАСТАСЬЯ. Письма надо писать «прелестные», прельщать людей. Да по разным местам рассыпать, где покрепче живут, при оружии.

СТЕПАН. Чем прильщать-то?

НАСТАСЬЯ. Новым походом по злачным местам. На Персию и на север, по богатеньким городам московским... да и ... это...

СТЕПАН (*задохнувшись*). Че ты, а? И на саму, что ли, на первопрестольную?

НАСТАСЬЯ. Сколько богатств там, столько и голодьбы, подневольных. А мы и туда придем, дать и им всем волю.

СТЕПАН (*задумчиво, глядя прямо перед собой*). Воля-волюшка вольная. Богатеньким мы не нужны, а бедных надо кормить... Так с Казначеем, по душам и не перегутарили. С божьей искрой он, прозревает. Пушай поживет, сгодится.

НАСТАСЬЯ. Да я что? Я ничего. А ты?

СТЕПАН. И я ничего. Насчет этого дела. Гуляй смело, пока носят ноженьки... Надо коней – подставу еще одну – иметь про запас. Так, на всякий случай. Да и окруженьице близкое почаше менять, так, Настасьюшка?

НАСТАСЬЯ. Так, так, пан, так. Как говорят, «пшеки» эти – поляки.

СТЕПАН. Что – и туда уже метишь? Там земли не про нас. Там варяги, их вотчина. А мы тутова, по своим отпетым местам. Родина есть родина, никуда не денешься. Это немец вон, басурманец такой, прет по нашему Дону Иванычу...

НАСТАСЬЯ. Так с него и спросите... опосля всем русским народом... Голову, Степан, выше ставь! Не журись, в журбу не впади! Как Дон Иваныч вечно - таки в Азов, а Азов – в Черемное море...

Появляется Кормчий, правящий на Волге обычно атамановым парусным стругом. Стоит, глядит молча.

СТЕПАН. Че ты ... мнешься-то? (С Настасьей). Я тайн от нее не держу. Говори при ней, как на духу.

КОРМЧИЙ. Да так вот... это... от доносчиков сведения... Жана твоя с сыночком к табе, стало быть, наострилася... скоро будет тут...

СТЕПАН (*потерев ладони, аж искры из ладоней просыпались*). Видал миндал? Встретим, жану - смиренницу с сыночком-разбойничком.

НАСТАСЬЯ (*исподлобья*). Встретим, встретим – и жену, и сыночка твоего Сереню.

СТЕПАН (*Настасье, строжась*). А ты удались. Хоть на какое-то время, глаза на мозоль. Жана долго тут не набудется. Повидались, а айда – лоб в лоб – сызнава в разные стороны.

Сцена пятая

Там же, те же – Настасья и Степан. На Разинской поляне, в атамановом шатре. Вбегает мальчонка, бросается на шею Степану.

СТЕПАН РАЗИН (*восхищенно*). Сереня! Сынок! Вьюн, дьяволенок!

Входит жена Степанова. Увидев Настасья, так и оседает.

СТЕПАН (*сверкнув на Настасью глазами*). Кому сказал! Что сказал!

Метнув на жену Степана, убийственный взгляд, Настасья снимает перстень с пальца, швыряет под ноги Разину. Мальчонка уже убежал к коням. Разин с женой остаются одни.

СТЕПАН (*пододвигая лавку*). Садись, смиренница. Потолкуем.

И сам садится на другой конец. (Миролюбиво). Ну, и как вы там с Сереней?

ЖЕНА-СМИРЕННИЦА (*разглядывая чулок на колене*). Да вот дыра. Зацепилась за что-то.

СТЕПАН. Видал миндал? Скорее всего, за шиповник.

ЖЕНА СТЕПАНОВА. За шиповник. Сон проклятый, меня бесчестит.

СТЕПАН (*спохватясь, подозрительно*). Как это шиповник может кого бесчестить? Говори, да не заговаривайся. Пока рот полон зубов... Ну, и как там, говорю, вы с сыночком! Как с властями?

ЖЕНА СТЕПАНОВА. С властями-то? Хорошо. Подол ветер поднял, с крыши солому содрал. Соль прямо со стола взяли да вместе с солонкой? И уж в этом годе коровенку свели со двора.

СТЕПАН. За меня, что ли, мстят?

ЖЕНА СТЕПАНОВНА. Дык это... кто мстит-то? Никто

СТЕПАН (*беспокойно, шевеля ушами*). У тебя спросить надо – кто?

ЖЕНА (*смиренно*). А-а (*махнув*), на царя все валят, а царь тут при чем?

СТЕПАН (*вразумительно*). Царь за все на Руси отвечает. В каждую дырку гвоздь.

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Значит, соль сосед забрал – мужичило пришел, под дверь ростом, а царь тебе виноват?

СТЕПАН (*засмеясь*). Это какой же сосед к тебе ходит – справа ай слева, что к речке? Я ему петуха-то подпущу, дай приеду.

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Род их вон какой – дуб ветвистый, до Серени ищцо допнутя. Ты умчался, как ветер, а у нас крышу ветром раскидывает.. Судья наемни наехал со своею ордой...

СТЕПАН (*строго*). Ну, и что? Про разбойников спрашивал. По уздам швыряют, «прелестные» песни читают.

СТЕПАН (*еще строже*). Ну, и что!

ЖЕНА-СМИРЕННИЦА. Ничего, говорю, в ваших делах не понимаю. В бунтарских-то...

СТЕПАН РАЗИН (*сверкнув очами*). Каких это наших бунтарских?

ЖЕНА СТЕПАНОВА. Ну в этих... в справедливости вашей... Шашку наголо, кони-звери, фьютъ и – нетути! А мы тут живи...

СТЕПАН РАЗИН. Зерно перемололи, ай есть еще чего по сусекам мести? Ну, тогда потерпи, привезем по новине, опосля Покрова. А сейчас иди, пригляди за сыночком. Ишь, шустряк какой – увязался за теткой... Эт-та баба всему обучит, мальцу пока знать не надобно...

Возникая, издалека слышен женский трепетный голос:

Я полюбил тебя на Волге,
И сердце билось трепетно в груди.
Мне не забыть твой голос громкий,
Ах, Жигули, мои вы, Жигули!

ЖЕНА СТЕПАНОВА (*приостановясь*). Этому, что ли, научит?

СТЕПАН (*сдвинув брови*). Чему «этому»?

ЖЕНА СТЕПАНОВА (*опустив голову*). Ну, песня же, песне.

СТЕПАН (*мотнув головой, восхитясь*). Песне – да! Песню эту казаки любят.

ЖЕНА-СМИРЕННИЦА. Ваша, вагажная!

СТЕПАН (*рубанув пустой воздух, как саблей*). Наша, человекская! Душу всю вынимает.

Жена Степанова уходит. Вздохнув, Степан остается один. Напевая себе под нос, истоиво:

Эх, да спадали тонкие мониста,
Вскипала молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.

СТЕПАН (*вслух*). Сапожонки новые малому справить, сабельку подарить. А кому ищшо сынок-то твой нужен будет, окромя тебя, Степа?

Появляется Тамада, он же Казначей, он же у Степана по всяким дробным – бесовским и добрым делам.

ТАМАДА. Конь засека у тебя, Атаман.

СТЕПАН РАЗИН (*грозно*). Конь?! Какой – Буцефал? Какого я в прошлом годе у астраханского воеводы выменял? Или из-под Воронежа – Воронок? Тоже первостатейный... Буцефал? Кто же это шип под копыто ему вогнал?

ТАМАДА. ДА не вогнал, не шип – сам засека.

СТЕПАН РАЗИН. Ты кто у нас – Казначей? Чтоб мигом купил ищшо два коня! Нет, три... Смирного – под бабу, под воду и под воеводу. Я – Атаман! Конь подо мной должон плясать. Дончака купи, лучшего. А не то отыми. если не продадут. Чтоб конь у меня завтра был, пока Буцефал на все четыре копыта не встанет.

Как это без коня воевода?

Атаман – без народа? –

Будет несгода.

Стегляшек, камней санфирных, на такие дела не жалей! Это в битве кони-звери, а так конь душу гладит. Глядит на Атамана-то по-ручки, по-человечески.

Сцена шестая

Жигули. Разинская поляна. У атаманов на ловке в шатре сам Степан Разин. Подбегает Кривой – донской казак, закадычный дружок Степана. Наклонясь, что-то ему шепчет на ухо.

СТЕПАН РАЗИН (*остранясь резко*). А не брешешь?

КРИВОЙ. Да ты что, бать! Как на духу!

Замечая, проходящих мимо ватажников, несущих на плечах рыбацкие сети, подзывает их.

СТЕПАН (*упрекая Кривого*). Это от них ты на ухо шепчешь? Мне, дружку своему, Атаману! У меня от людей тайн никаких! Я не царь, у меня все наружу.

Распахивает грудь.

Вот, видал миндал? Ты занозу мне, Атаману вашему, вонзил в это самое сердце. Своей вестью плохой, нехорошей. Однако повтори все при всех... вот при них... Мы – люди божьи, нам от Бога скрывать нечего. Вот и вторь при казаках, как на духу. Про то, как это ты Настасью бесчестить пытаешься.

КРИВОЙ (*засмеявшись*). Бать, ей Богу! Так у костров гутарят. Мол, Настасья жане твоей фитиль вставила, что-то подсыпала. Вот она и свалилась, лежит, чуть жива... Не бойсь, мальчонка Серена, сынок твой, при мамке она его от себя никуда...

СТЕПАН (*ватажникам*). Ну, что, казаки? Разбираться будем али как на Бога положимся? Коли выживет жана-то, стало быть, так тому и быть. А не выживет, стало быть, не виноватая, отдала Богу душу... так как, казаки?

ВАТАЖНИКИ (*сымая с плеч рыбацкие сети*). Да так... как бы... и не так... как бы... Кто же ее знает, Настасью-то, атаманшу?

СТЕПАН РАЗИН. Стало быть, сомневаешься? Ну, тады проверять будем. Вот и зови, Кривой, Настасью сюда, к шатру. А там и на сход позовем... если что... Сходом решим: кто прав, а кто виноват. Не персияне ить, где царя-салтана прикармливают ядом с молодости, чтобы сразу не околел... Моду брать персиянскую – людей травить – нам не следует, не по-божески энто, не по-христиански... Зови Анастасью! Заодно и стражу. На всякий случай... Но без кривотолков чтоб, как на духу. Мы не цари, у нас на правде все наше дело держатся...

И загудела Разинская поляна. Сходка сама собой получилась. Под стражей подвели Настасью сюда к шатру.

СТЕПАН РАЗИН (*не глядя на нее*). А ну за полог зайдем! Погитарим.

НАСТАСЬЯ. Нет, зачем же? Тута бей, как в бубен, в самое сердце! При народе бесчесть (*набирая голосу*). Жану свою стало жалко? Мол, лежит жана, дали чего-то. А может, сама хватанула. А он мне (*на Степана*) шьет, атаман-то наш, мол, я ее отравила.

Так вот, принародно, при всех, напрямую заявляю: не травила я жану его, хоть я и его полюбовница.

СТЕПАН (*наклоняясь к ней, с шипом*). У, глядища! Я тебе ястреба выпущу! Не могла без этих слов обойтись. Потихоньку бы уехала та, да и все...

НАСТАСЬЯ (*взобравшись на бочку из-под селедки, на весь сход*). Нет, не все! Я на то не согласная. Больше втихую жить не хочу! Не отравила я ее – жану атамана. А лежит она полумертвая отчего? Да кто ж знает-то, может, персидский салтан ее отравил? Может, сама руки на себя наложила, не хочет со мной счастье свое делить. А я вот делю, я ее принимаю, согласна с ней. А она такая смиренница, а не хочет, может, меня принимать, делиться не хочет.

А у меня к Степану любовь. Вот!

Обнимает Настасья Степана и целует в самые губы врасос.

Не стесняюсь. Целую при всех. Не то, что иные.

СТЕПАН (*растерянно, оглядываясь вокруг*). Ну дак как, казаки? Как с ней быть-то?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Да как? Это тебе не персиянка в Волгу не бросишь... Что удумала... Лекаря надо, за бабкой послать, за травой отворотной – приворотной... Уж послали, примчали, лечит... Атаман в большом затруднении. две жены – две сатаны – посередке баня... Ничего себе дядя Ваня.

КРИВОЙ (*выручая Степана*). У баб надо спросить, как тут быть?

ГОЛОСОК ИЗ ТОЛПЫ. Спросить, конечно. Только где они, бабы-то? Кругаля одни мужики. А Степан заграбастал себе сразу двух баб, как царь, ему можно...

СТЕПАН (*перебивая голосок*). А, это ты, казачок? Домой захотелось сходить, к своей девке-то? Так идите отседова все, кто устал, уморился терпеть – без похлебки тут, без догляда бабьего. Негодяйство какое! А мы тут кошевым обойдемся. Нам, упорным, отсюда нельзя никуда. Вон цареву войско прет с верхней Волги, с городов московских... Встречать надо... Братцы! Водку жрать надо переставать, за сабельку браться, с судьбой, может, сегодня опять канаться. Мы, как ветер, пролетел и умчался, и нетути его, глядишь, уже веет во широкой степи...

Братцы! «Прелестные» письма послали, и к нам уж народ по-

тек. Много всякого люду, разного – бумазейного, бумажного. А мы тут, косточка военная, казачки – дончаки, огнем испытанные, ворогом битые... Нам на бабах замыкаться нельзя, это все мы потом: и детей наделаем, и постучим долотом...

Братцы! Объявляю учения, беремся за дела военные, самые обнаковенные. Поватажно стройся, в Волге обмойся и – на коня! Стройся позади меня...

Все, амба. Разговор окончен.

ОДНИ КАЗАКИ, *расходясь с Разинской поляны*. У, какой у нас атаман! С чего начал – с баб? А чем кончил?..

ДРУГИЕ КАЗАКИ. Чтоб казак не ослаб! В Волгу мыться, коной холить, сабли точить...

Степан, утерев пот со лба, проходит к шатру, где лежит больная жена. Входит к ней, отстраняет сыночка.

СТЕПАН (*наклонясь к жене*). Ну что – оклеймалась, смиренница?

ЖЕНА (*повернувшись лицом к Степану*). Да уж ничего, жива вот.

СТЕПАН (*заботливо*). Отправляйся-ка домой, мать, скоро будет тут горячо.

Сцена седьмая

Спустя месяц, там же. Жигули, Разинская поляна. Вид с откоса. Знакомая мелодия, все та же песня издалека:

Я полюбил тебя на Волге.

И билось сердце трепетно в груди.

Мне на забыть твой голос долгий,

Ах, Жигули, мои вы, Жигули!

Вокруг поляны большое скопление народу. Детский плач, приглушенный женский смех – в одной стороне. В другой – ржание коней, звоны о железо железом, голоса казаков.

Появляется Атаман. Идет рядом с конем – весь какой-то усталый, растрепанный. Подбегает Настасья, ловит глаза Степановы.

НАСТАСЬЯ. Ну, и как. Степа?

СТЕПАН РАЗИН. Сама видишь: весь табор тут. Разбиты мы под Симбирском, скоро сюда нагрянут, войска регулярные, с пушками...

НАСТАСЬЯ. И куда же мы?

СТЕПАН РАЗИН. В понизовья подаваться, собирать силы. Богатеям кланяться, за оружием сбегать к персам...

НАСТАСЬЯ. Золота много-о-ого нужно.

СТЕПАН РАЗИН. Родным твоим бить челом.

НАСТАСЬЯ (*решительно*). Не дадут.

СТЕПАН РАЗИН. Тады вольному Дону хана. После нас и понизовских причешут. Сабли дороги, а свобода дороже.

НАСТАСЬЯ. Вчерась были гости персидские. Говорят, англичане заступили к Каспию...

СТЕПАН РАЗИН. А чего им? Пушай шныряют, походят от Персии. Нам Русь-матушка свободы дороже...

Подходит ватажники. С ними Тамада, Кормчий и другие единопображники Степановы, ватажное атаманство. Образуется свита.

СТЕПАН РАЗИН (*махнув рукой куда-то вперед*). Ну, пошли по народу, что ль, братцы? Поглядим на беды народные? Может, у кого прибавится совести, лучше биться будем с этим... как его, немцем...

КОРМЧИЙ. «Шопенгавром», бать.

СТЕПАН РАЗИН. Ты молчи! Не тебя спрашивают, первым поворотил при сражении (*Настасье*). Как, милая, немца-то кличут?

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. Гитлер! Будет такой хлюст через века. Однозначно. Почти что тут, у волжской тведыни.

СТЕПАН РАЗИН. Не может этого быть! То монголы, то англичане, теперь немцы... То с Востока, то с Запада... Господи Боже мой! Помоги нам, сын Божий (*ищет что-то на небе*), ИИСУС ХРИСТОС (*крестится на дневную луну*), дай, устоять на ногах православному люду...

НАСТАСЬЯ. Не на то, Атаман, крестишься.

КОРМЧИЙ (*уточняя*). На солнце надоть.

СТЕПАН РАЗИН. А где солнце-то взять? Одни тучи кругом да вороны, вещают большую кровь, смертный бой.

ТАМАДА. Ажник сердце чего-то заходится.

СТЕПАН РАЗИН (*грозно*). Не трепещи, баламут! Как водку жрать, так мы первые. А как Родину, детей, жен защищать, так у

нас в глазах темно – одни черные птицы пред нами мотаются... Идем к старикам, послушаем, что деды нам скажут.

Проходят к телегам с задранными оглоблями. Упершись, старики спинами поднимают возы, смазывают дегтем колеса.

СТЕПАН РАЗИН (*полегче как, понетревожнее*). И откуда бредем, мужики, тащимся на таком «гоп со смыка»?

ДЕДЫ (*важно этак, степенно*). Таких слов, атаман, не знаем. Это уже после нас такие слова придуманы.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ, С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. И даже мы таких слов не знаем. Это Степан берет взаймы у времени, в нашем будущем.

СТЕПАН РАЗИН (*взвизвись орлом*). Видал миндал! Какой молодец! Значит, будем жить в будущем, а, деды! Ха! Никуда Русь великая наша не денется!

ДЕДЫ. Дык идут, говорят, несметно на нас. Говорят, это вы разбоем своим Русь шатаете, ослабляете.

СТЕПАН РАЗИН. «Прелестные» наши письма читали вам? Там все сказано, правда все. Кто кого грабит.

ДЕДЫ (*в пояс кланяясь Атаману*). Мы неграмотные, ты словесно нам скажи, без бумаги. Но так, чтоб мы поняли.

КОРМЧИЙ (*вставая*). Проняло, чтобы их. Темноту беспредельную.

СТЕПАН РАЗИН. А ты помолчи, холуй! Обойдусь, не поддакивай! Дай погутарить с народом! Вишь народ говорит, а об чем? Что они обо мне Атамане-то, думают, так? А об чем я сам думаю, знаете, а, деды? О народе, о людях. А вот об чем?

В поле кланяюсь вам, в ножки паду. За волю вашу, за добро народу ручному своему, на плаху лягу, сам себя изрублю на куски, на кусочки... Я не за себя, а за вас, люди! Я пришел дать вам волю... Вон у Настасьюшки спросите, что предвижу, какую смерть лютую вижу себе за народ, за волю нашу всеобщую... Ладонью Волгу не перечерпать, воли людской не избыть, огнушка нашего хоть с лампадку, хоть с фитилек, а и то, после нас что-то останется.

Вон спросите ее – у Настасьюшки-то, она знает, какой лютой смерти предадут меня супостаты за все мое доброе людям...

ДЕДЫ (*падая в ноги Степану*). Атаман! Прости, прости нас, что не так, за все грехи наши грешные, на все поколения наперед

всем расскажем, какой ты герой у нас... веди нас, дедов, веди молодых, справедливых... Они как Дон Иванович наш, Волга – матушка, Русь святая, ты наша могучая, неисчерпаемая...

Так с неотертыми, сырыми глазами и вошел Степан Разин в гуцу к казакам, что в стороне ковали коней, сабли строили на супостата этого, на «немца». И откуда хоть царь, тоже ить руцкий, взял и вешал его им на шею..

АТАМАН (наконец, утерев левый глаз, зычно). Казаки! Изопьем судьбу свою, Дону велико-ого?

КАЗАКИ (как один, подтянувшись). Изопьем, Атаман. Ищщо не все потеряно. На все века запомним, никому не дадим Русь в обиду!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Спустя несколько месяцев. Действие происходит в понизовье Дона, куда ушел с Жигулей Степан Разин от царева войска со своими малой, но верной ватагой. Атаман взлетел орлом сызнова во широкой степи.

Сцена первая

А пока это только в мыслях. Неудача затмила Степану глаза, однако надежды не покидают души казака. Растерзанный пораженьем на Волге, но не сломлен – таким Степан Разин с Настасьей и явился сюда, в родные места Настасьины, для пополнения рядов, за оружием.

Степан Разин, держа коня под уздцы, стоит у криницы – посредине станицы. Раннее утро, заполошно кричат петухи. Степан ждет Настасью. Он послал Настасью домой, узнать, примут ли его Настасьины родичи.

СТЕПАН (достает полное ведро, с водой из колодца, поит своего жеребца).

СТЕПАН (разговаривая с конем). Что, дончак, глазом лиловым косишься на саблю? Не успел вырвать меня из сраженья, а уже скучаешь по битвам, уже хоть завтра в бой? Оба с тобой теперь мы холостяки. И где жана с сынком, с Сереней? Настасья пошла

в свою хату, дай Бог вернется. А то и оставит нас с тобой на произвол судьбы... навсегда...

Наша ватажка милая в соседнем лесочке, в терновнике, а мы с тобой тута пока, в понизовской станице. У богатеев. Они нас, верховых, не любят. А за что любить-то? Известные нищebroды. За храбрость же казацкую надоть любить, за лихость в бою. Как, бывалыча, турка гонять, дырку на линии грудью закрыть, так нас туда, верховых. А как добычу делить, к начальству притулиться, к крестам, так сабе... Понял, конь вороной мой, что такое страгегия жизни?

Мимо проходит казачка. Оскалилась на чужого-то мужика.

СТЕПАН. Чего скалишься-то, ай знакомишься хошь?

КАЗАЧКА (*задорно*). А че с тобой знакомишься? Известная личность: Степан - разбойник. Атаман. Про какого песни поют.

СТЕПАН (*изгалясь над собой*). Да ты что? Да откеля ты знаешь? Может, я вовсе и не Степан.

КАЗАЧКА (*передернув плечом*). Степан Разин. Настасьин мужик.

СТЕПАН. Так иди сюда, погутарим, из одного ведра водички поьем.

КАЗАЧКА. Ага. Попьешь с тобой, костей после не соберешь. Глаза Настасья повыдерет, тигра такая.

Появляется Настасья. Идет сюда швыдко, торопится, размазванная казацкой плетью.

НАСТАСЬЯ (*увидев казачку – свою, станичную*). Уже прилипла, паскуда! Как увидит атамана, так и зачешется у нее, медом ей мазано.

КАЗАЧКА. Да откуда ж я знаю, что это атаман? Может, просто казак... проходящий...

НАСТАСЬЯ. Что – не видно, что ль, по оружию? Глянь, насечка: серебро по черни...

СТЕПАН (*примирительно*). Бес в ребро, Настасья, тебе! Ну чего к подружке-то пристала?

НАСТАСЬЯ (*перекрестившись*). К подружке? Да она у меня еще в девках двоих увела!

СТЕПАН (*взбадривая коня*). Ладно, пошли с глаз, к Дону. Там погутарим.

НАСТАСЬЯ (*оглядываясь*). А энта увидела тебя, сейчас же пойдет по станице. Мол, разбойники, объявились, шашки наголо...

СТЕПАН (*глядя по плечу Настасью*). Чего это ты? Ай шлея попала под хвост? Ну, чего бесишься... Ну, и как там, дома? Отец-мать?

НАСТАСЬЯ. Мать хочь сейчас веди коня твоего на баз, а отец ни в какую. Орет: разбойника в дом родовой не пушу...

СЧТЕПАН (*сквозь зубы*). Старый хрен, Гармаш этот! И в ватагу ко мне не пошел, даже на персов со всеми идти не покусился... Ну, дык что делать, Настасьюшка? Силой ломить? Во лесок, в горы – зиму как-нибудь перебьемся, а там видно будет.

НАСТАСЬЯ. Ну да, во лесок. Дома быть и домой туда на привязь к тебе? Да на что ж это похоже? Идем, говорю! Тут увидим, что делать, что у нас получается...

Проходят широкой станичной улицей. А дам тут же, недалеко от криницы. Дом как дом, как у всех понизовских - квадратный, окнами на все четыре стороны.

СТЕПАН (*под нос себе*). Ишь, какой! Окна все четыре стороны божьего света.

НАСТАСЬЯ. Чего шепчешь-то? Не боись, казак, навостри себя мужеством.

У ворот отец с матерью Настасьины. А без улыбок. Держатся за коновязь, охраняют. Положил руку на кол старый Гармаш.

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*кланяясь низко, в пояс*). Проходите, мои дорогие, проходите. Проходи, дорогой мой зятек, Степанушка, прямо в светелку... Отойди, старый хрыч (*на Гармаша*). Свет не засти, не пересекай путя молодым.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*ворчливо*). Супостат это, государев разбойник.... На две жаны живет, а ты, мать, его хлебом-солью встречаешь.

МАТЬ НАСТАСЬИ (*живо, сверкнув глазенками*). Да, встречаю! И икону ишщо приташу. Ну, я побежала...

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Далеко?

МАТЬ НАСТАСЬИНА. Дак за иконой же.

Возвращается мигам. Сует икону старому Гармашу в руки.

МАТЬ. На, отец! Осеняй молодых! Жизнь у них вся впереди, пой им многие лета...

В доме старого Гармаша. Степан и Настасья настороженно ступают через порог. Мать Настасьи осеняет их окладной иконой. Старый стоит рядом, как истукан.

Садятся за стол. По-православному целуют крест, крестятся на лампадку. Поднимают чару за молодых. Не сразу, но налаживается разговор. Наконец-то, и старый обращается к ватажному Атаману.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Ну, и как ты, Степан, по Персии-то ходил? Рассказал бы хучь, антересно.

МАТЬ НАСТАСЬИ. Ты бы сидел бы, старый хрен, успокойся.

СТЕПАН *(врастяг, применительно к обстановке)*. Да, ладно. Расскажу, раз ему антересно... А чего сам-то не ходил ни разу? А за счет чего домину взгрохал?

СТАРЫЙ ГАРМАШ *(показывая ладони)*. Вот, за счет этих рук.

СТЕПАН. А че мы одни? А где все, остальные?

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Остальных у нас нет, все первые.

МАТЬ НАСТАСЬИ. Дочерьми богаты мы, сестрами вот ее. *(указывая на дочь сидящую слева от Степана)*.

СТЕПАН. Ну, и где они?

СТАРЫЙ ГАРМАШ *(переглянувшись с женой)*. Табун угнали тут...

СТЕПАН *(аж привстав)*. Кто?!

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да с Кавказа. Вот они и погнались за теми.

НАСТАСЬЯ *(тоже привстав)*. Кто? Мужья, мужики.

МАТЬ НАСТАСЬИНА. А то кто ж, казаки. А казаки – сестры твои – за ними. Увязались, куда ж тебе. Тоже сабелькой помахать.

СТЕПАН *(глядя со значеньем на Настасью)*. Ну, семейка!

СТАРЫЙ ГАРМАШ *(помигивая Степану)*. Все ж таки расскажи сказки, как ходил я по Персиде, по персам.

СТЕПАН *(раздумчиво)*. По персам-то? Там камней дюже много...

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Одним, говорят, пора собирать камни, другие – пора раздавать. Кому, антересно, верить?

СТЕПАН *(кладя резко ладонь на стол)*. Верь себе! Да жانه своей. Да в Иисуса Христа...

МАТЬ НАСТАСЬИНА. Да в царя-батюшку.

Степан молчит. Старый Гармаш впился глазами в ватажного Атамана.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*тоже плоско кладя ладонь на стол*). И в царя-батюшку, да, Слава Богу, не нехристи мы, православные, слава Богу...

СТЕПАН (*наконец из себя, через силу*). Да, да и в царя-батюшку, не в слуг царевых...

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*удовлетворенно*). Ну дык энто... про Персию-то что расскажешь? А что утаишь?

НАСТАСЬЯ (*с готовностью*). У него во душа – нараспашку, казацкая.

СТЕПАН (*крутнув головой*). Руцкая, мать человеческая!

Обернувшись к старому Гармашу.

Ну, а что ты отец, знаешь, про Персию?

Старый Гармаш, не ожидая такого, однако готов говорить.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Был один тут у нас недавно из Персии...

СТЕПАН (*резко, глядя на Настасью*). Англичанин, что ль?

СТАРЫЙ ГАРМАШ. А откедова знаешь?

СТЕПАН. Да земля слухом полнится.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Ну да, англичанин. Дрейко-пират, называется, так сам про себя сказал. Я, говорит, Дрейко, путешествую по всему миру под черными хоругвями, с костями крест на крест!

СТЕПАН (*сдвинув брови*). Ну, и что он про Персию пер?

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да он не про Персию, а про Англию, про моря-окияны. Пират ведь, тоже разбойник. Но не речной, а морской, окиянский. Потопил стругов столько – говорить уморишься, не пересчитать. Особо этих, что с золотом... испанских... сколько на дно было пущено...

СТЕПАН. Во дураки! С золотом и на дно.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да, с золотом и на дно. Стало быть, не дураки, что пирату этому, Дрейку, королева ихняя, английская, за то Орден в виде подвязки своей отдала.

МАТЬ НАСТАСЬИ (*косясь на Степана*). А у нас за такие дела голову срубят.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. Да, и глазом не моргнут. Ну, так что там... Как казаки ходили по Персии?

СТЕПАН (*задумавшись*). Фортуна, значит, такая. Хемида называется! Один челобитчик сказал, дюже грамотный, даже в Царь-

граде бывал... Скажу так (*рубанул Степан по столу*): кабы не мы, казаки, так персы уж были бы тута, скрозь бы гуляли. Казаки держат Каспий, море Хвалынское вот где... в жмене этой...

Ватажный Атаман разжсимае ладонь и беретя за стопку. Какую поменьше, потом даже за бабскую рюмку.

Нам, ватажным, в змии энтот забываться нельзя, дюже это смертельно. По грани ходим, такие дела.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*сочувственно как бы*). Да, такие дела... Ну, и как это, про камни-то про персидские, расскажи.

НАСТАСЬЯ (*засмеявшись*). Да не про те, отец, камни-то, про какие ты думаешь. Не по каким ходят, переступают через какие, о какие кони-то засекаются, а какие на пальцах бывают или на шее носят... Алмазы, сапфиры, аметисты... Слыхал такие? «Не счесть алмазов в каменных пещерах». За один камень станицу всю можно выменять...

СТЕПАН (*иронично*). Да еще и на штофчик останется.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*обидясь вдруг вскакивает да за грудки Степана*). Нет, станичники наши не покупаются, не продаются.

Настасья стеной встает между ними. Пауза.

Сцена третья

Те же, там же. Застолье

СТЕПАН (*Гармашу продолжая*). А за что – за так служат? За так и волдырь не вскочит.

НАСТАСЬЯ. Да это он не про нас, про станичников. Это он про скот наш, какой Кавказ за так у нас каждый раз угоняет. Да, Степан? Ты про камни такие?

СТЕПАН. Я про головы собачьи, по каким походили мы там, в энтот Персии.

НАСТАСЬЯ (*задорно*). И на баб не глядели?

СТЕПАН. Их укрыли, им лицо завесили тряпкой. Прорезь только для глаз им исделали...

НАСТАСЬЯ (*вставляя словцо*). Это, чтоб на чужих мужиков не пялиться.

СТЕПАН. А ведь были открыты ранее лица-то. Дюже открыты. Вот такие вирши там слышал? Один грамотей перевел с их персидского нам на ружкий. Дюже нравятся. Об чем непонятно, то самое антересное. Я запомнил. Послушайте. Уж не диво ли –

Степан Разин Хафиза читает.

Вот, «Трактирная песня»
 Падет ли взор чей гордый,
 На голову во прахе,
 В трактире на пороге
 Лежу я – пьян – на плахе.

Не троньте, - вас прошу я, -
 То голова Хафиза.
 Богов не поношу я,
 Собаками облизан.
 Смотрите же, Хафиз лежит!
 Не наноси ему обид,
 Восторженный пиит!

Не зная меры,
 Пил он, пил.
 Все существо его из пыли
 Трактирных ужасов и былей
 И состоит, когда стоит.
 Всемилосердный дал тот вид,
 А он ведь знает, что творит.

- Прохожий, стой, остановись!
 Подумай и про это.
 Со снисхождением глядя вниз:
 Ведь это тут твой брат лежит,
 Бедняга-старец, тень поэта,
 А мог, состаряся, и ты,
 Упав, лежать с Хафизом где-то.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*едва дослушав*). Ничего себе! Этот Хафиз, эти, как их... хафизы! Не казаки! Они хоть саблю в руках-то держали?

СТЕПАН (*еще под впечатленьем*). А зачем? Их оружие – вирши. Услышав Хафиза, мы не пошли на город, Шираз остался Ширазом.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. А камни? Так были ль в Ширазе камни ихние, самоцветы?

СТЕПАН. Конечно. Перлы, называются. Вот такие.

Предав себя судьбе неприхотливой,
 Душа моя жила, цвела, любила.
 Но твой, о Солнце, пламень вдруг пришел –
 Испепелил живое, горы, дол.

И вот смотри, что пепел произвел.
 Гордись, казак, высокою породой!
 Орел летит, он – гений, он – орел.
 Взлетает ввысь – дышать Свободой!

Видал миндал?

И, наклонясь, при матери и отце тут, Степан Разин прямо в губы взасос, безмерно долгим, беспощадно жарким своим поцелуем целует откинувшуюся назад любовницу и сподвижницу свою тоже казачку донскую Настасью, их дочь.

За воротами заржали кони, загремели сбруей. Казаки, приглушенные голоса. Мать Настасьина тут же метнулась во двор. Глядя краем глаза в окно, Степан видел, как она подбежала к конному в башлыке. Наклонясь, казак слушал, нетерпеливо, как конь всхрапывал, переступал. Затем казак махнул плетью вперед, и казаки рванулись за ним и исчезли.

Входит мать Настасьи. Молча садится к столу.

СТЕПАН РАЗИН (*сдвигая брови*). Что за люди?

МАТЬ НАСТАСЬИ. Да так. Свои.

СТЕПАН (*допытываясь*). Кто свои?

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*вступая*). Да зятья, зятья наши. Да, мать?

МАТЬ НАСТАСЬИ (*глядя строго на дочь*). Ну да. Табун, говорят еще пока не угнали, по балкам тут где-то крутят. Помчались искать.

НАСТАСЬЯ (*настороженно*). А где жены – в пушки заряжены? Сестры мои преподобные.

МАТЬ НАСТАСЬИНА. А нигде. По домам, говорят, разбежались. Че им тут по балкам гонять?

Степан, внимательно наблюдая за ходом разговора, круто переменявшим настроенье застолья, и сам переменялся в лице, стал собираться, чтобы уйти.

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*запричитав, заохав*). О, Господи, Господи – Боже мой! Да куда же ты, мой затек дорогой, мой госте-

чек? Да я уже вам постельку разобрала, приготовила. С дороги-то чай устали, растряслись на конях. Передохните хоть ночку-то, а там и по делам своим, кому куда надо... А мы со старым вас покараулим, приглядим за погодой...

СТЕПАН РАЗИН (*затягивая потуже ремень*). За какой погодой-то? Чего на нее глядеть? Раздожится – не остановите. А нам с Настасьей обратно на Волгу надоть.

СТАРЫЙ ГАРМАШ (*насторожно*). Это зачем же?

СТЕПАН. За камнями.

СТАРЫЙ ГАРМАШ. За какими?

СТЕПАН. Какие на шею вешают. Да в Волгу... только круги...

МАТЬ НАСТАСЬИНА. О Господи – Боже мой! Вот жизнь ма-родерская... Одни камни носят, другие – просят, третьи – сами забирают... Сметанки казацкой возьмите, ситнички... Настасья. Анастасия! В погребке, что под овином, ты знаешь где... где и обычно...

НАСТАСЬЯ (*переодеваясь опять по-походному*). Да знаю, знаю, мама! А рыбы вяленой нет?

МАТЬ НАСТАСЬИ. И рыба тама. И мяса вчерась наварила. Берите в переметные сумки поболее. Чтобы хватило...

Попрощались. Вышли во двор. Старый Гармаш держал уж коней под уздцы. Так под уздцы Степан с Настасьей их повели в ворота, пошли по широкой станичной улице, к коновязи.

СТЕПАН (*приостановясь, словно зверь какой-то озираясь*). Ну, и что – видал миндал?

НАСТАСЬЯ (*замерев*). Кто тебе это сказал?

СТЕПАН. А никто ничего... сама видишь... какой табун ишут... скоро их будет тут тыща...

НАСТАСЬЯ. И куда ж мы теперча?

СТЕПАН. К ватажке своей и назад на Волгу. Так-то вернее, спокойнее.

Сцена четвертая

Сухая балка в терновнике. Где-то поблизости лес – крупняк, Дон. Степан с Настасьей лежат на траве, тут же пасутся кони.

НАСТАСЬЯ (*покусывая травинку, Степану*). Ты и ватажников торонишься? Пуглив дюже.

СТЕПАН. Я вот чем... ноздрями... чую ее.

НАСТАСЬЯ. Кого?

СТЕПАН. А опасность. Смерти я не боюсь, смерть всю жизнь за мной по пятам. Боюсь дело наше с тобой опорочить.

НАСТАСЬЯ. Какое дело?

СТЕПАН (*круто вздохнув*). Эх, Настасьешка, Настасьешка! Любота ты моя безнадежная... нету счастья нам с тобой, Настя... Да волю же, воли мы дали людям вдохнуть. Теперь их не остано-вишь. Они на нас с тобою глядят, на красоту души нашей. нас в пример себе ставят... Вот и боюсь в лапы попасть им, себя опорочить...

НАСТАСЬЯ (*дрожа всем телом*). Лучше уж сразу в Волгу.

СТЕПАН. За Сереню боюсь. Искать будут Сереню, а через него и меня.

НАСТАСЬЯ. Мне, что ли, ехать за ним?

СТЕПАН. А куда его – в Персию? Надо пока погодить, отси-даться надо, а там видно будет. Не те еще вихри грянут, пойдут по Руси. сметут все и перемешают... Эх, я полюбил тебя на Волге.

И билось сердце трепетно в груди.

Обнимая Настасью.

Любимая, хорошая моя, верная!

Я буду любить тебя всю свою жизнь.

Настасья глядит в глаза ему, в степь – замирает.

Появляются ватажники Степановы, тоже из донских казаков. только верхних. Также, как и Степан, из воронежских.

СТЕПАН (*кладя перед ними переметные сумки с едой*). Вот, берите (*кивнув на Настасью*). От матери ее. еда знатная, как для Махмуда персидского...

Ватажники жадно едят приготовленное Настасьиной мате-рью, запивают ключевой водой.

СТЕПАН (*сделав паузу*). Так, казаки, так. А теперь скажите мне, как на духу: вы табун из станицы угнали? А то, может, не вы, а? Говорите.

КАЗАКИ (*хором*). Какой табун? Какая станица? Да вы что?

СТЕПАН. Ну, хорошо. Вы тут посидите, погутарьте, а мы пока погуляем. Придем – скажите. Все серьезно обсудим... А Кривой где? Дружок мой? Не вижу.

КОРМЧИЙ. С табуном.

Все так со смеху и падают.

СТЕПАН (*усмехнувшись*). Ну вот, сколько раз говорить: не брешу атаману, язык крючком сведет... Что ж вы, братцы, позорите-то меня, Атамана, героя, человека из песни...

КОРМЧИЙ. Из какой?

СТЕПАН. Ну, из этой... как ее...

Выплывают расписные

Стеньки Разина челны.

КОРМЧИЙ (*подхватывая*). Ну да!

Впереди сидит сам Разин...

Сам веселый и хмельной...

ВАТАЖНИКИ. Вы потише, потише. Кони испугаются – понесут.

СТЕПАН. Вот кого (*показывая на Настасью*) вы перед семьей опозорили, перед матерью с отцом, поняли, разбойнички?

ВАТАЖНИКИ. Мы не разбойники, бать. Мы за волю – правое дело. Кони-то нам для чего?

СТЕПАН (*уже более миролюбиво*). Видал миндал? Ну да, они не разбойники. Ну, тогда так: угнали табун – для чего?

Подходит Тамада, он же Казначей.

СТЕПАН (*удивясь*). И ты тут? Пить нечего, казны никакой, а он ничей: то Тамада, то Казначей. На двух конях сразу.

ТАМАДА Это как вlepили, так и несу... А сам-то тоже на двух кобылицах-то, да?

НАСТАСЬЯ (*вспыхнув*). Как врежу промеж глаз вот... этой пикой, узнаешь. кто такой был...

ТАМАДА. Ну, и кто?

НАСТАСЬЯ. Циклоп одноглазый, такая зараза!

КОРМЧИЙ. Бать, откуда она про циклопов-то знает.

НАСТАСЬЯ. В Тьмутаракани училась, у греков.

СТЕПАН (*смеясь откровенно*). Видал миндал? Это тебе не в Персии, двух слов по-русски связать не могут. Да, да – Тамада? Тамма, тама, тама – да!

ТАМАДА-КАЗНАЧЕЙ и КОРМЧИЙ (*оба сразу*). А теперь, бать, серьезно, совсем серьезно... Это мы первый табун угнали, мы еще парочку приглядели. Хотим войско воссоздать, хотя б не-большое, чтоб на Волгу вернуться и все по-новой... поднять и зажечь... как без коней-то, а, бать? А золотишко, фьют-фьют, просвистели. Ныне конь-то казацкий дорог, годами холим, готовим под казака...

СТЕПАН (*перевив их*). Вот и сами сказали. Годы холит казак коня, а вы хоп, взяли и увели. Не хуже как у крестьянина хлебушек забирать станут. Пахал человек, сеял, жал ржицу, а и айда. Как после того относиться к власти?.. Так и с конем. Куда, под какие хоругви после того они пойдут к Атаману, соображаете? Так, Настюша?

НАСТАСЬЯ. А то как же. Ищцо как пойдут, если приспичит. Когда тот же хлеб заберут, того же коня уведут, дочь опозорят, так, казаки?

ВАТАЖНИКИ. Таковую мать, а то как же. Всегда так. Было и будет, бать.

НАСТАСЬЯ. Слышал: было и будет. Однозначно.

СТЕПАН (*повеселев*).Ну, вы мне мозги-то почистили! Что – тоже в Тьмутаракани у греков учились? Ай у своих, доморошенных?

ТАМАДА с КОРМЧИМ (*оба сразу*). Нам офицеры нужны. Чтоб как в царском войске. Пушки-то кирпичом чтоб не чистили. Чтобы, отняв единорог, могли бы не только стрелять, но и попадать.

СТЕПАН. Так в Москву казаков надо посылать на обучение, в Царьград. Вот войско тады будет как войско, а не ватаги разбойничьи, поняли или нет?

НАСТАСЬЯ. А где деньги брать? Ить если не свой бы конь, так и до Воронежа не доедешь. Деньги что воробьи. Грабить – большие, а тратить – ма – а - аленькие. Однозначно.

СТЕПАН. Вот что! Надобно насторожиться, быть начеку. Чую, нас уже ищут. Дозоры выставить, спать одним глазом, а другим туды-суды рыскать. На днях уходим куда подале, но своих людей оставляем. Сгодятся, с судьбой еще придется канаться.

Сцена пятая

Несколько дней спустя. Центр все той же станицы нижнего Дона, у коновязи. К столбу звонкой цепью прикован Степан Разин. Вокруг атамана охрана из местных пеших и конных казаков. Все ждут царского воеводу с отрядом и железной клеткой, чтобы отправить разбойника в Москву.

Избитый и окровавленный – Атман, как собака, валяется у столба. На станичную площадь уже стянулась толпа, а люди все подходят, собираются, подъезжают.

Развязной походкой казак из охраны подходит к атаману пинает его ногой. Степан поднимает голову, встает, пошатываясь, опирается грудью на окровавленный столб. Руки и ноги его в кандалах.

СТЕПАН РАЗИН (*поднимая кандалы над собой*). Сними, говорю железа, хрен моржовый!

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ (*продолжая лускать семечки*). Молчи, сука! Пока я добрый. Тебе уже яму копают.

СТЕПАН. Знаешь, кто я? Донской атаман.

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ (*презрительно*). Ты? Атаман?

СТЕПАН. Степан Разин. Слышал про такого?

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ. Конокрад – вот ты кто! Табуны с наших станиц уводишь. Таких в яму у нас, и баста!

СТЕПАН РАЗИН (*обращаясь к толпе*). Слышите меня, люди! Эти бандиты, пока я спал в леваде, схватили меня, утомленного походами, былыми ранами. Они тайно схватили меня, вашего Атамана, защитника бедного люда, истинного сына святой Руси, православного, и держат меня тут на цепи, как собаку...

Как на персов идти, так они врассыпную, кто куда. Храбрецы какие! А ты, Степан, иди, заслоняй грудью Дон тихий, детей наших, баб, стариков. Помню, помню тебя, бандитская рожа! Как ты первый бежал от персов и увел за собой сотню...

КАЗАК ИЗ ОХРАНЫ. Врет, лиходей! Братцы! Не ходил я на перса. По Кавказу крутил, а перса и в глаза-то не бачил. Брешет он, братцы!..

СТЕПАН РАЗИН. Люди, служивые, казаки, слушайте меня, вашего Атамана! Верхушка станичная сговор с царевым воеводой имеет. Деньги за меня, я знаю, уже получили – золотом и ассигнациями. Вон они в сторонке, вроде бы не при чем... Воеводу ждут, чтобы в Москву везти меня, в клетке железной, как какого-нибудь зверя... Не меня – Волгу-матушку бесчестят. Про меня на Волге песни поются...

Развязно так, поближе сюда, придвигается верхушка станичная.

ГОЛОСА ОТ НИХ. Ну, и что? Пусть на Волге поют, а на Дону у нас ты бандит, конокрад. А знаешь, что у нас с конокрадами делают? В яму, и амба.

СТЕПАН РАЗИН. Я казак-то донской, по Дону гулял, по Дону

Иванычу, заслонял и вас, ваши семьи от супостатов царских и иных степных обидчиков да налетчиков с гор и Востока...

Позовите Настасью, она ваша, тутошняя, тоже станичная, она вам скажет, кто я такой.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Дак в холодной она, не пушают.

СТЕПАН (*аж взвившись, как жеребец*). Видал миндал! С бабой воюют! Такая баба – справедливая, сильная, бояться – саблей по башке полоснет.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Ну, чего вы, казаки, в самом деле? Атаман ить. Попить хучь бы дали, колоды бы сняли. Слово бы дали молвить, оправдаться.

СТЕПАН (*кулаком станичной верхушке*). Видали, народу сколько? Дождетесь, они вам покажут еще... за раны мои, за бесчестие мое ружье, человеческое, за брехню вашу... за лихую мою долю казацкую... Не просился я в атаманы, сами выбирали и на Волге, и на Дону... на том, и на этом Калаче, в Ейске и Новочеркаске... по многим станицам провезли...

ГОЛОСА ИЗ ВЕРХУШКИ. Ну вот, провезут и таперча – в железной клетке-то по всему Дону великому, по святой Руси... эту тигру злобную. Конокрады табунами коней угонять целыми табунами, и что же – терпи?... Это вон гольтьбе все равно, им терпеть-то нечего, простым казакам, холостякам, кроме коня для конного строя и нет ничего, добра-то не накопили А нам есть, что терять... табунами уводят – тьфу нехристь!..

И еще голосок из верхушки станичной раздался.

ГОЛОСОК ПОДЛИПАЛЫ (*из-за спины*). Плеть надоть к столу положить. Пушай казаки секут такого, не жалко. И себя покажут, и ему докажут. А мы тады поглядим – сымать цепь с него ай не сымать? Пушай! Может, так останется? Пока царев слуга – воевода не подоспеет к нам сюда, говорят, со своей железной клеткой.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Сам положи плетку перед столбом, сам и ударь.

От станичной верхушки отделяется плюгавый такой человек, морда вся в лишаях. Подходит к Степану к железному столбу с плеткой.

Степан через силу встает на ноги, во весь рост. Поднялся да прямо как харкнет ему прямо в рожу пополам с кровью. Поды-

мает руки в железзах над собой да как хряснет ему по башке, ко лишаям-то.

СТЕПАН РАЗИН (*откинув его ногой из-под себя*). Ваш человек? Забирайте.

Утром следующего дня тут же. Вырвавшись из холодной, Настасья, запалась, бежит на станичную площадь. Бросается прямо к Степану, целует Степанович ноги. Замечает плеть у столба.

НАСТАСЬЯ (*замерев*). Ну?! Поднял руку кто-нибудь на тебя, Степушка?

СТЕПАН РАЗИН. Да ты что! Да кто же на меня, атамана, покусьтса-то может, на ближнего человека!

Сцена шестая

Там же, в центре понизовской станицы, на площади, у коновязи. Степан Разин прикован к столбу. Тут же при нем и охрана из нескольких казаков. Пьют прямо из штофа. Чуть закусывая - лопухом.

СТЕПАН РАЗИН (*охране*). Не берет вас, казаки, ни хмель, ни стыдоба - своего, донского казака, как собаку, на цепь посадили, Атамана.

Вишь (*показывая на плеть*), в бездействии лежит, ищщо ни-кто не подошел, не притронулся, хуть бы вы, братцы, по разочку ударили Разина.

КАЗАКИ. Мы на страже. Как поставили, так и стоим. Для порядка. Атаман чай, сам знаешь – дисциплина!

СТЕПАН РАЗИН (*глядя на небо перед собой*). Вон орел крутит, ходит кругами надо мной. Печень будет клевать, что ли?

СТРАЖНИК, СТАРЫЙ КАЗАК. Смерть чует. Вон и черные птицы на ветлах. Энти завсегда так, сам знаешь. Вороны, бывало, по степи уже полки ищщо только идут, собираются, а они уже тут. Сидят черным по белому – по ковылю.

СТЕПАН РАЗИН. Косточки человецкие чистить.

СТРАЖНИК (*Степану*). Ссадить, что ли? (*показывая на орла*). Из ружжа жахнуть?

СТЕПАН РАЗИН. Пушай летает по мою душу, душегуб... (*Запеваля легонько*).

Эх да, ты добычи не дождёшься-я-я,

Черный ворон, я не твой.

СТАРЫЙ КАЗАК (*равнодушно*). Это почему же так? Не дождешься...

МОЛОДОЙ КАЗАК, ТОЖЕ ИЗ СТРАЖНИКОВ. Это почему же так, дядя? Почему ен не дождетса-то?

СТЕПАН РАЗИН (*разжимая зубы*). А не туточки будут меня клевать-то, в Москву на казнь увезут, на погляд всему руцкому народу.

СТАРЫЙ КАЗАК (*оживясь*). Ну, и чему, дура, радуешься?

СТЕПАН РАЗИН (*подымая цепи над головой*). А Русь пуцай вся увидит! Как казнят атамана, бесчестят донского казака! И запоют про меня песни не только по Волге – по всей Руси, матушке... на века запоют, пока жив руцкий народ... про любовь будут петь, про меня и Настасью...

СТАРЫЙ КАЗАК. Про конокрадов песни другие.

СТЕПАН РАЗИН (*стражникам*). А вы, лиходеи, сгниете. Ни сказок про вас, не расскажут, ни песен про вас не споют... Настасью, ко мне допустите.

СТАРЫЙ КАЗАК (*молодому*). Поди, сбегай домой к ним. Скажу страже той, мол, пуцай из погреба ее выпускают. Будет ходить сюда к столбу, пожрать носить Атаману, а то не кормя еще и помрет... Мы, стражники, не супротив... так и скажи им там: стража станичная, мол, не супротив...

Валяй, лётом туда, молодой.

СТЕПАН РАЗИН. На каком примере учишь, а? До небес орленок такой не подыметса. Ищцо в молодости примахаетса, сабля зубуритса, конь засечетса...

СТАРЫЙ КАЗАК (*на Степана*). Ладно, казак, молчи. Участь неси достойно! Перед нами не изгаляйся, атамана звание не низь, не опускай!

СТЕПАН РАЗИН (*тряхнув цепью*). Да я и перед царем не унижусь. Только вот Богу кланяюсь, челом бью перед Иисусом Христом.

Креститса, кланяетса до земли.

Прости меня, Господи, Боже мой, перед тобою я чист...

Появляется Наталья. Бежит, запаленная, по станичной площади.

СТАРЫЙ СТРАЖНИК. Тащит чего-то, небось, хлеба ковригу да кубан молока.

Подбегает Настасья, сперва кидается на шею к Степану, а уж потом ставит перед станичниками штоф с зеленым вином.

СТРАЖНИК (*глядя сквозь штоф на солнце*). Нам энто дело нельзя, не положено. У нас, понизовских, строго (*Степану*). Это тебе не на Волге, тут у нас войско казацкое – Кавказ рядом, не дреми.

СТЕПАН РАЗИН (*на пустые штофы, раскиданные по траве*).

СТАРЫЙ КАЗАК. Страже можно. Чтобы глаз не замылился. Еще пуше будет глядеться орел в небеси... Ишь, летает! Счас я его ссажу... жажну из ружжа...

МОЛОДОЙ КАЗАК (*хватаясь ему за ствол*). Не надо, дед! Нахай полетает!

СТАРЫЙ КАЗАК (*ворчливо*). «Нехай!» Слово-то какое – как и у москалей. Иде только взял?

СТЕПАН РАЗИН. Из Персии казаки-то принесли.

МОЛОДОЙ КАЗАК (*живо*). А какое же наше слово-то?

СТАРЫЙ КАЗАК (*вразумительно*). Наше? «Пушай! Вот наше слово донское, казацкое.

СТЕПАН РАЗИН (*встревая*). Руцкое, челоуецкое.

МОЛОДОЙ КАЗАК (*рассмеявшись*). И то, и то хорошо – не персидское.

А Настасья стоит перед Степаном, вроде слушает казаков и не слушает. Достала ведро из криницы, поит Степана станичной водой, омывает ладонью лицо.

НАСТАСЬЯ (*спохватываясь*). Ну, я побежала.

СТЕПАН. Куда?

НАСТАСЬЯ. Корову доить.

СТЕПАН. Что – вчерашнего нету?

НАСТАСЬЯ. Надо парненького. Для здоровья полезно.

Настасья уходит. Старый казак задумчиво смотрит вслед.

СТАРЫЙ КАЗАК (*Степану*). Оно тебе понадобится, понял? Так думаю.

Стайкой бегут с околицы ребятишки.

Кричат. Едут, едут!

СТАРЫЙ КАЗАК. Кто едет?

РЯБЯТИШКИ. Москали! Конвойные с железной клеткой!

СТАРЫЙ КАЗАК (*облегченно вздохнув своим стражникам*).
Братцы! Стало быть, наша работка закончена. Сдаем Степана в царские руки, пушай сами теперь охраняют.

На станичную площадку въезжают конные – Воевода с конво-ем, с железной клеткой.

Сцена седьмая

Все там же, на станичной площади, у позорного столба. Степан Разин закован в колоды. Из Москвы прибыл конвой с Воеводой. Привезли железную клетку.

ВОЕВОДА (*страже казачьей*). Ну, вот и переходим к царской системе охраны.

СТАРШИЙ СТРАЖНИК ИЗ КАЗАКОВ (*кланяясь Воеводе*). А мы сдаем все в целости и сохранности, вам господин Хорунжий.

ВОЕВОДА (*строго*). Какой я тебе «хорунжий»?

СТАРЫЙ КАЗАК. А кто же?

ВОЕВОДА. Полковник.

СТАРЫЙ КАЗАК (*оборотясь к своим*). Видал миндал? Не могли прислать генерала.

ВОЕВОДА. Почему это генерала?

СТАРЫЙ КАЗАК. А потому что Степан Разин – атаман, соответствует генерал-полковнику войска донского.

ВОЕВОДА (*махнув солдатам*). И этого... в кандалы! Чтобы знал, как брехать-то при царском слуге.

ТОЛПА (*возмущенно, вразброд голоса*). Да вы что, слуги царские! Это же кавалер... донской казак... на нем пол - Дона держится...

ВОЕВОДА (*махнув старому казаку*). Ладно, отменяю приказ, вали домой. Пока мы добрые (*Молодому казаку*). А ты чего тут фыркаешь! Тоже в клетку захотел?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. И его нельзя голыми пуками, и ен герой. на Кавказ в том годе ходил, устрасал, чтобы скот у нас не угоняли...

ВОЕВОДА. Ну, и что ж, герой!

ДРУГОЙ ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Да ен слово такое знает. Особое.

ВОЕВОДА (*молодому казаку*). И какое же? Говори.

МОЛОДОЙ КАЗАК (*показывая пальцем*).. Два слова знаю, два (*показывая на Степана Разина*) - за него и за себя.

ВОЕВОДА (*иронично*). Ну, какие?

МОЛОДОЙ КАЗАК. «Пушай» и «нехай».

ВОЕВОДА (*уже веселясь*). Это что же: было «авось», «небось» да «как-нибудь», а теперь еще «пушай» и «нехай» (*оборотясь к Разину*). И какое твое?

СТЕПАН РАЗИН. Не мое, а руцкое, человечекое – «пушай»!

ВОЕВОДА (*молодому казаку*). Ну, и как, к примеру ты понимаешь его, это слово?

МОЛОДОЙ КАЗАК (*запнувшись, однако решительно*). Колоды сними с него (*на Степана Разина*). И на волю «пушай»! «Пушай» летит Орел!

ВОЕВОДА (*рассмеявшись*). Ишь, какие! Распустились тут, у себя на Дону! «Нехай» посидит ваш генерал-полковник войска казачьего (*конвойным солдатам*). В клетку его, цепь не снимать. Мы верные слуги должны доставиться царю его в целости и сохранности. Где урядник? Урядника сюда ко мне!

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. По грибы пошел, пошли по левадам.

ВОЕВОДА (*смекая*). А-а, грибы? Гробы?.. Значит, власть держит. Тогда с ним потом. Казаки! Разбирай солдат по куренам, на постой берите. Передохнем тут с дороги, подкормим вашего «генерала» чтоб не подох в дороге.. и айда на Москву...

Обратив внимание на Настасью, сидящую на земле у столба, рядом со Степаном.

ВОЕВОДА. Это кто тут? Кто тут занял позиции?

СТАРЫЙ КАЗАК. Да енто... своя, станичная... кормит его (*показывая на Степана Разина*). Чтобы раньше срока... того...

ВОЕВОДА (*весело*). Ну «пушай» кормит (*Оборотясь к конвойным своим солдатам*). Стойте, ребята, тут! Пускай посидит на цепи...

КОНВОЙНЫЕ. «Нехай» кормить. Мы не супротив. Человек все же... Руцкой.

ВОЕВОДА (*строго*). Руцкий?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ (*похожий на Тамаду - Казначая*). Руцкой!.. Ну енто, предвижу. будет такой опосля, в другом веке...

ВОЕВОДА (*сдвинув брови*). И кто это сказал! Как это в другом веке? (*Солдатам*). Без нашего догляду никого, кроме этой бабенки... не допускать! Строго. Чего глаза лупите? Всем понятно?..

КОНВОЙНЫЕ СОЛДАТЫ (*слегка расслабься перед толпой*).

«Нехай» посидит без колод... колодник энтот... Из клетки железной еще никто не убег...

ВОЕВОДА (*кулаком*). Глядите у меня! В три горла не жрите тут? А я тоже пошел грибы собирать.

Ночью по станице пошли пожары. Правда, не все подряд куреня горели, но урядников курень сгорел, да еще три-четыре. Все зятья сгорели у старого Гармаша. Потянулись погоревшие семьями с оставшимся скарбом к отцу-матери, а к кому же еще?

Настасья встречала всех, привечала. Ухлопатавшись, сбегала на площадь, покормила Степана. А уж после мать свою увела за овин. С глаз долой, чтобы высказать все, погугарить.

НАСТАСЬЯ (*покусывая черемшину*). Слышь, мать? Погорельцы-то наши не зря погорели.

МАТЬ НАСТАСЬИНЫ (*насторожась*). А чего?

НАСТАСЬЯ, За свои дела.

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*оглядчиво*). За Степана да, дочка?

НАСТАСЬЯ. А за что ж. Ни грозы, ни молнии, а погорели.

МАТЬ НАСТАСЬИ. Гляди, сестрам-то не скажи. А то они его и в клетке ухандокают. Конвойные не устерегут.

НАСТАСЬЯ. Завтра с левады люди придут... пусть побудут у нас в овине до ночи...

МАТЬ НАСТАСЬИНА (*живо смекая*). Что – отбить хотят?

НАСТАСЬЯ. Кого?

МАТЬ НАСТАСЬИНА. Пушай побудут, овин не закрою.

Целый день Настасья прокрутилась за садом: закроеет мать или не закроеет овин? Закрыла. С сумерками вышла Настасья к ближней балке и стала дожидаться, как смеркается. Заскрипели колеса. Настасья вытянулась в струну как кошка. Шел конвой с Воеводой, в середине конвоя в железной клетке, на огромной телеге, увозили Степана Разина.

НАСТАСЬЯ (*аж привстав*). От греха подальше, в другую станицу, по соседству.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В пути царский конвой. В середине телега с железной клеткой – Степан Разин. Про него тут уж песни поют, пока все это движется по верхнему, Тихому Дону по направлению к Воронежу, а дальше к Москве.

Сцена первая

Воевода спешил. Идет за телегой. Заговаривает со Степаном. Степан Разин молчит. С другого боку железной клетки шагает Настасья – любовь Степана, сподвижница, верная.

ВОЕВОДА (*Степану Разину*). Что – присмирел, Атаман, как по верхнему, Тихому Дону пошли? Сразу язык прикусил. К Москве-то все ближе, к царю-батюшке.

СТЕПАН (*разжимает зубы, сперва в сторону*). Нам терять нечего, чего нам терять? (*Потом вслух, воеводе*). Наоборот, от сердца отлегло. Места потянулись – свои, намоленные.

ВОЕВОДА. Думаешь, выручат? Нет, разбойничек, ничего не получится. И справа, слева, и сзади, спереди – всюду оборона, отряды охранные держатся. Не подступись! Хоть ты весь Дон подымай! Да еще впридачу матушку Волгу! Не выручат тебя, злодея, не думай, ни отряды твои ватажные, ни зипуны сермяжные... Думаешь, не ведаем, что лазутчики твои тайно шныряют по округе, куда ни ткнишь... Специально любовь твою держим, эту твою – Настасью. Как утку подсадную, манок охотничий, чтоб дурачок какой-либо клюнул...

СТЕПАН (*сквозь зубы*). Нет дурачков меж казаков. Или дружки до гроба, или враги.

ВОЕВОДА. И кого больше? Говоришь, полжизни тебе не жалко за них? А они что, может, поднялись всем Доном за тебя, станицами всеми? Не поднялись, не отбили. А что бы, коли поднялись-то? Донскому казачеству наши отряды, тьфу, раз плюнуть. Растерли бы нас каблуком.

СТЕПАН. Сапог нет, нечем растирать-то Сапоги посымали с нас... Вот и я сию босиком...

ВОЕВОДА. Ты – разбойник, отгулял свое... в сафьяновых сапогах... Покатался по Волге-матушке, персиянок бросал в набежавшую волну, а теперь вот в железной клетке. Так-то у нас на Руси! Сегодня ты...

СТЕПАН (*подхватывая*). ... воевода...

ВОЕВОДА (*взмахнув плетью*). Ну, ну! Окоротись!

СТЕПАН. ... царь своего народа...

ВОЕВОДА (*железной цепью перепоясывая Степана через железные прутья*). А завтра что?

СТЕПАН. Завтра? И тебя повезут в железной клетке в Москву.

ВОЕВОДА. Не каркай, ворона! Это почему меня-то хоть повезут, интересно?

СТЕПАН РАЗИН. Антересно? Тогда послухай байку про воеводу. Мозги чистит, кровь холонит... Значит, так. Двинулись донские казаки на Восток, аж к китайцам.

ВОЕВОДА. И туда добрались?

СТЕПАН РАЗИН. Слухай, слухай. За чем? За хорошей жизнью. Прошли они, значит, в Китай. По великому шелковому пути. Стали на постой в станице одной...

ВОЕВОДА. А что у них тоже станицы?

СТЕПАН. А как же. Где земля, там и станица, ну деревни еще. Однозначно. И говорят донцам-молодцам в ихней китайской станице: «Зачем пришли?» А казаки отвечают: «Грабить, деньги нужны». Вот позвали они мудреца...

ВОЕВОДА. Кто они?

СТЕПАН РАЗИН. Да китайцы же.

ВОЕВОДА. Какого мудреца?

СТЕПАН РАЗИН. Да Конфуция.

ВОЕВОДА. И откуда ты все знаешь, казак? Больше царя.

СТЕПАН РАЗИН (*рассмеявшись*). Видал миндал? В персидских походах всего нахватался...

ВОЕВОДА. Жалко такую башку рубить. Ну, давай про Конфуция... Про медведей мы уже слыхали. Как они в Пекин ружки свитки возили. Давай теперь про мудреца, тигра ты полосатая.

СТЕПАН РАЗИН. Про деньги. Про то, что деньги надо не грабити, а зарабатывать. Дали китайцы казакам-то на прокорм и говорят: вон поля, вон мотыга, давай вкалывай. А казаки не знают, что на это сказать. Работать-то не привыкли. Все в боях да в походах. «Силой нас у нас ничего не возьмешь, - говорит им Конфуций, мудрец. - А то как направим туда к вам армаду... по великому шелковому пути... так от вашей Европы одни щепки останутся». - «Во сколько вас? А как же вы только тут уживае-

теть? - говорят казаки. Антересно. Мудрец Конфуций и говорит: справедливостью живем, чувством меры, по четырем стихиям: Земля, Вода, Небо и Солнце...

Пойдем, говорит, вот в эту деревню. Пришли. Собрание у них. Молят небо дать им дождя. Уж давно не было. Засуха, нечего жрать. Пошептал мудрец – дождь пошел. Обрадовались все – рис, будет. А дождь льет и льет. Уже неделю, месяц, полгода. Весь рис и посгнил. И давай они проклинать теперь уже Небо, Воду и Дождь... Понял что-нибудь, Воевода? И что тогда сделал этот мудрец?

ВОЕВОДА. Конфуций.

СТЕПАН. А вот что. Привел им тигра и говорит: видал мандал? Полосатый. Белое с рыжим по шкуре. Одна полоска – для солнца, другая – для тени. Чувство меры, называется. Сиди и тигру эту самую с боку на бок только переворачивай. И тогда все будет у тебя хорошо будешь жить... Понял мудреца?

ВОЕВОДА. Слушай, казак, тебе в Кремль надо, а не на Лобное место.

СТЕПАН РАЗИН (*шевелия пальцами ног в колодах*). Эх, брат ты мой! Вот мы и подошли к главной стихии – руцкой, человеческой. У нас таких Конфуциев – море Хвалыньское без берегов.

ВОЕВОДА. А Степан Разин – один.

Сцена вторая

В пути телега с железной клеткой, со Степаном Разиным. Едут по верхнему Дону, по Руси. Вот и – родной город Степана. Настасья идет вслед за телегой.

СТЕПАН РАЗИН (*Настасье*). Ты бы села тут, передохнула.

НАСТАСЬЯ (*улыбаясь устало*). С колодником? Накаркаешь, как ворона.

СТЕПАН РАЗИН. Вон уже и Воронеж. Тут, на окраине. я и родился. Верфи. Царь Петр еще образовал: корабли строить, вниз по Дону ходить до Азова. «Азь» - буква первая, первый порт у Петра... Тут нас, чую, и приостановят. На передых. Где-нибудь за рекой Воронеж, где верфи.

НАСТАСЬЯ. Плеть хотя бы убрали. Еще и позорить надо, мало им клетки железной. Через верхний Дон, половину Серединной Руси провезли, и никто на тебя, Степанушка, даже не намахнулся.

СТЕПАН РАЗИН. Устал от людей, от народа свою. По глазам вижу: жалеют. Так внутри себя, а то и в голос. Ничего уже не боится, про Степана Разина песни поют...

НАСТАСЬЯ. Страшно что-то. Чем ближе к Москве, тем страшнее. Родной. дорогой! Давай, что ль, отправимся? Я дурману принесу, вон по обочинам сколько... сон-травы этой... заснуть навеки...

Степан молчит. Гладит Настасьины плечи, волосы вольно раскинутые по спине.

СТЕПАН (*вздыхнув поглубже*). Нет, матушка моя. Не след Степану Разину так уходить из жизни. Что подумают, скажут, если уж Степану Разину немоготу-то, так что ж тогда нам...

НАСТАСЬЯ. Чего Бог-то нам не поможет?

СТЕПАН РАЗИН. Стало быть, плохо молился. Воли никак не выхлопочем для людей.

Я пришел дать им волю, а сам сижу в этой клетке, что получается? И везут меня, Настюша, в кандалах, на Лобное место. Все видят люди, Господь и Боги... азь воздам, как аукнется, так и откликнется... Не себя мне жалко – народ, земляков своих из Воронежа. Как клали их пачками, так и будут класть тут, в Зубовском лесу, в общую яму... сразу по десять тысяч, о Господи...

И тут слезы потекли по щекам у Степана.

НАСТАСЬЯ (*Отирая щеки ему свежей ладонью*). Степушка! Мучитель ты мой сердечный! Ты все знаешь?

СТЕПАН РАЗИН. Атаман я, а атаманы все знают, все доходит до них. Даже за будущее.

НАСТАСЬЯ. И за будущее болит твое сердце, Степан?

Так и текли эти слезы обильные у Степана, и когда подвезли его на телеге к верфям воронежским. А тут уж собрался народ, ждали Степана его земляки.

ВОЕВОДА (*подходя к телеге, к Степану*). Глянь-ка, сколько явилось! Купцы и те тут. Этим-то что надо – медом, что ль, маzano?

СТЕПАН РАЗИН (*встав в полный рост и кланяясь землякам низко, в пояс*). Здравствуйте, мои дорогие! Вот и привел я вам сюда в лице своем, вашего блудного сына Степана.

Загудел народ. Бабы заголосили. Закричали, заплакали. Крякнули как-то горько, неловко даже купцы.

ГОЛОСА ИЗ КУПЦОВ. Помним, помним тебя, Степан! И тебя, Настюшка, помним? Подруга ты его беспредельная, верная! Доброе не забывается... Мимо Жигулей, бывало, плывем, товары везем то в Астрахань, в Персию, то из Персии. а Настасьюшка-то, бывалыча, кричит с откосу:

- «Земляки Степановы! Воронежские! Худо ль, бедно ли?

Мы в ответ: - «Худо, бедно!»

- «Проходи Тады! кричишь ты, Настасья, с откоса высокого. – А то заходи, погуляем!»

Низко-низко, в пояс кланяется народ воронежский Степану. Передает ему через Настасью хлебушка, деньги и даже икону – Николая-угодника.

КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ. Пособи ратнику божьему, заступнику людей. Угодничек, Степану пору жизни не окороти... Вон орел уж летает, вон уж вроде кости глодает, рвется слово само из груди... слово горькое, безответное где-то там, впереди...

СТЕПАН РАЗИН (*всю толпу прорезая зыком своего голоса*). Эй, Настасья ты моя, черемшаная! В черемше со мной, братцы, и погуляли же мы, погуляли!

Я полюбил тебя на Волге,

И билось сердце трепетно в груди.

Мне не забыть твой голос звонкий.

Ах, Жигули, мои вы. Жигули!

И уже ночью Настасья в телеге подседа к Степану под крыльшко и стала приласкиваться, слушать, что говорил ей Степан.

СТЕПАН (*на ухо ей*). Сердце, Настасьюшка, что-то вещует, болит за сыночка... Сереню... Кабы про него не пронюхали власти-то. Да и вслед ищю за отцом в клеть...

НАСТАСЬЯ (*тугаясь*). Да ты что? Степа, держи себя, не давай распускаться, нам нельзя, мы с тобою на людях. Мы падем духом, люди ослабнуть, что с жизнью содеется?

СТЕПАН. Так, Настасьюшка, так.

НАСТАСЬЯ (*прислонясь к железам Степановым*). Я тебя поняла... Завтра же метнусь на слободку, расспрошу кой-кого... уведу Сереню отседова, куда подальше... запрячу, выращу, Степа, сына твою во здравии, в уваженьи к отцу...

СТЕПАН. Слышу цокот копыт по степи, вижу конников – дон-

чаки, кони моя долгогривые... Не надо так меня – с бою, с вихря вырывать, с шашками наголо. Всех тут скрозь и положат. Гляди, войско какое тут у царя – верфи все же, полки стянуты охранять. Пушек сколько, единорогов. С такой силой ватаге не справиться, а и верфи не надо шатать, строятся корабли, да отсюда по Дону, к Азову, турок теснить, Русь по степи протянуть на моря...

НАСТАСЬЯ. Степан, Степан. Степушка! Какой ты широкай, без меры, как степь.

Сцена третья

Ночь. Воронеж. Настасья – любовь Разина – где-то за верфями, на берегу. И еще голоса – похоже, казацкие. Похоже – дружки Степановы: Кривой – циклоп одноглазый, Кормчий, да еще Тамада, он же Казначей, с божьим, провидческим даром.

КАЗНАЧЕЙ (*Настасье*). Говоришь, супротив силы не попрешь? Нельзя, так нельзя. Верно, людей положим, а дела не исделаем. Я кое-что тут смикитил, хитрость одну применил: Кузнеца нашел – золото! Подкует и блоху... так вот, заковали то, что можно и расковать. Так, братцы? Усыпить бдительность, подкрасться, сбить колоды, и айда! Ослободим Степана малыми силами... А теперь кто за что берется?...

Ты, Настасья, подпоишь охрану, солдата. Ты, Кривой, за тень тенью, след в след, с кинжалом в зубах. Если что, кого надо, кокнешь... без лишнего шума. Ты, Кормчий, за конец дела всего отвечаешь. Чтобы все тут было, как штык...

КОРМЧИЙ. Однозначно. (*Казначею*). А ты?

КАЗНАЧЕЙ. А я – Тамада, атаманство на мне, чтобы все, как часы.

КОРМЧИЙ. Ну, тады в струг... на конец дела то исть! Пошли.

КАЗНАЧЕЙ. Вон кузнец – сидит, часу своего дожидается. Этот участок мой, не указывать.

КРИВОЙ. Антересно, кто же это? Левша?

КАЗНАЧЕЙ. С обеих рук долбит, не хуже Левши, такой купол у человека.

КРИВОЙ. Не купол, а кумпол – голова то исть Богом дадена, как тебе дар провидческий. Говоришь, насквозь все видишь, а сам не можешь и энтого расплантовать...

КАЗНАЧЕЙ (*приостановясь*). Ну, и чего это я не могу пред-

угадать? Чтоб тебе первому сейчас башку отвернут? Так сказать, тебе. да? Это надо тебе?

НАСТАСЬЯ. Братцы! Казаки! Ну, что вы? И где вздумали спросить?

КАЗНАЧЕЙ. Кривой же, с одного глаза не видит(ь).

КРИВОЙ (*ворчливо*). Походите в Персию-то с мое – оба вышибут.

КОРМЧИЙ. Вон Степану не вышибли, а побольше твоего ходил... даже Хафиза познал, вслух читал, слышал?

НАСТАСЬЯ (*взмолвившись*). Братцы! Степан-то ждет. В срок надо укладываться...

Совсем глубокая ночь. Вот донцы-молодцы уж на месте, встали на помера.

А телега под вербой. На телеге железная клетка. В клетке железной – Степан. Узник царев, охраняемый особо конвоем.

ЧАСОВОЙ - конвойный солдатик (*лязгая фузеей*). Стой, кто идет?

ГОЛОС НАСТАСЬИ. Да я же, Настасья – кормлю Разина и люблю.

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*менее строго*). А чего поздно?

НАСТАСЬЯ (*подходя поближе*). А когда ж к тебя с энтим делом? (*Показывая на бычий пузырь*). Днем нельзя.

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*потирая руки*). Монополька или зеленая?

НАСТАСЬЯ. Серо – буро – малиновая! А какую ж тебе – из царевых палат?

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*оставляя в сторону фузею*). И эта в самый раз... Не напьюсь?

НАСТАСЬЯ. Это что тебе - муха! Гляжось на себя-то, чудо какое! Самый здоровый тут! Здоровее тебя нет в конвое, Кольцов...

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК. Какой Кольцов?

НАСТАСЬЯ. Ну, Никитин.

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК. Какой Никитин?

СТЕПАН РАЗИН (*уж выручая Настасью*). Че не знаешь? Руцкой, человекский. Из тех, что коней по хуторам подбирают... скакать по ямам...

КОНВОЙНЫЙ СОЛДАТИК (*настороженно*). По каким это ямам?

СТЕПАН РАЗИН. По почтовым, воронежским. По московским буграм... засмотрелся на бабу! Не расплескай.

КОНВОЙНЫЙ (*повеселев*). А-а, по московским буграм? Ну, тады ничего, можно (*расправляя усы*). Если даже бугры, то ничего... выбирать не приходится...

НАСТАСЬЯ. Пить так пить. Вдрызг.

КОНВОЙНЫЙ (*сделав первый глоток*). Вдрободан. А не отравите, братцы, не отравлюсь?

СТЕПАН РАЗИН. Что тебе тут – в Персии, что ли? Так там даже царей не жалеют. По чем зря травят.

КОНВОЙНЫЙ (*Настасье*). Это правда?

НАСТАСЬЯ (*на Степана*). Вот с ним в Персию походил бы, узнал бы, что такое зеленая, белая, красная, синяя...

Конвойный пьет Настасьину гамму цветов под вариацию слов. Добирается до дна. наконец, хлоп оземь бычий пузырь да и давай хвататься то за воздух, то за свою фузею, чтобы хоть за что-то держаться.

СТЕПАН РАЗИН. Отчего казак гладок? Напился да набок. При фузее своей.

Солдатик уж спит при своем интересе, мочевом пузыре. А ватажники уж тут как тут, кузнец уж перекусывает ножнями железные прутья. Склоняется над Степаном к ногам, закован-ным в колоды.

ТАМАДА (*торопя его*). А ищцо, Левша, говоришь? Можешь блоху подковать?

КУЗНЕЦ (*сквозь зубы*). Однозначно.

ТАМАДА. А с этой херней никак не справишься.

КУЗНЕЦ (*распрямляясь*). Это не «херня» - это умные люди думали, когда делали. На этой «херне» власть держится. Панцирная система. А ты хошь, чтобы я раз, и... перекусил. Как стручок.

ТАМАДА. Стручок горький.

КУЗНЕЦ. А это не слаще. Придется ногу ломать.

КРИВОЙ (*оторопев*). Как это – «ломать»?

ТАМАДА. Атаман все-таки, генерал-полковник Войска донского во временном затруднении. Ищцо-то походит по земле, ищцо сбегает в Персию...

КУЗНЕЦ (*весь в поту*). Ну, тогда пилить будем.

НАСТАСЬЯ. Как это – «пилить»? Шило на мыло? Ломать, пилить - все одно без ноги...

СТЕПАН РАЗИН. Без ноги не могу! Под топор лучше...

Появляется Кривой, бежит сюда (задыхаясь).

КРИВОЙ. Братцы! Сматываемся! Что-то пронюхали: Воевода с целой сотней сюда... с шашками наголо...

Сцена четвертая

Москва. Красная площадь. Лобное место. Тут же телега. В клетке железной Степан, рядом со Степаном Разиным и Настасья – любота его жигулевская, донская казачка, сподвижница.

СТЕПАН РАЗИН (*вставая во весь рост и держась за железные прутья*). Ну, вот, Настасьюшка, и Москва. Как же ты только дошла! Мужики на конях, я – на телеге, а ты пехом промолотила, верст, небось, тыщи три.

НАСТАСЬЯ (*улыбаясь через силу*). С чего ты взял? За тобой шла, верст никаких не замечала.

СТЕПАН РАЗИН (*искоса взглядывая на Лобное место*). Ну и ну.

НАСТАСЬЯ. До Казани-то не дошли, на середине Волги остановились. Перед татарами. Вон красавец какой, Василий Блаженный! Собор Казанской божьей матери!

СТЕПАН РАЗИН. Хоть разок взгляну на красоту перед смертью.

НАСТАСЬЯ. На миру и смерть красна.

СТЕПАН РАЗИН. Вон куда отсюда видать - на пол-Земли размахнулись.

НАСТАСЬЯ. Кого видать-то?

СТЕПАН РАЗИН. Дай-ка на Василия помолюсь, на Блаженно-го...

НАСТАСЬЯ (*опустив голову*). Какая же я мать тебе?

СТЕПАН РАЗИН. Не мне, а сыночку нашему, какой ищю только будет... Переспали мы с тобой там, в Воронеже, и, ты, говоришь, понесла. В капусте плод сладок.

НАСТАСЬЯ. Горек, горше судьбы.

СТЕПАН РАЗИН (*успокаивая ее*). Мерить шею не надо под Лобное место. Чего мерить-то? И без примерки сколько тут полегло?

НАСТАСЬЯ. Всякие были. Но такого, как ты, не было. Ты – ви-

тязь. богатырь былинный, сказочный герой. Пока мы шли сюды, молва впереди бежала на вострых коняк. Вся Москва уж знает, что ты уже тут. Толпами скоро повалят... Люди у нас такие зрелища любят. Каждый думает: хоть кому на плаху, лишь бы не мне.

СТЕПАН РАЗИН. Нет, не так думаешь. По мне каждый будет шею свою примерять... После мне никого уж рубить тут не будут, Лобное место просохнет...

НАСТАСЬЯ (*утирая глаза*). Степушка, Степа! Наших-то сколько тут на Москве – донских казаков? Может, не выдюжит сердце казацкое, первопрестольная на себя, как в зеркало, глянет, полоснут глазища по этому Лобному месту, и поднимут люди добрые руки кверху, к самому Господу Богу, а ен гром и молнию оттуда ниспешлет... да и ослабнут цепи твой железные, ослобонят люди тебя, Степан, Степушка. А может, и царь ищшо сжалится, помилует, указик такой подпишет...

СТЕПАН РАЗИН. Нет, не подпишет. За все простил бы царь меня, только не за «прелестные» письма! Вот нашелся, мол, умнее царя. Как же царь-батюшка сжалится, коли жалость подпереть некому? Спит Москва, когда еще она только-то проснется! Это степь широкая наша больше не спит никогда. А кто спит ночью, то днем не спит, а кто днем...

НАСТАСЬЮШКА (*перебивая*)... Ночами не спит никогда! Правду ищут, клинки точат.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И тут пришла на смену страже московская – особая, «холуи». Одни тут же стали мыть Лобное место, очищать от скипевшейся намертво крови. А другие вытащили Степана из его желез, к каким уже он привык. Знал, что, пока он тут, с ним ничего не случится. Так вот, вытащили его «холуи» из клетки да и повели под ручки в застенки. В оборудованную светелку. Чтобы пытать, ослабить силу духа, чтобы, не дай Бог, на Лобном месте чего-нибудь не закричал.

* * *

Пыночная камера. Тут же, где-то поблизости.

В камере – двое: Степан Разин и палач. В серой замашной, заметим, не красной рубахе. Только приглядывается к шее Степана. Как он будет класть его да куда веревки протягивать, чтобы всего вязать.

ПАЛАЧ (*Степану Разину*). Здоров дюже, будем тебя окорачивать.

СТЕПАН. Как это? Соразмерный. И в ширь, и в длинку. Правду, народ говорит, Разин широкай.

ПАЛАЧ. Не в том смысле. Окорачивать будем, чтобы чего не брякнул. А то ищшо и царь возьмет, поглядит из окна. А тут кричат, смущают народ. А ему энто дело зачем? Он – царь! Гроза! Хозяин Русской земли...

СТЕПАН РАЗИН. Тебе – да, а мне – нет. Мы на Дону сами себе цари.

ПАЛАЧ. Басурман! Я так полагаю: четвертовать тебя будем.

СТЕПАН РАЗИН. Это как понимать? Что за казнь?

ПАЛАЧ (*спокойненько*). Не-ет. Чего там, крест на крест. Сперва руку, потом ногу напротив. Потом такая же процедура в другую сторону... Вот и крест на крест... А потом уж и голову. Энту надо народу показывать...

СТЕПАН РАЗИН (*судороги уж по всему телу*). Слова какие у тебя, неведомы на Дону. Из челобитчиков, что ль, дюже грамотный?

ПАЛАЧ. Тружусь. То там, то тут. Там – с открытым лицом, тут – в белой холщовой рубахе. На Лобном мы в маске да в красной рубахе. Чтoб кровь не видать. Испокон на Руси – два главных цвета: белый да красный. Один другой перебарывает. Это еще с тех времен, когда варяги были – до Киева, еще в Новгороде Великом. Два рода боролись: Рюриковичи – красный цвет на хоругвях, Давыдовичи – белый...

Между тем, палач неспеша обустраивает свое, как он сказал, «оборудование». Вешает чайник над головой Степана, наливает его водой.

СТЕПАН (*не видя этого*). Антересно, и кто же победил-то – какой цвет?

ПАЛАЧ. Ай не знаешь, какой? Какой на мне на рубахе моей? Взойдешь, парень, на эшафот, на Лобное место – поглядишь.

СТЕПАН. А еще... антересно...

ПАЛАЧ. Вот дураки! Руцкий народ. Им уж с копеечку жить, а все «антересно»... Ложись, тварь, разбойная морда! Сейчас башку тебя будем долбить!

СТЕПАН (*слабым уже голосом*). Как долбить? Чем?

ПАЛАЧ. Водой! Вот такоечкой капелькой!.. Раскальваем черепушку твою, делаем щель и из чайника в дырку энту... Капельку по капельки-и-и-и... капелька по капельки-и-и... главное – методично.

СТЕПАН РАЗИН (*хрюпя уж под рукой палача*). Пьешь кровушку, живешь припеваючи? Я запомнил тебя! Я запомнил...

ПАЛАЧ. Как начнет молотить – капелька по капельки-и-и... Свет белый смеркнется, жизнь копейкой покажется. Вот когда у меня запоешь...

СТЕПАН РАЗИН (*слыша хруст черепа*). А как же мне на Лобное место?

ПАЛАЧ. Доживешь до Лобного-то, однозначно. Но петь уж не будешь! Переводим тебя в другой приказ – из первого во второй. Ну, прощевай.

Сцена пятая

Там же. Красная площадь. Лобное место. Толпа уже аж до Кремля. Палач глыбой у всех стоит перед глазами. В красной рубахе, с закатанными рукавами. Поигрывает топором.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Все ждут Степана Разина. Привезут на телеге, в железной клетке.

Напряжение возрастает.

Тишина вот-вот лопнет.

Черные птицы расселись на Василии Блаженном, смотрят на всех свысока.

Появляется телега, в клетке – человек без рубахи, по пояс голый. Это Степан Разин – подарок царев Первопрестольной, с Дона – московской толпе.

За телегой, опустив голову, бредет Настасья - любовь, сподвижница Разина, тоже донская казачка.

Разин ступает на первый порожек Лобного места, и крик оглашает всю Красную площадь. Это кричит, закатившись, Настасья. Упала, вцепилась в колоды и не выпускает.

Толпа ахнула и помертвела.

ПАЛАЧ (*маня к себе Разина пальчиком*). Иди, иди, Степа, сюда - к топору.

И гладит огромный изрубленный пень.

Переступив с ноги на ногу, Степан Разин остается на месте. Поставив молча, продохнув маленько, подымает руки в цепях высоко над собой и резко низким поклонам, земным в пояс, кланяется толпе.

СТЕПАН РАЗИН (*глотнув пересохишим ртом*). Ну, здравствуй, народ мой руцкий, православный люд, человеккий! Вот где мы с тобой свиделись.

Настасья с ковшом воды бросается к нему туда. Поит его из рук, становится рядом. И стоят они оба, и смотрят они друг на друга перед смертью в последний разок.

Степан Разин, глядя в очи Настасье, да притопнув ногой в кандалах.

Эх, да! Черный ворон, да ты не вейся...

Над моею головой.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Кандалы-то сымите! Порядок знаем: четвертуют без кандалов!..

Палач подзывает стражника, тот сбежал вниз по пороожкам. Побежал на другую сторону площади, за кузнецом.

Пауза. Неловкая тишина.

ГОЛОС В ТОЛПЕ (*отдаваясь эхом, во все стороны света*)..

Степа – а – н... Рази – и – н!..

Тихий Дон видит(ь) тебя – я – я ...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*тут же*). Волга – матушка слышит(ь) тебя, Атама – а – а – ннн...

И сразу эхо, может, в тысячу голосов. Святая Русь, люди русские будут помнить тебя, Степа – а – а – ннн... пока живы – и.

Толпа сдвинулась, запричитала, заплакали самые сердобольные. Слуги царевы забегали вокруг Лобного места, оттесняя первых в первом ряду.

И тут в толпе крикнули:

Царя сюда! Царя-батюшку!

Пушай идет!.. В ноги валимся, нехай батюшка явится!...

Скажем царю, как один:

Нехай ружья кирпичом-то не чистят, пушай умных людей, скажем царю, царю-батюшке, не казнят...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Палач в шлею, Настасью с помоста туда, вниз, - очистить Лобное место! Подался от Степана. А она как сцепится в топорище, в Степана так два солдата едва оторвали ее от Разина

*этого - то ли разбойника, то ли атамана донского, кто их тут
разберет-то на плахе без царя-то без батюшки...*

*И увидел Степан Разин свою Настасью, забившейся в истери-
ке у ног его, у самого этого лобного местушка да так, как без
памяти, тучочки у паласа под рукой. Господи, Боже мой! – вот
страх возник за нее, да так вспыхнуло в нем все внутри, возгово-
рило – капля за каплей, капли в застенке, капли в голову, по всему
белому свету долбят в трецину, да пояса, видать, не раздолбили
еще, не ослабили духа Степанова. Потому как подвинулся он к
краю пропасти и чтоб не пропасть совсем. чтоб хоть как за-
щитить тут Настасью, показать перед людьми, что от него
еще сто-то осталось, и сказал он то, может самое главное, что
копилось в нем всю его жизнь. а сейчас подступило, не давало
ему умереть. Он сказал:*

*- Плакать по мне не надо, не плачьте. Я свое, люди, пожил, свое
отлюбил. Походил по степи широкай, вольной... вольному-воля,
невольному – страх... А я уже не боюсь ничего. Царям с такими,
как я тяжело, а мне с ними легче, есть на кого свое переложить,
ты не крайний... Вот она, любота моя – Настасьюшка, тучочки,
в последний, смертный час рядом со мной... Отцы, матери! Вот
лежит ваше дитя, ваша дочь, красива-а-я, любовь моя! По ней
плачьте, люди!...*

Слухай сюда, народ православный,

Слухай последний раз казака.

*СТЕПАН РАЗИН (запевая, глядит, на Настасью одной только
ей).*

*Я полюбил тебя на Волге,
И бьется сердце казака в груди.
Не позабыть твой голос звонкий.
Ах, Жигули, мои вы. Жигули!*

НАСТАСЬЯ (поднимаясь с земли, подхватывая за Степаном).

*Спадали тонкие мониста,
Вскипала молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.*

И палачу – в красной рубахе, с серебряным топором.

*Секи, палач, и меня, мою голову.
Жить без него не могу, не сумею.*

ТОЛПА В ОДИН ГОЛОС. Указ, царю!
Пушай милует! Милует пушай казака!
ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Подъезжает карета. Кидаются к ней, в ноги падают: Царь-батюшка! Распахнули, а там не царь.

Подъезжает другая карета. И к ней кинулись – тоже не царь.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. И закружились кареты, как метель запуржила вокруг Лобного места. В какой царь? В какой не царь? Смотрят на палача, на красную рубаху его, на топор пока что серебряный. Но дай бог брызнет алая кровь молодецкая! Набрякнет, тяжелой станет рубаха у палача, потянут на дно тяжелые такие денечки – в могилку-то не одну сотню отправил. И только песня Степанова легка, оторвется от грешной земли, и, вознесясь, пойдет там по лебединому белооблачным, божьим светом Степановой легкой походкой.

Сцена шестая

Там же, те же. А Кузнеца все нет, ждут все его. Степана Разина все пока не четвертуют. Как рубить Атамана крест на крест, когда на руках ногах у него кандалы?

Царь сидит в одной из карет. Как и все, тоже ждет Кузнеца.

ПРИДВОРНЫЙ (*докладывая царю*). Ваше Величество. Пьян Кузнец, как сапожник. Уж вторую неделю болеет «русской болезнью».

Придормнув маленько, будто бы говорит, Царь, вещает придворному так. Так другого найти! Что у нас, во всем царстве, не найдется, что ли, еще хотя бы одного кузнеца?

ПРИДВОРНЫЙ (*извиваясь перед царем*). Так другие-то по другому приказу проходят у нас, по палаческому. Этому департаменту не соответствую.

ЦАРЬ (*еще раздраженнее*). Ну так найдите Кузнеца и переведите в другой департамент.

ПРИДВОРНЫЙ (*еще более извиваясь*). Без Боярской Думы нельзя. Сперва надо созвать Боярскую Думу, а уж потом на Боярской Думе голосовать – переводить али не переводить?

ЦАРЬ (*озлясь уже*). Ну дак собирайте Боярскую Думу да головуйте.

ПРИДВОРНЫЙ (*настолько уже извиваясь, что прямо-таки в*

змею превращаясь). Сенат должен поставить вопрос насчет того, чтобы собрать Боярскую Думу или не собирать?

ЦАРЬ (*еще более злится*). Ну так пушай ставят вопрос.

ПРИДВОРНЫЙ. Так председатель Сената сперва должен Священный Синод испроить насчет Думы-то... Собираться Думе Боярской или не собираться?

ЦАРЬ (*уже гневаясь*). Ну, так пушай испросят Священный Синод - собираться ль Сенату или не собираться, а Сенат пушай даст разрешение – собираться Боярской Думе или не собираться, а Боярская Дума пушай опосля уж того голосует – перевести из другого приказа в палаческий Кузнеца, а уж потом, опосля всего, другого ишет, трезвого кузнеца.

ПРИДВОРНЫЙ (*окончательно, еще пока не сбившись с панталыку, сперва идет в сторону реализма*). Батюшка! Давно уже ишут другого, трезвого кузнеца.

ЦАРЬ (*насторожась*). И что?

ПРИДВОРНЫЙ (*продолжая линию*). Не находят.

ЦАРЬ (*удивясь невыразимо*). Что – всему царству нашему нельзя найти мастера - класса, трезвого кузнеца?

ПРИДВОРНЫЙ (*подводя итог*). Нет, Ваше Величество, этого сделать никак невозможно. Мастеров у нас много, а класса нет! Это связано с небом, так уж свыше предуготовлено.

ЦАРЬ (*решив быть терпеливым, довести свое царское дело до логического конца*). Ну, так кто у нас по Небесному Своду? Какой Департамент?

ПРИДВОРНЫЙ (*терпеливее даже царя, переходя теперь уже к романтизму*). Опять же Священный Синод.

ЦАРЬ (*хмуря брови*). И что говорит по этому поводу Священный Синод?

ПРИДВОРНЫЙ. По поводу ничего не говорит, а вот насчет кузнеца, его трезвости, это даже с Богом не связано.

ЦАРЬ (*еще более хмуря брови*). Ну, и что у них, с кем хорошие отношения?

ПРИДВОРНЫЙ (*и еще терпеливее супротив прежнего*). Насчет этого, насчет промысла-то божественного все у Византии, в Византийской империи. Там теперь центр энтого дела находится.

ЦАРЬ (*опять уже гневаясь, да посохом о пол*). Да что вы мне

голову морочите! Византийская империя пала, достоверно известно, давно уже.

ПРИДВОРНЫЙ (*в виду обострения второе терпеливее прежнего*). Действительно, пала. Но центр до сих пор там находится.

ЦАРЬ (*крайне этому удивясь*). Ну, дак пушай переводят его в Москву.

ПРИДВОРНЫЙ. Кого – кузнеца?

ЦАРЬ (*посохом о пол*). В Москву! Делайте из нее другой, третий Рим...

И тут, от такой дерзости, царь просыпается глядит подозрительно на придворного.

ЦАРЬ (*вспоминая, опираясь как на посох, на мемуары*). Ну, что – отрубили башку разбойнику?

ПРИДВОРНЫЙ. Да ищут Кузнеца. Меморандум составили.

ЦАРЬ (*удивясь*). Мимо? Какого Кузнеца?

ПРИДВОРНЫЙ. Трезвого.

ЦАРЬ (*подозрительно глядя на Лобное место*). Первого или второго? На какой стадии рассмотрения?

ПРИДВОРНЫЙ. А на первой еще, в реализме.

ЦАРЬ (*сердито*). В какой реализме? В критическом? Тогда рубите.

ПРИДВОРНЫЙ. У нас народ привык, чтобы рубили не по цепям, по металлу.

ЦАРЬ (*хлопая по плечу другого трезвого Придворного сидящего на облучке*). Ну, тогда мы поехали. В окно из Кремля доглядим. Как платочком белым махну, так и рубят пушай.

ПРИДВОРНЫЙ. Нехай рубят, так? «Нехай» - слово наше, московское.

ЦАРЬ. Ну, пушай будет «нехай», нам без разницы. Чтобы башку рубили разбойниками вовремя. И Кузнец был из палаческий приказа.

ПРИДВОРНЫЙ. Да, конечно. А то вон народ помиловать просит.

ЦАРЬ (*опять хмуря брови*). Кого помиловать?.. Как платочком белым махну, так и рубите... Ах, наоборот? Указ читать о помиловании?.. Ну, поехали.

И махнули из окна, от царя-батюшки белым платочком, а тут уж нашли Кузнеца, соответствующего Палаческому приказу.

Привели, наконец, протрезвевшего. А топор уже полцети отрубил.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Слава Богу, на последнем звене зазубрился. А еще говорят царем быть хорошо. Да не дай Бог!

Через какие же дебри цари пробираются, чтобы указы их соразмерно всему исполнялись. Пушай хотя б и во сне.

Перейдем, однако опять к реализму – к Лобному месту, к Степану Разину, ждущему Кузнеца. А пока пусть побудет донской казак в романтизме со своей Настасьей – жигулевской красавицей. Русский народ на них хоть поглядит, полюбуется – на такую любовь до последнего часу.

Пришел Кузнец, снял со Степана Разина кандалы. И Палач в своей красной рубахе сразу вошел в права, за топор серебряный взялся. Толпа ахнула и помертвела теперь уже совсем, окончательно.

И поднял Степан Разин над собой свободные руки: глядите, люди, свободен Степан!

И переступил Степан Разин по Лобному месту раскованными ногами: глядите, люди, свободен Степан!

И глянул Степан в синие очи Настасьи и увидел в них синее, синее небо, а в небе орла, летящего над головой.

Лети, орел, вольная воля свободная,

На Тихий Дон, на Волгу – матушку,

На Утес жигулевский, -

Лети вместе с Настасьей в века.

СТЕПАН РАЗИН (*в свой смертный час Настасье, в последний разок*).

Эх, я полюбил тебя на Волге!

И билось сердце казака в груди!..

Живи, мать. Не плачь по мне,

Покрепче стой, русский народ!

Пой песню про Стеньку Разина –

Душегуба проклятого, бросившего княжну –

В набежавшую волну.

Любовь моя Настасьюшка,

Встань и иди, встань и иди!..

Палач махнул топором – откинул в сторону руку. Махнул еще раз – откинул в сторону руку. Стоял забрызганный, не видно кро-

вушки. Разинской на алой рубахе. Сидели рядом на храме черные птицы

А в синих глазах неба кружил, отражаясь Белый Орел!

Сцена седьмая

Волга. Жигулевский утес. Год уж прошел с той поры. Собрались казаки помянуть своего Атамана. Настасья кормит грудью сына Степанова.

Горит костер. Проплывают по Волге внизу корабли.

НАСТАСЬЯ (*подходя к самому краю откоса*). Эй, корабельщики! Кто такие, откуда?

КОРАБЕЛЬЩИКИ. Мы – воронежские купцы.

А плывем с Каспия седого, от персов!

НАСТАСЬЯ. Земляки Степановы! Проходи, худо-бедно! К нам сюда подымайтесь, к кострам! Помянем Степана Разина, нашего атамана!

(*С корабля в ответ*). Сарынь на кичку! Мы идеи к вашим кострам! Помянуть Стеньку Разина – песней, добрым словом с откоса, над вечным покоем...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Братину пустили братину вкруговую, ендову – деревянную расписную жар-птицу. Да и, просыпав жар, вошли в разговор о детях Солнца, Луны, о Степане, о кладях его, тут зарытых по всем Жигулям.

НАСТАСЬЯ. Сама клала камни Степановы, места метила, знаю, где помешала камни те самоцветные, перлы. Их Степан особо в одно слагал. Для людей, какие протянутся по ниточке жизни. Говорил так: наши косточки уж сгниют, а «перлы» – камни эти – останутся, а че им делается? Время их не берет. И будут они служить людям, всему в них руцкому, человечеккому.

ТАМАДА, он же и КАЗНАЧЕЙ. Ох, и любил же он эти слова! Вот любил! А клады его открыли, а там – просто стекляшки. Оказалось, лежали там, сизокрылые, превратились в стекло. А слова тут остались с нами, вот любил он эти слова:

Руцкое, Челоуецкое!

КОРМЧИЙ. Паруса любил, больше баб. Настасьюшку только одну выделял, властью ее наделял.

МОЛОДОЙ КАЗАК. Почему паруса только? А весла?

КОРМЧИЙ. Белые. Кровь виднее. Но крови на белом никогда

не любил... И ищю. Парусами ветер, как ртом, хватаешь, и несет тебе далеко-далеко, неизвестно куда, за Азов, за три моря, до Персии...

НАСТАСЬЯ. Вишь, казаки-то рассыпались по Жигулям. Клады Степановы ищут. Чтобы пропить. Не найдут. Глубоко лежат, какими, есть не на что опереться...

КОРМЧИЙ (*запевая*).

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

Эх! (*падая вниз головой в достархан*). Степана нет, некому подтянуть.

МОЛОДОЙ КАЗАК. Впереди сидит сам Разин...

И веселый, и хмельной...

ТАМАДА. А про свадьбу что не поешь? Свадьбы-то были...

НАСТАСЬЯ. Для песни – были, а для души – только я одна у него и была.

ТАМАДА и КОРМЧИЙ (*разом, вместе*).

Грянем, братцы, удалую
На помин его души!

НАСТАСЬЯ. Ишь, как взмыл орел! Как в Москве тогда над Степаном... Да так вот теперь сюда и летает.

ТАМАДА, он же КАЗНАЧЕЙ С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ. Ккладам, что ли, тулится? Ай летает печень клевать?

КРИВОЙ (*с Волги подходя к ним сюда и присаживаясь к ко-стру*). Какую печень?

ТАМАДА. Да Степанову, значит. Степан теперча тут, к Жигулям духом переместился. Не быть же там ему, где Лобное место... И не будут рубить там теперча уже никогда!

НАСТАСЬЯ. Смертная казнь на Руси отменяется!

КОРМЧИЙ. Э-э, братцы вы мои дорогие, донские казаки! Ищю много воды утекет.

НАСТАСЬЯ (*твердо*). Ну, и что ж! А после Степана Лобное место иссякнет, просохнет.

ТАМАДА, он же КАЗНАЧЕЙ С ПРОВИДЧЕСКИМ ДАРОМ (*как бы соглашаясь, и как бы нет, Кривому*). И куда навострился, казак?

КРИВОЙ. В Персию ватажка подсобралась. А то к самим туркам пойти?

ТАМАДА. Гляди, кабы другой глаз не вышибли. Нечем будет на свет божий глядеть.

КРИВОЙ. А меня сразу убьют. Как Степана. Чирк по шее и – нетти нас, в ямку.

НАСТАСЬЯ. В своей земле надо лежать, с отцом – матерью, с пращурами, а не по чужим погостам валяться.

Степан сюда, на утес Жигулевский, себя велел привезти.

КОРМЧИЙ. Выражал желание.

ТАМАДА, ОН ЖЕ КАЗНАЧЕЙ. Выражал желание атаман.

МОЛОДОЙ КАЗАК. Привезем.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А с недавних пор клады Разинские стали снова искать в Жигулях. Барды со всей Руси собираются ныне. Съезжаются к волжскому Утесу, где, бывало, Настасья стояла, поджидал Степана с дальних краев.

И клады нашлись не зарытые: в слове, в любви

В лебедях по струнам гитары ходящие,

Звенящие в полете орла.

- Степа – а – ан! – начинают искать эти клады, но уже наша Настасья, нашего времени – Расскажи – и - и, тайну поведай душе – е – е ...

И ГОЛОС мужской, как будто Степанов, такие вот слова нараспев:

Снятся мне ни бывшие подруги

И не кладов устарелый хлам –

Острые, зашмыганные струги,

Стенькин зык по волжским берегам.

Где-то Дрейк во чреве океана,

Черные свисают паруса.

А казаки Разина Степана

Алым красят струги, паруса.

«Шапкой» место метил Стенька Разин –

Горы Жигулевские, утес.

«Тут стоял!» А что – не видно разве,

Где нам это Разин произнес?

«Шапкой» этой Стеньку и накрыли.
В тесной клетке провезли в Москву.
Ходят песни, клады, как и были,
Пламят народную молву.
Где-то Дрейк в английском королевстве
Ордена подвязки получал.
А Степан по-руцки, молодецки
Так про клады и недокричал.
Кланялся всем в пояс. Принародно
Всем прощал. И плакать не велел.
- Клады где? – Под «шапкой», где свободно.
Столько воли людям на земле!

Настасья, выходя на авансцену, обращаясь к залу:

- Степан, Степушка – а – а ...
Родной мой, любима – а – й...

А из зала голос Степанов навстречу:

- Я полюбил тебя на Волге,
И бьется сердце трепетно в груди.
Мне на забыть твой голос звонкий,
Ах. Жигули, мои вы, Жигули!

*И проходит Степан из зала на сцену, и стоят, поют они уже
вместе под переборы гитары:*

- Спадали тонкие мониста,
Вскипала молодая кровь.
И поцелуи были чисты,
Как наша первая любовь.

ЗАНАВЕС. На занавесе чаша – братина,
Полная сияющих перлов,
Жемчугов, жарких самоцветных камней.

11-16 октября 2008 г.

**КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
(ТЪМУТАРАКАНСКАЯ)**

(трилогия, историческая трагедия
по Г. Данилевскому)

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всяких слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою.

*М. Ю. Лермонтов. «Тамань»
(из романа «Герой нашего времени»).*

**СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ,
ИЛИ АВАНТЮРЬЕРА ПО-ИМПЕРАТОРСКИ
(часть первая)**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (ЕЛИЗАВЕТА, ЛИЗА) – тайная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Разумовского, внука Петра I, «всероссийская княжна».

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ (граф Алехан) – фаворит Екатерины II, командующий российским Средиземноморским флотом.

КОНТР-АДМИРАЛ САМУИЛ КАРЛОВИЧ ГРЕЙГ – командующий эскадрой русских военных кораблей.

ПАВЕЛ КОНЦОВ – лейтенант российского флота.

ХРИСТЕНЕК ИВАН МОИСЕЕВИЧ, ДЕ-РИБАС ОСИП МИХАЙЛОВИЧ – греки, офицеры российского флота, состоящие при графе Орлове.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ – польский магнат, скрытный любовник княжны Таракановой, лидер поляков, опытный интриган.

ЧАРНОМСКИЙ – дворянин, дуэлист, состоящий при княжне Таракановой.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ – из Тьмутаракани, взявшая на себя роль защитницы княжны, по ее мнению – Елизаветы Второй.

Офицеры и матросы российского флота в Италии, жители итальянских городов Болонья, Ливорно, Рима, слуги, свита княжны Таракановой, элита польских магнатов в Дубровнике.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

События происходят на Средиземном море, в итальянских городах, после долгих странствий по Западной Европе княжны Таракановой, якобы наследницы русского престола, тайной дочери императрицы Елизаветы от ее брака с графом Алексеем Разумовским. Европа, Италия, с их магами, мистическими откровениями в лице графа Сен-Жермена, Казановы, графа Калиостро, только усиливают биоэнергетику «принцессы», - княжны Таракановой, ее грезы о власти, притязания на русский престол.

Итак, Италия, 18-й век. Годы правления в России Екатерины Великой.

Сцена первая

Столица Рагузской республики Дубровник. Приемный салон польских магнатов, выступающих за самостоятельность Речи Посполитой. В салоне элита конфедератов, обсуждается прусский «вопрос». Все они составляют многочисленную свиту княжны Таракановой.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ, ПОЛЬСКИЙ МАГНАТ (*обращаясь к единомышленникам*). Вы представляете, где мы находимся? В южной Италии, сфере воздействия графа Калиостро.

ГОЛОС ГРАФИНИ МОРАВСКОЙ (*сестры Радзивилла, красавицы-полячки*). Этого шарлатана?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*строго*). Это кому как кажется. Я считаю, что мы можем перенять от Калиостро немало приемов для решения нашего дела... Видите, комната обита голубым штофом, мебель покрыта розовым атласом. Сколько нас, и все мы в конфедератках, над козырьком «Гонор и слава». Наши офицеры Потоцкий и Пржездецкий в лентах и звездах. Да и весь двор княжны Таркановой, сама фаворитка выглядят достойнейшим образом. А все это деньги, средства, создающие возможности, где же брать их?

БАРОН КОРФ, ГОФМАРШАЛ (*поднимаясь церемонно, спесиво*). Конечно, княжна Тараканова, вполне возможно, не нашего круга. Ее происхождение покрыто мраком неизвестности. Некоторые находят подтверждение тому, что родом она откуда-то из Австро-Венгрии, даже из рода простолюдинов. Но - талант, господа, умение держаться, реагировать на ситуацию, наконец,

внешнее сходство с Елизаветой, русской «крулевой» – несомненны. Надо это использовать.

КНЯЖНА САНГУШКО. До меня дошло, что она с Украины откуда-то, из Драгановки, Таракановки, оттуда княжна Тараканова.

СТАРОСТА ПИНСКИЙ (*богатый, надменный магнат-галичанин*). Есть сведения, что княжна Тараканова все-таки тайная дочь покойной императрицы, отправленная куда подальше от трона – в «Тьмутаракань».... А «Тьмутаракань» - это бывший греческий город – полис, ныне Тамань...

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*вставая и решительно пресекая разногласию*). Пане, панове! Тут нам не сейм, где мы довели дело до развала Польши, трех разделов Речи Посполитой. Тут собрались патриоты, от нас требуется решить русский «вопрос»... Факты и только факты...

Княжна Тараканова сейчас представлена как графиня Пиннеберг. Да, это родная дочь покойной императрицы Елизаветы. Судьба бросала ее повсюду. В детстве она была отправлена на Восток, к границам Персии, затем оказалась на Западе, где под разными именами проживала в Киле, Берлине, Лондоне. В Париже она именовала себя принцессой Азовский (*dams d'Azow*), в Германии и теперь тут, в Рагузе, именуется принцессой Пиннеберг. И это, господа, одно и то же лицо – ваша царица Елизавета Вторая, родная кровь великого Петра... Немецкие князья сватались к ней, французский двор устроил ее тут в доме своего консула, готов оказать ей всяческую поддержку... Мы существуем, панове, при ней, пока ее поддерживает Европа... Россия коварна, хитра, изворотлива. Смотрите, поляки были в Москве, московиты даже признали своим монархом, как они говорят, «Лжедмитрия». Наши границы, когда мы были в польско-литовской унии, простирались до сердца Руси... Теперь наступают русские, и коварный ход русских: посадить на трон немку Екатерину... Киль – в Голштинии играл подобную роль в судьбе дочерей великого Петра, замужем там была Елизавета, она выписала оттуда наследника, Петра Третьего... Надеюсь, панове, вы меня поняли, куда я клоню?

БАРОН КОРФ, ГОФМАРШАЛ (*вскакивая, и обращаясь к князю Радзивиллу*). Пане – коханку, пане – коханку... Мы поняли, мы

все понимаем... Принцесса Пиннеберг – это княжна Тараканова, тайная дочь покойной Елизаветы Петровны. И родилась княжна на Украине где-то, на окраине, в Тьмутаракани... И мы все свите, в шлейфе российской престолонаследницы, так?

ГРАФИНЯ МОРАВСКАЯ и КНЯЖНА САНГУШКО. Так-то, так, пане, так-то так.

ГРАФ ПОТОЦКИЙ и ГРАФ ПРЖЕЗДЕЦКИЙ (*поспешно*). Так, пан, так. Княжна наша, она - ваше высочество.

Пауза. Все обращают внимание, как у окна бьется в золотой клетке птичка. А за окном синее итальянское небо и солнце.

ГРАФ РАДЗИВИЛЛ КАК ЛИДЕР. Ну, вот и все. Договорились (*своему офицеру Чарномскому – рубаке и дуэлисту*). А теперь приглашайте принцессу Пиннеберг, вернее, княжну Тараканову. Пусть войдет.

В приемный салон входит принцесса Пиннеберг, она же dame d'Azow, окруженная малой свитой. Она в тафтяном палевом с золотом платье, это род амазонки, в белой круглой шляпке с черными страусовыми перьями, с крошечным пистолетом у пояса и с хлыстом в руке. Видимо, собралась на прогулку верхом.

ГОРДЫЕ ПОЛЯКИ-МАГНАТЫ (*преклоня колена*). Ваше высочество... ваше высочество... принцесса Пиннеберг, вы очаровательны... мы не находим слов, чтобы выразить вам свое... свое... свое...

ПРИНЦЕССА ПИННЕБЕРГ (*делая книксен, с улыбкой*). Шарман. Межажи. Жевузм.

Гордые поляки продолжают стоять перед ней в полусогнутом положении.

БАРОН КОФР, ГОФМАРШАЛ (*находясь среди них*). Свое восхищение смею выразить, восхищение! Вы просто обворожительны... В свои двадцать три – двадцать четыре года какая вы статная, стройная. Пышные светлые волосы, белолика, с ярким румянцем...

ПОЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГРАФ ПОТОЦКИЙ и ГРАФ ПРЖЕЗДЕЦКИЙ (*подлетая к ней*). О, какие глаза! Карие, открытые, крупные... А левый слегка косит, что придает вам, ваше высочество, особое, лукавое выражение... И веснушки, пани, так вам кстати, мадам...

ПРИНЦЕССА ПИННЕБЕРГ (*махнув устало, как веерам*). Са-

дитесь, месье, дзенькую – спасибо.

Хлыст падает из ее рук, все бросаются за ним. Первым у него оказывается князь Радзивилл.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*подавая хлыст ей, с улыбкой*). Пани, панна!.. Елизавета Алексеевна... Как вы, хороши, как похожи на свою матушку. С детства я насмотрелся на портреты покойной императрицы Елизаветы Петровны и только взглянув на вас, Ваше Высочество, я сразу же ощутил ваше с ней полное сходство... Вы были бы подлинной Елизаветой Второй – нашей императрицей, если бы...

НЕМЕЦКАЯ, РУССКАЯ, АЗОВСКАЯ ПРИНЦЕССА (*подставляя руку князю для поцелуя*). Ну, полно, полно вам, князь, вы меня краснеть заставляете... Кстати, если бы что?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*показывая глазами на свиту*). Если бы мы остались с вами одни, Ваше Высочество.

Принцесса отпускает свою свиту, те уходят, следом как-то незаметно исчезают и поляки-конфедераты.

ПРИНЦЕССА (*оставшись с графом Радзивиллом наедине*). И что?

Князь Радзивилл, наклоняясь к ней, целует ее прямо в губы. Задохнувшись, принцесса мелко, сдержанно кашляет. Достает из кармана белый батистовый платочек, вытирает уголки губ. Граф Радзивилл отворачивается, словно не замечая этого.

ПРИНЦЕССА (*капризно*). И что же?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*твердо*). Дело в том, что вы уже не принцесса Пиннеберг, какой были прежде. Тогда еще, в Польше. При первых наших интимных встречах. Поездили по Европе, набрались «рандеву», потеряли, пани, здоровье...

ПРИНЦЕССА (*вся загоревшись, настойчиво*). И кто ж, по вашему, я теперь? Опять русская принцесса? *Madam d'Azow*?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Мы тут, как говорится, посоветались. И что решили? Теперь вы – княжна, но не азовская, а из Тьмутаракани.

РУССКАЯ ПРИНЦЕССА (*раскрыв глаза*). Из Тьмутаракани?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Да, из Тьмутаракани! Княжна Тараканова... Под таким именем и отправляемся в Южную Италию, в города итальянские, откуда родом Казанова, граф Калиостро. Учиться у них, повышать, так сказать, свое мастерство.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А как же все остальное, главное?
 КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*иронично*). А что вам этого титула мало?
 (*гордо*) Я тоже князь.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Мало. Я что, по-вашему уже не престолонаследница?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Мадам! Конечно, вы – престолонаследница, тайная дочь императрицы Елизаветы, кровинка великого Петра... Вы – Елизавета Вторая... (*В сторону*) Не много ли, в самом деле, вторых?

И вслух. Да, Елизавета Вторая. Как был когда-то на Руси Петр Третий. не помните?... Сидел на Москве монархом... Вы – тайная дочь Елизавета Петровны, но это в тайне, в догадках и помыслах, в грезах... А так для всех и каждого вы теперь – княжна Тараканова.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*загоревшись вся, розовым вспыхнули щеки*). Княжна? Тараканова?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. Ну да, И то, и другое. Смотря когда и кому в каких дозах, при каких обстоятельствах. Надеюсь, ума и таланта на это у вас хватит? Если уж вы собираетесь стать государыней, то, пани, должно хватить. Властители, прежде все, больше актеры, с характером... Не жалеть ни себя, ни кого-то... А вы, мадам, такая еще молодая. красивая... обворожительна... персик... Вы – кисть винограда, от которого каждый готов отщипнуть.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*раскрыв широко глаза, левый глаз всегда у нее при волнении дергается и слегка косит*). Персик я, да?.. Кисть винограда?..

Появляется барон Корф, гофмаршал.

БАРОН КОРФ (*встревоженно*). Князь Радзивилл! Как только что стало известно, в Италию прибыл российский флот – эскадра русских кораблей под командованием графа Алексея Орлова – победителя турок в морском бою при Чесме.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*изменившись в лице*). И что, это опасно?..

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*перебив его*). Как раз то, что надо. Именно туда, в Италию, мне – престолонаследнице – и надо. Где мой флот, мои офицеры, матросы?

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ. В каком городе граф Алексей Орлов?

БАРОН КОРФ. В Болонье.

КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ (*косясь на княжну*). Кажется, братья Орловы уже на фавориты в Санкт-Петербурге у императрицы Екатерины II? Хорошо, что-нибудь в таком роде придумаем.

Сцена вторая

Южная Италия, Болонья. Штаб-квартира командующего русской эскадрой графа Алексея Орлова. Здесь оказывается лейтенант российского флота Павел Концов, прежде побывавший в плену у турок. Сюда переезжает со своей свитой княжна Тараканова.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*прохаживаясь у роскошного графского палицо, переполненный размышленьями*). Как бы это аудиенции добиться у графа Алексея Орлова, командующего русской эскадрой в Средиземном море? Аккредитоваться бы, как прежде, стать офицером российского флота. После турецкого плена сделать это весьма непросто. Можно вернуться оттуда и турецким агентом, принять мусульманскую веру. А с семейством графа Алехана мы, Концовы, связаны были давно. Еще отец мой был принят в Москве во дворе графа, а я лично принимал участие в морском бою при Чесме, добывал графу Алексею Орлову победу у турок.

В сторону. Заодно, будучи верноподданным императрицы Екатерины Великой, сообщил бы кое-какие сведения, полученные мной в турецком плену. Где-то тут, в средиземноморских краях, объявилась самозванка, как она себя именует «всероссийская княжна Елисавета», якобы претендентка на российский престол. В некоторых турецких кругах держатся слухи о том, что эта якобы Елисавета наводит мосты с султаном Блистательной Порты, желая для воцарения своей особы на русский престол использовать турецкий военный флот, янычар.

Появляется женщина в черных одеждах с укрытым лицом до бровей.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в спину ей*). Что-то в ее движениях неуловимо знакомое, узнаваемое, даже близкое, а что – не пойму. Где-то, кажется, видел ее, но где? Ходит тут за мной по пятам: османами, что ли, подослана, агент Османской империи?..

Ворота штаб-квартиры российского флота закрыты наглухо, туда никак не проникнешь. Вокруг расставлены часовые с ру-

жъями – примкнуты штыки, они в матросской форме. На синих гюйсах три белых полосы, третья – за Чесменский бой, в которам он, лейтенант, принимал непосредственное участие.

Женщина в черном делает Павлу Концову знак рукой следовать за собой. Сначала лейтенант идти за ней не решается, стоит какое-то время, как истукан. Затем, махнув рукой, как все русские: «А-а, была не была, авось, небось да как-нибудь», оглядываясь по сторонам, направляется следом за ней по путаным, перепутанным улочкам и закоулкам.

Через полчаса его вводят в какой-то приличный дом. Лейтенант Павел Концов оказывается перед воротами, при которых стоит с ружьем человек, объявивший ему:

- Владения всероссийской княжны Елисаветы.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*похолодев*). Влип. И как теперь буду выпутываться?

В комнату быстро входит молодая особа лет двадцати трех – двадцати четырех. Говорит ему несколько слов по-французски, по-итальянски.

ОНА: Вы русский офицер, моряк?

ОН: Так точно... ваша светлость...

В сторону. «А как еще прикажете ее именовать? Какой у княжны нежный, обаятельный голос.»

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Я русская княжна, дочь вашей когда-то любимой вами императрицы. По крови и по завещанию я единственная наследница Елисаветы.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*обретая уверенность*). Но у нас есть уже императрица – Екатерина Великая...

РУССКАЯ КНЯЖНА (*перебивая его, раздраженно*). Знаю, знаю! Могучая и чтимая всеми... Где же мне, всеми брошенной, оторванной от царского дома, от родины, бедной, бедной княжне – скиталице вступить с ней в спор. Я ей преданная раба.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*удивленно*). Чего вы хотите?

РУССКАЯ КНЯЖНА. Защиты своих прав, только и всего.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Какие права, на что – на престол? Но надобно доказать ваше происхождение, ваши права.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНЯЖНА. Вот перечень всяких бумаг, смотрите.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*как-то потерянно, однако сохраняя себя*,

инстинкт самосохранения все еще служит ему). Но эти же копии. да еще на французском.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНЯЖНА (*надменно*). Будьте спокойны, подлинники в надежных руках. Не могу же я всюду возить за собой такие важные документы... И вот еще, посмотрите (*отдергивая полог на стене*). Видите? Два портрета: моя мать – покойная государыня Елизавета Петровна с небольшой короной на голове, и я, ее дочь... Обе мы как две капли воды... Портреты в больших круглых рамах писаны масляными красками...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*несколько растерянно*). Действительно, так.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНЯЖНА. Знаменитый художник – Пьячетти делал портрет в Венеции моего жениха – князя Радзивилла, уговорил и меня.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ (*в сторону*). Ничего себе, дивная картина, просто невообразимая! Встают мертвецы из гроба: там, за Волгой, давно похороненный Петр Третий, тут появляется дочь государыни Елизаветы...

ВЕЛИКОРУССКАЯ КНЯЖНА (*слегка покраснев*). Не смешивайте меня с Пугачевым, с этим «воскресшим мстителем». Я защищаю свои права, да, только и всего. Недавно мы виделись с графом Шуваловым. Путешествуя по Европе, граф пожелал видеть меня, и мы тайно встретились...

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ. С графом Шуваловым?

ВЕЛИКОРУССКАЯ КНЯЖНА. Да, как он был взволнован, увидев меня! Дело в том, что он бывший фаворит моей покойной матери, некогда могучий Иван Шувалов. Смерть матери унесла в могилу и эту тайну...

(*Изяцко касаясь веером плеча лейтенанта*). Тараканчик, Тараканчик.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ. Вас, я слышал, зовут еще княжна Тараканова, так? Попросту, неофициально.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Так, пан, так. С детства помню деревушку, куда меня увезли, чтобы истребить во мне малейшую память о прошлом. И потом возили из страны в страну... побывала я в Персии, в Сибири...

ЛЕЙТЕНАНТ ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Тараканчиком звала меня моя бабушка Аграфена Власьевна. Рассказывала о чудном случае с лемешевским пастухом, неожиданно ставшем из

пастуха Алешки Розума – графом Алексеем Разумовским, тайно обвенчанным с восшедшей затем на престол новой царицей... «Павлинка, Павлинка! – говорила мне бабушка. И потом уже в нашей деревне обреталось одно секретное существо – полненькое, беленькое, премиленькое дитя... Только недолго пожило и куда-то делось... «Красная шапочка», – шептала мне бабушка. – Видно ее, нашу тьмутаракановскую княжну – красоточку, как в сказке, съели злые, бессердечные волки». Вот какова, оказывается, наша деревушка, заросшая вербами. – Таракановка... А дед-то мой Иракий Концов, сосед Разумовских по Лемешам, закончил леты свои при орденах и чинах...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*подняв глаза на княжну Тараканову, вслух*).
 Так что вы хотите от меня?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А ничего особого. Просто представить меня графу Алексею Орлову, потом расскажете мне о своих впечатлениях. А о нем самом я и так все знаю. О прошлом и настоящем братьев Орловых – Григория и Алексея. Не без помощи этих гвардейских офицеров взойшла на престол матушка наша Екатерина Великая. А теперь они у нее не фавориты, фавориты другие – князь Потемкин, например... а братья Орловы. Григорий и Алексей, даже не в Санкт-Петербурге.

КНЯЖНА (*сорвавшись неожиданно*). Да что там! Меня должны признать, должны! о синьор Концов! За меня сватался персидский шах, но я отказала. Турецкий султан по одному моему слову готов двинуть к русским границам флот, янычар...

Она порывисто закашлялась, достала белый кружевной платочек, вытерла уголки губ.

Продолжая уже менее резко, не так уверенно. Я чудом выжила, спасшись от яда, данного мне в Сибири... Мы с царевичем Дмитрием – настоящие царского рода. Дмитрий был спасен от руки убийц, подосланных Годуновым, только хитростью близких...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*совсем успокоясь*). И всего-то, что надо мне, так это, уважая мои права, дать мне в управление юг, в том числе и Кавказ, а также частицу Сибири. И будьте уверены, я смогу навести там порядок... А Центр, Север, свои северные столицы, и все остальное пусть она оставляет себе, мне они не нужны...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*не выдержав, вслух*). Да ведь это же возвращение к смуте! К раздробленности Руси, как и было, на отдельные княжества... Так велики усилия государыни Екатерины по объединению русских, даже славян...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Все равно не удержат Кавказ и все остальное. Юг будет постоянно висеть на ниточке.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*тверже уже, под давлением патриотических чувств*). Ну уж это как сказать! Как говорится, бабушка надвое сказала.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*насторожась*). Какая бабушка, чья?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Моя бабушка, моя – Аграфена Власьевна.

ПРИНЦЕССА (*зардевшись вся и тут же снова засмеявшись*). Grand Dio! (Великий боже!).

Лейтенант российского флота Павел Концов, боевой офицер, участник морского сражения при Чесме, покидает апартаменты всероссийской принцессы – княжны Таракановой в расстроенных чувствах. Выйдя во двор: стоит, всматривается в дрожащую на небе звезду: что таится за ней, что она означает?

Вслух. Бедное, бедное дитя. Беленькое, как булочка, которую съели волки. Необъятная, неподкупная, непокоренная Русь под великой Екатериной, этой дамой с собачкой... И этот бросок на юг, в Средиземное море, русской эскадры под командованием графа Алехана. Вон они – наши корабли с пушками, с тяжелыми ядрами – аргумент веский, неоспоримый, против всяких войн и интриг.

Сцена третий

Там же, в Болонье, где располагается штаб-квартира командующего русской эскадрой графа Алексея Орлова.

Павел Концов прохаживается тут, у роскошного графского палатца.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ (*зорко следя за всеми входящими и выходящими*). Каков граф Алехан! И победитель морского боя при Чесме, и командующий русской эскадрой, а человек не морской, моря недолюбливает. Вот где со штабом расположился – в Болонье. Пришлось сюда добираться через Анкону, где высадил меня корабль, следовавший из Рагузы. Большую часть времени граф

Алехан проводит тут, на суше, сдав заведование флотом старшему флагману, контр-адмиралу Самуилу Грейгу...

Павел Концов замечает Женщину в черных одеждах, следующую за ним по пятам.

ЛЕЙТЕНАНТ КОНЦОВ. Что вы за мной как тень? Женщина! Я от вас – вы ко мне, я к вам – вы от меня.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*приоткнув с лица покрывало*). Узнаете, Павлинька?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*оторопев*). Ариша.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Вы добиваетесь аудиенции у графа Алексея Орлова?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Добиваюсь. Я – лейтенант российского флота, я только что из турецкого плена, есть о чем рассказать графу Алехану, с которым знаем семью с давних времен.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Можете рассказать мне о нем поподробнее, что-нибудь этакое, не ординарное, чтобы смогла составить о нем представление? Больше как о человеке.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Зачем вам?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Я защищаю интересы княжны Таракановой... Помните, Павлинька, беленькую такую девочку – булочку, которые съели злые серые волки?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Помню вас, мадам, с тех времен, и очень хорошо. Вы – Ирина Ракитина, и это ваш отец не дал согласия на наш брак. Или, может, вы сами этого не захотели?.. Какая двурушница – свалить все на отца, а сама?..

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Умоляю, прошу вас – не за себя, за ту беленькую, несчастную девочку, которую оставили родители в жестоком мире, без своего попечения... Я ей помогаю и тем самым, хоть какую-то долю хочу замолить, свой огромный грех перед вами... Умоляю, простите меня за то, что случилось тогда. Я была сама не своя, не понимала, что делала, полагаясь во всем на своего батюшку, который не смог поставить счастье дочери выше собственной выгоды.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*все еще суховато*). Что же вы хотите теперь от меня? (*раздраженно*). Что еще от меня, мадам, вы хотите?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*припадая на колени*). Клянусь перед Господом-Богом! Я не за себя, об ней пекусь, за нее хлопочу. Она же ведь как дитя – кроткая, доверчивая, ее почти каждый спосо-

бен обмануть, обобрать, выманить все до копейки, наконец, посадить за решетку, в тюрьму... Что она говорит – клепает порой сама на себя, не осознает ведь, не до конца понимает, что это значит, чего это может ей стоить... Вы согласны со мной?...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*менее уверенно*). А на вид такая...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Какая?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Царственная особа.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Она вообразила, что от графа Алексея Орлова зависит ее судьба. Он – командующий русской эскадрой, вы – офицер российского флота, с вас начнется признание, пойдет... Мы, две женщины, верим вам, вы же знаете ее еще девочкой... красной шапочкой... Помогите составить о нем представление. чтобы можно было понять, можно ли на него полагаться... Или, может, это и есть серый волк, которому ничего не стоит съесть красную шапочку...

Есть ли у графа Алексея Орлова в жизни что-нибудь такое, что может насторожить, вызвать недоверие к нему? Как вы думаете, Павлынька?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*медленно, вспоминая*). Мне памятна жизнь графа в Москве. Покойный мой отец был его сослуживцем в оны годы, и я, проездом из морских классов на юг, на родину, не раз навещал московский дом графа Алехана. Экий здоровяк, пышущий здоровьем, красивые греческие глаза, веселый беспечный нрав, огромное богатство и традиционно русское гостеприимство – да он был просто любимцем белокаменной... Как сейчас помню, дом графа Алексея Григорьевича находился за Московской заставой, у Крымского брода, неподалеку от его подмосковного седа Нескучного...

Однако не достаточно ли истории, мадам?

Может, на этом остановимся?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Нет, почему же? Все идет гладко, хорошо для графа Алехана, не за что пытливому уму зацепиться. Продолжайте, прошу вас.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Ну, что еще? Усадьба его была образцовой. Да, вот это. А у самих ворот, в окне сторожевого окна, висела клетка с говорящим попугаем, который постоянно выкрикивал, потешал гостей:

- Матушке царице виват!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Это уже интересно. А дальше?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А дальше это все знают, ничего интересно. И про псовую охоту, и про рысаков, и что подковы он гнул. Ни одна лошадь в Москве не могла состязаться с его орловскими рысаками – смесью арабской крови с английской и фрисландской. Как сейчас вижу его на конских бегах, у Крымского брода, граф едет зимой на саночках, а летом на бегунцах – дрожках собственноручно проезжал свою знаменитую, белую без отметин Сметанку или ее соперницу, серую в яблоках, Амазонку.

Граф, бывало, появляется в воротах на своей храпящей белогривой красавице, покрикивая трем Семенам, главным своим наездникам: Сеньке Белому - оправить опененную уздечку, Сеньке Черному – подтянуть подпругу, а Сеньке Дрезденскому – смочить кваском конскую гриву.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Тоже интересно. Любил вожжи, править любил красотой... А тайны были какие-нибудь, загадки, необычное что-то?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*разгорячась*). А как же. Говорили о нем много при восшествии государыни на престол. В Италии даже к командованию флотом явился по сухому пути. На смотры и парады Александр Григорьевич являлся в золоте и орденах. Между тем, в Париже выезжал на гулянья в круглой мешанской шапочке и в простом кафтане.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Ну, что ж. Есть над чем поразмыслить.

И растворилась во мраки вечера незаметно, как и пришла.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Павел Концов догадался написать графу Алехану записку от своего имени и передать ее. И лейтенант Концов, офицер российского флота, был принят незамедлительно.

Роскошный палатцо графа Алексея Орлова в Болонье, тут же и штаб-квартира русской эскадры. В личные покои вход особый, сбоку. Лейтенанта Концова провели по ряду зала сперва на нижнем этаже, затем на верхнем в самый конец.

ЛАКЕЙ (*открывая дверь наверх*). Вот он тут, на голубятне.

И что видит Павел Кольцов, лейтенант российского флота? Тридцативосьмилетний богатырь, перед которым кажутся все

пигмеями. сидит на маленьком стульчике и шестом гоняет в окне голубей.

Духота, пылица. Граф Алехин в простой сорочке. На столике батарея бутылок. Граф Орлов попивает из кружки со льда все, что Бог послал ему на душу.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*запросто*). Садись со мной, Кончик! (*Наливая и ему в кружку одной рукой, а другую протягивая для приветствия*). Ну, здравствуй! (*Через паузу*). Что? Избавился от плена? Поздравляю... (*Через паузу - на голубей*). Вот бестии как взвились... турманом, турманом... Эх, голубки мои сизокрылые!.. Голубьями тешимся. Тут все глинистые да чернокрылые; трубистых, как у нас, мало.. Зато за сто верст письма носят, вот бы дома там таких развести... Ну, рассказывай, братец, о плене, о своих странствиях.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*подавая в конце рассказа пакет от княжны Таракановой*). Вот, передала вам, граф, эта самозванка, какая-то авантюра.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*посерьезнев вдруг*). Так, спускаемся вниз для серьезного разговора.

Граф переодевается. Приказывает не впускать к нему никого. Проходит в сад.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ (*неожиданно*). Ты хитришь. С чужого голоса говоришь.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Сомнительны ее сношения с владельческими дворами Европы. И я как верный слуга государыни не могу утаить сомнений.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. В Петербурге о ней знают. Сообщают как о побродяжке, всклепавшей на себе неподходящее имя.

Пауза. Граф приказывает принести винограду.

Размышляя. Хороша побродяжка! Пусть так, я не спорю... Но зачем предполагать ее выдачу, а в случае отказа - применить силу, бомбардировать. Рагузскую цитадель? С побродяжкой так не возятся. Такую просто и без огласки поймать... навязать камень на шею и в воду...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*передернув плечами*). Брр, как-то жутко вы, князь, говорите.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Вот то-то и оно-то, братец, что, вид-

но, не побродяжка. Тонкая штучка, натура невообразимая... А ты, братец, тоже – подумай, поразмышляй...

После первого визита к графу Алексею Григорьевичу Орлову Павел Концов попросился вскоре и на второй.

Проходят вдвоем в тот же сад, садятся на лавочку.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Ну как – подумал? Придумалось что-нибудь, Павел? Как тебя по «гран-пэру», по деду – Ираклий дед был?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Имел бы крылья, полетел бы в столицу, сообщил бы все государыне...

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*резко*). Да брось ты! На таком уровне рассуждать... судить о власти... это удел простых. А ты престижную школу окончил, лейтенант, во дворе моем принят... государыне я о тебе говорю...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*растерянно*). В самом деле, показала два портрета: покойной Елизаветы Петровны и ее, княжны Таракановой, – абсолютное сходство. Тот же очерк лица, те же темные дугой брови и статность, а главное – это глаза... Женщина в черном ходит за мной. Все трое мы (княжна с ней да и я) – все родом мы из Таракановки, Тьмутаракани...

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*вскочив*). Так вот откуда она княжна, почему Тараканова!.. Будь осторожен, нити идут далеко... Больше помалкивай...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Клянусь, ваше сиятельство.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Недолго поймать всклепавшую на себя. Мало ли, можно изловчиться, если приказывают. Да, честно ли это будет, а? Обманом-то? При том с женщиной так поступать... (*заглядывая в глаза Павлу Концову*). Так-то подло ведь, а мы с тобой ведь не палачи?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*едва выдохнув*). Подло... не палачи...

Сцена четвертая

Через несколько дней. Павел Концов получает приглашение из резиденции штаба эскадры за подписью командующего графа Алексея Григорьевича Орлова. Павел Концов является в штаб незамедлительно

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*встречая его*). В штаб тебя заманил, это так, пустяки... Да, кстати, я приказал тебя офицером офор-

мить. Будешь получать денежное содержание... Я тебя лично к себе приглашаю, в тот же сад, на ту же скамеечку, идем?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Два аллюра, три креста.

В сторону. Как бы не запутаться, не полететь в тартарары. В самом деле, пал престиж в Санкт-Петербурге братьев Орловых, и что можно подумать о них в такой ситуации? Но откуда же, из Санкт-Петербурга, зря не напишут про «авантюрьеру, всклепавшую на себя чужое имя». А граф, опять-таки, в противовес всему, сообщает мне откровенно: от княжны Таракановой два тайных письма получил. Дважды оттуда являлись к нему тайные послы, склоняя против вверенных ему дел... Сильные мира сего! Им все можно. Чего им можно, нам нельзя.

Проходят вместе с графом в сад, к той самой скамейке.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*садясь первым и приглашая сестру рядом с собой Павла Концова*). Ну, что, братец, расставил все батареи по борту, знаешь, куда метать ядра?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*однозначно*). Ядра падают, а люди тем более.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Был с неделю в Ливорно, получил о княжне сведения... Наша таинственная княжна, покинутая ветрогоном князем Радзивиллом, полностью оставила Рагузу. Побывав у нас тут, в Болонье, с неаполитанским паспортом навестила Барлетту, пожила там, а теперь под видом знатной польской дамы, появилась в Риме со своей малой свитой. Понимаешь?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Понимаю.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Ничего не понимаешь, поймешь после... Я знаю, ты обезденежел на службе, во всем сильно нуждаешься. А писать в России тебе некому, никто тебе ничего не пришлет... Однако не зря я зачислил тебя в реестр – офицером эскадры. Вот записка, получишь деньги у казначея, уплатишь долги французам, у которых ты брал займы и...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. И – что «и»?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Да не надо, не надо благодарить, я тебе не благодетель... И поедешь в Рим. Понимаешь? Встретишься с этой особой. Скажешь, я давно пред ней виноват, не ответил на ее два письма ко мне. Пытался послать офицера, как ты, но она его не приняла... Жаль бедную, молода, неопытна, всеми брошена и без всяких средств. Ты начнешь с ней переговоры. Скажи ей,

что я приглашаю ее к себе – сюда, в Болонью. Кстати, в Риме, как во всякой столице, немало агентов, в том числе и русских. Гляди за ней, оберегай от врагов и всяких влияний.

Пусть доверится нам одним, мы ей окажем помощь. А насчет совести, Концов, будь спокоен: будет исполнено все по совести и от самого сердца. Понимаешь меня?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*глядя прямо в глаза ему*). Понимаю.

На другой день, готовя себе к поездке в Рим, ошеломленный Концов впадает в разочарование.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*нервно*). «Господи, неужто граф затевает измену? Патриот, герой Чесмы, вместе с братом главный участник воцарения Екатерины Великой! Даже не верится. Этого быть не может. Однако как выведать истинные намерения графа?»

Обратившись в штаб эскадры к казначею с запиской графа, слышит по коридорам шепоты, шушанье бумаг. – Что такое? – С Севера прислан тайный указ, заменяют графа в качестве командующего эскадры кем-то другим.

Получив деньги, лейтенант Концов решается на еще один разговор с Алексеем Григорьевичем Орловым.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Граф! Спасибо, с деньгами все в порядке. Перед поездкой в Рим зашел попрощаться.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. С богом! Помни о слове.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*слегка заикаясь*). Да, граф. Если княжна согласится на наши кондиции, я хотел бы спросить вас, что может от этого произойти?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*усмехнувшись*). Ишь ты брандер какой, водяной вьюн. Вам, морякам, все вынь да положь. А мы, дипломаты, всегда себе на уме, нам слова нужны для прикрытия намерений. А я преданный слуга государыни, понял?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*собравшись с духом, пора уходить*). Понял, понял.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*задерживая его*). Вот что, моряк! Может статья, что она истинный царский отпрыск, и что тогда? На все надо быть готовым. Постарайся помочь ей деньгами, выведи из угнетенного положения. Поворот всякий возможен, постарайся, Концов, не забудутся твои услуги. И царствующей государыне это будет приятно, чай у нее не каменное сердце...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вслух*). Конечно, не каменное.

И в сторону, про себя. Теперь ясно. Хоть граф и увлекся, дошел до самого ропота, однако очевидно: граф решается уговорить претендентку отказаться от своих прав. Теперь можно ехать спокойно, в точности выполнить порученное мне дело.

Рим. Условленное место. В назначенное время является приехавший туда ранее тоже посланец графа и тоже лейтенант российского флота грек или еврей по национальности.

ЛЕЙТЕНАНТ (*подавая руку*). Христенек Иван Моисеевич.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Черен, как жук! Глаза воровские: смотрят сразу и в душу тебе, и в карман.

Вслух ему. И где можно найти княжну?

ХРИСТЕНЕК. На Марсовом поле, комнаты в нижнем ярусе дома Жуяни... Две недели брожу вокруг в роли нищего. Все разведал: денег у нее нет, всего три прислуги, кроме аббата – иезуита да врача, никого к себе не допускает. Ну, пошли, лейтенант?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Куда?

ХРИСТЕНЕК. Да на Марсово поле.

Павел Концов подходит к двери, тихо бьет скобой по дверной ручке. Появляется уже знакомый Концову по Рагузе Чарномский.

ЧАРНОМСКИЙ. От кого?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Куда делись надменность и щегольство?

Вслух (подавая пакет). От графа Орлова.

ЧАРНОМСКИЙ (*пробежав глазами*). Ах да, это вы, сразу и не узнал! Идемте.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*оглядев горенку, куда его привели, в сторону*). Ни дорогих штофных обоев, ни бронзы, как в Рагузе. Тощее пламя едва мигает в камине.

Входит княжна – собственной персоной, сама всероссийская княжна Елизавета Тараканова, принцесса Владимирская, dame d'Azov, любовница князя Радзивилла, пленница персидского шаха и прочая, и прочая, и прочая.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Однако трудно узнать княжну. Лицо заострилось, ярче стал румянец на щеках, но весь облик еще женственен, обворожителен, глаза улыбаются, напоминая взор дикой, смертельной раненой серны. Закашлялась, достала платочек.

КНЯЖНА (*кинув ему*). Наконец-то! Вы привезли ответ гра-

фа... я прочла... благодарю вас... Что скажете устно? Какое ваше мнение о нем?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Мадам, граф – ваш покорный слуга и преданный раб. Он весь к Вашим услугам.

Легкая улыбка скользнула по ее живым раскаленным губам.

КНЯЖНА (*капризно, откровенно прижимая платочек к губам*). Меня все бросили, все! Кроме двух, самых близких. И я приболела некстати... Впрочем, не будем об этом... Князь Радзивилл, его друзья и помогавшие мне французы, верите ли, оставили меня, скрылись... И все сделалось так неожиданно скоро... Едва ваша армия заключила мир с Турцией, как услужливые магнаты – поляки бежали. Я им это припомню... А теперь, скажу начистоту, я осталась совершенно без денег. Нечем платить доктору, кредиторы осаждают, грозят полицией, ужас какой-то... нечем жить...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*глядя с жалостью на нее, однако неукоснительно выполняя полученную инструкцию*). Вот небольшая помощь, предлагаемая вам графом. Это искренне, от души.

Подавая княжне запечатанное шифром графа письмо.

КНЯЖНА (*принимая ценную бумагу*). Так, на имя римского банкира Дженкиса (*прочитав ее, ведет рукой по глазам*).

Еще раз взглянув на Концова, скользнула опять по бумаге, закашлялась и, обессилив, с улыбкой на устах, опустилась на софу.

КНЯЖНА (*Павлу Концову, благодарно*). Написано: «Безграничный кредит!»

Раздается громкое, истерическое рыдание. В комнату вбегают Черномский, уводит княжну. Выходит через какое-то время.

ЧАРНОМСКИЙ (*кланяясь*). Ее высочество благодарит вас, мон шер, за оказанную услугу.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*собираясь уходить*). Передайте ее высочеству, граф приглашает ее к себе в Болонью.

ЧАРНОМСКИЙ. Он пишет ей об этом в письме.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Так что мне передать графу Алехану – «кохану»?

ЧАРНОМСКИЙ. Скажите, что надо надеяться... она бесстрашна, смела, как рыцарь и для дорогого ей дела не побоится ничего... Здесь, в Риме, есть другие русские дипломаты. Держите все в тайне...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Несколько дней мы с Христенком бродили вокруг дома Жуяни. Было тихо, не приезжал никто. Наконец, прошел доктор, долго не выходил. К вечеру слуга подвел к дому Жуяни красивую, наемную карету. Из ворот, укутанная голубой мантилей, пошатываясь, вышла и села в карету женщина.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вслух, Христенку*). Княжна.

В сторону. Мы поехали следом. Карета с опущенными занавесками, быстро пронесшись по запутанным переулкам, остановилась. Мы прочитали: «Банкирская контора Дженкиса».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. С утра, как обычно, Христенек занял позицию впереди дома Жуяни, Павел Концов – позади него, ближе к саду. Выполняя инструкции, Павел Концов горько задумался: «Лейтенанты российского флота, а как бродяги, подзаборная нечисть. Ладно еще этот Христенек; глаза так и шныряют: широко – от Греции до России, глубоко – в самую душу... А ты-то, Павлинька, ты, русачок...»

И тут раздается вздох у него за спиной. Павел Концов оборачивается и застывает от неожиданности: перед ним стоит Женщина в черных одеждах.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*собираясь с силами*). Ты, Ариша, зачем тут?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Слежу.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Я же деньги ей передал: неограниченный кредит.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. А я вам не верю. Скользкие вы оба, вьюны. Крутитесь и перед теми, и перед другими.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. И мне не веришь, Ариша? Мы же с тобой из Тьмутаракановки.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Да, из Тьмутаракановки, но, как мне кажется, мы не с тобой. Что ж ты не видишь, что ли? Граф же ее покупает, как последнюю шлюху, заманивает в ловушку, в западню. Я это чувствую, женским чутьем, нюхом каким-то собачьим. А ты – что, разве не понимаешь, расписываясь в своих верноподданных мыслях и чувствах?. Кошелек ей бросили – подыми, мол, а где совесть?..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в отчаянии*). Но она же деньгами сорит, ей всегда будет мало.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Ей не это нужно, она же дитя.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А что же?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Справедливость, любовь.

Сцена пятая

Болонья, роскошный палаццо графа Алексея Орлова. Тут же, только в другом крыле, штаб-квартира русской Средиземноморской эскадры.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*восседая в кабинете, на месте командующего*). Орлы летают над степью, а над морем, граф? Чайки. Мелкая, крикливая тварь.

Раздается стук в дверь. Входит вестовой офицер.

ОФИЦЕР. Ваше сиятельство. кораблем из Санкт-Петербурга в Ливорно доставлен пакет. Сургуч запечатан самой императрицей. Контр-адмирал Грейг приказал вручить вам в собственные руки.

Разрывая пакет, граф пробегает глазами по строчкам, впинаясь в написанное рукой самой императрицы.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*сквозь зубы*). Тэк-с, «Вам уже сообщалось, граф, об этой аванюрьере, всклепавшей на себя чужое имя... Пребывала с конфедератами в Рагузской республике, ныне перебралась на славную землю италийскую... И там продолжает авантюру, порочащую Россию... В Рагузе устранить ее вы, ваше сиятельство, не изволили догадаться. Ныне предписываю моему Средиземноморскому флоту взять эту «авантюрьеру» - княжну Тараканову – и морским путем доставить в Санкт-Петербург... Искренне надеюсь... на ваше, граф, высокое расположение к нашей особе – Вашей постоянно помнящей Вас императрице Екатерине...»

Граф откладывает пакет, смотрит в окно: в синеве летает одинокая чайка, залетевшая сюда с моря.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*в сторону*). Я сам власть, но тут властитель повыше. Кажется, ясно: подчиняться, и все. Но жизнь - хитрая штука. Эта «аванюрьера», действительно, может скататься царских кровей – дочь Елизаветы. А мы с Григорием, гвардейские офицеры, так не договаривались: воевать с самим Петром, с его родной кровью... Влипнешь в историю, чистым

не выберешься... Мы, Орловы, - видные люди в России, нам попростому нельзя: камень на шею и в воду или схватить, заломать руки и – на корабль, в Санкт-Петербург...

Однако чувствуется раздражение императрицы. И тот слушок, который я сам пустил по эскадре, что сверху хотят меня заметить... для чего? Не чтоб пожалели меня - героя, богатыря русского, щедрого человека, а что - слушок этот может стать явью. Пути Господни неисповедимы... И как, извольте, ныне быть в такой ситуации? Как надобно поступить?...

Как за глаза судить о человеке, тем более, возможной внучке Петра? Не солдаты мы чай, не простые матросы – под козырек и хватай, исполняй приказ, без раздумий. В глаза ведь не видал ее. Кончик, Павел Концов, утверждает, что княжна ничего себе, писаная красавица. На портрете, как две капли воды, похожа на свою мать - императрицу Елизавету... Не будем заходить мыслями далеко: судить по судьбе Петра Третьего, после кончины Елизаветы, о воцарении Екатерины. Скажем одно: пора «авантюрьеру» и повидать, лично посмотреть на эту русскую принцессу, *date d'Azow*...

Рим, дом Жуяни, где живет Княжна Тараканова. В окрестностях дома, наблюдая за ней, бродят два лейтенанта российского флота Павел Концов и Христенек.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*Христенек*). Город-то весь кипит, оживление внимание всего мира: проходят выборы нового папы, вместо умершего Климента Четвертого...

ХРИСТЕНЕК. Наша княжна-то ожила. В салон превратила дом, по вечерам ее навещают известные живописцы, писатели, духовная знать. Из окон слышны звуки арфы... сама играет?..

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Еще и на фортепьянах может.

ХРИСТЕНЕК. А сколько зевак под окнами, сколько нищих, и каждому что-нибудь кидают.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Щедра больно, царские манеры-то.

ХРИСТЕНЕК. Вчера заказала несколько пышных экипажей, носились по Риму, по улицам и площадям.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Деньги мотает.

ХРИСТЕНЕК. Побывал у банкира Дженкина, тот поведал мне по секрету, что выдал ей чек на десять тысяч червонцев...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. И ведь не думает, что даже бездонные ко-

лодцы графа могут иссякнуть.

ХРИСТЕНЕК (*показывая червонцы*). Даже мне вот, я был там под видом нищего, дали на лапу.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Зато весь Рим заговорил о ней, как, бывало, в Венеции, даже в ставшей после враждебной Рагузе.

ХРИСТЕНЕК. Но нам она недоступна, так ли, мой друг?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*пожав плечами*). Как сказать. На днях я все же побывал у нее, послушал, как она играет на арфе. Заслушался.

ХРИСТЕНЕК. А как насчет дела?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Какого?

ХРИСТЕНЕК. Не крутите, мой друг, не пудрите мне мозги. Я насчет того, чтобы объявить княжне о желании графа видеть ее у себя в Болонье.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. В Болонье или в Ливорно?

ХРИСТЕНЕК. Напомните письменно ей об этом, напишите письмо.

* * *

Пауза. Павел Концов в Риме в церкви Санта-Мария-делли-Анджели. Ждет свиданья с русской принцессой. Таинственная тишина. Сумрак среди колонн. Из-за выступа молебни появляется женщина в модной накидке, под вуалью.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*подходя к ней*). Это вы, княжна?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Желание блага отечеству и всем моим будущим подданным у меня так сильно, что я решила прийти сюда (*вздыхнув глубоко*). Я принимаю приглашение графа. С ваших слов, я начинаю верить ему. А моим друзьям объявила, что покидаю свет и навсегда удаляюсь в монастырь... Вам же скажу другое (*с некоторой торжественность в голосе*). Только не в монастырь иду, нет, а с вами, скорее всего, к графу Орлову – человеку, достойному российского флота, не так ли?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Жалость к этой молодой женщине невольно охватывает меня...

ХРИСТЕНЕК (*перебивая поток мыслей Павла Концова*). И когда это было, вчера? А сегодня вы еще не ходили к ней? Так идите, идите. Езжайте с княжной к графу в Болонью.

Павел Концов уходит из церкви. Появляется Женщина в черных одеждах, резко приближается к нему.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Концов! Вы... преда-

тель? Вы злодей, вы способны стать душегубом! Заманить невинную душу в ад, в Шлиссельбург.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*отступая на шаг*). Чур, чур меня! Сатана, тьмутараканское наваждение!

* * *

Болонья. Там же, в штаб-квартире эскадры, командующий в своем кабинете.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. От княжны Таракановой опять ни слуху ни духу. Как в яму провалились мои два посланных ей письма. Какая же это «авантюрьера»? «Авантюрьера», наоборот, добивалась бы, граф, сближения, аудиенций, чтобы захватывать душу, проникаться делами эскадры. А эта так... просто женщина, мотовка... получила «неограниченный кредит» и давай мотать денежки направо и налево. Раскатывает в роскошных каретах по Риму, держит у себя свиту, салон... Вот послал Господь женщину, знаем мы их, таких, великосветских львиц...

Что-то нет никаких вестей от моих офицеров – ни от Павла Концова, ни даже от верного служаки Христенека. Что – нечего, что ли, мне сообщить? Хотя бы внешние данные – куда она ездит по италийской столице, какие места посещает, с кем встречается, с какой интенсивностью летят на ветер мои личные средства? Миль пардон, мадам, терпенье мое может иссякнуть даже скорее, чем кошелек.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А в это время княжна Тараканова мчалась в Болонью с эскортом в несколько экипажей. Перед тем, на выезде из Рима, у церкви Сан-Карло, приказав остановиться, она вышла из кареты, чтобы раздать нищим милость. И тут же к подножке кареты подбежала Женщина в черных одеждах.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*наклоняясь к ней*). Что ты хочешь сказать, милая?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Не надо, княжна, не езжай! Не слушай двух иезуитов (*показывая на офицеров*). Они предадут тебя, это начало твоего пути к эшафоту.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*нервно смеясь*). Ты так считаешь?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Да, считаю.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А я не боюсь! Что начертано на небесах, земному не перекрыть.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫМ ОДЕЖДАХ. Ты – дитя, ты не знаешь

природы людей, земной власти, власти царей, к которой стремишься, власти людей над тобой, которым ты веришь.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*рассмеявшись*). Где ты видела человека, который бы, в глаза не видя тебя, дал бы тебе «неограниченный кредит»? Это невозможно помыслить. Всю Европу проехала, а такого не видела.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. По России надо было проехаться, а не по Европы. У тебя в голове все путается: царское с простым, врожденное с приобретенным, но чужим, еще не устоявшимся... Госпожа, не езжай, остановись, прошу тебя...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*в отчаянье*). Но он же заберет его у меня – этот «неограниченный кредит», и что тогда? Кто тогда?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Раскрасневшись с хлыстом в руке, она вошла решительно в кабинет графа Алексея Орлова, этакого красавца – русского богатыря. Оба глянули друг другу в глаза, и все! Что-то вспыхнуло, произошло в них, как и на небесах, где Боги чертят свое пламенами.

Сцена шестая

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*впервые воочию увидев княжну*). И как же красива! Богиня! Высоких царских кровей...

В сторону. Не мальчик ведь, уже тридцать девять, а все вспыхнуло, закипело в тебе. То ли с неба это ниспослано, то ли опыт уже говорит в тебе, граф? Не впервой ведь вам с Григорием, братьям Орловым, иметь дело с женщиной – великой мира сего, как было, например с Екатериной. И все же то было другое: женское, почти материальное, а это?.. а это?.. А если это любовь?..

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Вздор! Граф, прошу извинить, что не сразу откликнулась на ваш зов. Оставила ваши два письма без ответа...

В сторону. Когда выезжала из Рима, прописалась в городских воротах под именем графини Селинской и ехала вроде тайно сюда, по Флорентийской дороге, а он все уже знает обо мне. Знал о моем приезде сюда, в Болонью, знал, наверно, еще вчера... Христенек, этот его соглядатай, мелькал за тобой, княжна, в твоём шлейфе...

Граф Алексей Орлов поспешно вышел и исчез. Княжна оставалась одна. Наконец, возник офицер, сказал учтиво:

Граф Алексей Григорьевич Орлов ждут вас завтра, с утра, неподалеку тут – в уединенном пизанском палаццо.

У въезда из города будьте одна в карете и карета должна быть одна. Шумный поезд, толпа ваших поклонников сегодня озадачили графа. Он считает, что для таких дел, как ваши с ним, лучше всего одиночество, так, княжна Тьмутараканская?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*одинокая и несчастная, пролетает офицеру в спину*). Так, пан, так. Я согласна.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. За ночь граф Алексей Орлов успел собраться с духом, настроиться по-иному, несколько тверже. На сей раз прием проходил куда спокойнее, даже торжественно, в нужных тонах. Прием как прием, по крайней мере, «крулевы» – если не самой монархини, то хотя бы особы монарших кровей. В зале, наоборот, находилось множество людей из графской свиты – гражданской и флотской службы.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*не зная, как в подобной ситуации ей держаться*). Отчего вы стоите передо мной, граф? (*кокетливо, по плечу веером*). Вы – командующий флотом.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Мы на суше, мадам. А на суше вы – мой командир. Я провел для вас кое-какие переговоры, вы и далее ни в чем не будете нуждаться.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*улыбаясь*). Я верю вам, граф. Если б не верила, я бы тут у вас, в пизанских ваших интимных владениях, не оказалась. Я не пташка, не канарейка в золотой клетке, надеюсь?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*прикладываясь губами к руке княжны*). Ну, что вы, моя прелесть, очаровательная, чудная женщина. О какой клетке речь? Я просто не в силах себя держать перед вами, не знаю, как и быть. В себе сомневаюсь. А ведь через мои руки прошел целый табун орловских коней, рысаков. Вы когда-нибудь видели Сметанку мою – белая, без единой порочинки, арабских кровей? Ее вели из-за трех морей по берегу, под уздцы, а не на корабле, дабы не подвергать опасности потерять в пучине...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*кокетливо улыбаясь*). У нас, наверно, кружилась голова, морская болезнь, как у меня.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Действительно, так. Так, пани, так. Вы дороже мне даже Сметанки. Я очарован, видите – глаз не спу-

скаю с вас... Что вы на это скажете, как вас ныне – графиня Селинская?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*поспешно*). Я для вас та, кто есть, за кого вы меня принимаете, держитесь, ваше сиятельство.

Закашлявшись, княжна вынимает из рукава белый батистовый платочек, оттирает им уголки губ.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*изменившись в лице, делает свите знак рукой уходить*). Княжна, я ваш покорный слуга. Полагаю, что надо с дороги вам отдохнуть. Кутежи, переезды, всякие хлопоты могут подорвать ваше здоровье, а оно нужно нам всем – ваши верным друзьям и соратникам, не так ли, княжна моя дорогая.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*уже путаясь в мыслях*). Прикажете отвести меня в мои комнаты – принять вид достойный после дороги.

* * *

Граф Алексей Орлов остается один. Достает маленькую копию картины, сделанной знаменитым Пьячетти. Ищет в ящичке и достает другую – точно такую же, тоже работа Пьячетти.

ГРАФ ОРЛОВ (*вслух, сам себе*). Мать и дочь. Как две капли воды... Вот что впечатляет, настраивает на продолжение, даже развитие не банального сюжета... Птичка рвется из клетки (*поглаживая грудь слева, где сердце*), птичке нужно летать.

Вызывает слугу, дает команду:

- Поселите княжну в моей квартире в Болонье.

Вызывает офицера, дает команду:

- Ко мне сюда лейтенантов Христенека и Павла Концова.

Появляются сразу оба, без всякой паузы.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*в сторону*). Моряки есть моряки. Забыли всякую субординацию. (*В слух*). Ну, хорошо. Коли вошли – говорите.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Несомненный успех. Княжна тут у вас, в резиденции.

ХРИСТЕНЕК (*оттирая Павла Концова*). Точно так (выдвигаясь вперед). Целиком и полностью удача моя. Целыми днями, даже ночами вращался я вокруг дома княжны, составил о ней полное мнение, вычислил все...

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*усмехнувшись*). Загонял птичку в клетку?

ХРИСТЕНЕК (*несколько растерявшись*). Птичку жалко.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*Павлу Концову*). Ну, а ты что стоишь, Кончик Тьмутараканский?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*хмуровать*). Не оставляй своей фаворитки, красивейшей и премилой Александры Львовны Давыдовой. Она ведь жена богача, урожденная тоже Орлова.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Не твое дело, тьмутараканский земляк! На, возьми (*подавая ему медальон*). Передай княжне по случаю – ее миниатюрный портрет. На кости, осыпан дорогими камнями.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. После того граф осыпает Павла Концова любезностями, а Христенеку преподносит патент на полковника. Однако вскоре приглашает Концова в тот же садик для разговора.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*присаживаясь на скамейку*). Ну, что, брат, честь и хвала тебе, дал случай мне угодить такой особе... Какая женщина, живой, обворожительный ум! Подлечить маленько, успокоить да и хоть женить на ней, что ли... бросить свой холостой удел...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*все еще утираясь*). Что вы, ваше сиятельство, что вы! (*Полубопытствовал*). Ну, и за чем дело?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Да за малым – как всегда, упирается. Как окажусь, говорит, на своем месте, тогда, говорит, соглашусь.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. То есть как, извините, на каком своем?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Когда будет в России, дома... Не понимаешь?.. Ну, что ли, так? Когда государыня смилуется и удостоит признать ее права.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*обеспокоясь*). И как это можно?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Дело возможное. Да, боюсь, не навредили бы ей всякие здешние друзья... Поляки и всякое иезуитство... пожалуй, окормят еще или застрелят... попадешь где-нибудь в переулке под наемный кинжал... нужная для их смут особа...

Ты, Концов, для нее авторитет, тебя одного полностью признает. Понимаешь? Ты бы ее, что ли, уговорил?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Ее подруга, Женщина в черных одеждах, не признает и меня.

Несколько дней Павел Концов ходит под впечатлением последней встречи с графом Алексеем Орловым. «Что хоть это означает – уговорить ее, выйти замуж, что ли, за сиятельного графа Алексея Орлова»? Наконец, чтобы прекратить свои мучения над проклятым вопросом, Концов сам напросился в садик к графу на новую аудиенцию.

Присаживаются на ту же скамеечку рядом, плечом в плечо.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*глядя куда-то поверх Концова, рассеянно*). Ну, что ты хотел?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Да насчет того... на что ее уговорить?..

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Тайно обвенчаться и бежать.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*оторопев*). Что вы, ваше сиятельство! И куда хоть?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. Уговори ее не носить на поясе пистолет. На днях в запальчивости едва не застрелила Франсишку, служанку... Нет, каков темперамент! Раскраснеется, ножкой топ – ух, красавица!..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). В самом деле, граф влюблен в нее. Этак дело пойдет скоро к свадьбе. Граф решительный, волевой, долго дело тянуть не любит. Да и что тут дурного, если подумать. Женится по зову сердца на претендентке, и всем хорошо: и императрица будет довольна, и он обратит несговорчивую «тъмутараканку» в скромную графиню Орлову...

Вслух. И что хоть вы от меня хотите, граф, чего добиваетесь?

Граф оставляет вопрос без ответа. На том аудиенция и кончается.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Какой день уже после того Павел Концов, офицер российского флота в Ливорно, следит за развитием любовных взаимоотношений графа Алексея Орлова и русской принцессы, этой княжны Таракановой. Граф раскатывает с ней по городу в открытой коляске, закатывает в своем роскошном палаццо пиры. Все Болонья только и говорит об этом, довольная и посвященная в тонкости. Итальянцы – живой, любознательный, пылкий народ...

Княжну, в пух и прах разодетую, меняющую платья по пять раз на дню, граф водит под руку, прогуливаясь, среди нижних чи-

нов и местного населения. Павел Концов любит ими вместе со всеми. Однако, видя улыбающееся, счастливое лицо молодой особы – княжны, каждый раз ловит себя на мысли о том, что лицо это может быть и хмурым, задумчивым, даже каким-то старым, не по годам. Часто за спиной у этой счастливой парочки он замечал людей не только в матросской форме, но и ту самую Женщину в черных одеждах.

ЖЕНЩИНА ЭТА (подойдя однажды к нему со спины). Радуетесь, лейтенант, своим сатанинским проделкам, а что - заманили канарейку в силки? Чем вы лучше Христенека, получившего чин полковника? Вы, хоть и лейтенант, а стараетесь за весь доблестный русский флот.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Подбирайте хоть выражения! Патриотизм всегда выше всяких интриг. А я интриг плести не умею.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ. Они плетут. А вы тоже птичка, но только другого цвета... тоже, в конце концов, окажетесь в клетке...

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Ма фий – моя девочка, прежде начните с себя, снимите, черт возьми, свои черные, как эта южная, италианская ночь, - одежды!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ (уходя). Каяться будете, лейтенант, но будет поздно. Боги таких грехов не прощают.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Опечаленный Павел Концов смотрит во след ей, тянется взглядом, губы сами шепчут молитву, с детства знаемую, еще с Тьмутаракани: «Боже вечный... прости мя грехи, яко сотвори их в тот день делом, словом и помышлением, и очисти, господи, мою души от всякия скверны, плоти и духа. Аминь».

Сцена восьмая

Болонья. Роскошное палаццо графа Алексея Орлова, где пребывает со своей свитой русская принцесса княжна Тараканова в своих апартаментах.

Входит Павел Концов.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (делая легкий шаг к нему). Лейтенант, я вас жду с нетерпением. Хочу поделиться тайно сомненьями (оглядываясь). Граф уезжает завтра утром в Ливорно, там произошла крупная ссора и драка английских матросов с русскими, и

графа приглашает во всем разобраться его приятель английский консул Дик. И я тут одна оставаться боюсь.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Смотрите, глаза горят, по щекам багровые пятна. (*В слух*). Ну, что вы, ваше сиятельство, граф скоро вернется.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Так граф зовет и меня с собой. А что, если я не соглашусь, не поеду? Как вы думаете, не отразится ли это на наших отношениях? Он не бросит меня?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А что тут такого? Почему бы вам, княжна, не поехать в Ливорно? Погода отменная, вояж будет приятен.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*задумчиво*). Конечно, хотелось бы взглянуть на город, посмотреть на наш флот.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Так в чем же дело, княжна?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*порывисто беря его за руку*). По-кляннитесь мне своей матерью и отцом, что вы сами во всем доверяете графу. Можно ли и мне доверять? Я боюсь с ним ехать в Ливорно.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Ну, что вы, ваше сиятельство? Граф до сих пор не оставил нам ни малейшего повода, чтобы можно было в нем сомневаться. Хоть в чем-то. Или, может, княжна, он был перед вами не честен? Скажите.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*отпуская его руку*). Да нет, никакого повода нет... А сердце вещует, чувствует, что-то может случиться... Мне страшно...

Пауза. Вздыхнув как-то мученически, княжна долго смотрит в окно, наконец, собирается с мыслями.

И еще одно (*обращаясь к Павлу Концову*). Вы – честный человек! Слушайте...

Губы ее вздрагивают, в глазах слезы. Она глядит на Павла Концова и будто не видит его.

Граф сделал мне вчера предложение, что вы на это скажете, Павел?..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вставая торжественно*). От всего сердца поздравляю, княжна.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*дрожащими губами*). Он не обманет меня, не предаст? Скажите мне правду, заклинаю вас, умоляю. По вашему совету я уже не ношу пистолета...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Граф, зовет ее в Ливорно, уж не обвенчаться ли хочет?

Вслух. Ваше сиятельство, чего бояться, так переживать? Граф же влюблен в вас до безумия. Спит и видит вас вместе с ним...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*горячо*). Так это правда, истина? Поклянитесь вашей матерью, отцом (*снова стискивая руку Павла*). У меня безвыходное положение, я как будто стою перед пропастью, перед концом. Я понимаю, кто я перед ним? Ничтожество, а он говорил со мной так искренне, нежно, и я поверила ему, верю... Неужто обманет?..

Поднимаясь решительно и выпрямляясь.

Смелые только и живут! Как жену не предает меня, не может предать... боги ему не простят... я еду, Павел... даром я не отдам своей свободы и сердца... чему быть, того не миновать... Спасибо тебе, офицер, что встретился у меня на пути.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*подавая руку Павлу Концову*). В конце концов, говорю как перед Богом, по совести, это тот граф Орлов, который помог вашей царствующей императрице взойти на престол, поможет и мне. Эквива! Да здравствует! отважный Сид, Баярд! С божьей искрой и величьем души...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). На том мы и расстались. Тяжкие думы не дали спокойно спать мне в ту ночь... Пойти к ней утром, предупредить? Пусть обдумает лучше, сама решит, без меня. Почему хоть я у нее должен стать какой-то картой разменной? Пусть рассчитывает на себя. Каждый в жизни живет только раз, каждый, в конце концов, сам делает решительный выбор.

Вслух. Подняв руки и голову к небу, говоря словно Богу.

«Едва взошло солнце, я поспешил к дому графа. У палатки толпились люди, подъезжали еще и еще экипажи. Граф с княжной уж сидели в коляске, в другом экипаже находился Христенек, слуги, третий экипаж был пуст.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*уже в экипаже, подтолкнув под бок Христенека*). Что вы, полковник, видите во всем этом? Что за этим стоит, как по-вашему?

ГРАФ ОРЛОВ. Садись, Концов! Тебя мы все только и ждали!

Я бессознательно сел в экипаж к Христенеку, мы выехали.

- В чем?

ПАВЕЛ. Да в этом вояже.

ХРИСТЕНЕК (*резко*). Не знаю, не знаю и знать не хочу! (*смягчившись*). Завтра быть парочке молодых, обвенчаются, вот и все, лейтенант.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. А где церковь взять?

ХРИСТЕНЕК. А флотская на что? Взойдут на адмиральский корабль, там их и обпенчают.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ (*подбегая по второму экипажу*). Подлецы мужики. Будь же проклят и ты, Концов! Не они (*показывая на всех рассевишихся в экипажах*), а ты, именно ты виноват. Ты заставил ее, голубушку, поверить, принять решение! Ты - Иуда

Ливорно. Русская эскадра на рейде, там же флагман – адмиральский корабль «Три Иерарха». Берег в толпе людей – любопытны же эти италийцы! Кортёж встречают адмирал Грейг Самуил Карлович и английский консул Дик со своей компанией из офицеров и дипломатов. Адмирал Грейг с Диком, однако, избегают смотреть в глаза невесте.

Появляется еще один грек русской морской службы – Рибас или Де-Рибас, Осип Михайлович. Тоже, вроде Христенека, черный, как жук, только повыше ростом и менее подвижен. Жук Христенек и Де-Рибас и жуколица. Де-Рибас тоже ранее ездил с разведкой в Венецию вслед за княжной.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*задорно кивнув ему из кареты*). Привет, мой поп! Не забудь только ризу...

И карета отъезжает.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*спросив Де-Рибаса*). И куда они, молодые?

Де-Рибас (*сдержанно*). В отведенную резиденцию – роскошный приморский дворец. В палаццо свое, лейтенант!..

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Это было двадцать первого февраля. Была приятная, почти летняя погода. На небе ни облачка, на море тихо, на берегу в толпах празднично. А душу мою скребли кошки.

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Княжна сама включила Павла Концова в список гостей, и он оказался в числе тех, кто утром был у консула Дика на французском завтраке. Все вели себя непринужденно: гуляли, смеялись, отпускали острые шуточки, думая о молодых.

Ливорно. Палаццо, где отмечается событие: первое совмест-

ное появление в свете княжны и графа Орлова. Княжна очаровательна, похорошела. Графи не спускает с нее влюбленных глаз. Сам подавая ей блюда, прохладительные напитки.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*поднимая тост, в какой раз провозглашая его за свою спутницу жизни*). Виктория! Виват!

ХРИСТЕНОК (*сидя рядом с Павлом Концовым, шепотом, показывая на графа*). Каков наш селадон! Как на Чесменских лаврах, герой! Не пропускает никаких побед!

АДМИРАЛ ГРЕЙГ (*отвечая как-то рассеяннo, не поднимая головы*). Представьте себе... мы этому не обучены... светские лев и львица.

КНЯЖНА (*прислоняясь к графу Орлову, нетерпеливо*). Когда, когда же вы, Алексей Петрович, покажете нам свои корабли?

Наконец, вестовой офицер подходит к командующему графу Алексею Орлову, шепчет ему на ухо.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*резко вставая*). Все! Готово! Можно двигаться к морю.

Праздник. Толпа на берегу. Всюду флаги и фейерверки. Офицеры в парадных мундирах, матросы на мачтах и реях. С появлением графа, идущего под руку с княжной в белых нарядных одеждах, на адмиральском судне «Три Иерарха» раздается флотский марш. Сотни матросских глоток личного состава, выстроенного по бортам русских военных кораблей, кричат во все глотки. «Урра-а-а!» Это приветствие катится, перекачивается по гавани, переходя от корабля к кораблю. Дальний берег весь в разноцветных флажках и одеждах – любопытен и весел живой, жизнелюбивый итальянский народ!

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*указывая на флагманский корабль*). Во-о-он, видите, на «Трех Иерархах» как раз спускают разукрашенное кресло (*Наклоняясь к княжне*). Для вас, мадам. Для вас одной исключительно... Катер к нам сюда направляется... Поднимут кресло, взойдем по трапу и мы – на палубе корабля. В родной морской стихии, на территории России...

КНЯЖНА (*беспокойно*). Как России?

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. А так. Палуба нашего корабля – это уже Россия, Русь-матушка. Общепризнанная международная норма, закон для всех морских да и сухопутных держав (*Обращаясь к Дику*). Не так ли, господин Копенгаген?

КОНСУЛ ДИК (*рассмеявшись*). Так, так, граф! Так, так, Алексей Петрович, командующий русской эскадрой!

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*придвигаясь к нему*). Скажите это ей (*показывая на княжну*). Ей скажите, что это – морской закон, обязательный для всех. Пусть садится в кресло без боязни. Ее подымут на борт... легко и просто – рраз, и ты на палубе, на борту «Трех Иерархов». Адье, Италия! До свиданья, прощай!.. Сделаем тете ручкой...

Едва княжна ступила на корабль, грянуло дружное «Уррри!», ударили пушки. Народ, переполнивший набережную, махал оттуда руками и шляпами, что-то кричал.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*объясняя всем тут присутствующим*). Приказывают нам произвести маневры с сожжением негодного корабля. Дайте флагману знак: пусть эти многочисленные шлюпки с людьми отойдут, держатся от кораблей подальше, неровен час осколком ядра кого-либо зацепят...

Обращаясь к княжне. Мадам, пьем в последний раз в вашу честь. Нас с вами приглашают в каюту.

Сцена восьмая

Там же, те же.

Княжна стоит на палубе, впивая, словно хмельной напиток, все эти полчаса, отведенные ей для счастья. Граф особо почтителен с ней. Он накидывает на плечи ей шаль, берет из рук ее зонтик и держит его над головой княжны. Зрители, стоящие в шлюпках вокруг «Трех Иерархов», любуются ими.

ГОЛОС ИЗ ШЛЮПКИ С ПРАВОГО БОРТА. Глядите, какова невеста. Как княжна – женственна и красива!

ДРУГОЙ ГОЛОС В ШЛЮПКЕ, С ДРУГОГО БОРТА. Каков жених – его темно-зеленый, раззолоченный адмиральский мундир, как величественен он и мужественен.

ЕЩЕ ГОЛОСА. Глядите, сколько на палубе слуг! Разносят вина, подают фрукты и сладости.

И ЕЩЕ ГОЛОСА, ГОЛОСА. Смотрите же, начались танцы... Молодежь с дамами танцуют констрдансэкосез, котильон... Адмиральша и консульша особо ухаживают за княжной...

ГОЛОС ВО ГЛУБИНЕ. Зато сумрачен сам адмирал Грейс, изменился в лице консул Дик.

ГОЛОС ДРУГОЙ, ИЗ ДВЕРИ. Сейчас на палубу выйдут с иконой, начнется венчание графа и княжны... прямо здесь, на палубе...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*улавливая малейшие нюансы вокруг, вписывая малейшие изменения*). Почему венчанье прямо на палубе? К чему такая поспешность?

Мелькнули в стороне оба – Христенек и Де-Рибас, греки на русской службе, оба в распахнутых настежь мундирах.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*вспомнив ранее услышанные слова графа Орлова, обращенные к Де-Рибасу насчет «попа и ризы»*). Куда же вы, господа офицеры?

Отмахнувшись от Концова, они исчезают.

Духовенства на корабле, между тем, не видно.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. «Все, как говорится, смешалось. Наверху - офицеры ходят, бродят по палубе непринужденно, женщины наводят лорнеты на публику в шляпках. Музыка на корме, играют веселый марш, арии из итальянских опер.

Павел Концов бросается вниз, чтобы не прозевать главного события: не то уже свадьба, не то только помолвка. Все валом уже оттуда наверх, на палубу, обсуждая случившееся на все лады.

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*прижатый к стене, улавливает все кипящее, говорящее вокруг*). Смотрите, одни все еще пьют за здоровье молодых. Другие клятвенно утверждают, что все это подстроено, фикция! Кошунство какие-то это венчание!

Роль попа и дьякона играют Христенек и Де-Рибас, первый наряжен дьяконом, второй – в ризе, попом...

Вслух. Смотрите! Княжна вырывается из этого смрада, бежит вывысь куда-то, на верхнюю палубу, за ней устремляется жених – граф Алексей Орлов. Смотрите! Княжна наклоняется к борту, она хочет броситься в воду. Ее держат силой, не выпускают из рук...

КНЯЖНА (*крича, что есть мочи*). Концов! Павел Концов! Умоляю вас, подойдите ко мне... они хотят меня арестовать... посадить в клетку, отвезти в Шлиссельбург...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. С «Трех Иерархов» особым флагом дают знак эскадре: палить из всех пушек. Раздаются новые пушечные салюты, гремит «ура», начинается движение, маневрирование кораблей.

Появляется караул из матросов с примкнутыми штыками во главе с капитаном гвардии Литвиновым.

ГВАРДИИ КАПИТАН ЛИТВИНОВ (*громко, настойчиво, обращаясь ко всем офицерам всей графской свите*). Ваши шпаги! Господа, прошу сдать оружие!..

Между тем, вооруженные матросы заполняют палубу. Адмирала Грейга, его жены и жены консула уже нет. К графу Алексею Орлову приставлен часовой. Княжна, слышав бряцканье ружей, кричит испуганно туда, за борт, к шлюпкам:

- Насилие! На помощь, сюда-а!..

КАПИТАН ЛИТВИНОВ (*заступая княгине дорогу*). Успокойтесь, мадам, успокойтесь!

КНЯЖНА. Вероломство! Проклятие! Где адмирал, граф Орлов?

КАПИТАН ЛИТВИНОВ. По именному указу государыни и адмирала – вы и ваш сообщник взяты под стражу.

КНЯЖНА (*метнув убийственный взгляд на Концова*). Ты погубил меня, Павел.

И падает без чувств в чьи-то руки. Матросы несут ее вниз, в каюту.

* * *

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в тесной корабельной камерке, поднимая голову*). Что это – тюрьма, мы все под караулом? (*Видя Христененка напротив*). Ах, ты тут, мой предатель?

ХРИСТЕНЕК. Спокойно. Это для виду. Подержат и выпустят. Вы, лейтенант, удивлены?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*хриплым голосом*). Есть чему подвигвиться.

ХРИСТЕНЕК. Государственная преступница, «авантюрьера» - как пишет в своем указе императрица. А вы думали, что все это шуточки, любовные, амурные?

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*корчась от терзаемых мук*). Мужики-подлецы! Справились с несчастной чахоточной, молодой, одинокой!..

ХРИСТЕНЕК. Ничего, еще поживет, посидит в Шлиссельбурге... А ты, лейтенант, поспокойнее, что – захотелось в Сибирь?.. Видишь? Дверь уже отперта, выходим.

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Вслух. По палубе уж гуляли, стояли группами подгулявшие, веселые моряки.

Меня и грека позвали в кают-компанию. Там уже кипел пунш, выставлены были батареи бутылок. Граф кивнул ему издали и ушел к адмиралу.

«Позор, какой позор!» – кипело все у Концова внутри.

* * *

Наутро с адмиральского корабля прозвучал пушечный выстрел. С других кораблей полетели звуки зоревой музыки. Наступил час молитвы.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*подходя к Павлу Концову*). Ну, чего ты молчишь, Павлинька? Что не так?

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Город волнуется, крики, угрозы. Берегитесь, граф, это нам не Россия, поднимется все Италия... пырнут где-нибудь в переулке...

ГРАФ ОРЛОВ (*усмехнувшись*). Ах, вот ты о чем? Кто тронет тебя, только станет угрожать, только скажи – видишь, семьсот пушек оттуда глядят? Махну им, и будет здесь чисто и гладко...

ПАВЕЛ КОНЦОВ (*в сторону*). Прошло несколько тяжелых, мучительных дней. Сновали вокруг кораблей переполненные лодки, берег весь кипел и негодовал.

Меня послали на «Трех Иерархов». Поручили доставить на борт письмо и пачку французских книг. Догадывался – от кого и кому. Уже в шлюпке, отчалив от кормы корабля, я услышал отчаянный крик и замер.

Припав к решетке, в открытом иллюминаторе «Трех Иерархов» можно было разглядеть бледное женское лицо. Чья-то рука махала мне белым платочком.

* * *

ПАВЕЛ КОНЦОВ. Прошел слух, эскадра наша на днях снимается, покидает Ливорно. Я вздрогнул: на пороге стояла все та же Женщина в черных одеждах.

ОНА. Ну, что? Вы спокойны, рабский шлейф? Ошибаетесь – час расплаты придет. Граф - герой Чесмы, устроитель дел императрицы Алексей Орлов так и погрянет в анналах истории... Уверена, княжна была ниспослана самим Господом-Богом, чтобы возродить Отечество. И я верю, она не погибнет, спасая других – спасется сама... Роковая вериги графа Орлова не угодны богам...

Было ветрено. Флагман русского Средиземноморского флота трехмачтовый корабль «Три Иерарха» рассекал могучие синие волны, начав свое свободное, историческое – «Одиссеево» плаванье вокруг старушки Европы. Впереди его ждали Санкт-Петербург, императрица и неизвестность.

Занавес

(На занавес спроецирован портрет молодой и красивой княжны Таракановой).

*14-17 октября 2010 г.,
г. Орел*

**УЗНИЦА
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ**

(часть вторая)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ – российская императрица, дама с собачками.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА – тайная дочь покойной императрицы Елизаветы, внучка Петра, пленница Петропавловской крепости.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ – сановник при императрице Екатерине Второй.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Петербургский главнокомандующий.

ЧЕРНЫШЕВ АНДРЕЙ ГАВРИЛОВИЧ – Обер-комендант Петропавловской крепости.

МИЛЛЕР ГЕРАРД ФЕДОРОВИЧ – академик, историк, начальник Московского архива.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – Генерал-прокурор.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ МИХАИЛ НИКИТИЧ – Московский главнокомандующий.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ – командующий российской Средиземноморской эскадрой.

ТЕРЕНТИЧ КАБАНОВ – управляющий графа Алексея Орлова из Хренового.

ОТЕЦ ПЕТР АНДРЕЕВ – старший священник Казанского собора во владениях гетмана Разумовского.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ – молодой цесаревич («Бедный, бедный Павел»).

НЕЛИДОВА ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА – фрейлина при царском дворе.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ В ИТАЛИИ.

ПРИЗРАКИ ПОКОЙНОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕРВОЙ И ЕЛИЗАВЕТЫ ВТОРОЙ.

Действие происходит на флагманском корабле «Три Иерарха» в Балтийском море, в Петропавловской крепости, в подмосковной Коломне, Царицино, в местах, связанных с именами импе-

ратрицы Екатерины Великой, княжны Таракановой, претендующей на российский престол.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Флагманский корабль «Три Иерарха» под командованием графа Алексея Орлова входит в Балтийское море. Арестованная по указу императрицы, княжна Тараканова в тесной каюте, под неусыпным надзором.

Женщина на корабле. В сиянии блеклого уходящего дня.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА *(она же княжна Тьмутараканская, то есть из Тьмутаракани). В сторону, про себя.* Я вижу как у меня сверкают глаза, а левый глаз чуть косит от волнения. Мои глаза так и отпечатались на двери, прожигают обе двери насквозь. Только что мы вышли из порта, английского Плимута, где меня пытались освободить. Но адмирал Грейг начеку... Наверно, где-то содержат под стражей и графа Алексея Орлова. Сам капитан Литвинов каждые три часа проверяет своих гвардейцев, стоящих с прижатыми штыками у меня тут за дверью. Мне кажется, я слышала голос. – Кого? – Адмирала. – Кого еще? – Да самого графа Алексея Орлова... Смеясь, оживленно переговариваясь, они прошли мимо моей каюты. Я оторопела: «Как это можно? Граф тоже ведь взят под стражу, тоже в тюрьме. Как он в то же самое время может быть в другом месте?»..

После этого мне прислали поднос с фруктами, яствами, шампанского, портвейна из Бордо. Я все это отвергла... сказали, это от адмирала... Потом принесли французские книги, что заставило меня призадуматься о происходящем... неужто граф Алексей Орлов не под стражей, как я, не в тюрьме? Или это мне только так кажется?.. Я истомлена, потрясена до глубины души, мне плохо; отчего так ненавидит меня императрица?

Кто-то стучится в дверь? – Кто там, сама императрица. – Входите, пожалуйста. – А входит кто-то другой в виде видения... Но тоже императрица, и тоже вторая – не Екатерина, а Елисавета... Что это – раздвоение личности?..

Елисавета Вторая, обращаясь к ней – княжне Таракановой.
Ну, что - сидишь, ваша светлость?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Сижу, Ваше Величество.

ЕЛИСАВЕТА ВТОРАЯ. Не знаешь вины? А ведь претендуешь на российский престол?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Это вам хорошо, вы давно уже императрица Елисавета Вторая, а мы – люди маленькие. Я-то всего княжна, какая-то Тараканова. Если верить обряду, свершенному священником тут, на корабле, я еще и графиня - жена графа Алексея Орлова.

ЕЛИЗАВЕТА ВТОРАЯ. Отчего нас с тобой ненавидит царствующая императрица Екатерина Вторая, знаешь?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Как отчего? Она же при власти, держит себя во власти. А мы с тобой только по крови императрицы, от матери нашей – Елисаветы, мы все трое – родная кровинка Петра...

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ. Почему трое – двое: я и ты, Елисавета Первая и Елисавета Вторая.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А меня куда денешь – княжну Тараканову? Я и есть третья.

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ. Как куда девать? А в тюрьму, в Шлиссельбург, вернее, в Петропавловскую крепость, в самый страшный застенок в крепости – Алексеевский рavelин.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*покрываясь то жаром, то холодом*). А откуда это тебя известно, мама?

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ. Не зови меня так, это для простолоудинов. А ты моя дочь – настоящая, дитя любви, тайная дочь от графа Алексея Разумовского...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Что ж я – дважды графиня уже, еще и по отцу?

ЕЛИСАВЕТА ПЕРВАЯ (*переходя незаметно в Елисавету Вторую*). Это нам ничего не стоит. Как в картине итальянца Пьячетти мы с тобой, как две капли воды...

ЕЛИСАВЕТА ВТОРАЯ. Ну, вот. В облике Первой мне было легче. Все определено, я – русская императрица, в руках моих власть. А тут не знаешь, за что ухватиться. И тут нет прав – но все-таки дочь, княжна Тараканова, и там нет прав – на собственную мать, императрицу Елисавету... А все это гвардейские офицеры, братья Орловы, напутали. Теперь даже этот мудрец светлейший Потемкин никак не разберется...

Обе Елизаветы, одна за другой, выскальзывают в приоткрытую дверь, потихоньку уходят. Княжна Тараканова остается одна. В щель неусыпно глядят глаза часового.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*приходя в себя, часовому*). Они приходили, ушли?

ЧАСОВОЙ (*вытянувшись в струнку*). Не могу знать!.. Кто они?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*подавая ему апельсин*). Ну, эти – мать с дочерью, Елисавета Первая и Елисавета Вторая.

ЧАСОВОЙ (*помягче, не спуская глаз с апельсина*). А это что, мадам, такое яблоко?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*раздраженно*). Яблоко, яблоко (*нетерпеливо*). Ну, что – они приходили?

ЧАСОВОЙ (*оглядчиво*). Яволь, приходили... камрады...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А чего это ты по-немецки?

ЧАСОВОЙ. Граф – голландец у нас, графу отдана наша деревня.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*настойчиво*). И кто же эти голландцы, что сюда приходили? Вот они-то и принесли эти китайские яблоки.

ЧАСОВОЙ (*застыв снова, как истукан*). Не могу знать. Не велено говорить... Адмирал был... адми...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А еще, кто с ним?.. Кто еще?..

Дверь захлопывается: смена караула... Княжна Тараканова выталкивает ногой французскую книгу под дверь.

Пауза. Княжна Тараканова лежит без движения. Встает, в задумчивости приподнимает и опускает нож и стакан. Приподнимает и опускает – стакан, нож, вилку.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*В слух. Вполне осознанно*). И что там сейчас, в Санкт-Петербурге, куда корабль неуклонно стремится? Каково в Шлиссельбурге, а точнее – в Петропавловской крепости, куда собираются меня заточить? И зачем только мой дед Петр Первый заложил этот город, построил Петропавловскую крепость: чтобы прорубить «окно в Европу»? Почему потом такие вот крепости при городах становятся тюрьмами? Что за жестокость, почти непреложное правило, прямо-таки языческий ритуал?..

Хочу представить себе моего деда – Петра Первого – справедливым, любящим отцом, человеком, а не получается. Все какая-то

секира висит у него на плече, еще от стрелецких казней. Столица стоит на болотах, построена, говорят, на костях человеческих. А ведь все задумывалось не так. Говорят, царь Петр, начиная, брал пример с Александра Македонского, с Александрии, где, строя библиотеку Форосского маяка, за вход в гавань брали по книге с каждого корабля. Скопилось книг, уйма, такие знания! Если бы Цезарь не сжег Александрийскую библиотеку, а затем огня не добили персы, что было бы со всеми людьми, с человечеством?

Мой дед - император поставил у въезда в город полосатый шлагбаум. Перед каждой телегой обычно возникал голос:

Въезжаешь в новую столицу? Плати.

С каждой телеги – по камню...

Из камней и построен город Санкт-Петербург. Почти нет травы, мало деревьев. Камень на камне, по набережным и дворцам.

Мать моя – родная кровинка Петра, его царствующая дочь пробыли императрицей не так уж и долго, чтобы выносить, а тем более воплотить какие-либо дерзновенные замыслы. Единственное, что началось с нее – это правление женщин под разными именами... А что бы сделала ты, Елисавета Вторая... нет, ты, княжна Тараканова... о Господи, помоги, Боже! Опять начинает путаться мысль... Кто я и что я, и для чего существую? Для какой такой цели высокой рождена была та самая девочка в «красной шапочке», попав в такие створы реки человеческой, так тяжело течет твоя царская, державная кровь...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*стуча кулачком своим в дверь*). Эй, капитан! Гвардии капитан Литвинов! Вы меня слышите? Подойдите ко мне... Вас приглашает ваша императрица, да, императрица! Елисавета Вторая... Как вы думаете, капитан, чем бы встречали корабль «Три Иерарха» в Санкт-Петербург, если бы это была моя мать – сама Елисавета Первая? Пушечной пальбой?.. А чем должны встречать корабли в горде моего деда Петра меня – его родную кровинку? Что брать за въезд с меня – камни, французские книги?.. Так вот же, вот она вам, эта моя книга французская...

Ах, Франция! Она все сеет крамолу. Но сеет и такие семена, как либерте, егалите, фратерните (свобода, равенство и братство)... Ну, не везти же, как только причалите, меня – вашу возможную

императрицу, внучку Петрову, с корабля на бал... а бал будет где – в Шлиссельбурге?..

(Голос откуда-то свыше). В Петропавловской крепости, в самом страшном месте ее – в Алексеевском равелине.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Алексей – божий человек, имя такое, божье и человеческое. Как же можно было так называть равелин?.. Часовой!.. Часовой!..

ЧАСОВОЙ *(в приоткрытую дверь).* Ты, братец, хоть знаешь, что такое «свобода»? А «равенство»?

ЧАСОВОЙ *(не моргнув глазом).* Не можем знать! Не положено разговаривать!

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Откуда хоть ты, из каких мест, деревня?

ЧАСОВОЙ. Мы – орлы! Мы – на гербе висим! Государыня наша - Орля!

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Так она же немка.

ЧАСОВОЙ. А русскую душу постигла. Голову Орлу развернула в разные стороны – на день и ночь, на восход и закат.

Сцена вторая

Подмосковное Коломенское, купленное у князя Кантемира село Черная Грязь, переименованное в Царицыно, нечто вроде Царского Села, что под Санкт-Петербургом. Сюда, в Коломенское, затем в Царицыно, на лето 1755 года, перебралась Екатерина вторая, скрываясь от столичной суеты и «треклятых» вопросов: что предпринимать относительно разгромленной ее полководцами Турции? Как и чем гасить запоздалые вопли по поводу казни Пугачева – этого самозванца, якобы Петра Третьего? Наконец, захваченной где-то в Ливорно таинственной княжны Таракановой – якобы претендентки на российский престол, отвечать за всю гнусность содержания княжны в казематах Санкт-Петербурга.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(в своем новом, наскоро выстроенном двухэтажном деревянном дворце, любуясь из окон деревенскими видами. Вслух).* Какие обширные, глубокие пруды! Не тронутые косой цветущие луга! Как безоблачно небо, ясное солнце! Ласточки, запахи сена. Как привольно и хорошо...

Вот сижу в белом пудромантеле и в просто причесанных во-

лосах, в верхней рабочей одежде, делаю наброски своих царских указов, пишу письма парижскому философу и публицисту барону Гримму. К сожалению, слуги дают мне не более двух перьев в день. Не могу равнодушно видеть клочка чистой бумаги и хорошо очиненного пера, чтоб не присесть, не поддаться бесу бумагомарания.

Всегда при мне эти крохотные собачки с умными мордочками и уморительно постриженными хвостами. Этих собачек зовут сэр Том Андерсен и его супруга во втором браке леди Мими, или герцогиня Андерсен.

Господин Гримм! Описываю вам подробно. У собачек моих верноподданных – особые, мелкие тюфячки и шелковые одеяльца, стеганные на вате мною самой. Том с удовольствием разглядывает окрестности, опираясь на подоконник, его супруге тоже по душе верхи московских колоколен.

Читаю, барон, из только что написанного вам: «Я люблю нераспаханные, новые страны! И, по совести, чувствую, что я годна только там, где не все еще обделано и искажено».

В сторону (прочитав последние допросы самозванца Пугачева). Каков негодяй! Природа человеческая неисповедима. Когда его четвертовали? – кажется, в январе. А вот донесение уже в мае. В Кронштадт прибыла эскадра Грейга с княжной Таракановой, этой авантюрьерой. Переписку с Орловым я послала. Петербургскому главнокомандующему князю Голицыну с приказом: «Сняв тайно с кораблей доставленных вояжиров, учинить им строгий допрос...»

Вслух. Да, сэр Том? Мы с тобой учиним этой авантюрьере строгий допрос? Да, госпожа Мими? Мы все втроем проведем тщательное расследование? Нечего клепать на себя чужое имя да еще претендовать на основы основ – на власть, на наш российский престол...

В сторону, про себя. Князь Александр Михайлович Голицын получил фельдмаршала от меня за войну с турками, однако разбит был Фридрихом Великим. Добродушный, скромный, правдивый человек, насколько это возможно, чуждый придворных происков. Его при дворе искренне любят и уважают...

Так вот, пусть он призовет преображенского офицера Толстого, возьмет с него клятву молчания и прикажет отправиться в

Кроншдат. примет там арестантку, которую ему укажут, и бережно, бережно (!) сдаст ее обер-коменданту Петропавловской крепости Андрею Гавриловичу Чернышову.

И случиться это должно ночью с двадцать четвертого на двадцать пятое мая. Офицер Толстой пусть отправится в особо оснащенной яхте, а обер-комендант Чернышов примет пленницу и поместит ее наскоро в комнаты под своей комендантской квартирой, потом переведет в Алексеевский рavelин. Чтоб и муха к ней туда со стороны не влетела...

Вот бумаг сколько от Голицына, главнокомандующего! Прямо-таки закидал ими свою императрицу. А ведь писать-то зело ленив, к бумаге и не присядет, только подпись Голицына. Это все строчит его секретарь Ушаков, знаю, знаю, больно прыток. Вертлявый пузан. Уже приготовил подробные выписки на мои вопросы об этой авантюрьере. Что же, императрица вот пишет, а главнокомандующий что – ленив к бумаге и не притронется? Однако, справедливости ради, следует сказать, что выдержки, составленные Ушаковым, обдумывает сам Александр Михайлович. Ничего не скажешь, точные вопросы, доказательные статьи. Государственный ум, напускная важность осанки - так не идет все это к его добродушным чертам.

Вот что составил за него Ушаков, а можно за этим видеть самого князя Голицына. Его, видите ли, смущают вести о том, что на пути в Санкт-Петербург, арестантка едва не сбежала... Где-то, кажется, в английском порту Плимут, она бросилась вдруг на прогулке за борт, в какую-то, очевидно, ее ожидавшую шлюпку. И эту особу среди ее воплей и стонов удалось-таки водворить на корабль. И теперь князь обеспокоен тем, как бы кто-либо опять же не вздумал ее освободить. Однако из Алексеевского рavelина, еще никто не сбежал...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вслух. Сэр Том! Никто не сбежал, как ты думаешь?

Собачка тявкает дважды.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Поняла тебя, поняла. За себя и за леди Мими... А вот у меня, сэр Том, нет супруга. Некому тявкнуть. Сама несу свой крест. А вот еще одно донесение.

Сообщает князь Голицын после первых допросов.

Узница не отвергает, что ее зовут и даже считают всероссий-

ской великой княжной. Более того, ею заявлено, что она, в силу своего детства и прошлого, привыкла считать себя тем лицом, о котором говорят найденные у нее будто бы завещание императора Петра Первого в пользу бывшей императрицы Елисаветы и будто бы завещание Елисаветы в пользу ее дочери...

Входит князь Потемкин – сановник, заменивший Григория Орлова при ней, императрице.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вскакивая в ярости*). Каково ее письмо на имя государыни, на мое имя! Voilla une fieffé canaille! (франц). Вот отъявленная негодяйка!).

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*галантно изгибаясь*). О ком, матушка, вы изволите? И о чем?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Все о той же, итальянской побродяжке, о претендентке на наш российский престол.

ПОТЕМКИН (*смягчившись*). Несчастливая женщина, жертва этого графа Орлова.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*швыряя ему пачку французских, немецких газет*). Взгляните, что они пишут об этой вашей несчастной жертве графа Орлова!

Пауза. Сопенье сановника, шелест газет.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*Потемкину, нетерпеливо*). Ну и что?

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Непостижимо, Сколько сплетен, сколько всяких интриг. Одно ясно: против России.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Мне все ясно. Лгунья! Второе издание самозванца – маркиза Пугачева. В женском обличье... Да, да! А вот и еще одно донесение от князя Голицына. Плодовит же этот его секретарь Ушаков!

«Государыня! По вашему наставлению, мы поубавили тону этой авантюрьере. Сказали, что по извещению английского посла она, по всей видимости, не принцесса, а дочь трактирщика из Праги. Так арестантка вышла из себя!

«Дайте мне сюда его, - кричит, - кто меня так поносит! Я ему выцарапаю глаза!...»

Сомнение впервые посетили ее. Неужели, говорит, придется мне под давлением отказаться от своих убеждений? Нет, не будет этого! Я все превозмогу, устою!»

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*Потемкину*). Советовала им: дайте ей скудную пищу – не помогло. Ни просьбы, ни угрозы лишить ее

собственной одежды, дневного света и одеть в острожное платье – тоже не вынудили раскаянья...

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*увещательным тоном*). Ну, матушка, матушка-государыня. Ну, это же крайности, зачем вам это?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*не выходя из гневного состояния*). Вот упорство какое! А вы говорите – слабая женщина. Принялась еще и оболгать этого старика Голицына. Вот пишет: «... кричит, заклинает именем милосердного бога, мол, умоляю, не мучьте, сжальтесь надо мной».

И тут князь забыл мое поручение. Принялся ее утешать.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Да что ж он палач, что ли? Конечно, и я не знаю, как бы повел на его месте. Тем более, видите, пишет о чем? Она говорит, «я беременна, погибну ведь не одна... Отослите меня, куда знаете, к самоедам, опять же в сибирские льды, в монастырь отпустите, но клянусь, я ни в чем не повинна. Я какой родилась, такой себя и представляю...»

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*перебив его неожиданно потоком собственных мыслей*). Слушайте, князь. Ну, и кто отец ожидаемого ею дитяти?

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Кто же? Граф Алексей Орлов.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вы вот, князь, не сомневаетесь. А этот Голицын высказал ей свои сомнения по этому поводу. Не стыдно ли так отвечать, мол, мне, старику, - доверенному лицу государыни? А она все кричит в исступлении: «Нет, не стыдно! Я говорю правду, как перед Богом! Свидетели тому адмирал, офицеры, весь флот, все Ливорно, весь юг Италии»... На сем князь Голицын и прекратил допрос.

Какая дерзкая тварь! Как изворачивается! Новое издание, выставленное поляками, этого Пугачева!.. Нагло клеветет...

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*убавляя тону*). Матушка, матушка! Государыня! Вы же тоже женщина, мать. И она может быть слабой, доверчивой женщиной, которую так легко увлечь, обмануть... Молода, а этот Орлов какой в этом опыт имеет...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вспыхнув*). Какой опыт! О чем вы говорите, князь? Не бросайте в краску свою императрицу... Впрочем, граф Алексей Григорьевич Орлов скоро прибудет сюда. Пусть придет, дам ему аудиенцию. Пусть объяснит поподробнее об этой арестованной им якобы Елисавете - претендентке на трон, а мы

тут послушаем его, посмотрим, как он будет перед нами изворачиваться...

А вы, князь, тоже начеку будьте. В рыцарской защите женщин не забывайте главного – спокойствия государства. Мало мы с вами пережили в недавний бунт – пугачевщину. Этой авантюрье-ры нам еще не хватало.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Матушка – государыня, вы, как всегда и во всем, прозорливы.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вот и пошлем письмо Голицыну Александру Михайловичу: пусть отнимет у арестантки излишнее, переоденет в тюремное платье, удалит горничную и приставит к ней одного для бессменного надзора, даже двух часовых для надежности.

Сцена третья

Там же, в подмосковном Царицыно. Екатерина Вторая и дальше обустраивая новое приобретение тайными знаками европейского свойства, которые появились после царя Петра, пробившего «окно в Европу», кое-когда уже и в Москве. «Скоро цыгане, евреи потоком хлынут», – следит императрица за их продвижением по Европе. А между тем, пишет Вольтеру во Франции в своем тоне первые письма, рассчитывая в будущем купить через него библиотеку Дидро.

Екатерина Вторая сидит все там же со своими собачками – сэром Томом и его супругой Мими. Остро отточенное перо отложено в сторону. Входит князь Потемкин – нынешний фаворит, заменил Григория Орлова.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (рассуждая вслух, князю). Нет, вы только подумайте! Сломлена Турция, Пугачев пойман и казнен принародно... а эта хворая, едва дышащая женщина, эта искательница новых титулов и богатств, ни в чем не сознается. Даже грозит мне, императрице, из подземелья, из своей крысиной норы...

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (мрачно, без всякой энергии). Плохо, матушка-государыня, связались мы с этим Орловым.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Да это, князь, припадок у вас вашей обычной хандры.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН. Нет, матушка. Христенюк мне рассказал подробности ареста этой княжны. Каким образом Орлов заманил

на корабль указанное ему лицо – с помощью предательства, венчания с этой, с вашего позволения, мадам... с этой «авантюрьерой»...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*раздраженно*). Да знаю, знаю! Мне тоже это известно, из достоверных источников. Через мою камер-юнгферу Перекусихину. (*Уже мягче Потемкину*). Сначала я даже не поверила, резко выговорила своей камеристке... Как это можно, через венчанье, вы только подумайте...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*презрительно, шепотом*). Недаром его зовут палачом... Скажет потом когда-нибудь, мол, пересоллил из усердия... Впрочем, надо поправить дело. Эта потерянная – без роду и племени – игрушка в руках злонамеренных. У него же она будет бессильна. И ей, продававшей в Праге пиво... пельзенское пиво, да, князь?..

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*довольный*). Да, матушка, пельзенское пиво.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Так вот, ей продававшей пиво в Праге, чем не пара этот русский сановник и граф? Так ли говорит, князь, твоя императрица?

КНЯЗЬ ПОТЕМКИН (*тихо, внутренне радуясь такому повороту мыслей в государыне*). Так, матушка, еще бы, конечно, так.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Завтра, князь, едем в Москву.

Москва. Китай-город. Архив коллегии иностранных дел. Начальник архива академик Миллер.

Входит Екатерина Вторая, низко кланяется ему.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*бросаясь к императрице*). Что вы, что вы, государыня! Зачем вы так моей скромной персоне?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Как это скромной? Да вашу личность полмира знает, а уж Россия вся – это точно. Вы – автор «Опыта новой истории России», «Описания Сибирского царства», издатель академических «Ежемесячных сочинений», путешественник и историограф. Давно занимаюсь отечественной историей, сама не раз читала ваши сочинения, беседовала о них с другими учеными... Видите, сколько тут у вас старинных свитков, целая библиотека – не счесть...

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*склоняясь перед императрицей*). Екатерина Петровна, позвольте вас провести в свои скромные комнаты, где я живу. Пройдите за эту стеклянную дверь к цветам моим

и канарейкам.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(оживленно, следя за ним)*. Да уж слышана про ваши художества в этой области, особо про певчих птиц. Попугай у вас не кричат: «Виват, царица!» Как у графа Орлова...

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Попугаев не держим, болтливы слишком, память у них хорошая... *(Приоткрывая дверь в заветную комнату)*. Вы сюда загляните: окна распахнуты, но завешены сетью. Птицы наши живут на свободе, летают, когда им вдумается...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(улыбнувшись, игриво)*. Да, но не куда им вздумается, так?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Да уж не в Шлиссельбурге тут у нас.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(помрачнев как-то сразу)*. Тем более, не Петропавловская крепость, не Алексеевский рavelин, разве не так?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР *(поспешно, целуя руку императрицы)*. Простите меня, государыня! Что не так сказал. Огрубел тут, очертенел среди этого рая: роза и мирта. Канарские и мальтийские птицы...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Где, где мальтийцы? Вы держите их особо от всех?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР *(словно не расслышав ее)*. Глядите, какие розы и гелиотропы...

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Как вощены полы, ровно зеркало.

Остановив засуетившуюся прислугу, пройдя в помещение ко всем этим розам и гелиотропам, Екатерина Вторая, вспоминает вдруг неожиданно:

- Я к вам, Герард Федорович, с просьбой.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР *(изогнувшись, дугой перед ней)*. Слушаюсь, Ваше Величество. Чего изволите, Ваше Величество. Приказывайте, Ваше Величество.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(разулыбавшись)*. Вы имеете данные и вполне убеждены в том, что на московском престоле царствовал не самозванец Гришка Отрепьев, а настоятель царевич Дмитрий? Вы говорили о том... английскому путешественнику Коксу.

Улыбка съехала с лица академика, Миллер неожиданно и глубоко призадумался.

Императрица села, попросила сесть и его.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(после обмена любезностями и формальных вопросов о состоянии здоровья)*. Вы обладаете изумительной памятью, так прозорливы при чтении и сличении летописей, для меня это важно... Не бойтесь. нас никто не услышит... Правда ли, что доводы к обвинению самозванца слишком слабы, даже ничтожны?

Миллер задумался. Седые волосы на висках его странно торчат, толстые, добрые губы, только что сосавшие янтарный чубук, бессознательно шевелятся.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР *(несмело)*. Правда. Но это, простите, мое личное мнение.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Если так, то почему бы его не огласить?

Пауза. Академик усиленно трет то виски, то затылок, растерянно оглядываясь и подбирая упорно складки камзола.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР *(наконец-то собравшись с духом)*. Я прочел розыск Василия Шуйского в Угличе. Он производил следствие по поручению Годунова и имел расчет угодить Борису, привезя ему сказки лишь тех, кто утверждал мысль об убиении истинного царевича. Другие, неприятные для Годунова, следы он, очевидно, скрыл.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(живо)*. Какие?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Погиб другой, а мнимоубитый скрылся. вспомните, ведь этот следователь Шуйские сам же потом признал всенародно возвратившегося цесаревича Димитрия.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ *(вставая)*. Довод веский. Недаром генерал – фельдмаршал Потемкин, большой любитель истории, советует все это напечатать... Конечно, если вы, академик, в этом убеждены.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. *В сторону*. Откровенен. Как и подобает философу. *Вслух*. Хорошо. *(Присаживаясь опять)*. Не будем тревожить мертвых, поговорим о живых. Генерал Потемкин, надеюсь, доставил вам список с допроса наглой претендентки, по поимке которой вы до того, вероятно, уж слышали?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. Доставил.

Продолжая искать глазами очки, которые у него на лбу.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Что вы скажете об этой достойной сестре маркиза Пугачева?

Миллер, косясь за стеклянную дверь, где повис на ветке любимый им дрозд с перебинтованной ногой.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*рассеянно*). Как вы сказали – что-то о русской принцессе? Прочтя ее бумаги, я понял, что она плохо училась, мадам, русской истории... Воля монархини – важный указатель. Но есть другая, не менее высшая власть – Россия... Я лютеранин, а тело признанного Димитрия покоится в Кремлевском соборе... Что случилось бы с моими изысканиями, если бы я дерзнул доказывать, что на московском престоле был не Гришка Отрепьев, а настоящий царевич Димитрий?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*настойчиво*). Так я говорю о претендентке.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР. В плохом знании ее по русской истории, впрочем, более виноваты ее учителя.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Так вы полагаете, что в ее сказке есть доля истины? Допускаете, что у императрицы Елисаветы могла быть дочь, подобная этой и скрытая ею от всех?

Миллер хотел сказать что-то об одном таинственном, высококородном, молодом человеке, путешествующем под чужим именем в чужих краях, но, смутившись, усталился в своей стеклянный птичник, в дрозда со сломанной ногой и смолк, неподвижно глядя за стеклянную дверь.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*помягче уже, как-то женственнее, по-матерински*). Конечно, покойный Разумовский был добрый человек, хотя и тайно состоял в законном браке с Елисаветой... Однако отчего такое забвение природы, бессердечный отказ от родной дочери?

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*глубоко вздохнув*). То был один век, теперь другой. Нравы меняются. И если новые Шуйские-Шуваловы столько лет могли держать в одиночном заключении внеугодного им принца Иоанна, объявленном в детстве императором, что же удивительного, если из той же жажды влияния и власти, они, на всякий случай, припрятали и другого младенца, эту несчастную княжну?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*настойчиво*). Но вы, Герард Федорович, забываете главное – мать! Как могла снести это императрица? У нее, нельзя этого отрицать, было доброе сердце... При том

речь шла не о чужом дитяти, как царь Иванушка, а о родной дочери от законного, хоть и тайного брака.

Пауза. Размышленья с обеих сторон.

АКАДЕМИК МИЛЛЕР (*собравшись с мыслями*). Дело простое. Ни Елисавета, ни Разумовский тут не при чем. Интрига действовала не на мать, а на государыню... Ей, без сомнения, были представлены важные резоны, и она согласилась... Тайную дочь спрятали, услали на юг, потом за Урал. В бумагах княжны говорится о яде, о бегстве из Сибири в Персию, потом в Германию и Францию... Новые Шуйские повторяли старую трагедию! Охраняя будто бы государыню, они готовили, между тем, появление, опять-таки на всякий случай, нового, ими же спасенного цесаревича, выходца с того света.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Помню, помню, в одном из писем Орлова содержится намек о русском вояжире, а именно об Иване Шувалове, а может, еще и ком-то, который тогда все еще находился в тех чуждых краях.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*вставая*). С вами, Герард Федорович, не наговоришься... Ваша память - бесценный архив, а русская история, как и сама Россия, прелюбопытная, непочатая страна... Приезжайте ко мне в Царицыно, Grimm прислал мне пару прехорошеньких кокаду. Один из них все кричит: «On est ba verité?» - «где правда?» А другой помалкивает. Какой умнее?..

Сцена четвертая

Подмосковное Царицыно – новое владение императрицы Екатерины Второй.

Появляется граф Алексей Григорьевич Орлов – бывший фаворит императрицы, победитель сражения при Чесме.

Алексей Орлов не узнает двора, с новыми лицами - новые порядки. Сразу бывшего фаворита не принимают: Ее Величество временно недомогает.

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ. *В сторону*. Действительно, новые времена – новые нравы. Но как все-таки добиться аудиенции? Пожалуй, надо обратиться к новому светиле – к князю Потемкину. Тот принял, сказав значительную, пожалуй, даже очень значительную: «Нынче все, граф, без меры, через край!» Это, пожалуй,

к тебе, Алексей. Ты со своим венчаньем, действительно, вылез нектати, нашкодил, братец.

Наутро граф Орлов был принят государыней.

Императрица как раз купала своих собачек. Мистер Том Андерсон только что вынут из ванночки, вытерт и уже греется в чепчике, под одеялом. А миссис Мими, его супруга, еще находится в ванночке.

Екатерина Вторая держит наготове чепчик и одеяльце. Перекусихина, в переднике, с засученными рукавами, усердно трет собачку губкой с мылом.

Появляется граф Алексей Орлов. Мими, увидев графа – такого огромного, глазастого, незнакомого – неистово лает на него из-под руки камеристки.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*кивнув Орлову, шутливо*). С воды – к воде. Добро пожаловать, граф. Сейчас мы будем готовы.

Садясь сама и указав – стул Орлову.

ОНА. О друзьях, граф, первая забота. Так на чем мы с вами остановились: на Турции или на Италии?

ОН. На Италии, пожалуй!

ОНА (*доставая табакерку и медленно нюхая из нее*). А вы, батюшка, Алексей Григорьевич, пересолили.

ОН (*обеспокоенно*). В чем, Ваше Величество?

ОНА (*шутливо, пальцем ему*).

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ (*В сторону*). Шутит вроде, а мороз по коже. Недобрая, знакомая черта: злится. Круглый и плотный подбородок монархини слегка вздрагивает.

Вслух, *засмеясь*. Чем же вас, матушка-государыня, я прогневал?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Как же, как же, сударь... уж право, вы чересчур.

Глаза императрицы забегали: граф Орлов беспомощно огляделся, как бы ища подсказки со стороны.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*продолжая*). Ведь пленница-то наша – слышали вы? Скоро сам – друг...

ГРАФ ОРЛОВ (*В сторону*). Пропал, окончательно погиб, как генерал-майор Нагиб. Помяни, господи, царя Давида.

Вслух. От кого?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Вам бы в Питер отправиться да свидеться с пленницей, к торжеству мира возвратиться бы женихом.

Поморщась, Орлов опускается на колено, целует протянутую ему руку и молча выходит. Аудиенция окончена.

ПРИДВОРНЫЕ (за порогом). Ну, что, как государыня?

ГРАФ ОРЛОВ (сдержанно). Удостоен особого приглашения на торжество мира. Еду пока в Петербург.

Под предлогом свидания с братом – Григорием Орловым – Алексей собирается и выезжает в Санкт-Петербург.

* * *

Санкт-Петербург – официальная столица России. Петропавловская крепость, Алексеевский равелин. В камере-одиночке княжна Тараканова.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. В сторону, про себя. С тех пор, как воставлена сюда, влачу в крепости жалкие, тяжкие дни. Острый, с кровохарканьем и лихорадкой, кашель, переходит, на мой взгляд, в быстротечную чахотку.

Вслух. Между тем, фельдмаршал Голицын, появляясь, все учиняет допросы, чем бросает меня в неопиcуемый гнев... В самом деле, какое право они имеют так поступать со мной, Великой Княжной? Какой повод я подала к такому обращению?..

Про себя, в сторону. Фельдмаршал, а воюет со мной, слабой женщиной. Валит все на других. То говорит: «Предписание свыше, монарший приказ!» А то, мол, этот письмоводитель Ушаков, он плодит кучу дел, изобретает новые доказательные статьи, водит за нос его, добряка, - князя Голицына... Князь говорит, Ушаков собирается на сбереженья от содержания арестантки прикупить себя новый домик к бывшему уже у него дому на Гороховой улице...

В очередной раз перед ней предстает князь Голицын.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (доставая платочек и вытирая уголки губ). С чем пришли, мой фельдмаршал? Какие предъявляет мне новые доказательства, Александр Михайлович?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Да вот, те же все: найденные в ваших бумагах подложные завешания.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Еще раз клянусь всемогущим Богом, не я составляла эти несчастные бумаги.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Но вы их собственноручно списали?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Может быть, это меня занимало.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Так вы не хотите признаться?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. В чем? В том, что меня предали, схватили обманом?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*В сторону*). Вот бесы к кому поселились в душу! Говори с таким камнем... Пишут, принять строгие меры. Попробовать что ли?..

Вслух (вздыхая и почесывая переносицу). Ввиду вашего запираательства мне приказано отобрать у вас все, кроме необходимой одежды и постели... Лишить чтения книг... Держать на пище прочих арестантов...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. А граф Алексей Григорьевич Орлов – мой венчанный муж, что с ним, Александр Михайлович? У меня от него будет ребенок.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*махнув рукой*). А-а, граф этот... братья Орловы... оба не в милости у государыни... нечего вам о них беспокоиться.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. В следующий раз зовите меня графиней Орловой, ваше сиятельство.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Оставайтесь лучше княжной, мы одного титула с вами, княжна.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Вы, князь, гол, как сокол. А я с тараканами дело имею, княжна Тараканова.

Закашлявшись, вытирает платочком уголки губ.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*жалеючи*). Не надо себя расстраивать так, княжна. Надо смириться с судьбой, и станет легче. Разберутся во всем, всем станет хорошо. И прежде всего нашей государыне, и вам, княжна, откроются врата к государыне.

Княжна тяжело дышит. Пауза.

Там же, через какое-то время. Те же.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*продолжая*). Покайтесь, мне жаль вас, иначе помилования вам не дожждаться.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Приставили двух часовых. Торчат день и ночь тут в камере. Не спускают глаз... нечем дышать, господин фельдмаршал, уберите ваших солдат...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Одумайтесь, ваше сиятельство.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*закашлявшись*). Бог свидетель, мои страдания падут на головы мучителей.

На другой день опять появляется Ушаков – письмоводитель князя Голицына.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ УШАКОВ (*подкладывая газетку*). Еще один опыт, извольте увидеть, княжна.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. Какой еще опыт?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ УШАКОВ. Вот предписывают: грубая сермяга вам, на ваши нежные плечи. Это вместо венецианского ночного шелкового пеньюара...

Письмоводитель уходит. Княжна Тараканова читает французскую газетку.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*вслух*). Несвежая газетка-то, из тех времен, когда Средиземноморская эскадра, держа путь в Петербург, оказалась у берегов Голландии, где корабли запасались водой и провизией. Ну-ка что тут писали тогда? Вот о русских, о графе Алексее Орлове... Негодяй какой! Он устроил ей это венчание на «Трех Иерархах», чтобы заманить ее на корабль. Притворялся влюбленным. Каков артист – глаза сияли, голос смягчался! Так, оказывается, каждый раз, как только добиться захочет чего-нибудь в жизни, переступал через женщину, подлец! И я ношу дитя от него... Я уж привыкла к нему, к мыслям о нем, что он тоже страдает, думала, может, у него усилились неприятности из-за меня. И вот этот удар, я просто не переживу... Но нет! Ни измена этого негодяя, ни арест по его вине, ни само заключение в эту крепость не изменят моих убеждений, не отберут у меня моих прав! Смерть близится. Мать Божия! Кто придаст сил, вразумит и спасет меня... от всех ужасов этой тюрьмы?..

* * *

Там же, в Петербурге, у Петропавловской крепости. Подъезжает карета с опущенными занавесками, из нее у комендантского крыльца выходит граф Алексей Орлов.

ЧЕРНЫШЕВ АНДРЕЙ ГАВРИЛОВИЧ – ОБЕР-КОМЕНДАНТ КРЕПОСТИ (*встречая Орлова*). Ваше сиятельство, плоха, уж плоха. Особенно в связи с этой сыростью. Вчера умоляла дать ей собственную одежду – уважили... Пройдите сюда, граф, со мной в Алексеевский рavelин...

Часовых вызвать из комнаты княжны! Граф, войдите туда, можно без провожатых, а я тут останусь, за дверью.

Граф Алексей Орлов входит в камеру. Железные решетки на

окнах, два стула и небольшой стол. На столе несколько книг, прикрытая полотенцем миска с нетронутой едой. Направо ширма, под ситцевым пологом, железная кровать.

На кровати в белом чепце, прикрытая поношенной бархатной шубкой лежит бледная до неузнаваемости, полумертвая женщина.

КНЯЗЬ ОРЛОВ (*в сторону, в ужасе*). Неужто она? Недавно еще обворожительная красавица, с пышными волосами, с нежным румянцем... Эта поездка в Ливорно, пир на «Трех Иерархах»... Переодетые в церковные ризы Рибас и Христенек... Зачем тогда я разыграл с ней эту комедию? Она ведь была уже на корабле... Писал тогда ей на немецком: «Как только получу свободу, буду вас, княжна, искать по всему белому свету... найду и буду вечно служить вам, охранять...» Зачем я ей это писал?..

Прядь светло-русые волос выбивается у нее из-под чепца.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*очнувшись, уставив в него своим бездонными глазами, с трудом узнавая его*). Вы? Это вы?.. *Dia volo!* У меня, в этой комнате, чудовище... призрак...

Княжна откидывает голову, теряя сознание.

Граф Орлов стоит перед ней неподвижно.

Сцена пятая (продолжение)

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*поднимаясь с постели*). Замучили, все спрашиваете, кто я?.. Живу на свете, может последние дни, даже часы и продолжаю твердить одно: ничтожный раб! Я – дочь твоей бывлой царицы. Слышь ли ты, подлый раб, я прирожденная ваша Великая Княжна...

ГРАФ ОРЛОВ (*припав перед ней на колени*). Ваше высочество! Ваше Величество!.. Элиз! Простите меня, клянусь, я глубоко виноват...

Зажав под мышкой треснувший треугол, граф Орлов сбегает с камендантского крыльца Петропавловской крепости, садится в карету.

- К генерал-прокурору!

Сдержанно, в полнейшем самообладании – граф Алексей Орлов входит к князю Вяземскому Александру Алексеевичу. На столе

горящие свечи. Орлов, чувствуя некоторую дрожь в теле, потирает руки.

ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР. Прошу садиться, граф. Что – озябли?

ГРАФ ОРЛОВ. Да, что-то холодновато.

Князь Вяземский подает слугам знак, те приносят красивый графин и корзину с имбирными бисквитами.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ (*наливая душистого ликера*). Откушайте, граф... Ну, что наша самозванка?

ГРАФ ОРЛОВ. Много с ней возьтятся, нужны бы иные меры.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Какие, батенька, меры? Она при последних днях... не придушить же ее.

ГРАФ ОРЛОВ (*опуская бисквит в следующую рюмку ликера*). Жалеть таких.

ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР (*глядя на Орлова из-за зеленого абажура. В сторону*). Это же убийца в душе! У него это сделалось скверной привычкой!

Вслух (шевелив густыми, кустоватыми бровями). А вам, граф, известны показания арестантки на ваш счет?

Из рук Орлова падает недооденный бисквит.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Не могут не удивить эти переодеванья с ризами, на вверенном вам корабле.

Граф Алексей Орлов выходит от Генерал-прокурора.

КНЯЗЬ ОРЛОВ (*о себе тяжело вздохнув*). Старый, никому не нужный хлам! Остается желать одного: чтобы оставили в покое... Все, твоя летопись заканчивается! Очевидно, скоро окажусь на самом дне реки. В люк где-нибудь спустят, в Москву-реку, или куда подальше. Состарились мы, вышли из моды, надо новым давать пути, генерал.

Утром следующего дня, прежде чем выехать в Москву, граф Алексей Орлов отслужил молебен в церкви Всех скорбящих – радости. Даже гадал, говорят, на Литейном у какой-то армянки.

* * *

Москва, тринадцатое июля того же года. Торжественное празднование мира с Турцией.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. При этом вспомнили фельдмаршала князя Голицына, прислали ему в Петербург за очищение Молдавии от турок брильянтовую шпагу. Граф Алексей Орлов получил похвальную грамоту, богатый столовый сервиз, императорскую

дачу близ Петербурга и прозвание Чесменского. В Петербург, однако, вслед за двором, его не пустили. Местожительство указано было в Москве, в числе других некогда первых пособников императрицы.

С падением фавора брата, князя Григория, граф Алексей Орлов-Чесменский так быстро отдалился от двора, что не знал и не смел допытываться о дальнейшей судьбе соблазненной им авантюрьеры – красавицы.

Однажды в Москве к графу Чесменскому заезжает запросто Московский главнокомандующий князь Волконский – поинтересоваться его конюшнями и лошадьми.

ГРАФ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ *(за вечерним чаем осторожененько)*. Михаил Никитич, и что там, в Питере, дальше с этой княжной?

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ *(отвернувшись к окну)*. Да вы, граф, куда это клоните?.. Извольте историю. Генерал-майоршу Кожину знаете? Марья Дмитриевна... бойкая такая, красивая и говорунья.

ГРАФ ОРЛОВ *(насторожась)*. Как не знать, знаю.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ. Ну-с, сболтнула она, говорят, где-то, будто бы, положим, Адашевы решили покровительствовать новому счастливому Петру Мордвинову, чтобы подставить ножку...

ГРАФ ОРЛОВ *(замерев)*. Кому, Михаил Никитич?

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ. Да будто самому, батюшка, Григорию Александровичу. Поручили Шешковскому взять оную барыньку в маскараде, отвезти в тайную экспедицию, посечь ее там преисправно и доставить обратно с благопристойностью в маскарад, к менуэту или котильону... Так вот, болтовню ее как рукой сняло...

С тем Московский главнокомандующий от Орлова-Чесменского и отбыл.

Вызывает граф Алексей Орлов, чтобы как-то развеяться, своего управляющего из Хренового Кабанова. Хоть и из крепостных, а мундер, на язык-то востер, всегда при параде; в камзоле и с черным шелковым кошельком на пучке пудреной косы.

ГРАФ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ *(наливая ему заморское вино)*. Как, Терентич, у нас там дела, в Хреновом?

УПРАВЛЯЮЩИЙ КАБАНОВ. Мы что? Рабы... А вы, батюшка, слухом слышать, иногда бываете даже сумнительны.

ГРАФ ОРЛОВ-ЧЕСМЕНСКИЙ. Вот ты, в прошлую осень хва-

лил всходы, а что вышло? Сказано, считай не по рости, а по зерни... Много у меня всякого разьезду и ко мне приезжают, а ничего, как бывало прежде, не знаю. Был Филя в силе, все в други к нему валили...

УПРАВЛЯЮЩИЙ КАБАНОВ (*глядя куда-то мимо*). *В сторону*. Ишь ты, обходят.

Вслух. Золото, огнем искушается, а человек напастями... Женитесь, ваше сиятельство, и все как рукой сымет.

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Между тем, судьба княжны Таракановой не улучшалась. После окончания московских празднеств в честь мира с Турцией ей предложили новые обвинительные статьи и вопросы. Был напущен на нее тот самый Шешковский. Добиваемая болезнью и душевными муками, княжна в присутствии бессменных часовых чахла, таяла с каждым днем.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. *В сторону*. Днем и ночью терпеть в моей комнате мужчин, кавово? *Вслух*. Вот набросала письмо императрице: «Днем и ночью в моей комнате мужчины. Мои страдания таковы, что вся природа во мне содрогается. Отказав в Вашем милосердии, Вы откажете не мне одной»...

В августе фельдмаршал Голицын опять посещает узницу, заключенную в крепость.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Матушка-государыня сообщает, что не может оставить Москвы и лично видеть вас, княжна. Вы вызываете в ней по-прежнему то сильный гнев, то невольное сожаление, выдавая себя то персиянкой, то родом из Аравии, черкешенкой, наконец, нашей княжной. Уверяли, что знаете восточные языки, мы давали ваши письма сведующим людям – они в них ничего не поняли. Простите, княжна, но и это обман?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*закашлявшись, с презрительной усмешкой*). Как все это глупо! Разве персы или арабы учат своих женщин грамоте? Я еще в детстве выучилась кое-чему там сама.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*едва смигивая слезы*). Послушайте, мне не разрешено, но я велю перевести вас в другое, более просторное помещение, давать вам пищу с комендантской кухни... Не желаете ли духовника, чтобы... понимаете... все мы во власти божьей... чтобы вам приготовиться...

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*откинув голову*). Пришлите.
КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Кого желаете? Католика, протестанта или
нашей, греко-российской веры?

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (*почти шепотом*). Я – русская, при-
шлите русского, православного.

* * *

*Санкт-Петербург, домишко отца Петра – старшего священ-
ника Казанского собора. Крыльцо на улице за собором, боком ко
двору бывшего тут гетмана Разумовского.*

ОТЕЦ ПЕТР АНДРЕЕВ (*поглядывая в сторону*). Что значит –
первое декабря. Зима уже. Снег, выпавший утром, растаял. Всю-
ду лужи, ненастье. Быть буре, Нева вздулась, жди наводнения.

*Слышится в крепости пушечный выстрел. Пес во дворе отзы-
вается лаем. Сквозь гул ветра раздается стук в калитку.*

ОТЕЦ ПЕТР. Кто там?

*Входит мокрый от дождя, в треуголке и при шпаге, невысо-
кий, полный человек, с красным лицом.*

ЧЕЛОВЕК ПРИ ШПАГЕ. Вы – священник?

ОТЕЦ ПЕТР (*струхнув*). Да.

ЧЕЛОВЕК ПРИ ШПАГЕ. Я секретарь главнокомандующего
Ушаков! Имею к вашему высокопреподобию секретное дело.

*Отец Петр зажигает свечу. Указав незнакомцу стул, садится
сам, собираясь слушать вошедшего.*

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ (*показывая на книгу, лежащую на сто-
ле*). Проповеди – Массильона? Изволите знать по-французски?

ОТЕЦ ПЕТР. Да маракую маленько.

В сторону. И что ему надо в столь поздний час?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Изволите знать и по-немецки?.. Кста-
ти, может быть, и по-итальянски?

ОТЕЦ ПЕТР (*медленно, туго соображая*). По-немецки-то об-
учался, итальянский же близок к латинскому.

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Вот что! Господину главнокоманду-
ющему князю Голицыну Александру Михайловичу благоугодно,
чтобы ваше высокопреподобие, взяв нужные святости, тотчас и
без всякого отлагательства потрудились отправиться со мной в
одно место... Там иностранка – ... Греко-российской веры... не-
обходимо совершение двух таинств...

ОТЕЦ ПЕТР. Что именно? Необходимо приготовить.

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Сперва крещение, затем исповедь с причастием.

ОТЕЦ ПЕТР. Сейчас же, ночью?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Карета ждет вас.

ОТЕЦ ПЕТР. Взять причетника?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ. Без свидетелей... Едем...

Отец Петр разбудил привратника, вошел в церковь и взял дароносицу.

Карета останавливается у дома Петербургского главнокомандующего. Выходит князь Голицын, приглашает отца Петра в дальнюю комнату.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Извините, батюшка... Дело важное, воля высшего начальства.

ОТЕЦ ПЕТР (*положив руку на сердце*). Я буду верен монархине и без клятвенных заверений.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Понимаете, слышали о такой – об авантюрьере?

ОТЕЦ ПЕТР. Да так, слыхано стороной.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Государыня в тревоге, враждебность в иностранных партиях... поддельны завещания... понимаете?

ОТЕЦ ПЕТР (*оглядчиво*). Понимаем.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Доктор более не ручается за ее жизнь. Не только дни, но и часы ее сочтены.

ОТЕЦ ПЕТР (*перекрестившись*). О господи! Боже, будь милосерден.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*взволнованно расхаживая по комнате*). Она желает приготовить. Как добрый пастырь доведете ее, вероятно, до полного раскаяния... в последние часы ее... кто она на самом деле, кто ее тому научил... есть ли исполнители, батюшка?

Священник медлит с ответом.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГОЛИЦЫН (*настойчивее*). Дайте слово помочь правосудию?

ОТЕЦ ПЕТР. Обязанности свои знаю, отечеству своему служу.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*делая знак рукой*). Можете ехать.

Карета у Петропавловской крепости, у крыльца Обер-команданта. Священника встречают Генерал-прокурор князь Вяземский и Обер-комендант крепости Чернышов с женой.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ (*ежась от холода*). Какая буря! Быть наводнению.

ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОР КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Господа, пройдемте вовнутрь.

Горят в высоких поставцах свечи, между ними стоит купель. Женщина в шубейке держит что-то завернутое в белое.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ. Приступайте, батюшка.

Отец Петр надевает ризу, берет кадило, раскрывает книгу, начинается обряд крещения новорожденного.

СВЯЩЕННИК (*спрашивая вполголоса*). Чье дитя?

Пауза. Молчание.

ОТЕЦ ПЕТР. Ну как, что записать мне в книгу? Кто родители?

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Что – разве нужно, непременно?

ОТЕЦ ПЕТР. По долгу обряда...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Пишите: Александр Алексеев, сын Чесменский.

Священник вздрагивающей рукой заносит имя в книгу крещения.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*указывая духовнику на Обер-коменданта*). А дальше что... вот ваш провозжатый!

Князь Голицын выходит.

С дароносицей у груди отец Петр следует за Чернышовым во внутренние помещения крепости.

Большая женщина неподвижно лежит на кровати, но пока еще в памяти.

ЖЕНЩИНА (*едва слышно*). Святой отец... Помолитесь за меня...

Священник бережно кладет на стол дароносицу, наклоняется к женщине.

ОТЕЦ ПЕТР. Ваше имя?

ЖЕНЩИНА. Princesse Elisabeth (*Княгиня Елизавета*).

ОТЕЦ ПЕТР. Кто ваши родители и где вы родились?

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА (*глухо кашляя*). Не знаю. Что передавала другим, в том сама была убеждена.

ОТЕЦ ПЕТР. Вы - христианка?

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА. Я крещена по греко-российскому обряду.

ОТЕЦ ПЕТР. У вас найдены списки с духовных завещаний. От кого вы их получили и кем составлен ваш манифест к русской эскадре?

КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА. Тайные друзья меня жалеют, стараются вернуть мои утерянные права.

СВЯЩЕННИК. Женщина, вы на краю... Тлен и вечность перед вами... покайтесь... между нами один свидетель – Господь... Кто ваши соучастники?..

Рука женщины судорожно тискает у рта окровавленный платок.

ЖЕНЩИНА. Все, что знала, я сообщила... клянусь Богом, в ожидании божьего суда и близкой кончины... Более ничего не знаю ... не знаю...

СВЯЩЕННИК. Вашего сына сейчас окрестили, поздравляю. Хороший мальчик. Господь милосерден, будете жить для него...

Едва заметная улыбка скользнула по сжатым, спекшимся губам женщины. Отец Петр осенил больную крестом, постоял над ней и, отложив таинство причастия, вышел.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ (*за дверью, бросаясь к нему*). Ну как? Исполведали, приобщили?

Священник возвращается обратно к больной.

ОТЕЦ ПЕТР (*дрогнувшим голосом, искренне молясь и крестя ее*). Разрешаю твои прегрешения, дочь моя.

ЖЕНЩИНА (*собравшись с силами, четко*). Я русская Великая Княжна! Дочь покойной императрицы!

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Священника не оставили в покое. В тот же день его снова пригласили к главнокомандующему.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Ну что, докопались до истин? Сказала вам она хоть что-нибудь?

ОТЕЦ ПЕТР. Просите, ваше сиятельство... Сами понимаете, тайна исповеди...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*смешавшись, строго сжимая губы*). Да

кто же она наконец! Глубокой, государственной важности дело... не взыщите уж... Что ж, я один должен за все отвечать?

ОТЕЦ ПЕТР (*решительно*). Одно могу доложить вашему сиятельству. Пока жив, сдержу клятвенное слово, потребованное вами. Никому не пророню узнанного надуху. Будьте уверены, ваше сиятельство, обет молчания блюсти буду неукоснительно... Одно скажу: многое об этой женщине выдуманно, приплетено... Вот мысль, что если...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*хватаясь за ниточку*). Что, ну что?

СВЯЩЕННИК. Что, если арестованная не повинна ни в чем? За что же она тогда все это терпит?

Как бы гром разразился над головой князя – Петербургского главнокомандующего.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*озадаченно*). Как? Вы хотите сказать, что она не имеет сообщников, противу государыни ничего не злоумышляла? Так она, выходит, тогда и не самозванка, понимаете, а? Куда это ведет? Что ж она, выходит, прирожденная, настоящая наша княжна?... Великая Княжна, дочь покойной императрицы Елисаветы, престолонаследница?... Вы понимаете, о чем мы с вами тут говорим? Разве это, хоть на миг, можно нам допустить?

Отец Петр стоит молча, склонив голову на яреу, на которой недавно у груди держал дароносицу.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН. Вы ошибаетесь. Это не может быть, этого князь нельзя допустить... Эй, лошадей!.. Сам попытаюсь поговорить еще, есть еще время...

* * *

Главнокомандующий мчится через весь город к Петропавловской крепости. Небо наслело на Петербург, коней сечет мокрый снег Нева уже вышла из берегов, кипит, пенится у моста, несет поверху льдины. Карета Голицына с трудом пробирается между смерзшихся луж.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГОЛИЦЫН (*входя в дом каменданта*). Где Чернышов?

СЕКРЕТАРЬ УШАКОВ (*вытягиваясь в струнку*). С ночи находится в равелине, ваше сиятельство! (*подавая бумаги*). Глядите, каковы расходы на эту персону...

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН (*дежурному по караулу*). Ведите к арестованной... Как она, все еще в памяти?

ДЕЖУРНЫЙ ПО КАРАУЛУ (*пожимая плечами*). Да вроде пока еще в памяти.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*перекрестившись*). Сюда ко мне Обер-коменданта!

Входит Чернышов, он бледен, куда делась его обычная молодцеватость.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*не узнавая его*). Вы что же, Андрей Гаврилович, ночами, что ли, не спите? С ног, гляжу, сбились.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ ЧЕРНЫШОВ. Служу-с отечеству, императрице. Неотлучно при княжне, с вечера, как вы ушли...

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН. Был доктор, что говорит?

ЧЕРНЫШОВ. Заходил к ней лично несколько раз. Твердит непонятные слова, русские вперемешку со всякими: Орлов... принцесса... *тiо саро, gran Dio (мой дорогой, великий боже)*.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*смягчившись*). А ребенок как?

ЧЕРНЫШОВ (*радостно*). Жив, ваше сиятельство, жив! Кормили недавно. Жена моя хорошую кормилицу нашла. Сразу двух кормит...

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*шепчет*). Бедная, неужто умрет? (*строго, внушительно Обер-коменданту*). Заботьтесь, сударь, о ней. Чтобы все было, как следует. Чтобы все! Было у нее! Вы меня понимаете?.. По-христиански чтоб, по-православному... И на случай чего, вы меня понимаете? - здесь же ее, где-то поблизости, в тайности, без огласки... ведь человек тоже, страдаллица, мать...

Князь хочет еще что-то сказать Чернышову; неожиданно всхлипнув, хватая себя рукой за горло; бодрясь, выходит на крульцо комендантского дома. Смотрит ввысь: в сером небе, над Алексеевским рavelином, в вихре летящего снега, вьются крикливые галки. Надорванные ветрам железные листы хлопают один о другой, скрипит крыша.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*вздохнув глубоко*). Каков минор! Карету мне, карету! Домой!..

В сторону. Вот батюшка царь Петр! Прорубил ты «окно в Европу», а с моря вода против ветра. случаются наводнения... В прежние наводнения не раз заливало в крепости казематы. Кабы теперь не случилось, еще возьмет и утонет, бедная... Вернуться, что ли, высказать предположение Чернышову, пусть принимает меры.

Карета быстро несется сквозь косялящий с неба снег, обгоняя обозы с дровами и сеном, щегольские экипажи и одиноких пешеходов, шагающих в согнутом виде, под снежную завихруху.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН (*рассуждая об арестованной, в сторону*). Несчастливая, скорее всего, игралище темных страстей. Самозванка ли – трудно решить. Так Ее Величеству матушке – государыне и опишем... В случае чего, смерть русской княжны падет не на наши головы...

А карета все мчится. Мелькают все те же дома и церкви, все те же мосты и вывески, к которым он, уже старый, пожилой человек, с хлопотливой деловой озабоченностью начальника северной столицы, приглядывается многие лета. Вот и дом полиции, у Зеленого моста, на Невском, а вот и его собственная квартира. Старость не младость, тяжело на душе твоей, князь...

(Завидев у моста на Мойке место бывшего Елисаветина Зимнего дворца и далее, по Невскому, Аничковы палаты Разумовского). Вслух. А что если она и впрямь не самозванка?

Князю Голицыну стало жарко. Он отер лоб ладонью, сказал еще громче:

Вспомним добрые старые времена!

Прошлое царствование Елизаветы Петровны!

Тогдашних сильных мира сего, а с ними свои изобильные святы, собственные молодые годы, - все кануло в лету, унеслось не возвратно с теми годами.

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Между тем, если бы Петербургский главнокомандующий остановился у дома полиции да расспросил бы эту царскую службу получше, там бы ему рассказали кое-что интересное, что касается узницы Петропавловской крепости.

С неделю назад где-то в устье Невы причалил корабль, скорее всего, из туманного Альбиона. Старики-бакенщики слышали, как моряки говорили не по-русски, называли часто слова «Плимут» и «Элизабет», а также «принцесса рашен». Потом перепились, передрались, сели на корабль и отчалили. А иные, как заметили востроглазые бакенщики, остались. Взяли какие-то снасти с собой и ушли.

Старикам показалось это подозрительным: если рыбу собрались ловить, то почему, взяв снасти, отправились в город?

Да и что у них там, в Европах, своей рыбы нет, что ли, чтобы плыть за ней в город Санкт-Петербург? Подгадали же, самое время: когда тут у нас непогода бушуют, шторма, Нева идет вспять – может быть наводнение. А этим... из Альбиона... только такое и подавай...

- Резонно, - сказали в полиции и составили донесение и задвинули его в долгий ящик.

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Ночью в окно старшему священнику Казанского собора отцу Петру (Андрееву) опять постучали.

ОТЕЦ ПЕТР (*обеспокоясь пуще прежнего, подошел к закрытой двери, но не отодвинул засова*). Кто там, чего изволите?

МУЖСКОЙ ГОЛОС СНАРУЖИ. Роза и мирт.

ОТЕЦ ПЕТР (*удивясь такому голосу*). Помилуйте, вы не туда попали. Пароли мне ваши неведомы.

ГОЛОС СНАРУЖИ. Пароль, может, и нет. Зато человек ведом.

ОТЕЦ ПЕТР. Какой?

ГОЛОС СНАРУЖИ У кого вы были вчера, человек тот жив?

ОТЕЦ ПЕТР. Был жив, если я крестил дитя.

ГОЛОС СНАРУЖИ. Он в Алексеевском рavelине?

ОТЕЦ ПЕТР. Почему я должен вам сообщать, что она в Алексеевском рavelине? Я ни на вас, ни на ваш пароль не рассчитываю, вас не знаю.

- Ха – ха – ха, - рассмеялись за дверью – не то грубый мужской голос, не то низкий ветер с Невы. А в Петропавловской крепости тут же ударила пушка.

Сцена седьмая

Петропавловская крепость, Алексеевский рavelин. Княжна Тараканова слышит, как близко где-то ударила пушка. Она встает, зажигает свечу, ставит светильник на стол.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА *Вслух*. Чувствую силы вроде бы прибавляются. Умно сказал этот священник: ребенок теперь у меня, мать я, надо жить для него. Однако до поры до времени надо скрывать прихлынувшие ко мне чувства. Пусть моим палачам кажется, что силы таят во мне, как и прежде, истаяли до конца...

Что это – крыса пробежала по полу из одного в другой угол? И

еще одна, и еще сразу три. Сколько же их тут! О Господи, они лезут сюда отовсюду, со всех сторон, со всего подземелья, со всего Алексеевского рavelина, со всей Петропавловской крепости, со всего, всего Санкт-Петербурга... Это, говорят, бывает при наводнениях. Значит, надо ждать наводнения. Может затопить казематы и твой каземат, и тебя. Боже! Этого еще не хватало. Крысы и наводнение, наводнение и крысы... Они уже лезут по мне, по телу моему, добираются до губ, головы... Я становлюсь на кровать, забиваюсь в угол, чтоб со спины хоть не лезли... Одна крыса смотрит глазами в глаза – умные, живые бусинки глаз... Это их «крулева», царствующая особа. Она хочет съесть меня, откусить нос, пуговицу, впиться зубами в горло... А я ведь женщина, я и мышей-то боюсь...

Вода плещется у ног, она достает уж до рта...

Боже! Или это все мне только кажется? Кто это там за окном?

Княжна берет свечу, подносит к окну – приплюснуто к стеклу белое лицо в черной ночи.

- Ой! – отпрянув, бросается княжна в угол к крысам.

- Роза и мирт, - слышится голос оттуда. О мама mia! Пане Элисабет!

Княжна Тараканова теряет сознание.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Последнее, что слышит княжна, это топот ног. Приглушенные голоса. Ее куда-то несут, куда-то кладут и везут.

* * *

На другой день утром Обер-комендант Петропавловской крепости Чернышов Андрей Гаврилович записал следующее:

«Вечером, четвертого декабря 1755 года, княжна Тараканова, она же dame d'Azow, Али мете и принцесса Владимирская – скончалась. Ее последних минут не видел никто. К ней вошли – она лежала тихо, будто уснула. Неприкрытые тусклые зрачки ее глаз были устремлены к образу Спасителя.

Сбоку валялась дохлая крыса».

ОБЕР-КОМЕНДАНТ ЧЕРНЫШОВ (*приказывая старшему из гарнизонных инвалидов, стороживших княгиню*). Антипыч! Видишь внутренний дворик Алексеевского рavelина? Возьмите ломы, кирки и вырубите глубокую яму, велено тайно зарыть тело умершей, закидать ее комьями мерзлой земли...

После, Антипыч, посадишь над этой могилой березку. Пушай напоминает о русской душе православной...

Часовым, оставшимся не у дел. Позвать ко мне горничную Мешеду и шляхтича Чарномского!

Приходят последние из малой свиты княжны.

ОБЕР-КОМЕНДАНТ ЧЕРНЫШОВ (*обращаясь к ним, строго*).
 Даете клятву о вечном молчании, чему были вы тут свидетелями?
 Или, может, пойдете туда, вслед за ней?

ГОРНИЧНАЯ МЕШЕДЕ (*склонив голову*). Даю.

ЧЕРНЫШОВ (*шляхтичу глухо*). А ты?

ШЛЯХТИЧ ЧАРНОМСКИЙ (*глухо*). Клянусь.

ЧЕРНЫШОВ. Тогда вверенной мне властью отпускаю вас. Валайте с глаз долой, куда подальше – в чужие края. Чтоб вас в Питере больше не видели... Да держите язык за зубами... Если что, достанем из-под земли...

* * *

СТАРШИЙ СВЯЩЕННИК КАЗАНСКОГО СОБОРА – ОТЕЦ ПЕТР (*узнав о кончине известного ему человека, подумал про себя*). «А как же те, что стучали ему в окно, говорили пароль?» А в слух батюшка пропел молитвенно:

- Узницы тьмы, долгою ночью связаны, упокоил вы господь!»

И без огласки отслужил в церкви у себя панихиду по усопшей рабе божьей Елисавете.

ПРИХОЖАНЕ. Да кто же, батюшка, она была?

ОТЕЦ ПЕТР. Неизвестная вам особа, многострадальная.

ПРИХОЖАНЕ. Титула какого – высокого или низкого?

ОТЕЦ ПЕТР (*загадочно*). Аз раб и сын рабыни твоя. – И запел молитвенно. – Все мы под властией божьей, мудрые и простые, рабы и цари... сокровенная притчей изыщет и в гадании притчей поживет...

В сторону, про себя. Тройка бешено промчала мимо, всего-то малый возок... Вроде с теми, что стучали ночью в окно ему... Куда ее повезли, куда путь – на Москву - в южные степи или в Плимут - далее к морю?..

* * *

Фельдмаршал Галицын долго думал, как сообщить императрице о кончине оной особы, содержавшейся в Алексеевском рavelи-

не. Вот берет, наконец, он перо, лист бумаги, и пишет, перечеркивает и снова швыряет написанное.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН. Э, была не была! Вслух. Пишем так: «Всклепавшая на себя известное Вашему Величеству неподходящее имя и природу, сего четвертого декабря, умерла нераскаянной грешницей, ни в чем не созналась и не выдала никого».

В сторону, про себя. А чтобы лишнее про нее не болтали, пустим слух, что ее залило наводнением. Кстати, стреляли с крепости, разгулялась Нева... Залило, и концы в воду...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. На другой день до главнокомандующего дошел пущенный им же слухок, что княжна Тараканова утонула в Петропавловской крепости, в казематах, при наводнении. А еще через день до князя Голицына дошло и другое, будто бы в крепости похоронили не ту, кого собирались, а совсем другую... Инвалид горнизонный Антипыч вроде видел сам, как появились какие-то люди и, завернув в одеяло одно тело, другое подложили в другое одеяло. Унесли с собой ту, которую охраняли... И она была еще вроде живой...

* * *

Под новый год в расчищенном Санкт-Петербурге появилась императрица. Вызвала к себе своего главнокомандующего, спросила подробнее о кончине княжны Таракановой.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ (*играя с ним, как бы вздохнула*). Перешили, князь, мы с тобой! Переборщили!.. Отчего ты не был со мной откровеннее?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Долго еще по Санкт-Петербургу ходили всякие слухи по этому поводу. Одни склонялись к мысли, что узница в Европе, другие упорно держались того, что добрая матушка-государыня сжалилась над несчастной и, похоронив кого-то вместо нее, отправила княжну восвояси куда-то...

Екатерина Вторая велела, говорят, вызвать гарнизонного инвалида Антипыча и при всех, напомнив про случай с генерал-майоршей Кожиной, приказала всыпать ему покрепче, чтобы брехал поменьше, да и отпустила его на все четыре стороны...

Через полгода все известное о княжне Таракановой побулькало, побулькало да и отбулькало. Вот такие-то бывают страсти по власти; когда много, а когда потом ничего.

А еще через пару недель под Москвой, говорят, в Новоспасском женском монастыре, тайно появилась инокиня – монахиня Досифея. И что примечательно, когда поволнуется, говорят, тоже слегка косит левым глазом, вздрагивая каждый раз, как только провозглашают акафист или принимаются за панихиду по насильственно замученным и убиенным.

Занавес.

*17-22 октября 2010 г.,
г. Орел*

**ТАЙНА МОНАСТЫРЯ:
МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ**

(часть третья)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ – российский самодержец с 1796 года.

ЕГО СУПРУГА МАРИЯ ФЕДОРОВНА – бывшая цесаревна.

НЕЛИДОВА КАТЕРИНА ИВАНОВНА – фрейлина цесаревны.

ПАЗИЕЛЛО – учитель музыки у цесаревны.

ГРАФ и ГРАФИНЯ СЕВЕРНЫЕ – имя, принятое во время путешествия по Европе будущего императора Павла Первого и его супруги - императрицы Марии Федоровны.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ – друг композитора Глюка, маг и вызыватель духов, может быть, граф Калиостро.

ПРИЗРАК ПЕТРА ПЕРВОГО – прадеда императора Павла.

ОТЕЦ ПЕТР АНДРЕЕВ – старший священник Казанского собора в Санкт-Петербурге.

ИГУМЕНЬЯ НОВОСПАССКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ПОД МОСКВОЙ.

ВАРЕНЬКА – дочь брата отца Петра, его крестница.

ЕЕ ПОДРУГА под именем Ирина Львовна – дочь бригадира Ракитина.

В ОТДАЛЕНИИ ПРОШЛОГО ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОДСТАВЫ (*в годы правления императрицы Елизаветы*):

ПАВЕЛ КОНЦОВ – якобы сын, чудом спасшегося Петра Третьего.

ИРИНА РАКИТИНА – якобы тайная дочь Елизаветы, княжна Тараканова (*Тьмутараканская*) от законного брака императрицы с графом Разумовским.

Она же иногда ЖЕНЩИНА В ЧЕРНЫХ ОДЕЖДАХ, затем вполне возможно МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ.

Действие происходит (как продолжение первых двух частей трагедии) то в годы правления императрицы Екатерины Второй, то пятнадцать лет спустя, в годы правления ее сына – императора Павла.

Санкт-Петербург, 1755-й год. Накануне появления тут претендентки на российский престол – принцессы Елизаветы, княжны Таракановой.

Домик старшего священника Казанского собора – отца Петра, в мещанской слободке позади собора, боком ко двору гетмана Разумовского.

В домашнем подряснике, не зажигая свечи, бездетный отец Петр, овдовев несколько лет назад, любит под вечер, прохаживаться по гладкому холщовому полу от передней в приемную, до спальни, туда и обратно.

ОТЕЦ ПЕТР (*вслух сам себе*). Получил на той неделе письмо от Вареньки – от племянницы, дочери брата, моей крестницы. Пишет, что собирается приехать ко мне сюда вместе с подружкой своей. Подруге в руки попали листки, описано про персону такой важности, что и сказать о том – надо подумать. «Сперва барышня, полагала отправить посылку в Москву, прямо в руки Ее Величеству, да порешили с вами, мой крестный дяденька, посоветоваться». Имя барышни Ирина Львовна, дочка бригадира Ракитина... Едем, дядюшка, скоро будем»...

ОТЕЦ (*ощипывая сухие листья со стоявших по окнам в горшках гераней*). Вот ветрогонки, вертухи! Какое дело затеяли... Путьтешствие из Чернигова в Питер... Чтобы со мной посоветоваться...

Гости приехали. Дом ожил и посветлел. После первых радостных возгласов и расспросов о родине, о знакомых и путевых приключеньях, отец Петр ушел ко всенощной, а гости сходили с кухаркой в баню и, возвратясь, устроились у растопленной печки. Тут и застал их отец Петр, придя домой распаренными, с повязанными головами.

ОТЕЦ ПЕТР. Ну-с, государыни мои, где же ваши бумаги?

И девушки передали дядюшке сверток с надписью: «Дневник лейтенанта Концова». Отец Петр прошел к себе в спальню, поставил свечу к своему изголовью, прилег и погрузился в чтение.

Сгорела одна свеча, догорала другая.

ОТЕЦ ПЕТР (*лежа с открытыми глазами*). В сторону, про себя. Каково прошлое царствование! Море тайн и явных, неяс-

ных событий. Кстати, связанных с императрицей Елизаветой и соседом его гетманом Разумовским.... С первых строк вот о ком! О загадочной княжне, о княжне Таракановой.... тоже из Тьмутаракани!.. История о коварно похищенной женщине, заманенной на корабль... И где теперь она, та бедная, бедная женщина?..

Все в доме давно уже спали, в их числе и Варенька со своей подружкой Ириной. И тут этот настойчивый стук и твердый голос – от главнокомандующего, его письмоводитель – секретарь Ушаков. И вот он, священник – отец Петр Андреев, едет куда? Да ни за чтоб ранее не подумала куда: в Петропавловскую крепость, к этой княжне...

Весь дом всполошился и замер.

ОТЕЦ ПЕТР (*по дороге в крепость, думая о княжне*). Страдильца! Горестное сплетение дел, помощи ей, Господь... Лишь под вечер отец Петр вернулся домой.

А дома его дожидались с большим нетерпением.

ВАРЕНЬКА (*подлетев к дядюшке*). Ну, как, дядюшка, что там было?

ОТЕЦ ПЕТР (*вместо ответа*). Концов этот ... писавший дневник... он что – жених подружке твоей Ирине Львовне?

ВАРЕНЬКА, Брат это княжне... Ой, дядюшка, что я говорю! Да, почти что жених. Он сватался к Арише, отец отказал...

ОТЕЦ ПЕТР. Как отказал? Молода, степенна, умница, вот была бы парочка тому лейтенанту...

ВАРЕНЬКА. Увез отец Ирину за тысячу верст и пробыл там с ней несколько лет, пока не помер. И она вот осталась одна...

ОТЕЦ ПЕТР. А где тот лейтенант?

ВАРЕНЬКА. Павел Концов? Эскадра пошла в Санкт-Петербург из Ливорно. Концов был на корабле, в котором везли имущество графа Орлова. Ну и, видно, корабль утонул. Доставили с почты посылку Арише, с запиской на французском, мол, рукопись найдена рыбаками в бутылке... где-то на морском берегу...

ОТЕЦ ПЕТР. Ну, а самого-то лейтенанта искали?

ВАРЕНЬКА (*всплеснув руками, горестно*). Да где там искать-то... Ракитино, глухие места... И Ариша одна ведь, как перст...

ОТЕЦ ПЕТР. А все же?

Появляется Ирина Львовна, подсаживается к их разговору.

ИРИНА ЛЬВОВНА. В морской коллегии оказалось только

справка о том, что фрегат «Северный Орел», на котором везли из Ливорно больных и остальных, имущество графа Орлова, действительно, был унесен бурей в Атлантический океан. В последний раз его видели у африканских берегов, невдалеке от Танжера... Скорее всего, корабль разбился и утонул где-нибудь у Азорских или Канарских островов. Жив ли оказался Концов, спрашивать некого, весь экипаж в пучине. Бывшие начальники эскадры Орлов и Грейг в Москве, тут тоже спросить некого...

ОТЕЦ ПЕТР. Молитесь, добрая моя, молитесь, Ирина Львовна. В этом наше спасение.

Снова явился от главнокомандующего секретарь Ушаков, увез отца Петра туда же, где тот и был в первый раз. Отсутствовал отец Петр теперь более длительный срок. Вернулся священник еще более мрачным.

ВАРЕНЬКА (*приласкиваясь к нему*). Что это вы, дяденька, невеселы, лица на вас нет. Опять в крепости были, у этой княжны?

ОТЕЦ ПЕТР. В тот раз назвала лейтенанта Концова братом Ирины Львовны, отчего?

ВАРЕНЬКА. Отчего вы, дядюшка, не расскажете нам, что там в крепости дется с этой княжной, тоже тайна?

ОТЕЦ ПЕТР (*гостье, Ирине Львовне*). Вы, я вижу, приехали не напрасно. Ездите то в одно, то в другое место, тревожитесь, наводите справки... Государыня, видать, будет – в Петербурге, еще не скоро. Написали бы, что ли, в Москву начальству Концова Павла Ефстафьевича.

ИРИНА ЛЬВОВНА. Благодарствую за беспокойство. Вчера граф Панин обещал разведать через иностранную коллегия – что там в Испании и на Мадере. Писатель Фонвизин тоже вызвался... Обожду еще, да и пора домой. Этот корабль, как призрак, все у меня перед глазами...

* * *

Время летит, как ядро из пушки. Вот уже гости собрались возвращаться к себе туда, на Украйну, в свою Тьмутаракань.

Дома нет никого, даже кухарки Аксиньи. Священник входит к себе в кабинет. Растопив печь, он запирает дверь, вынимает рукопись лейтенанта Концова.

ОТЕЦ ПЕТР (*рассуждая сам с собой*). Так, еще раз осмотрим тщательно дневник Концова, перевяжем шнурочком, запечатаем,

подписав на обложке: «Вскрыть после моей смерти». А сверток положим сюда, на самое дно сундука.

Едва священник замкнул тот сундук, в дверь постучали.

Входит племянница вместе с подружкой Ириной Львовной.

ВАРЕНЬКА. Что-то вы, дядюшка, какой-то сам не свой. Что случилось?

ОТЕЦ ПЕТР (*засмеявшись*). Да так, не по вашей части это, дело для вас постороннее... (*Обращаясь к Ракитиной*). Ирина Львовна, простите великодушно. Времена смутные... привезенную вами рукопись опасно держать в доме... вы собираетесь уезжать, но и в деревне не безопасно... уж извините, простите старика...

ИРИНА (*побледнев*). Где тетрадь, неужто сожгли?

ОТЕЦ ПЕТР (*склонив голову*). Виноват, предал огню.

ИРИНА (*с горечью в голосе*). Что же мне теперь делать?

ОТЕЦ ПЕТР. А ничего. Живите спокойно. Как и до того. Пути господни неисповедимы, враг же сеет незнаемое... Когда-либо и без рукописи этой узнаете то, что вам нужно о женщине, о лейтенанте или... как его... вашем брате Концове...

Ирина Львовна отходит к окну, глядит в сумерки, упершись взглядом в стену двора гетмана Разумовского, все думала, перегоняла мысли из одной стороны в другую.

ИРИНА РАКИТИНА. *Вслух*. Как они тут близко живут. Оба из Тьмутаракани, в столице. Кто кому помогал продвигаться, кто кому помогает и по сей день?..

Я кругом виновата. Пропадаю, горю в мучительных сомнениях, тревогах... Где Павел, с кем сейчас, на какой стороне? Мой вероятный защитник, стена моя. Может, из-за меня он впал в отчаянье, бросился помогать не столько мне самой, сколько моему доброму имени. Княжна Тараканова – это княжна Тьмутараканская, Элизабет, а Элизабет – это, возможно, я... Я тоже пыталась помочь той несчастной, посланной, очевидно, всеми сюда. Какой игральщик темных, всесильных страстей... Мне искупать вину за их потерянную судьбу, мне молить у Бога прощения за все грехи мои тяжкие в этом затянувшемся деле. Я одинока с детства, мать отдала меня от себя, в мире мне нечего больше ждать...

Дверь в комнату Вареньки и ее подруги была приоткрыта. Отец Петр приостановивается, прислушивается к тому, о чем говорят гости, в чьем состоит, по их понятиям, их доля, женское счастье.

ИРИНА РАКИТИНА (*грустно*). Одиночество, тучи какие-то сгушаются над головой. В последнее время новые, какие-то странные молодые люди стали крутиться вокруг меня, наезжают в Ракитино. Чувствую, это опасно...

ВАРЕНЬКА (*приласкиваясь к ней*). Может, Ариша, это все женихи? Прознали, Концова нет, а поместье твое, тебе от отца - богатые, тучные пастбища, хлебородные земли.

ИРИНА РАКИТИНА. У тебя-то как, Варюша, с этим учителем?

ВАРЕНЬКА. Взяли, говорит, в московскую семинарию, положили оклад, скоро, говорит, тебя заберу.

ИРИНА РАКИТИНА. В Москву, так в Москву. А я собираюсь, куда-нибудь там у нас, на Украине, может быть, в монастырь?

ВАРЕНЬКА (*в порыве чувств, обнимая подругу*). Что ты, Ириша? Зачем тебе в монастырь?

ИРИНА РАКИТИНА. Откровенно сказать, прошлым детом я побывала в нескольких монастырях. Смотрела условия жизни послушниц, прежде чем принять постриг... Их, к сожалению, больше интересуют мои земли, богатства, на которые они могут рассчитывать...

ВАРЕНЬКА. Что ты, Иришенька? Заладила в монастырь да в монастырь. Для чего хоть нужно это тебе. Еще молодой запирать себя в келью?

ИРИНА РАКИТИНА. Я виновата, Варенька, перед ним, перед многими. Мне надо молиться и вечно страдать...

ОТЕЦ ПЕТР (*стыдясь за подслушанный им разговор*). Вот вертихвостки! О чем думают - о женихах... И эта... постарше... тоже хочет быть невестой... Христовой...

Отец Петр поднимает голову. Над липами гетманскою - Разумовского сада, раскричавшись, летают черные птички стаи.

СВЩЕННИК (*крестясь*). Нет числа бедам нашим, целые сонмы! Спаси, боже, нас и сохрани.

Там же, в Санкт-Петербурге, пять лет спустя. Май 1780 года. Варя, как и собиралась, живет в замужестве в Москве. Ирина Львовна, приехав в северную столицу, навестила отца Петра, по-прежнему состоявшего старшим священником Казанского собора.

ОТЕЦ ПЕТР (*встречая частью с нескрываемым удовольствием*). Ну, что, Ирина Львовна, есть какие изменения в жизни? Неужто его вы все еще ждете?

ИРИНА ЛЬВОВНА. И не говорите, батюшка. Я – однолюбка. Все отдам, всем пожертвую, чтобы получить о нем хоть какую-то весточку.

ОТЕЦ ПЕТР. Но это, сударыня, право даже грешно испытывать проведение, гадать язычески.

ИРИНА ЛЬВОВНА (*оживясь*). Точно, точно, отец мой, батюшка. Вижу тяжелые сны... Один особенно, несколько ночей подряд...

ОТЕЦ ПЕТР. Какой именно, матушка?

ИРИНА ЛЬВОВНА. Снится, будто подошел он к моему изголовью, такой же, каким я видела его в последний раз в нашей деревне... Добрый, красивый, и говорит: «А живу, Аринушка, я там, где шумит вечное море...» Где искать, кого спрашивать? К Государыне обратиться не решаюсь...

ОТЕЦ ПЕТР. Некого просить, матушка, некого. Кроме одного лица. Есть такое лицо. Это лицо – цесаревич Павел Петрович. Лучшего пособника, коли снизойдет, вам не найти. Тут все: и ум, направленный к вечному и таинственному, и связи с могучими и знатными. А доброта? А рыцарская честность? Это не Тиверий, как о нем говорят враги, а будущий благодетельный Тит...

ИРИНА РАКИТИНА (*сдерживая дыхание, вполголоса*). Я слышала.

ОТЕЦ ПЕТР. Так поезжайте к нему на мызу, ищите аудиенции... Вот вам, Ирина Львовна, письмо к моей крестнице – фрейлине дворца цесаревича... наймете кибитку и через Царское Село отправьте на собственную мызу цесаревича, Великого Князя – в «Паульслуст», что переводится как Павловск.

Павловск. Великокняжеский парк. Диковинки сада: домики Крик и Крах, хижина Пустынника, гроты, пруды, переходные мосты. Ирина Львовна Ракитина сидит в ожидании на скамейке. Появляется фрейлина цесаревны Нелидова.

ИРИНА РАКИТИНА (*поднимаясь навстречу*). Катерина Ивановна. Мне рекомендовано изложить вам суть моего вопроса.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*присаживаясь на скамейку*). На клавикордах играли, любимую пьесу цесаревича разучивали, гимн для концерта. Излагайте, я слушаю...

Ирина Львовна в кратких словах объясняет фрейлине, что до сих пор никак не может отыскать своего жениха – моряка, лейтенанта российского флота.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*рассеянно*). Павел Концов, говорите? И цесаревича зовут Павел. Матушка-государыня назвала так своего сына: Павел Петрович...

Мимо проходит молодой человек со скрипкой под мышкой, в камзоле и парике.

ИРИНА ЛЬВОВНА. Кто это?

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*подзывая его*). Подойди, скажи нам, кто ты?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*подойдя близко, церемонно раскланиваясь*). Я? Итальянский музыкант Поэзиелло.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*смеясь*). Смоленские мы, я недавно привезла его из деревни, мой крепостной музыкант. Ну, что, Ваня, сыграй нам пьеску, которую вы только что разучивали с цесаревной...

Из-за деревьев показывается белокурая дама в голубом шелковом платье. Стройная, молодая красавица с нежным румянцем на лице. Алые и синие цветы в роскошных белокурых волосах вправлены для сохранения свежести в особые, крохотные бутылочки с водой.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*кланяясь, представляет Ирине Ракитиной*). Великая Княжна Мария Федоровна.

Ирина Львовна с восхищением провожает взглядом царственную особу.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА (*Ирине*). Идемте, что я вам покажу.

Ракитина с Нелидовой проходят во фрейлинский флигель, что

рядом с гауптвахтой, поднимаются в комнату, украшенную вазами, блюдами из фарфора, медальонами на стенах.

ФРЕЙЛИНА НЕЛИДОВА. Это все работа Великой Княгини. Взгляните, что за мастерица, как рисует она по фарфору, режет по кости и камню, тушует по золоту... И все дарит мне, видите – это подарки... Вот вышитая подушка. Смотрите, какая роза, а это мирт, что за тонкость узора... Вы молчите?

ИРИНА РАКИТИНА (*вздыхнув*). Роза и мирт, жизнь и смерть... Когда же кончатся мои поиски, осуществляются надежды?...

По знаку Нелидовой музыканты играют молящий гимн Ифигении в Авлиде. Ирина Львовна слушает с замиранием сердца, когда-то она сама пела его Концову...

Нелидова выбрала уголок, они присели.

ФРЕЙЛИНА (*обращаясь к Ирине Львовне*). Ну, что же вы? Продолжайте вашу историю.

Ирина Львовна переходит к рассказу о судьбе княжны Таракановой. С каждым ее словом оживленное, обычно веселое лицо Нелидовой становится все пасмурней, строже.

НЕЛИДОВА (*вспыхнув*). Боже, какая драма, какие тайны! И это в наши-то дни!.. Мадам, благодарю вас за рассказ, очень вам признательны. Если позволите, я все сообщу их высочествам... И я убеждена, что государь-цесаревич, этот честный, правдивый рыцарь, ангел доброты и чести... все для вас сделает. Но кого он должен просить?

ИРИНА РАКИТИНА (*удивившись*). Как кого?

НЕЛИДОВА (*объясняя ей*). Как бы вам это сказать? Государь - наследник не вмешивается в дела правления, он может только ходатайствовать, просить... От кого зависит ваше дело?

ИРИНА РАКИТИНА (*вспомнив наставления отца Петра*). Князь Потемкин мог бы помочь. Этому сановнику легко предписать послан и консулам. Лейтенант Концов, может быть, снова где-то в плену у мавров, на атлантических островах... а может, и здесь, в России...

НЕЛИДОВА (*улыбаясь Ракитиной*). Такой разброс мысли. Вы долго пробудете здесь, в Петербурге?

ИРИНА РАКИТИНА. Мои поиски в некоторых кругах уже осуждают, именуют грехом.

НЕЛИДОВА. Хорошо. Скажите, куда и как дать вам знать?

ИРИНА РАКИТИНА (*взглянув на подушку, вышитую самой Великой Княгиней*). Не пишите мне ничего, ни слова. Вот что! Вложите в пакет, если удача – розу, неудача – миртовый лист...

НЕЛИДОВА (*обнимая Ирину*). Поезжайте, милая, хорошая вы моя. Что узнаю, тут же вам сообщу.

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

С удалением князя Григория Орлова и с падением влияния воспитателя цесаревича - Панина, новые советники императрицы Екатерины, с целью устранить влияние на нее сына, Павла Петровича, подали ей мысль отправить цесаревича и его супругу для ознакомления с заграничными странами, в долгий зарубежный вояж.

Их высочества оставили окрестности Петербурга 19 сентября 1781 года. В половине октября, под именем графа и графини Северных, они в украинском городке Василькове проехали русскую границу с Польшей. Здесь фрейлину Нелидову ожидала подъехавшая накануне по киевскому тракту Женщина в черных одеждах. Она была введена в помещение Катерины Ивановны. Туда же, через сад, как бы невзначай, пока перепрягали коней, вошли граф и графиня Северные. Они оставались здесь несколько минут, но и этого было достаточно, чтобы граф вышел бледный, как полотно, графиня – в слезах.

НЕЛИДОВА (*махая рукой из кареты Женщине в черных одеждах*). Роза, роза!.. Не мирт!..

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Объехав Германию, граф и графиня Северные встречают новьей, 1783 год в Венеции.

8 января. Великий Князь Павел Петрович в живописном итальянском плаще «табарро», а Великая Княгиня в нарядной венецианской мантилье утром посетили картинную галерею и замок дожей, а вечером – театр «Пророка Самуила», где для высоких гостей давали их любимую оперу «Ифигения в Тавриде». Дирижировал сам знаменитый маэстро – композитор Глюк.

После оперы публика повалила на площадь святого Марка. Там в честь высоких гостей – путешественников был устроен импровизированный маскарад. Площадь кипела народом, все были в

масках, говорили, шутили – что хотели, не узнавая друг друга. Однако следил каждый за каждым. Все заметили, что, проводив супругу из театра в приготовленный для них палатко, граф Северный гулял по площади в маске, будучи в стороне от других, беседа с каким-то высоким, тоже в маске, иностранцем (*может быть, с графом Калиостро?*), который ему был представлен в тот вечер Глюком в театральном ложе.

Был полный месяц. Всюду висели разноцветные фонари, гремела музыка. Однако все это не отвлекало от главного. Оба были увлечены друг другом, своим разговором.

- Кто это? – пробежали мимо них маски.

- Будущий Павел Первый и с ним друг композитора Глюка – маг и вызыватель духов.

Павел был взволнован и не в себе.

ПАВЕЛ. Говорят, вы – чародей, вашим словам уже тысячи лет. Уверяют, что вы имеете общение не только со всеми живущими, но и с загробной жизнью. Без сомнения, это шутка с вашей стороны, смешно верить сказкам. Но, знаю, сказка сказке рознь. Хотелось бы вас спросить об одном явлении.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Слушаю вас, граф.

ПАВЕЛ. Например. Меня всегда занимали вопросы высшей жизни, непонятные вмешательства в духовную область, осуществленного сверхъестественными силами... Мне хотелось бы, чтобы вы объяснили одну странную встречу...

Павел явно боролся с собой, стремясь подавить в себе тяжелое и томительное, что составляло одно из его тайных мучений.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ (*направляя Павла к полуосвященной набережной*). Я слушаю, слушаю вас внимательно.

ПАВЕЛ (*взволнованно*). Однажды это было в Петербурге перед самой поездкой сюда, за границу... Была лунная ночь, я шел с адъютантом по улице и вдруг почувствовал, что слева между нами и стеной дома движется какая-то фигура. В плаще, старомодном треуголе... Холодом обдало мне левый бок. Со страхом следил я за шагами призрака, каблуки стучали о плиты тротуара, как камни о камне. Незримый адъютанту призрак направил мне грустный, укорительный голос: «Бедный, бедный Павел! Не привязывайся к миру, ты недолго будешь в нем... Бойся укоров совести, живи по законам правды... ты в жизни...»

Помню, тень не договорила, с тем и исчезла.
Граф Северный поднял глаза и обмер: перед ним, освещенный яркой луной, стоял во весь рост его прадед – Петр Великий.

**Сцена третья
(продолжение)**

ПАВЕЛ (*дрожа от волнения*). Я сразу узнал его... хотел его о чем-то спросить, но он исчез...

Обращаясь к Таинственному Незнакомцу.

Как вы думаете, сеньор? Была ли греза это или я, действительно, видел тень моего прадеда?

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Это был он.

ПАВЕЛ. Почему он не договорил?

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Ему помешали.

ПАВЕЛ. Кто?

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Оставьте, лучше не спрашивайте. Есть вещи, которых не следует знать... но надо догадываться...

В это время с большого канала послышалась музыка, очень похоже на гимн, каким угощала утрами фрейлин Нелидова.

ПАВЕЛ. Еще вопрос.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Спрашивайте, граф.

ПАВЕЛ. Жив ли русский моряк с корабля?

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. «Северный Орел?» Павел Концов? Жив был, спасся у острова Тенериф... Пошлите особую, миртовую ветвь... Позвольте теперь один вопрос вам: будет ли граф Северный, взойдя на престол, более снисходителен ко мне, чем были когда-то министры его родительницы?

ПАВЕЛ (*оставляя вопрос без ответа. В сторону, про себя*). Скоморох! Какие басни плетет!

Вслух. Призрак прадеда Петра Первого только что видел я, видел!.. А вы его видели?

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Теперь уже Таинственный Незнакомец оставляет вопрос без ответа. Корабль на рейде с подвязанными парусами. завтра на этой шхуне супруги Северный покидают Венецию и отплывают на родину.

А маскарад продолжался. Маски смеялись друг другу в лицо.

Гремела музыка. «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде» – какая разница, темные силы с этой стороны и с той. Граф Калиостро или его покорный слуга – таинственный маг, ночной незнакомец.

* * *

Прошло еще пятнадцать лет. 1796 год приближался к концу. Первые месяцы царствования императора Павла. В Петербурге чувствуется радость освобождения из крепости знаменитого Новикова, возвращение из Сибири Радищева.

Император Павел с августейшей супругой посещает собор Петропавловской крепости.

ПОЛИЦМЕЙСТЕР АРХАРОВ (*вытянувшись в струнку*). Государь-император! Прошу взглянуть сюда – на главное здание.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*в одном из казематов*). Здесь содержался кто-нибудь из итальянцев?

ПОЛИЦМЕЙСТЕР АРХАРОВ. Никак нет-с, Ваше Величество, раскольники.

ГОСУДАРЬ (*указывая на окно*). Вот надпись на стекле алмазом: «O, dio mio!» (*О, мой бог!*)

Архаров и Обер-комендант крепости молчат – новые, очевидно, не знают старых легенд.

ГОСУДАРЫНЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Любопытно узнать, кто это был тут? Почерк женский. Бедная! Содержалась в таких условиях.

ФРЕЙЛИН НЕЛИДОВА (*выглядывая из-за стин*). Уж не княжна ли Тараканова? Помните, Ваше Величество, несчастье с моряком Концовым и ту девушку из Малороссии?

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. Тараканову, говорили, крысы тут съели.

ДРУГОЙ ГОЛОС. Утонула, говорили, от наводнения.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*подозвав Нелидову и указав за окно на одинокую березку среди рavelинского глуховатого сада*). Вот ее могила! Но где же записки о ней? Я выясняла, ничего нет

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. Надо покрепче взяться, разузнать про это прискорбное дело... Были смутные времена: покушение Мировича, бунт Пугачева, потом эта... несчастная... Я видел слезы матушки – государыни... она до своей кончины не могла простить себе, что допустила допрашивать арестованную в свое отсутствие... в свое присутствие...

ГОЛОСОК В ГЛУБИНЕ СВИТЫ. Запутался! Отсутствие где – в Петербурге, а присутствие где – в Москве.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*подзывает фрейлину Нелидову*). Что вы скажете об этом, Катерина Ивановна? Вы за это уже брались, выясняли.

НЕЛИДОВА. Выясняла. У нас же все тут в двойном измерении: две столицы, два Павла – вы, государь, и моряк Павел Концов, две Елизаветы, две княжны Таракановой...

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ (*с готовностью*). Два царевича Димитрия.

НЕЛИДОВА. И у меня в моих выяснениях два монастыря: один где-то под Киевом, другой тут под Москвой... Где была настоящая княжна Тараканова – неизвестно. Рассказывали в глубине Украины, в небольшом уединенном монастыре, некогда поселилась та самая Ирина Ракитина из Тьмутаракани. Там она приняла постриг и тихо скончалась в немалых годах, горячо молясь за погибшего в море брата ли, жениха ли... раба божьего Павла.

«У покойной нашли свиток с надписью «От отца Петра», между бумагами засохшую миртовую ветвь, при письме одной важной особы...»

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*своей августейшей супруге*). Как же, помним, помним. Помните, Мария Федоровна, мы о ней хлопотали?.. Я еще этому, как его... графу Калиостро... в Италии о ней, о Концове тогда говорил...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. В Венеции когда были, у композитора Глюка. Это он вам вместо себя гроссмейстера ордена предложил...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*оглядчиво*). Мария Федоровна, ну зачем это? Кто вспомнит прошлое, тому глаз вон.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. А кто забудет, батенька, тому два. Миртовую ветку Ирине Львовне я тогда посылала...

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Пора вспомнить и о графе Алексее Григорьевиче Орлове-Чесменском. В год путешествия по Европе графа и графини Северных он, наконец, женился. Его побочный сын от таинственной княжны Таракановой, Александр Алексеевич Чесменский, умер в чине бригадира.

Пережив императрицу Екатерину и даже ее сына – императора Павла, граф Алексей Григорьевич оставил после себя един-

ственную дочь и скончался в Москве в царствование Александра Первого в 1807 году.

Вызовем его тень и спросим:

- Ну, как? Преследовали ль тебя при кончине угрызения совести за греховный поступок с княжной Таракановой или в черствую душу твою, граф Алехан, до конца жизни не запала даже искринка с укором совести?

ТЕНЬ ГРАФА АЛЕХАНА. Самому сие неизвестно.

НЕЛИДОВА - ФРЕЙЛИНА ИМПЕРАТРИЦЫ. Впрочем, достоверно знаем, что предсмертные муки графа Алексея Григорьевича были невыносимы. Чтобы не было на улице слышно ужасных стонов и криков умирающего «исполина времен», было признано нужным заставить его домашний оркестр, разучивавший в соседнем флигеле похоронный гимн, играть «Ифигению в Тавриде», и как можно громче. Музыканты играли эту «Ифигению», а в уме держали другую – «Ифигению в Авлиде», а с ней вместе княжну Тараканову где-то в Ливорно, где когда-то граф, говорят, отбил княжну у Концова.

* * *

Там же, в Петербурге, в Зимнем дворце, выстроенном Екатериной Великой. Император Павел Первый в царских покоях. После памятного посещения им со своей супругой Марией Федоровной Петропавловской крепости голоса стали являться ему, царствующему императору. То матери - покойной императрицы Екатерины, то Таинственного Незнакомца из Венеции, с которым он встретился тогда еще, когда был графом Северным.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (обращаясь к супруге). Что делать, Мария Федоровна, жить во дворцах этих Екатерининных – ни в летнем, ни в зимнем - не вмогуту. Все ее голос мерещится. В Гатчине, что ль, поселиться?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. В Гатчине хорошо. Но достанут, боюсь, и до Гатчины.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Кто – голоса?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Гвардейцы. Такие, как братья Орловы, поставившие мать на правление.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Армию мать твоя создала. Сама великая и армия великая, югом как прирастила Россию. Фельдмаршальство развела. приручила к победам, а теперь что делать с

армией? Снова войю, и так без конца?.. Вон Потемкин говорит, что отец Александра Македонского Филипп, боясь вторжения персов, создал мощную армию, а она, не воюя-то, и убила Филиппа... «любящего лошадей»...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Муштровать надо полки-то, во фрукт поставить и пусть маршируют... по Гатчине... Вот что с голосами мне делать? А теперь еще и призраки стали являться. И чаще, и длительнее. Сны снятся цветные, и с продолжением.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Дела государственные давят... говорят же, руби дерево по себе... отдыхать надо... на море ездить. Вон царь Петр сколько целебных источников пооткрывал.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. На той неделе мать – Екатерина Великая – привиделась. Сидит вот, как ты, явственным образом, зримо...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*замерев*). И где же, батюшка, это было?

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Да у березы той, в крепости, у Алексеевского равелина, где сидела та... несчастная... Да и говорит мне, сыну, ныне правящему императору: я, что ль, была счастливая? Женщина, а сколько всего везла, какой воз? Да хотя бы и с этой «авантюрьерой» – княжной Таракановой. С наследованием власти просто беда. Ты-то вот сел после меня на престол, а что получилось у предшественницы моей – императрицы Елизаветы Петровны? Я теперь ее понимаю, как она мыкалась, укрывала свих детей от нехорошего глаза... а на какую судьбу обрекла... хотя бы и дочь Лизавету... да и сына, если подумать, Петра...

Так-то, матушка – государыня, дорогая моя супруга... Сон этот просто меня доконал, кровь какая-то снится, подушка твоя, тобой вышитая – с розой и миргом... задыхаюсь от них...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это простым людям так. Сходят в церковь, свечку поставят – глядишь все как рукой сняло... Заказать надо молебен по матери, панихиду. Побывать в месте, где бывала покойная императрица...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Что тот священник, отец Петр, служивший в Казанском соборе, при конце жизни говорить-то начал, слыхла? Говорит, покойная императрица, матушка моя, пожалела несчастную... Под березой лежит не княжна, а другая... А княжну, по ее собственному желанию, отправили в монастырь...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Поезжай в монастырь, отведи душу, царь.

Спустя неделю после достопамятного разговора со своей супругой император Павел Первый отправляется в Первопрестольную, в тот самый Новоспасский женский монастырь под Москвой, о котором был наслышан давно.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ (*прохаживаясь по аллеям тихого монастырского сада с игуменьей - настоятельницей святой обители*). Ну, и что вы скажете, матушка, по поводу высказанных мной мыслей об этой несчастной... о княжне Таракановой? Была ли тут моя мать – покойная государыня-императрица? Была ли сама тут княжна?

ИГУМЕНЬЯ. Да ходят тут всякие легенды. Предшественница мне рассказывала... Будто осенью того же года, когда княжну привезли из Италии на корабле, к нам сюда, в Новоспасский монастырь, тайно доставили некую особу. Постригли ее тут в монахини, дали имя Досифея. Поместили в особой, недоступной келье...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. А там, в крепости, выходит, сидела другая?

ИГУМЕНЬЯ. Монахини у нас тут шушукались, мол, Досифея эта – незаконная дочь покойной царицы Елизаветы и ее мужа в тайном браке Разумовского.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. И что же – была тут, встречал у них – Великой Княжны с императрицей Екатериной?

ИГУМЕНЬЯ. Да была, была... Вот так вот, как мы, тоже вдвоем ходили по садику...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Ну и кто же из них умер первый, кто кого пережил? Говорят, ведь слабая была княжна, чахоточная, еще в крепости дышала на ладан.

ИГУМЕНЬЯ. Это была слабая, чахоточная, что сидела... А эта Ирина, была ничего себе, крепенькая...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ. Ирина?.. Выходит, Орлов из Италии вез не княжну, а другую? И на корабле граф Чесенский венчался с другой?

ИГУМЕНЬЯ. А это уж вы как хотите, так и думайте.

После игуменьи Новоспасского женского монастыря, что под Москвой, говорила всем, кто ее спрашивал.

Был государь Павел Первый, беседовал со мной, а как все узнал, присел на скамейку да так и сидел, может, с час или боль-

ше... После Павел рассказывал все своей супруге Марии Федоровне...

Сажу и смотрю вдаль, как в будущее, а оттуда, из прошлого, идет мать мол – покойная Екатерина и смотрит на меня, косит правым глазом.

Княжна Тараканова (Тьмутараканская) тоже, когда гуляет, слегка косит левым глазом, глядя от себя – от войны миров, в розовый окружающий мир. От розы к мирту, от мирта к розе.

Занавес.

23-25 октябрь 2010 г.,
г. Орел.

СЛАДКИЕ НОЖКИ КШЕСИНСКОЙ

(историческая трагедия с современностью)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ – царь-мироносец, Император Российской империи.

ЦАРЕВИЧ НИКОЛАЙ – наследник, его сын, затем последний русский император Николай Второй.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА – супруга Николая Второго, императрица.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ из дома Романовых:

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РОМАНОВ – генерал от артиллерии, президент театрального общества в Санкт-Петербурге

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – президент Академии художеств.

ЕГО СЫН КНЯЗЬ АНДРЕЙ – молодой офицер.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ – директор Мариинского театра.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МУРОМЦЕВ – председатель Первой Думы России в Санкт-Петербурге.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА, следующего в Японию.

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА – КАПЕЛЛАН.

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ – балерина Мариинского императорского театра, красавица со «сладкими ножками», обладательница сильной, но темной энергетики, сводившая с ума всех Романовых – от Императора Николая до всех троих Великих Князей, «генералисимус сцены».

РОДИТЕЛИ МАТИЛЬДЫ, СТАРШАЯ СЕСТРА ЮЛИЯ, ТОЖЕ БАЛЕРИНА.

БАНКИР ПОЗНАНСКИЙ – СОПЕРНИК РОМАНОВЫХ.

ЯПОНСКИЙ САМУРАЙ, РАНИВШИЙ РУССКОГО ИМПЕРАТОРА.

ПАРИЖСКИЙ ШАНСОНЬЕ.

КОРЕЙСКИЙ АДМИРАЛ.

Призраки знаменательных фигур, возникающих по ходу событий

РУДНЕВ – капитан героического крейсера «Варяг».

ПОП ГАПОН – провокатор царской охраны.

КЕРЕНСКИЙ – Председатель Временного правительства после Февральской революции 1917 года.

ТЕНИ – ПРИЗРАКИ РОМАНОВЫХ: Императора Николая Второго и Великого Князя Сергея Михайловича, а также

АГАПКИНА – капельмейстера Моршанского полка в Тамбовской губернии – автора вальса «На сопках Манчжурии».

Приближенные ко двору императора, маркеры казино в Монте-Карло, балерины кордебалета, революционеры-террористы и анархисты, жители Санкт-Петербурга, Парижа, Мыса Доброй Надежды, Токио. Солдаты и матросы, офицеры российского флота конца XIX в. – начала XX века.

ПРОЛОГ

Время правления императора Александра Третьего, когда Россия впервые, еще от князя Тишайшего, ни с кем не воюет. Зато накопилось много того, что, рухнув, привело затем империю к краху. И как ни странно, ни дико, ни чудовищную даже, но именно «сладкие» ножки Кшесинской, балерины, «для царских спален», как голос из преисподней, подорвав и без того шаткие устои России, стали прелюдией потрясений: революций и войн, гибели миллионов.

Невероятно! Но именно через любовь, красоту и богатство продемонстрирован был беспредел. «Сладкие» ножки Кшесинской, очаровав самого императора и еще трех Великих Князей, сменили эпоху, перевернули Россию и мир, таинственный «польский» вопрос, начиная с Андрея Курбского, существовал и существует поныне, перекликаясь непостижимым образом с современностью: смоленским лесом и Курильскими островами.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Санкт-Петербург и его окрестности. С одной стороны, дворцы и фонтаны, с другой – «земля и воля», «черный передел». Перед глазами разворачивается картина вакханалии в царском доме, накануне новой эпохи перед – Русско-Японской войной.

Сцена первая

Окрестности Санкт-Петербурга. Дача Киесинских. В артистической семье отмечают именины младшей - четырнадцатилетней дочери Матильды. На семейном празднике, кроме родителей, присутствует старшая сестра Юлия. Появляется гвоздь программы – молодой шотландский танцор Джон Макферсон со своей невестой Джейн.

Отец именинницы, покрасневши, усаживает иностранных гостей за столом на главное место, мать наставляет служанку:

- Анчоусы подавай, анчоусы... только что из Италии... из Венесуэлы...

ОТЕЦ ИМЕНИННИЦЫ (*поднимаясь и провозглашая тост*). За молодых! За благополучное пребывание у нас, вас, дорогие гости из прекрасной Шотландии. Будьте как дома на гостеприимной земле Санкт-Петербурга... Как будто именно для вас, для вашего блистательного таланта наш Александр Пушкин написал такие слова:

«Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой».

ДЖОН МАКФЕРСОН. Почему «шипенье», «пунш»? Почему пунш голубой, он зеленый.

ОТЕЦ ИМЕНИННИЦЫ. Потому что это написал Пушкин. Слышите, в его фамилии тоже шипенье: пунш – «пш», «шп».

ДЖЕЙН. Но почему пунш не голубой, а зеленый?

ОТЕЦ ИМЕНИННИКА. Постарались уж, подобрали под цвет ваших глаз. И потом Пушкин любил зеленый - цвет жизни и лета. Перстень у него был темно-зеленого цвета, пока, не разрядившись на поэзии, стал женским, светло-зеленым...

ДЖОН МАКФЕРСОН. Не так давно у вас в Петербурге поставил и памятник э... кому?.. Пушкину, Пушкину... Авторство Аникушкина? Хороший памятник... Очень поэтично, очень!.. Рука у поэта чуть в сторону, наотлет. Джейн, почитай что-нибудь из Пушкина по-шотландски, в моем переводе. А я пока выйду, подышать... на терраску...

Вскоре встает и следом за шотландским танцором выходит виновница торжества – четырнадцатилетняя именинница. Их нет десять, двенадцать минут, четверть часа.

Джейн бросается на терраску: Матильда сидит на коленях у Джона Макферсона, он крепко обнимает ее. Крики, слезы, рыдания. Сконфузясь шотландский танцор тут же покидает гостеприимный дом. Матильда, которой сегодня исполнилось все лишь четырнадцать, как ни в чем не бывало, садится на место, где сидела шотландка.

ОТЕЦ ИМЕНИННИЦЫ (*грозя пальцем*). Уфф, какая ты у меня! (глядя в окно). Смотрите, взяли разные экипажи, разъехались в разные стороны...

МАТИЛЬДА (*равнодушно, передернув плечами*). Шотландия – страна чудес. У нас и своих чудес тут хватает.

МАТЬ ИМЕНИННИЦЫ (*манерно, с печалью в голосе*). Ну, и куда ее энергию мы направим, как вы думаете?

ОТЕЦ (*решительно*). А туда же, куда и старшую сестру – Юлию. В Ваганьковское училище, пусть продолжает учиться на балерину. Вот где энергия ей пригодится... в балете... крутить всякие сальто-мартале... Да, мама?

МАТЬ ИМЕНИННИЦЫ. А куда же еще?

МАТИЛЬДА. Ладно. Ваганьковское так Ваганьковское, только потом на меня не обижайтесь

* * *

Спустя четыре года. В Мариинском театре должен состояться бенефис лучших выпускниц Ваганьковского училища. Будет сам императора Александр Третий с императрицей Марией Павловной и цесаревичем Николаем – наследником престола.

В театре, за кулисами.

МАТИЛЬДА (*дергая старшую сестру Юлию за волосы*). А ты стань вон туда, за кулисы.

ЮЛИЯ (*обижаясь*). Почему это? Я все же первая ученица.

Расхохотавшись, Матильда убегает, ловко лавируя между балеринами кордебалета.

А, между тем, вот что происходит в Зимнем дворце, в доме Императора Александра Третьего и его супруги Марии Павловны.

ИМПЕРАТРИЦА. Что-то ты, Александр, опять сегодня веселый?

ИМПЕРАТОР. А почему бы и нет? Впервые так, при мне страна не воюет. Ни на Кавказе, ни с турками. Вот я и веселый.

ИМПЕРАТРИЦА. Зато внутри страны никак не успокоятся: то террористы, то анархисты... Говорят, освободил народ твой покойный батюшка, а земли не дал. «Черный передел» - переделывать собираются землю.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР. Не переделают, сила пока что при мне.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА. Сыну надо сказать, наследнику, пусть приглядывает за отцом.

Покачав головой недовольно императрица уходит. Александр Третий – человек крупный такой, грузный, в огромных ботфортах с отворотами, специально изготовленными по его просьбе, как болотные, охотничьи сапоги; оглядываясь опасливо, достает из-за отворотов бутылку, открывает пробку и пьет прямо из горла.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР. На наш век здоровья хватает. А не хватит, зайдем.

Пауза. Подходит к окну, смотрит на Неву, на Петропавловскую крепость по ту сторону полноводной реки.

ИМПЕРАТОР. Николай этот – наш наследник, не знает, куда себя деть. Вчера целый день гонял по Неве на яхте. Буря поднялась, штормовая волна, а он ходит под косым парусом, как какой-нибудь рыбак. Это опасно, опасней некуда... Что бы это придумать: чтобы и не опасно было, и чтоб развивало, на пользу было?.. Молодой человек, нет еще и тридцати. Надо его к женскому полу приохотить, не во дворце тут играть с фрейлинками, жеманными кокетками, а где-нибудь на стороне... В театре, например... В Мариинском, кажется, бенефис затевается лучших выпускниц Ваганьковского училища? Вот и пойдем, пожалуй, туда всей семьей. Пусть покрутится наследник около балеренок этих - молодых, пока еще ничего не умеющих... А все равно хорошо развлечется с этими кокетками. Надо сказать супруге Марии Павловне, пусть собирается...

Мария Павловна похлопотала, и вместо Мариинского театра они, Романовы, всей семьей (сам император, супруга его и наследник) направившись прямо в Ваганьковское училище. Туда был сначала перенесен из театра бенефис лучших выпускниц балета, туда они и приехали бы. Конечно, тут посвободнее, непри-

нужденнее... Однако цесаревич – наследник Николай настоял на театре.

Император Александр Третий с императрицей Марией Павловной сидят в царской ложе. Сидят, как и положено царствующей чете, важно, лорнеты на зал наводят и на них из зала наводят лорнеты. Оркестр тромбонами разыгрывают гаммы, скрипки пиликают. А цесаревича нет, куда-то ушел.

Начало спектакля.

ИМПЕРАТРИЦА (*шепотом спрашивая супруга*). Где Николай, куда запропостился?

ИМПЕРАТОР (*супруге, так же шепотом*). Да вон он за портьерой, занял позицию возле самого края сцены. Ножки чтобы лучше рассматривать у балерин.

ИМПЕРАТРИЦА. Что это – так интересно?

ИМПЕРАТОР (*усмехнувшись*). Ну, конечно.

23 марта 1890 года. Идет концерт. Номер проходит за номером. Все думали, что цесаревич к старшей из Кшесинских, к Юлии сунется, будет приглядываться, а он от ножек к младшей из Кшесинских глаз не отводит. Сладкие ножки Матильды. Вот она делает па и как раз там, где цесаревич даже прилег на пол, чтобы лучше разглядеть эти сладкие ножки младшей Кшесинской. Серебряный браслет срывается с руки балерины и падает перед носом цесаревича Николая, наследника.

Цесаревич выскакивает из засады, хватает с полу браслет и как кавалер, припав на одно колено, подает этот браслет Кшесинской. В зале раздаются аплодисменты.

После концерта состоялся прием. Императорская чета во главе стола, рядом с Императором Александром сын его – цесаревич, наследник.

ИМПЕРАТОР (*подзывая Матильду*). Вот вам с сестрой ваза с фруктами. От себя скажу: вы, мадемуазель, достигнете больших высот в этом деле, вы прекрасно танцевали сегодня.

Обращаясь к наследнику. Что скажешь, Николай?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*прижав руки к груди*). Нет слов, очарован. Навек, навсегда... Покорен, мадемуазель, вашим танцем, с вашими сладкими ножками...

ИМПЕРАТОР (*улыбаясь Матильде*). Присядьте рядом, расскажите о себе, чтобы мы знали о вас...

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ (*присаживаясь рядом с Императором*). А что рассказывать? В коротких словах скажу, что родилась 19 августа 1872 года под Санкт-Петербургом, в театральное семье. Куда идти учиться? Вопросы для меня не было – в Ваганьковское, в балерины. И вот я сижу, Государь, рядом с вами... Не возможно даже представить, как я счастлива...

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ (*улыбаясь, махая рукой ей вслед*). Ну иди, иди, голубушка. Очаровывай шелопаев.

И начались театральные будни.

В антракте приходит Матильда в гримерную, а в гримерной – цветы, море цветов. И дорогие подарки. И так каждый вечер: море цветов и дорогие подарки. Как будто у нее в гримерке вечно зеленое лето.

Приходит однажды – устала, отработала половину спектакля. А в гримерке, как всегда, свежие цветы, а подарков нет, где подарки? Кто-то хватать за ножку ее рукой из-под диванчика.

КШЕСИНСКАЯ (*испугавшись, затем полупритворно, жеманно*). Ах! Кто это?

Выбирается оттуда цесаревич Николай, наследник. И в руках его украшение в виде платинового орла.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Это вам за полет на сцене, орлиный полет.

КШЕСИНСКАЯ (*прижав украшенья к груди*). Нет, каков комплимент! Полёт даже выше орла.

ЦЕСАРЕВИЧ (*поднося к губам браслет*). Вы умна, вы красива.

КШЕСИНСКАЯ. Я всегда для вас готова летать. Знайте это... А сейчас мне на сцену...

Цесаревич уходит, Кшесинская достает из шкафа толстую тетрадь и записывает: «Вчера была жемчужная змейка – стоит столько-то, сегодня – платиновый орел – бесценная вещь»...

В следующий раз торопится Кшесинская к себе в гримерную, а там группа из кордебалета – шушукаются. Остановилась Матильда, прислушалась.

КШЕСИНСКАЯ (*в сторону, про себя*). Ох, уж эти люди, родной коллектив!

ФИЛИМОНОВА – балерина из кордебалета. Не ноги, а слезы какие-то. До плеч едва дотаскивает... И, вообще, едва ноги таскает. На старика какого-нибудь только и может рассчитывать....

КШЕСИНСКАЯ (*подойдя поближе, в сторону, про себя*). А что это – идея, попробуем когда-нибудь в будущем. А пока, а пока... Видали, как красиво ухаживают за мной?

Вслух. Видали, как красиво ухаживают за мной? Держу пари, что наследник скоро окончательно будет у моих ног, идет?

ФИЛИМОНОВА (*фыркнув*). Наследника?

И смолкла. На всякий случай. Мало ли что.

На другой день Киесинская перетащила из своей гримерки в кордебалет корзину цветов, сунув записки «Филимоновой от Матильды. Молодец, ты сегодня всех очаровала. Продолжай».

БАРИТОН (*в соседней гримерке*). Кто может сравниться с Матильдой моей?

КШЕСИНСКАЯ. Надоел! Надо его куда-нибудь подальше отправить (*Пауза*). Да нет, пусть поет, распевается. Славит меня, Матильду, на весь Мариинский театр...

Сама уже напевая. «Кто может сравниться с Матильдой моей?

Ля-ля-ля, ля-ля-ля...

Ты вся опьяняющий сон...»

Кажется победила! Я пари выиграла.

КШЕСИНСКАЯ (*в сторону, про себя*). Этот Николай – цезарь, престолонаследник, а слабый... энергетически слабый... легко поддается, как простой человек... Как же он будет государством-то править, вращать делами, миллионами жизней?

Сцена вторая

Санкт-Петербург, Зимний дворец. В торце дворца на втором этаже, с видом на Адмиралтейство, большой кабинет царя с большой библиотекой. Отсюда вход в малый кабинет, где Александр Третий, предавшись уединению, обдумывает самые сложные государственные проблемы, подписывает самые важные документы.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА (*входя в малый кабинет*). Приветствую тебя, пустынный уголок.

ИМПЕРАТОР. Запростоходишь, без стука. Чтобы застать врагсплох?

ИМПЕРАТРИЦА. Зачем вы это? Знаю, в ботфортах носишь свои бутылки. Допьешься, государь, о здоровье не думаешь.

ИМПЕРАТОР. Наследник на это есть, если помру, есть цесаревич.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА (*ворчливо*). Наследника все по головке гладят. А он уже по невестам стал ходить, по балеринам ваганьковским. По Кшесинским... Познакомил ты их с младшей сестрой, с Матильдой на свою шею, а он всерьез. Божью, традицию кабы мы не нарушили.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. Какую традицию?

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА. Жениться нашим государям только на немецких принцессах.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. С цесаревичем, Мария Павловна, ты права, надо бы разобраться. Ты, скорее всего, уж нашла ему невесту из Священной Римской империи. А Кшесинская это так... для ошибок молодости...

ИМПЕРАТРИЦА. С цесаревичем, отец, всерьез надо поговорить. Что же он не может себя в руках, что ли, держать? Дом Романовых не опускать фамилию царскую, династию не подрывать...

* * *

Там же, те же. Появляется цесаревич Николай. Императрица Мария Павловна уходит, отец с сыном остаются одни. Сын стоит опустив голову.

ОТЕЦ. Ведешь себя, как простолюдin. Все готов отдать за один только взгляд любимой. Как поется в народной-то песне?

«Окрасился месяц багрянцем,

Где море шумело у скал.

Поедем, красotka, кататься,

Давно я тебя поджидал».

Вздохнув поглубже. Это так только в песне поется, в идеале, это, а в жизни? Да ведь и в людях, кто богат, старается взять богатую. Говорят, копейка рубль бережет.

СЫН (*приподняв голову*). Меня учишь, а сам пьешь украдкой, бутылку в ботфортах содержишь.

ОТЕЦ (*строжась*). Ну, и что вы с матерью за мной подглядываете?

СЫН. А ты что подглядываешь за мной?

ОТЕЦ. Тогда я тебя лучше в Англию направлю на обучение. Хотя сто раз говори человеку не воспримет так, как хотя бы раз сам увидит. Вот в Англии чтобы капитал из рода своего не упустить, как правило, на двоюродных женятся...

СЫН. Вот у них болезнь такая и водится... наследственная, особенно у королей.

ОТЕЦ. Не вызывай духов, обернется против тебя же... Кшесинскую в покое оставь, пусть не строит планы относительно тебя, Николай, наследник российского престола. Мать твоя, императрица, говорит, нам, Романовым, нельзя нарушать традицию: русские цесаревицы женятся на немецких принцессах...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Сама немка, своих вперед выставляет. А у нас и своих хватает.

ИМПЕРАТОР. Русских, гордых полячек? Дело в том, сынок, что отклонения от традиции, от заведомой линии может грозить катастрофой. Непредсказуемый эффект. Сядешь на мое место, на трон – сам будешь потом рассуждать так же.

Это я говорю тебе, потому что отец. А то стал бы я силы попусту тратить, зачем? А так, в такой ситуации, кровно заинтересован в сохранении короны Российской империи. Держали Рюриковичи династию не так уж и долго, но все-таки. А мы, Романовы, не достигли еще и трехсотлетнего рубежа.

ЦЕСАРЕВИЧ (*гордо*). Достигнем.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. Видал картины известных русских художников? Иван Грозный у тела убитого им же сына... Петр Первый и царевич Алексей с явными признаками вырождения... В обоих случаях глянть, сынок, на отцов: какой ужас, какое горе написано у них на челе... неопишимо это внешне, в краках. А что творится в душе?.. Ты меня понимаешь, сын?..

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*опустив голову*). Понимаю.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ. Какие-то дурные предчувствия терзают меня, сердце рвут на куски. словно... словно... ну, в общем, как и родимую нашу страну. Вон куда протянулась с Востока на Запад, с Запада на Восток, а с Севера на Юг куда? Тоже невообразимо... А ведь еще и за пределами границ наши русские интересы...

И все это надо постигнуть умом, объять сердцем, сплотить и воплотить исторически уходящее впредь, так сказать, в пелену туманных времен... А ты говоришь Кшесинская покоя тебе не даст. Это мне она не дает... покоя больше, чем даже тебе... Навязло в зубах, эффект! То тайный, то явный, даже с военными амбициями, постоянный «презант» этот «польский вопрос»...

Полоса между Россией и Германией, «полоша», «польша» - вот что это...

Мы подумаем, что нам относительно тебя предпринять. Развезься тебе надо, сынок. Предок наш Император Павел «воязжировал» по загранице с будущей супругой своей, были под именем графа и графини Северных. Царь Петр плотничать отправлялся в Голландию, Англию... Мы тебе выделим крейсер – боевую единицу Российского флота! И поезжай из Санкт-Петербурга, плыви по Балтике, по Атлантике, мимо юга Африки, через Индийский океан до Японии... Пока доберешься, все в тебе начисто выветривает «норды и зюйды», «осты и весты». Вернешься домой, в Россию, как новенький...

Принимай крейсер, мой сын Николай, цесаревич, престолонаследник, и курс в Мировой океан на Японию, идет?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*отвернувшись*). Идет.

* * *

Санкт-Петербург, летний сад. Балерины Мариинского императорского театра. Матильда Кшесинская и Филимонова прогуливаются по аллеям.

КШЕСИНСКАЯ. Ты красивая, я тебя выбрала. Ты одна такая в кордебалете, видная. Могла быт солисткой. Но что за фамилия для артистки - Филимонова. Да еще из кордебалета. Терпеть ненавижу... В кордебалете все притираются, все становятся одинаковыми, а балет – это раскрытие души, его высших божественных качеств... Ты откуда сама-то?

ФИЛИМОНОВА. Смоленские мы, из крепостных.

КШЕСИНСКАЯ. Так тебе и кордебалет – высота достижения, предел?

ФИЛИМОНОВА (*язвительно*). А тебе, Матильда, цесаревич - предел. Пари мы с тобой заключили. Ты сказала, что возьмешь его в руки, станешь любовницей, надолго ли? Это все-таки цесаревич, наследник престола, будущий царь.

КШЕСИНСКАЯ. Я же тебе говорила, мне это все по хрену. Главное – состязание души, я его победила.

ФИЛИМОНОВА. Ты – аристократка, не знаешь того, что знает там у нас каждая деревенская баба. В шорах надо держать любовника, как стоялого жеребца, чтобы что-нибудь не испугало его, не понесло. «Кони – звери!».. «Кони – звери!»..

Кшесинская кивает направо и налево проходящим мимо в основном петербургской знати.

КШЕСИНСКАЯ. Из тех, что с цветами ходят ко мне на сцену. Дамы в шляпах со страусовыми перьями, гвардейские офицеры... Да, а где же народ – крестьяне твои смоленские, мастеровые?..

ФИЛИМОНОВА. Работают.

КШЕСИНСКАЯ. Как работают?

ФИЛИМОНОВА. Чтобы все мы порхали по сцене, как бабочки.

КШЕСИНСКАЯ. Филимонова! Ты меня обижаешь своими намеками. Я – природный талант, я рождена для балета, для сцены. Каждому – свое: тебе хорошо и в кордебалете, а мне хорошо только солисткой. А кордебалете я не могу: собоюсь с ритма, упаду, смешаю ансамбль, всю архитеконику, рисунок замысла... Этого тебе не дано оценить, никогда не поймешь...

ФИДИМОНОВА. Что тут понимать! Это как солнце: бывает белое, а бывает черное. Редко черное, но бывает... Вот ты этого беленького цесаренка-то и захомутала, взяла в руки и теперча покрепше держи... Как держать – сама знаешь. Женщине про такое не говорят, женщины сами знают... знают бабы. как держать мужика... Чтоб не пил, чтоб работал, чтоб ее лишь жалел, не таскался по дворам... по шлюшкам...

КШЕНСКАЯ. Завтра опять придет в гримерку ко мне. Как всегда с цветами, дорогами подарками... Походи, по - за кулисами, наведайся ко мне невзначай. Если что, встань за портьеру, понаблюдай. А я задержусь в антракте... Что он будет без меня там творить, как вести себя? После поговорим... Может, каждую непрочь за бочок схватить, заглянут в другую гримерку?..

ФИЛИМОНОВА. Похожу. Погляжу. А вот стать за портьеру – боюсь... Еще шпагой проткнет, как в «Гамлете»...

КШЕСИНСКАЯ. Как-нибудь попробуй на себя внимание обратить. Действительно, может быть, ловелас, на любую бросается?

ФИЛИМОНОВА. Мне это страшно. Это ты, Матильда, такая рисковая, сильная. Идешь в руки к нему, как на плаху. Мне так кажется. А я плахи боюсь... Для балета, выходит, не создана.

КШЕСИНСАЯ. Филимонов! Для балета ты, может, и создана. Не создана для солистки!

Мариинский императорский театр. Гримерка Кшесинской. Озираясь, Филимонова входит в комнату, становится за портьеру.

В гримерку влетает Матильда, за ней вбегает Николай, престолонаследник.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Мой ангел, мой бог! Обожаемая Венера! Вы были очаровательны, особенно на этих тактах тат-тата-та... тат-тата-та...

КШЕСИНСКАЯ (*бросаясь на диванчик и болтая в воздухе ножками в пуантах*). Ха-ха-ха!.. Хах-хах-хах-ха... Что вы, милый, понимаете в этом?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*целуя ножки*). Сладкие, сладкие каки! Теплые в пуантах, так и дрожат.

КШЕСИНСКАЯ. Устали. Пощадите, надо же им отдохнуть. Скоро опять на сцену.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Ухожу, ухожу.

Замечая офицерскую фуражку у зеркала.

А это что?! Фуражка? Но чья? Я ревную!..

КШЕСИНСКАЯ (*отбирая фуражку и прикладывая ее в своей груди*). Не знаю, и кто ее сюда положил?.. Наверное, Филимонова – из кордебалета, она – шутница у нас. Всякие разносы устраивает.

ЦЕСАРЬ НИКОЛАЙ (*неожиданно резко*). Отец дает мне крейсер и через Атлантику, обогнув юг Африки, посылает в Японию... Это чудовищно плыть так долго, я буду страдать, вспоминать вас, Матильда, посылать воздушные поцелуи...

КШЕСИНСКАЯ. Мальчик мой, будущий царь! Берегите себя.

Сцена третья

Санкт-Петербург, Набережная Невы. У причала крейсер – военный корабль, боевая единица Российского флота. На сей раз он направляется с мирной миссией в Японию, к восточным берегам России.

На набережной весь царский синклит. Романовы провожают цесаревича Николая, наследника престола, любимого сына Их Величеств Александра Александровича и Марии Павловны.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА (*сыну, в какой уж раз давая напутствия, дорожные наставления*). Коля, Николай

Александрович! Экватор будет переходить, Нептуна встречать будете, так ты не купайся. Не то простудишься, схватишь насморк, в присмотреть некому, мать твоя далеко...

ИМПЕРАТОР (*супруге, увещательным тоном*). Ну что ты, милая, что ты? В таком тоне, при всех... (*Сыну*). А ты держись молодцом! С трезубцем этого... как его, Нептуна... встречай, как и все: в воде. Крещение примешь, станешь настоящим морским офицером. Говорят, раньше-то, в прежние времена, через киль корабля первокрещенных протягивали...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*возбужденный*). Это пираты так поступали. С владельцами захваченных кораблей... Не волнуйтесь вы с мамой, буду телеграфировать... Обязуюсь! Все будет в порядке... все будет как надо... Из круга Фру-Фру не выйдет, не собьется лошадка...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Крейсер аккуратно, как шука с острым носом, отчаливает, постепенно отходит от стенки. Долгое плавание российского цесаревича к берегам Японии началось.

Матильда бросает букетик незабудок в пучину, в невкие воды. Николай с борта крейсера посылает ей телеграмму и узнает: в Маринке вечером дирекцией назначен бенефис Филимоновой – ее протее.

КШЕСИНСКАЯ (*под нос себе*).

«Кто может сравниться с Матильдой моей,
Играющей искрами темных очей?»

* * *

Атлантика, белоснежный корабль. На мостике, рядом с капитаном, цесаревич Николай, наследник российского престола.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*восхищенно*). И какая же ширь! И еще расширяется, высчитали: Атлантический океан раздвигается по одному сантиметру в год. Сейчас мы где-то между Европой и Северной Америкой. Еще ниже Азорских островов, и мы уже у берегом Африки... Где-то тут остров Святой Елены...

Капитан! Может быть, отклонимся от курса? Пройдем мимо острова этого изгнанника, Прометея судьбы, кого – вы меня понимаете?..

КАПИТАН ПЕРВОГО РАНГА (*усмехнувшись*). Прометея?.. Вы имеете в виду узурпатора, Наполеона?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Помните оперу Рубинштейна?

«Я тот, чей взор надежду губит.
 Едва надежда расцветет.
 Я тот, кого никто не любит
 И все живущее клянет.
 Я бич рабов моих земных,
 Я царь познания и свободы,
 Я зло небес, я зло природы,
 А ныне я у ног твоих...»

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Капитан! Ознаменуем явление острова залпом боевых орудий крейсера.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Слушаюсь.

Гремит артиллерийский залп. Чайки взмывают над кораблем.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Пусть знают наших! Все наши враги!.. А чайки летят и летят следом от самой Европы. Ну, хорошо, чайки отдыхают, сидя на реях, на волнах, а соловьи? Я видел их где-то на Черном море, они летели в Египет...

КАПИТАН. Они, как Икар, впитывают энергию Солнца крыльями. Так и летят, нуждаясь только в божественных сферах, высшей поддержке, даруемой Солнцем...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Как прекрасно вы говорите. А это все тот же Рубинштейн, его опера «Демон» (*напевая*).

«... И ныне я у ног твоих.

Тебе принес я уверенья,
 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье
 И слезы первые мои,
 Земное первое мученье
 И слезы, слезы первые мои».

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Каковы слова! Кто написал, полковник или капитан?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*смутившись*). Нет... поручик...

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Вам в вашей ситуаций имя Цезарь очень подходит.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*откровенно*). Вы имеете в виду ситуацию с Кшесинской?

КАПИТАН КРЕЙСЕРА (*передавая управление кораблем старшему помощнику*). Вахта окончена... Я полагаю так, а как вы полагаете, царь?

Южная часть Атлантики. Белоснежный корабль продолжает мчаться вперед, рассекая синие волны. Сгущаются сумерки, ниже становится небо, черные тучи, надвигается шторм.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (в сторону, сам себе). После экватора, где к нам на палубу являлся Нептун, где меня посвятили в настоящие моряки, я уже не боюсь шторма. Штормы нам уже ни по чем.

Вслух. «Тебе принес я уверенья

Молитву тихую любви».

Матильда! где ты? Почему ты так далеко? Я все думаю о тебе, я изнемогаю! хотя уходим все далее, далее от тебя, от Санкт-Петербурга, а ты все ближе ко мне, вся во мне... вся во мне... А матушка все далее, далее... О Матильда!

О Боже! «Кто может сравниться с Матильдой моей

Играющей искрами темных очей»...

Играющей звездами этих черных, ночных небесных провалов...

На другой день приглашает цесаревич на мостик корабельного батюшку.

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА, размахивая своим паникадиллом цесаревичу Николаю. Освещаю и без этого это священное капитанское место на корабле... Вам, Николай Александрович, когда заходят шторма или падает черная, южная ночь, лучше спускаться вниз в каюты. Отдыхать, опочивать. А на мостике быть лучше всего, когда светит божественно Солнце, лазурны океанские воды...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Спасибо, батюшка, на добром слове. Мы всегда будем учитывать его при наших решениях. Смотрите, капитан! Это что – мы огибаем уж с юга Африку?

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Да, цезарь. Это уже Мыс Доброй Надежды. И вон то плоское гора, со срезанной вершиной, - это уже так называемая Столовая гора. И тут имеется порт...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Так зайдем же в этот порт! Кажется, Йоганнесбург?

КАПИТАН КОРАБЛЯ. Предусмотрено пополнить запасы еды и воды. Спуск на воду, отдых команды.

* * *

Порт у Столовой горы. Таверна. В таверне русские матросы, за отдельным столиком цесаревич Николай и капитан крейсера. Вваливаются пьяные английские моряки.

АНГЛИЧАНИН – МОРСКОЙ ОФИЦЕР. Я – О’Брайен! Я – О’Брайн! Я в хмелю, черт меня побери, ну и что!.. А вы, рашен? Вы заняли наши места... Англичане, вперед! Применяем бокс, занимаем свои места!..

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*подходя к нему, по-английски*). Офицер! Вы в порядке? Придержитесь курса на дверь...

ОФИЦЕР О’БРАЙЕН. За мной!

И бросается вперед головой, целит прямо в живот цесаревичу. Цесаревич изящно, как в бою на шпагах, отклоняется в сторону, и О’Брайен башкой своей врывается в стеклянную дверь. Звон стекла, стекло разлетается вдребезги. Русские матросы тут же выкидывают пьяную компанию вон, за борт.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА (*резко вставая*). На корабль! Пребывание на Столовой горе окончено! Вода и провизия в трюмах. Взятый курс на Японию продолжается.

* * *

Индийский океан. Мадагаскар где-то выше по «норду», «норд-осту». Крейсер мчится, рассекая могучие волны. Цесаревич Николай все так же на мостике с капитаном крейсера – боевой единицы Российского флота.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*в сторону, про себя*). Неистовствую! Протестую! Выступаю против сил зла, охвативших душу мою. Матильда! Ты явилась ко мне и не сходишь с меня, как с палубы, вот уже три дня и три ночи. Объяла всего меня, лежишь во всю ширь Индийского океана, глубиной с Черное море, красотой в город Санкт-Петербург... Матильда! Не мучай же, не истязай! Отец полагал, отсылая меня, что ты исчезнешь, сойдешь с души, с моих глаз, но, чем дальше, тем все ближе ты ко мне, все необходимей. Какая-то вакханалия чувств... черный дьявол, провалы памяти... Солнечные затмение над океаном судьбы...

КАПИТАН КРЕЙСЕРА (*обеспокоенно*). О чем вы, Николай Александрович? Цесаревич наш дорогой!.. Бормочете, шепчете...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (Вслух). О Петербурге думаю, о матушке и об отце.

КАПИТАН КРЕЙСЕРА. Жениться надо вам. Николай Александрович. И как можно скорее... Пойду батюшку позову, пусть побеседует с вами о России нашей, о Петербурге...

Появляется корабельный батюшка, опять же со своим паникадиллом. Размахивает им, освещая пахучим ладаном это священное для корабля капитанское место.

КОРАБЕЛЬНЫЙ СВЯЩЕННИК. Сын мой, прогони от себя земные суетности, живы нынешним дням, а не вчерашним. Перенесись в будущее, огляди себя оттуда со всех сторон, спустись с Голгофы на брентную жизнь... Вера держит нас, верь в Бога, Бог же держит человека, не дает человеку упасть... Верь и тем спасешь свою душу...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Читал где-то в книжке: тут в Индийском океане, разломы земные. Полуостров индийский с Антарктидой составляли когда-то единое целое, а потом отошли друг от друга, а пространство это заполнил Мировой океан... Черные силы, я чувствую это, идут к людям и ко мне, грешному, оттуда откуда-то, из за глубин необъясненного, вечного... из океанских распадов...

ГОЛОС СВЫШЕ. Русская эскадра следом пойдет на Цусиму. Писатель такой, кажется, Сергеев-Ценский, напишет, как матросик запросто, одурев от похода, от солнца, от страха перед глубинами океана, запросто положит голову на плаху, а мясник также запросто, одурев от жары, перерубит шею ему топором...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Батюшка, вы – офицер?

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА. Да, Николай Александрович.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. А какая должность?

КОРАБЕЛЬНЫЙ БАТЮШКА. Капеллан я – военный священник.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. Вы, батюшка, за меня не беспокойтесь. С божьей помощью сами с собой как-нибудь справимся. И далее, к берегам Японии ведут все эти три ипостаси: вера, надежда, любовь. И еще четвертая ипостась: красота... Глядите, и тут каков океан! Красотища какая! Помните, в опере этого морского офицера Римского-Корсакова «Садко» - пели как про морские, океанские воды?

Напевая. «Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном,
В далекой Индии чудес...»

КОРАБЕЛЬНЫЙ СВЯЩЕННИК. Что это, батюшка, дорогой Николай Александрович, оперы все вспоминаете?

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ. В Мариинском частенько бываю. Балеринок люблю.

Сцена четвертая

Япония, Иокагама. Крейсер – боевая единица Российского флота – ошвартован в порту. Цесаревич Николай Александрович, наследник российского трона, со своей малой свитой сходит на берег, и тут же направляется в столицу японцев Токио.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*проходя по главной, торговой улице Токио*). Смотрите, сколько у них тут японцев! Сплошь японцы. Правда, кое-где есть и европейцы, как мы, например... Одежды, национальные и европейские, так и пестрят, мелькают перед глазами... (*Оборачиваясь назад*). А это что у них?

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. Рикши. Люди развозят на велосипедах людей.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Что – лошадок у них нет?

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. У них в изобилии рис и капуста, морепродукты.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А это что у них? Что за картина и сколько стоит, поинтересуйтесь.

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. Это гора такая у них, священная, - Фудзияма. Видите, нет на картине цены. Значит, не продается, выставлена лишь на показ – национальное достояние.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А это куда путь - дорога? В зеленые кущи.

ОТВЕТ ИЗ СВИТЫ. Туда нельзя. Резиденция императора.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Как это нельзя. А нам можно. мы в некотором ряде представляем тоже империю – самую крупную, самую мощную на земле.

ГОЛОС ИЗ СВИТЫ. У них, Николай Александрович, такие порядки. Как только появляется император в своем паланкине, все

падают ниц. Нельзя смотреть на владыку откуда-нибудь выше его паланкина, с верхнего этажа... Следят строго...

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. А нам можно.

И делает шаг по направлению к императорской резиденции. Перед цесаревичем вырастает воин с мечом над головой. Молниеносный взмах меча и – цесаревич падает замертво.

В сознание цесаревич приходит уже в японской больнице. Врачи в желтых халатах хлопочут над ним, суетятся.

ГОЛОС РУССКОГО КАПИТАНА (*тревожный, но и оптимистический*). Живой, Николай Александрович! Это он вас еще... можно сказать, любя... Вот он истуканом стоит, Самурай – фанатик своего дела (обращаясь к Самураю). Чуть что – так вы мечом по животу как у вас называется?

САМУРАЙ (*улыбаясь*). О да! Чуть что у нас – харакири. Живот мечом пополам, и все. А русского я чуть-чуть... любя...

КАПИТАН РУССКОГО КРЕЙСЕРА (*заклячая*). Нельзя - значит, нельзя, Николай Александрович. Даже для императорских отпрысков. Вот такие у них порядки, у самураев.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*слабым голосом*). Это как в опере «Чио-чио-сан», или «Мадам Баттерфляй», как лучше?

КАПИТАН РУССКОГО КРЕЙСЕРА. Лучше, Николай Александрович, наше, отечественное: Михаила Ивановича Глинки «Иван Сусанин», или «Жизнь за царя»...

Там же, в той же больничной палате.

ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ (*откинув голову на подушку*). Матильда! Опять ты передо мной. Во все тяжелые случаи жизни, в мои тяжкие поры ты возникаешь предо мной снова и снова!.. Ты, балерина Кшесинская, твои сладкие, божественно-легкие ножки рисуются передо мной... Спаси меня, вытащи из когтей смерти, отсюда из этой Японии, куда отец послал меня, чтобы я тут погиб без тебя... Спаси меня и сохрани, ты – любовь моя и надежда...

Домой, в Санкт-Петербург, цесаревич Николай, наследник русского престола, возвращался через Владивосток и по железной дороге.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Гож спустя, 15 ноября 1894 года, умирает Император Александр Третий. Ровно через месяц в брак вступает сын его Ни-

колай - цесаревич, женившись на немецкой принцессе Алисе. В честь коронации наследника под именем Императора Николая Второго в Мариинском императорском театре устроен грандиозный концерт – бенефис, в честь всего петербургского света и иностранных гостей.

В центре спектакля – балет, в центре балета – Кшесинская.

После концерта сцена в Зимнем дворце. Первая семейная ссора Императора Николая Второго с молодой императрицей, названной Александрой Федоровной.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ваше Высочество, пора собираться в театр, ехать на торжество по случаю провозглашения меня Императором.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Можете ехать, царь, а я не поеду. Кшесинская или я, Государь, делайте выбор.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ *(как можно спокойнее, мягче)*. Как это можно не ехать? Мы, монархи, себе не принадлежим.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Вы можете ехать к этой своей Кшесинской... к любовнице, а я не могу, ехать даже в театр? Не хочу ехать я к этой Кшесинской! Давайте с вами пойдем, хоть куда: в Исаакиевский храм, в Дворянское собрание. в Летнем саду погуляем... Отправимся с вами хоть в Генеральный Штаб, хоть на крейсер...

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Я настаиваю! Я кто – им – пе – ратор! И слово мое последнее! Корона ваша уже в карете, нас ждут... Спускаемся вниз по главной лестнице, выходим на Дворцовую площадь... Императрица, держите голову! Вы не в своем каком-нибудь маленьком Иссене, вы в грандиозной России! И тут все большое: от вашего шага, поступка до...

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА *(беря его за руку)*. До моих слез?

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Да, и до больших слез ваших, императрица. А что делать? Мы под роком, прицелом судьбы.

После спектакля царь Николай подходит с царицей к примебалерине Кшесинской.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Вы были сегодня в ударе!

КШЕСИНСКАЯ *(передернув плечами)*. Прекрасно танцевали, мадам. Не забыли меня?

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Вот вам мои традиционные цветы, а это подарок, украшение... так, безделушка...

КШЕСИНСКАЯ (*проявляя интерес к украшению*). Что это? Ах, змейка серебряная, серебряная змейка. Дежа вю – уже было. Вы уже дарили мне это, разве забыли?..

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*вспыхнув*). Забыл? Что забыл?

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*покраснев*). Нет, не забыл. И, надеюсь, никогда не забуду.

ГОСТИ, ПРИБЛИЖЕННЫЕ РЯДОМ. Какой пассаж! Какой пассаж!.. Серебряная змейка и императрица... Орден Серебряной змейки надобно учредить, как в Англии королевский Орден подвязки...

Монаршья чета проходит далее между приближенными.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*раскланиваясь со всеми, Кшесинской*). Вас, милейшая, ждем на приеме. Вы, мадам, со своей Серебряной Змейкой будете украшением стола. Не забудьте надеть.

Зимний дворец, Тронный зал, Торжественный стол.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*подзывая лакея*). Передайте Кшесинской: мы ждем только ее, пусть танцует свое любимое «ра». Мы же рады паркету, коснутся которого ее божественно - легкое, сладкие ножки...

ЛАКЕЙ (*появляясь через минуту*). Ваше Высочество! Она отзывается, говорит, мы тоже тут отдыхаем.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ (*поведя вокруг себя взглядом*). С кем она отдыхает?

ЛАКЕЙ (*растерянно*). Со своими... этими... сладкими ножками.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*кланяясь супруге Александре Федоровне*). Пойдем просить эту капризницу. Таланты – они таковы! Это не полк гусарский и не военный корабль, это (*засмеявшись от предвкушения*) сладкие, сладкие ножки Кшесинской... Не какой-нибудь, даже самый сложный механический аппарат, это такое божественное, невероятное, непостижимое – это все она, дива, все они, сладкие ножки Кшесинской...

ЦАРЬ НИКОЛАЙ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ (*стоя перед Кшесинской, низко кланяясь*). Мадам, дежа вю – вы уже танцевали. Но

нам всегда, а вот теперь и ей (*показывая на императрицу Александру Федоровну*), простите, доставляет чистейшее удовольствие смотреть каждый раз, еще и еще, бесконечно на то вот «ра»... как вы делаете это ножками в воздухе... трул-ля-ля, трул-ля-ля... Как будто стрижете ножницами пан-бархат или ассигнации цвета морской волны...

КШЕСИНСКАЯ (*вскакивая на стол*). Ну, хорошо! Чтобы прекратить ваш этот славянский базар я станцую вам! Из «Кармен» Бизе, «Хабанеру»!

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (едва успев вставить). И «Сегедилью!»

Кшесинская тут делает ножками «па». И грянул оркестр.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*стоя под руку с супругой своей Александрой Федоровной*). Аплодируйте, аплодируйте! Дежа вю – уже было! Но как это прекрасно, каков темперамент! А техника? «У любви, как у пташки, крылья»...

Одинокий голос где-то возле оркестра. Этот меломан нам когда-нибудь профукает всю империю.

ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ. Что такое «профукает»?

ДВОРЕЦКИЙ (*разнося вина по эту сторону зала, где военные и напротив них дипломаты*). «Профукать»? Это значит, проиграться в пух и прах в карты где-нибудь в Монте-Карло.

ДИПЛОМАТЫ. Царь – игрок?

ВОЕННЫЕ. Царь – поэт, господа! Как и Пушкин, происходит от слова «пушка».

* * *

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Возвратаясь с театрального бенефиса по случаю коронационных торжеств, уже дома, царица Александра Федоровна устроила супругу скандал, произведя генеральную уборку царя Николая из спальни в соседние помещения. На другой день царь взял и приказал купить балерине Кшесинской особняк в центре Санкт-Петербурга. Это, чтобы было куда ему временами скрываться от штормов, которые все чаще что-то стали добираться и до Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

Проезжая как-то в коляске, царь Николай показал царице Алисе особняк, отделанный только что, под морскую волну.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Чей особняк? Кшесинской?

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Видишь, рядом карета с позолоченными деревянными спицами.

ИМПЕРАТРИЦА (*супругу*). Ты подарил?

ИМПЕРАТОР (*расплываясь в самодовольной улыбке*). Ну, а кто же? Кто еще может сделать такую глупость.

ИМПЕРАТРИЦА. Главное – ради чего?

ИМПЕРАТОР. Ох, уж эти мне сладкие ножки! Сладкие, сладкие ножки Кшесинской!

После уже, когда по столице прошли празднества по поводу коронации и начались народные выступления, а в Белокаменной, Первопрестольной поп Гапон провел свою первую голодную манифестацию, вдовствующая императрица Мария Павловна взглянула как-то запросто к своему царствующему сыну с невестой Алисой да и сказала:

- И сколько, сынок, ты мог бы подарить таких особняков Филимоновым... из смоленского кордебалета... на те деньги, что ты смог потратить на подарки Кшесинской?

ИМПЕРАТОР (*пожав плечами*). Же не се па – не знаю.

ИМПЕРАТРИЦА. Наверно, с пол - Санкт-Петербурга...

Сцена пятая

Там же, в городе Санкт-Петербурге – столице Российской империи. А по Санкт-Петербургу с попом Гапоном, рядом со второй манифестации голодных, обманутых вкладчиков, двигалась другая колонна, в которой пели «Мы наши, мы новый мир построим». Из Петербургского университета исключили какого-то Ленина. Но Император по-прежнему ездил в Мариинский театр. посещал гримерку балерины Кшесинской. Хотя и без прежнего энтузиазма и прежнего уровня драгоценных подарков Немецкая аккуратность супруги этого ему уже не позволяла.

КШЕСИНСКАЯ (*после спектакля во всеуслышанье, прямо в зрительный зал, после аплодисментов, восхищаясь*). Какovy в городе Санкт-Петербурге фейерверки! Глаз не отвратив, радуют и Императора и простого человека!

На другой вечер в гримерке Кшесинской появляется Великий Князь Сергей Романов – куратор артиллерийского направления в Российской армии, Президент Петербургского театрального общества.

СЕРГЕЙ РОМАНОВ. Рад, мадам, слышать от вас такой «комплиман». Он стал достоянием Петербурга, дошло до самого Императора.

КШЕСИНСКАЯ. Я намеренно сказала, чтобы вы князь пришли сюда ко мне, я хотела вас видеть.

СЕРГЕЙ РОМАНОВ. И что сказать?

КШЕСИНСКАЯ (*расхохотавшись*). Вы еще не женаты? Вы же еще молодой человек – высокопоставленной, царской фамилии. Человек, скромный, порядочный, даже застенчивый. Я хотела бы видеть вас чаще.

На другой день Великий Князь Сергей Романов появился снова с драгоценным подарком, качество и стоимость которого Кшесинская тут же занесла в свою книгу.

ФИЛИМОНОВА – СОЛИСТКА КОРДЕБАЛЕТА (*Кшесинской*). Ты счастливая, родилась под звездой. Не замечаешь уж «комплиманов», воспринимаешь как должное. А директор Мариинки теперь тебе по-особому кланяется... вот так вот... Почти как вдовствующей императрице. А вчера одна городская газета назвала тебя «генералиссимусом балета». Ох, уж эти Романовы!

КШЕСИНСКАЯ (*щупливо пальчиком Филимоновой*). Плуты! Но - который из них?.. Впрочем, я, действительно, премьер-солистка, первая балерина театра, Баядера, разве не так? Сама себе обязана, своему таланту и трудолюбию.

ФИЛИМОНОВА. Еще бы! «Генералиссимус сцены». Как Суворова, обозвал тебя какой-то стрекулист. Скажешь слово «генералиссимусу» - и полки тебе, баталии, генералы мерещатся... Я – твоя протеже, дали соло мне, вывели из кордебалета. А теперь от этого «Корсара» - балета Адана уже все пуанты стерла о пол, ноги разбила, от бешенных ритмов. Сказала директору - князю Волконскому, мол, замените или меня, или спектакль, а они мне ни слова.

КШЕСИНСКАЯ. Что-нибудь придумаем, мэм. Какую-нибудь аферку. Вставим это ему куда-нибудь в же... зл...

ФИЛИМОНОВА. Да, но он же князь, благородной фамилии!

КШЕСИНСКАЯ. Напишу записку, отнесешь Великому Князю Сергею Романову – куратору от артиллерии. Поглядим, что будет, какой фейерверк на киятрах...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Через день директора князя Волконского – в Мариинском императорском театре не стало. Зато

появилось сразу два президента: Санкт-Петербургского театрального общества и Академии художеств, оба Великие Князья, оба Романовы: Сергей Михайлович – куратор артиллерийского направления в развитии армии, ближайший царский родственник и Владимир Андреевич – двоюродный дядя царя.

ФИЛИМОНОВА (*снова ушедшая в кордебалет*). Шуш-ррра... «Ра» разве Солнце у египтян? Это Кшесинская свергла директора. Теперь к ней и не подступись, она формирует репертуар... Великий Князь Сергей Романов зачистил к ней в гримерную...

ГОЛОС ПОТИШЕ, В ТЕНИ КОРИДОРА. А как же Романов... прежний-то Николай? Неужто сама сменила перчатки?..

ДРУГОЙ ГОЛОС, ШЕПОТОМ. Сменила пуанты. Ножки теперь свои бережет... для царя, для Романовых, для больших бенефисов и празднеств...

КШЕСИНСКАЯ (*подтверждая слухи*). Красиво же могут ухаживать эти Романовы! И сам царь, и особенно Великий Артиллерист и театрального направления в государстве и обществе...

ГОЛОС СО СТОРОНЫ, *наподобие фейерверка*. И вот произошло чрезвычайное событие, которое повернуло все в Мариинском театре, да что в театре – во всем городе Санкт-Петербурге, да что в городе Санкт-Петербурге – во всей, может, великой России в такое русло, о каком невозможно было представить самому пылкому воображению какого-нибудь театрального критика или даже писателя, например, Надеждина или даже Николая Васильевича Гоголя с его инкогнито из Петербурга, а скорее всего, с мешком Солохи из «Сорочинской ярмарки», куда Гоголь тоже складывал дорогие подарки, а кузнец Вакула отвозил их на черте в столичный город Санкт-Петербург.

В гримерку Кшесинской, пока балерина пребывала на сцене, явился с цветочками Великий Князь Сергей Романов. И тут слышались чьи-то мужские шаги. Сергей Михайлович нырнул за портьеру и замер. А в гримерную входит сам царь. Шутливо так, как на пуантах. И тоже с цветочками. А следом тут же влетает и сама балерина Кшесинская.

ГОЛОС ОТКУДА-ТО СВЫШЕ, уже наподобие артиллерийского направления. И тут эпизод распадается надвое: до того и после того. С Императором и без Императора.

Первое с Императором.

КШЕСИНСКАЯ (*Влетев в гримерную после спектакля и увидев в ней царя Николая Второго*). Ах! Николай Александрович! Наконец-то вы тут у меня, в моих объятьях и я у вас на коленях!

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*обнимая и целуя Кшесинскую*). Занят был, теперь у меня, твоего котика, государственные дела.

КШЕСИНСКАЯ. Ну, а как, царь, Алиса – твоя благоверная, успокоилась?

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Поставил на место. – Ее немецкое Ваше Величество.

КШЕСИНСКАЯ. Почему вы, батюшка, титул такой себе взяли – «Николай Второй»? Ведь вы, царь, всегда у меня тут первый: и тогда, и сейчас.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Да, но Николай Первый уж был. Во времена, так сказать. Очакова и покоренья Крыма. Еще при Пушкине, в пушкинские времена.

КШЕСИНСКАЯ. Видите? Сам царь говорит: пушкинские времена, а не николаевские. А что скажут, царь, про ваше время, мой обожаемый мной вы, любовник (обнимая его и целуя).

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*слегка отстранясь*). Времена-то? При мне? (*улыбнувшись*). Да Кшесинские времена назовут, в честь тебя...

Настораживается, услышав шорох за портьерой. Что это тут у тебя? Мыши? Пожалуй, как у Шекспира.

КШЕСИНСКАЯ. Не знаю, откуда тут мыши?

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*поднимаясь с диванчика*). Ну-ка взглянем, что тут у нас?

ГОЛОС СВЫШЕ. Всего мог ожидать Николай Второй от подобного рода случая, но только не самого Вакулу с мешком – со смешочком от Гоголя, а тем более, тут сейчас, при таких обстоятельствах: своего ближайшего родственника из дома Романовых – Великого Князя Сергея Михайловича – куратора артиллерийского направления.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*оторопев*). А ты зачем тут, Сергей?

СЕРГЕЙ РОМАНОВ (*едва живой, пролепетав первое, что пришло на ум*). По делам театра... по театральному направлению...

ЦАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*уже гневаясь*). Смени, голубчик, свое амплуа... Послать тебе надо в Японию, там как раз тебя не хватает...

И, хлопнув, как говорится дверью, уходит в гневе, с явной мыслью о том, чтобы расторгнуть контракт.

Второе в эпизоде, *после того уже, без императора.*

Великий Князь Сергей Романов – куратор артиллерийского направления в развитии Российских вооруженных сил (надвигаясь на бедную женщину сразу со всеми своими орудиями – морскими и сухопутными). Ну, и как все это мне понимать?!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ, С ГРУЗИНСКИМ АКЦЕНТОМ. Но Кшесинская есть Кшесинская, это тебе не какая-нибудь Филимонова – синенький скромный платочек. Утром дает себе поцеловать, чтобы вечером повязать себе же платочком тем шею.

КШЕСИНСКАЯ *(в сторону, про себя)*. Почему голос мне подается откуда-то сверху да еще с грузинским акцентом?

А вслух, Великому князю Сергею (подыскивая слова).

- Вот вы, Сергей.

- Ну, Сергей.

- Вы Великий Князь.

- Ну, Великий Князь.

ОНА. Заметьте, не я это выдумала, не из моей головы извлечено: вы – Великий? Ну, и будьте Великим, великодушным. Извольте этому соответствовать, сударь. Вы – сударь, а он – Го – сударь *(резко уже)*, и этим все сказано.

Я вам. Сергей Михайлович, не князь Волконский – бывший директор театра. Я в ваши иерархии не посвящена. У меня – видите вот? – пуанты стерты, пальцы в кровь сбиты на сцене... Вот они каковы, видите? В натуре если эти сладкие ножки Кшесинской...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ *(бледный, как полотно)*. Простите, мадам. Я ничего плохого вам не желаю... Я просто люблю вас, ни на что не надеюсь... Ну, я пошел?

КШЕСИНСКАЯ *(подняв вверх чайник, молча пьет из носика простую воду, падающую ей то в рот, а то на лицо. Вслед, раздраженно)*. Ходят тут всякие! Поклонники Мельпомены. А тут подметай за ними, половики вытряхивай. Надо Филимоновой сказать, пусть займется...

ГОЛОС СВЕРХУ *(ехидно)*. Чем или кем? Великим Князем Сергеем?

КШЕСИНСКАЯ. Половиками.

А утром по Санкт-Петербургу пошло, полетело, тут же до-

катилось и до театра: террористка какая-то стреляла в главного полицеймейстера, а в Храме на крови, возле которого убили когда-то Александра Второго – деда нынешнего Императора – уже отслужили молебен по новопроставленному, православному, убиенному атеистами.

* * *

Санкт-Петербург, Зимний дворец. Спустя несколько лет. Император Николай Второй – русский царь – в малом кабинете, укрытом от внешнего мира.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ (*раздумчиво*). «Мон репо – мой отдых». Вот теперь и поймешь своего отца – Александра Третьего, мирноосца. В самом деле, ни одной войны при нем не было. Это значит и внутри страны царь с делами справлялся, не надо было внутренние проблемы сбрасывать на какую-нибудь внешнюю войну, связываться с каким-нибудь государством.

– А у меня на царстве хоть волком вой: тут и там тонко, а где тонко, там и рвется. Вал какой-то катится, стихия событий. Поп Гапон провел манифестацию, полиция разогнала манифестантов, раскричались, поп этот тайно стучал полиции. Полиция кровь пролила, попа сочли провокатором. а во всем виноват царь, обозвали царя Николаем Палкиным, пуще того Николаем Кровавым.

Ну кто бы мог подумать о таком обороте? Надо хоть дома, в семье держаться, делать всяческие маневры. Алиса Александра Федоровна, оказавшись вроде спокойной, выдержанной каждый год приносит по девочке, их уже трое, а наследника никак не дождемся. Из чего я заключаю, что не так-то все у Алисы в порядке. По-прежнему аж задрожит вся. как только услышит о Мариинском театре. А я уже и не помню, когда навещался к Кшесинской... В особняк, какой ей тогда подарил, я и вовсе носу не сунул... какой уже месяц.

Однако доносят мне, говорят о дома Романовых черт знает что... Да, о доме, но не обо мне, Николае Романове, о доме непрочь позлословить... И все же мозги сверлят: три проклятых вопроса: кто виноват и что делать? И добавим: воевать или не воевать? Но с кем тогда и когда? Нужна какая-нибудь маленькая, победоносная война. Она разрядила бы обстановку... Япония – вот что стоит у меня перед глазами...

Санкт-Петербург – «Северная Пальмира», средоточение всех искусств, в том числе и, прежде всего, оперы и балета... Представьте себе, здесь живут не только цари, Петровы отпрыски, его дальние и ближние родственники. Все говорят про какие-то цветочки, какие носят в гримерную «Мариинки» да про Серебряную Змейку на шею Киесинской.

Сцена первая

Мариинский театр, гримерка примы-балерины Киесинской «генералиссимуса» русской сцены. Киесинская сидит перед зеркалом, изучает свое лицо.

КШЕСИНСКАЯ. Делаю инспекцию собственных глаз. На лице главное – это глаза. Штампом стало, расхожей метафорой, глаза – это зеркало души. Лучше сказать глаза – недра души, ностальгия, провалы, откуда порой невозможно выбраться... Оба Романовых попали туда навечно...

Появляется Великий Князь Сергей Романов – как всегда, уравновешенный, вечеловечный.

КШЕСИНСКАЯ (*встречая его*). В сторону, про себя. А тут глаза, совсем наоборот, сути своей не отражают. Глазки князя Сергея, простоватые, маленькие какие-то, а человек он хороший. Искренний, душевный. Даже играть с ним, плутовать и обманывать чисто по-женски как-то неловко.

Такие подарки делает, что стыдно брать. Страшно за него делается: а вдруг разорится, дотла все раздаст. Это как игрок в карты или в рулетку где-нибудь в Монте-Карло... А он наивен, этого даже не понимает, думает, что если он Великий Князь да из рода Романовых, то это его как бы индульгенция... Самозащита, чтобы не продать черту душу.

Вслух (*всплеснув руками*). Князь Сергей! Как я рада вас видеть! Вы меня огорчаете, мы с вами так редко видимся. Да не носите вы ничего, не носите, кроме букетика незабудок. Розы – с шипами, я их боюсь. Розы и мирт, любовь до умопомраченья... Вы царя все отвадили, вы – победитель!

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Николай Александрович просто порядочный

человек. Такой семьянин оказался, сам от себя, очевидно, этого не ожидал. Дети есть дети, привяжут к себе кого... К тому же он теперь царь, по горло занят государственными делами... Такая текучка среди министров. Поставит одного, глядишь, пора снимать этого и ставить другого. Снимет первого, а он обижается...

КШЕСИНСКАЯ. Князь, мне это неинтересно. Мне интереснее даже артиллерия ваша, все, чем вы, князь, занимаетесь, не говоря уже о театрах...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Особенно музыкальных. Что касается балета, то я... покорен навсегда... и кем?.. не скрываю, говорю откровенно... «Кто может сравниться с Матильдой моей!»

КШЕСИНСКАЯ (*игриво положив пальчики на губы князю*). Я не ваша, Сергей. Я сама по себе...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Но когда же, когда же?

КШЕСИНСКАЯ (*кокетливо*). Это знают только на небесах.

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*искренне и откровенно*). Я уж строю к себе, в свои владенья, железную дорогу через Стрельню. Поближе к вашей даче, чтобы навещаться к вам почаще. Чаше теперь будем видаться с вами... Как только колея до Стрельни будет готова, я приглашу вас на первый же поезд. На праздник первого поезда через Стрельню до Балтийского моря...

Мы сядем рядом, вот так (*обнимая Кшесинскую*), и будем лететь друг с другом навстречу свежему морскому воздуху, вы будете танцевать в душе моей, для меня свои прекрасные «ра».. падекатр, подэспань, падепатенер...

КШЕСИНСКАЯ. Вы вечный юноша, вы никогда не состаритесь. И кто мог только додуматься до того, чтобы дать вам артиллерийское направление в развитии Российских вооруженных сил? Скорее, женщине надо было отдать эту вашу артиллерию, например, Филимоновой нашей – артистке кордебалет. Когда вслед за мной появляется этот кордебалет, я вздрагиваю: так грохают они о пол своими ножищами, как будто за спиной у меня рвутся снаряды... Вы представляете, рвутся снаряды, а я должна танцевать в миноре...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*подсказывая*). Какой-нибудь пасодобль?

КШЕСИНСКАЯ. Дольче вита, дольче вита, дольче вита-а-а...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Вы должны танцевать «сладкую жизнь»? «Сладкую, сладкую жизнь».

Там же. После ухода князя Сергея Кшесинская продолжает сидеть у зеркала, разглядывая свое лицо. Смеется, строя себе всякие рожицы. Показывает язык вслед ушедшему только что князю.

Встает, потягиваясь, делая плавные движенья руками, закидывая ноги как можно выше прямо перед собой.

КШЕСИНСКАЯ. *В сторону, сама себе.* Надо идти в зеркальный зал, там, гораздо свободнее, хоть и занимается кордебалет.

Вбегают Филимонова, за ней весь кордебалет, заполняя сразу все помещение гримерки Кшесинской.

ФИЛИМОНОВА. Что он принес тебе, что? Интересно все-таки.

АРТИСТКИ КОРДЕБАЛЕТА. Он тебе пол-Петербурга сюда перетаскает... Театр расширять надо... музей открывать... Эрми-таж...

ФИЛИМОНОВА *(Кшесинской на ушко)*. Князь Сергей вышел какой-то неузнаваемый, хмурый... Задел вот ее *(показывая на артистку кордебалета)* плечом и даже не извинился. Это на него не похоже... Вроде недоволен чем-то, но чем? Вдвоем ходят по-прежнему или теперь уж по одному?

КШЕСИНСКАЯ *(пропуская последнее мимо ушей)*. Собой недоволен, князь Сергей. Недоволен своей нерешительностью. Обещал покатать на поезде.

АРТИСТКИ КОРДЕБАЛЕТА *(подпрыгивая и хлопая в ладоши)*. И нас тоже! И нас, Матильды, и нас!

ФИЛИМОНОВА. На каком поезде?

КШЕСИНСКАЯ. Специально строит железную дорогу на Стрельню. Чтобы ездить к себе туда, к морю, мимо нашей семейной дачи. Почаще будет ко мне заглядывать...

ФИЛИМОНОВА. Может, что-нибудь у вас с ним и получится. Царя бы ты все разыгрывала, Николая Александровича. Небось, выходит теперь из себя, помирает от ревности... не знает, куда себя деть.

КШЕСИНСКАЯ. Не троньте Николай Александровича, он теперь очень несчастен. Родился, наконец, долгожданный наследник, да все не то... Болезнь нехорошая, по наследству передается – гемофилия... белокровие и так далее... От англичан идет, от виндзорских затворников...

АРТИСТКИ БАЛЕТА. Почему хоть от англичан-то? Императрица вроде спокойная, никого не принимает.

КШЕСИНСКАЯ. Да хватит вам, хватит! Растрещались, сороки! Кыш отсюда! Стены тоже имеют уши.

Артистки кордебалета поспешно покидают гримерку Шестинской. Кричат вслед Кшесинской.

- «Жизель» разучиваем. В репертуар вводят «Жизель»... опять тебе главная партия...

Кшесинская с Филимоновой остаются одни.

ФИЛИМОНОВА. Верно, чего царя трогать, теперь ему не до нас. Ты этого князя Сергея получай. Влюби себя посильнее и брось...

КШЕСИНСКАЯ. Да мать у него всевластная, а он матери все рассказывает. А мать его - третье лицо в Петербурге, после жены царя и вдовствующей императрицы.

ФИЛИМОНОВА, Все рассказывает, такой размазня? Ну, тем более разыграем его с кем-либо из их шатии-братии. Из того же дома Романовых, но того берем, кто постарше...

КШЕСИНСКАЯ. Владимир Андреевич – тоже Великий Князь, двоюродный дядя царя. Уж пробовала: неподступный, камень, об дорогу не расшибешь.

ФИЛИМОНОВА. Еще попробуй. Сделай какой-нибудь пируэт... Сальте-мортале... елки-моталки...

* * *

Санкт-Петербург. Балтийский вокзал. Отсюда отправляется поезд, который идет и до дачи Кшесинских. В вагоне Матильда Кшесинская и Филимонова.

ФИЛИМОНОВА. Вот чудо! Как в русской народной сказке. И какие впряжены в железа лошадиные силы!

КШЕСИНСКАЯ (*показывая в окно вагона*). Вон посмотри, кто на платформе! (*Вскочив вдруг и неожиданно похорошев*). Идите сюда!.. К нас сюда, к нам!..

В вагоне входят сразу два Великих Князя – князь Сергей Романов и князь Владимир Андреевич тоже Романов – двоюродный дядя царя.

КШЕСИНСКАЯ (*приглашая обоих к себе*). Я вас жду! Я в ас жду! Будем попутчиками...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Может, ко мне поедем? В мои владения, за Стрельню?

КШЕСИНСКАЯ. А мы ее к себе, на нашу семейную дачу. Приглашаю, познакомлю со своими родителями – тоже театральные люди, драматические актеры...

Великий князь Сергей делает знак слуге, идущему следом, и тот тут же расстилает в соседнем купе скатерть-самобранку.

Князь Сергей еще молод, сверстник маринских кокоток. Князь Владимир Андреевич чуть ли не вдвое старше Сергея. Он сидит как-то спокойно, чересчур отстраненно, наблюдая за более молодыми, что у них между собой получается.

ФИЛИМОНОВА (*толк Кшесинской в бок, на князя, какого постарше*). Наблюдает, как это вытанцовывается что-то у вас с князем Сергеем... Подцепи его, закадри... Ишь, какой боров – пожилой, неподступный... Ты с такими не можешь, такие тебе, Матильда. скорее всего, не по зубам...

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Лучшие зубные врачи – это немцы. В немецкой армии даже у солдат зубы все запломбированы...

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*вставая*). Предлагаю бокал шампанского за прекрасных дам!

«И временами в час означенный,
Иль это только снится мне?
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне».

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*привстав, князю Сергею*).

«Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина – в вине»

Предлагаю тост за истины, она тоже женского рода.

Скользнув с груди, салфетка падает к его ногам. Князь Владимир Андреевич силится поднять салфетку, но ах и ох! – нерв простреливает спину ветерану. Сидя близко Кшесинская тут е подхватывает его и усаживает его рядом с собой.

Поднимается и начинает массировать спину князю, смотрит насмешливо на князя Сергея. Массирует и смотрит, массирует и смотрит. Князь Владимир Андреевич почувствовал теплоту и особую ласку молодых женских рук.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Великий князь Владимир Андреевич Романов смущен. Он уж здоров, все как рукой сняло!

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ – ДВОЮРОДНЫЙ ДЯДЯ ЦАРЯ (*неожиданно помолодев*). Каков пассаж! Пассаж каков!

ФИЛИМОНОВА (*тихо*). Каков массаж, таков и пассаж.

КШЕСИНСКАЯ (*метнув на князя Сергея убийственный взгляд*). Каков пассаж! Без дураков!

Каков массаж! Массаж каков!

По вагону вдруг прошелестело: Вяльцева! Анастасия Вяльцева в нашем вагоне!

И головы одни за одними выссовывались из купе и провожали взглядами певицу – исполнительницу русских романсов – до самой двери!

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*мечтательно*). Детка! Так и ушла она, шелками схваченная, в соседний вагон...

КШЕСИНСКАЯ. (*Капризно*). А я сижу тут с вами, и никто не видит, не замечает меня.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. Конечно, конечно, как это печально. Никто нас не замечает.

Сцена вторая

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Малый кабинет Императора Николая Второго.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ (Размышляя вслух, сам себе). Малый кабинет чем хорош? А тем, что стенки близко со всех четырех сторон. Убежище «Мон репо» - «Мой отдых». Отсюда не видно ни Адмиралтейской иглы, ни Петропавловской крепости. Однако отдыхать не приходится. Эти малые четыре стены кабинета требуют концентрации воли, невероятных усилий в работе ума... Стены эти съедают силы, здоровье в думах о благе отечества...

Россия напряжена, земля звенит под ногами.

Надо спросить Кшесинскую: слышит, ли она этот звон, этот стон земной, чувствует ли его своими легкими, забавными, сладкими ножками? Требуют реформ, передела земли. Эти за реформы, те против. Требуют учредить Думу, мы ее учредили. А в Думе одни только слова, все слова, слова; когда-нибудь они уничтожат, затопят Россию, как наваждение...

Эти требуют передела земли, те ее отвергают, им самим земли предостаточно. Ввел такое положение: в Российской армии: как только дослужился до чина майора, так получай дворянское звание и небольшой земельный надел на тех пустотах, какие пока еще есть по губерниям.

Эти требуют соблюдать права человека, те бросают бомбы, взрывают, стреляют, расстреливают. При чем самых видных, чиновный аппарат, опору Государства, России... Те вопят о кровавом царском режиме... О каком режиме идет речь? Где они его взяли?..

Входит императрица, без короны, в простых одеждах она просто русская женщина, не подумаешь, что родом из остзейских немцев.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*в сторону, про себя*). Однако как осунулась в последнее время, изменилась в лице.

Вслух. Александровна Федоровна! Как ты считаешь, есть у тебя какие-либо права. Или как и многие из них (*махнув рукой куда-то неопределенно, за стенку*) тоже считаешь меня тираном, что у меня не власть, а кровавый режим, что я Николай Палкин, Николай Кровавый?

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*пугаясь*). Да что ты, что ты! Зачем ты так. Николай Александрович? Это я живу тут, как в клетке, берегу, спасаю детей...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. Как ты считаешь, может, этого фанатика, что из Сибири, приблизить ко двору? Может, это поможет тебе, наследнику – цесаревичу Алексею... Легче будет бороться с его неизлечимой болезнью? Кажется, этот сибирский мужик из Тобола - Распутин? По-твоему, он чародей и колдун?..

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Распутин. Пробовал несколько раз заговаривать сына...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*заинтересованно*). Ну, и как?

АЛЕКСАНДРОВНА ФЕДОРОВНА. Кровь как хлынет из горла, уж и не знаешь, чем ее остановить. А Распутин брал наследника на руки, носил на руках, лелеял, говорил ласковые слова, и кровь останавливалась, Алексей засыпал...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Говорят, что Распутин твой - конокрад. Что били его мужики, не добились за конокрадство.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Так зло-то какое по миру разли-
то, вот и надо на кого-то валить, сваливать все в одну кучу.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. Револю-
ционная ситуация – это, когда низы не хотят, а верхи не могут...
Россия у нас пока что крестьянская. А Распутин – из крестьян,
олицетворение России.

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Верхи особенно его
не хотят, из ревности. Высокородные. Не хотят подпускать ко
дворцу. Сами желают быть при царе, торчать, как бельмо в гла-
зу... Да и низы тоже не хотят. И по той же причине...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Следи мать, за детьми, осо-
бенно за цесаревичем, за Алексеем – наследником.

* * *

*Там же, только уже в большом кабинете, с большой библиоте-
кой, с томами в золотых и темных корешках. еще, наверно, вре-
мен императрицы Екатерины Второй, из библиотеки, купленной
у Дидро.*

*Царь стоит у стола. Входит Председатель Думы России Му-
ромцев.*

РУССКИЙ ЦАРЬ. Сергей Николаевич, сюда, садитесь.

МУРОМЦЕВ. Ничего, ничего, Николай Александрович, вы
стоите, и я постою.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Что стоять-то – в ногах прав-
ды нет. А правда нам с вами нужна. Что скажете о Государствен-
ной Думе? Просили, добивались ее учреждения – мы учредили,
и что теперь?

МУРОМЦЕВ. Да что теперь! Едва держу, как на удилах... Про-
брались в Думу с пяток таких, как поп Гапон, - провокаторы...
И гнут свою линию, а за ними остальные, как стадо баранов...
Мистификациям всяким, слишком, слишком подвержены... де-
путатский корпус...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ну, и в чем это выражается?

МУРОМЦЕВ. В главном вопросе. Муссируется главный во-
прос.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – РУССКИЙ ЦАРЬ. И какой
же?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МУРОМЦЕВ. Малой кровью хотят добыть-
ся для России успеха. Такое проглядывается: малой, успешной

войной сбить в стране большое внутреннее напряжение.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*сразу же насторожась*). Это с кем же ваши думские попы Гапоны собираются воевать?

МУРОМЦЕВ. С японцами.

ИМПЕРАТОР. С японцами? (*Уставясь в Адмиралтейскую иглу за окном*). В сторону, про себя. Однако в курсе, помнят, что меня там самураи когда-то подрезали.

И вслух. Сергей Николаевич, вы-то сами что по этому поводу думаете?

МУРОМЦЕВ. Да что я! Наше дело протокол вести, да все по протоколу от точки до точки. Это партии там неистовствуют, сшибают друг друга.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Ну, и что полагаете, надо делать царю? Что предпринимать мне как Императору с такой огромной, часто рассогласованной в разных вопросах империей? Кратенько, резюме, Сергей Николаевич.

МУРОМЦЕВ. Согласовать и повести.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. «Верхи не могут, низы не хотят»? Так, кажется? И называют это «революционной ситуацией»? По-моему все дело в нас с вами, Сергей Николаевич. Главное – быстрое и думы, пока они не перешли в демагогию.

МУРОМЦЕВ. Да, но они уже переходят.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ. Дайте Думе обратный ход. А мы тут тоже подумаем. А если части формулы поменять местами? «Низы не хотят, верхи не могут». Вот это уже все по-другому, революционная ситуация, которую следует нам с вами не допустить.

МУРОМЦЕВ. Да, Николай Александрович. Это вы здорово сказали! Формулировка хорошая. И всего-то поменять части местами. Если не секрет, что придает вам сил держаться и пока что справляться... с такой, извините, империей?.. Откровенно, если, попроще...

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*рассмеявшись*). Как это пишут в газетах, «сладкие ножки Кшесинской».

МУРАМЦЕВ. Желтая пресса.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*задержавшись на миг*). Ну до этого мы с вами не доживем. Будет желтая, будет красная, будет всякая пресса, когда не будет империи. И это страшно для России – страны, разношерстной, разновременной! Очень страшно!

ГОЛОС СВЫШЕ. Война началась, говорят, с нападения Японцев на Порт-Артур и сразу же приняла необратимый характер. Это был уже не театр боевых действий, а харакири, самурайская мясорубка; главные силы русских от мест сражений находились так далеко. Оказывается, Восток – дело не только тонкое, но и в тонкости своей «непрозрачное». Это сказал Председатель Думы Муромцев. И пока доехало на паровозе до Владивостока то, что было в Европе тут «непрозрачным», там у Страны Восходящего Солнца окончательно перевернулось, замутилось. Белое стало черным, а черно-белым.

Одни сделались патриотами, а другие стали желать отчизне окончательного поражения.

Мужской голос со стороны. На Восток через всю страну потянулись длинные зеленые червяки поездов: на дровах повезли в теплушках вчерашних деревенских и городских парней, одетых в серые шинели, с винтовками и без винтовок...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

И пришли поражения, сообщения из-под Мукдена.

И капельмейстер Моршанского полка в Тамбовской губернии Агапкин написал своей бессмертный вальс «На сопках Мончжунрии»

А на запасных путях Балтийского вокзала северной столицы появился известный всей провинциальной России голубой вагон Вяльцевой - замечательной русской певицы. В этом вагоне, иногда прямо с порожков на каком-нибудь глуховатом полустанке, Анастасия под гитару пела романсы, русские народные песни.

Голубой вагон появился в Санкт-Петербурге. Вяльцева добивалась от властей права отправиться на КВЖД, в район боевых действий. Где-то там, под Мукденом, в госпитале, угасал от ран ее муж, штабс-капитан... Вяльцева была уже в белых одеждах сестры милосердия с красным крестиком на белой косынке. Говорят, с просьбой разрешить отправиться под Мукдено ее принимал сам Император. А пока она с матерью мыли полы в вагоне, закупали лекарства, продукты. Иногда собираясь с духом, Вяльцева ходила в Мариинку, на спектакли с участием примы – балерины Кшесинской. И все ждала разрешения властей отправиться под Мукден. Но никто пока не брал на себя ответственность отпра-

вить туда, в смертельную мясорубку, ее – человека, не имеющего цены, наше национальное достояние...

ОТ АВТОРА. Да и тут, в Санкт-Петербурге, у голубого вагона Вяльцевой собралась толпа поклонников. Вот и я тоже как бы там, среди них. Мы поем с Анастасией Вяльцевой вместе. Вот кому, думаю, надо ставить памятник в Брянске – Вяльцевой на вечные времена. И в душе моей, переполненной «Катится, катится голубой вагон»...

Толпа на Балтийском вокзале в Санкт-Петербурге дрогнула. Стоит, аплодирует. И будут люди стоять так, аплодируя, пока не выйдет она, не поклонится, не запоет своим мягким, грудным человеческим голосом. Говорят, в хоре там видели даже Кшесинскую. – Неужто Кшесинскую? – А чего б вы хотели? Талант к таланту тянется, одиночество к одиночеству... на вечные времена...

Толпа перед «голубым вагоном», скандируя:

- «Калитку», «Калитку»!

«Лишь только вечер опустится синий...»

Наконец-то выходит Вяльцева. Привычно кланяется, привычно прислоняет к груди гитару:

- Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой

(Сопки покрыты мглой, - повторяет толпа).

Вот из-за туч блеснула луна.

Могилы хранят их покой...

- «Не брани меня, родная, - запекает Анастасия, -

Что я так люблю его.

Скучно, грустно, дорогая,

Жить одной мне без него».

И все знают: теперь она будет петь до утра.

Сцена третья

И опять город Санкт-Петербург – столица Российской империи. Опять Балтийский вокзал. Спустя несколько лет. У поезда, отправляющегося куда-то на Стрельню, двое – оба в офицерской форме, молодой и пожилой человек. Появляется Кшесинская.

КШЕСИНСКАЯ (старшему офицеру). А-а, это вы, Великий Князь Владимир Андреевич? (тут же указывая на молодого). А это кто? Познакомьте.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. А это сын мой. Андрей, офицер. Отправляется на фронт. На германский. Теперь уже война европейская, мировая.

КШЕСИНСКАЯ (*быстренько взглянув на Андрея*). Не отправляйте, не надо. Хоть самого царя упрошу, самого Господа-Бога... Вам куда? Туда же, на Стрельню?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Едет вот... с матерью попрощаться...

КШЕСИНСКАЯ. Я туда же, на нашу фамильную дачу. Как родителей не стало, пусто там теперь, никого. Иногда вот я появляюсь наведу там порядок и обратно сюда, в Санкт-Петербург.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*не спуская глаз с Кшесинской*). А вы все в театре, танцуете?

КШЕСИНСКАЯ (*не спуская глаз с князя Андрея*). Ну, а где же? Что еще я умею?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Императрица одела костюм сестры милосердия. Все с фрейлинами ходит по госпиталям... Появился поезд специальный – братьев и сестер милосердия. Да вон от стоит на путях... Говорят, какой-то Есенин туда зачислен – новомодный поэт... из крестьян...

КШЕСИНСКИЙ. Ну, а что же – всю нацию в мясорубку?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (*оживясь*). Останется знамя – сформируется новый полк.

КШЕСИНСКАЯ (*кокетливо князю Владимиру Андреевичу*). Молодым нужны сражения, битвы. Это ведь слава, подвиги, ордена. Кстати, вашему сыну, Великий Князь, не помешало бы на грудь святого Владимира с лентой... *Глядя на князя Андрея*. Не помешала бы?..

КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Это надо еще заслужить. На полях ратных, на поле брани.

КШЕСИНСКАЯ. Э, мальчик мой! Над заслужившими черные птицы вьются, мимо нас Бог пока что несет, да, Великий Князь?

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Вы, мадам, прозорливы. Мыслите категориями.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. С того памятной встречи молодой князь Андрей, приезжая с фронта сюда в Санкт-Петербург, непременно отправлялся на Балтийский вокзал, откуда ехал до фамильной дачи Кшесинской. Тут он иногда и встречался с Матиль-

дой, о чем отец его Великий Князь Владимир Андреевич и не подозревал.

Великий князь по-прежнему проводывал приму-балерину в ее гримерной в Мариинке.

Мариинский театр, гримерка Кшесинской – «генералиссимуса» русской сцены.

КШЕСИНСКАЯ (*сидя у зеркала*). Ножки кое для кого еще сладкие, тело пока что летает. А первое, что напоминает о возрасте, прожитом времени, так это вот шея. Кожа теряет упругость, становится дрябловатой, надо уже придумывать всякие женские хитрости, например, прикрываться платочком... И на лице появляются первые паутинки... У глаз особенно...

Разглаживает лицо аккуратненько пальцами, делая легкий массаж.

Надо прикладывать свежие огурцы. Говорят, здорово помогает...

Кто-то обхватывает ее сзади, притягивает ее к себе. Это князь Владимир Андреевич. Войдя незаметно в гримерную, он подкрался к Кшесинской, обнял ее, целует прямо в сочные влажные губки.

КШЕСИНСКИЙ (*освобождаясь от объятий*). Ой! Как вы меня испугали!

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ! Пригласи меня на новоселье. Хотя, если не пригласишь, сам приеду... с хорошим подарком. Я все же Великий Князь, двоюродный дядя царя- в конце концов. украшение стола.

КШЕСИНСКАЯ. Украшение стола – это я, женщина, балерина! А вы, князь, в крайнем случае можете быть украшением общества. И то этого следует заслужить... на поле брани...

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Ну, и язва же ты, Матильда Феликсовна. Язычок твой, как жало змеиное.

КШЕСИНСКАЯ. Зато, сами говорите, я умна и красива. Звезда моя пока еще светит, не закатилась.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Что это у тебя тут на шее?

КШЕСИНСКАЯ. Вот, сапфировая змейка. Подарок князя Сергея.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Его змейку носишь, а мой кулон где?

КШЕСИНСКАЯ. Вот тут, в пеньюаре.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. В перпендикуляре! Балерина, много ты в чем разбираешься.

КШЕСИНСКАЯ. А нам и не надо. Как сказал, Пушкин, поэзия должна быть чуть-чуть глуповата. А балет, балерина тем более. Нам это сам Бог повелел.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Так какой мы особняк обмываем? Какой царь тебе подарил или тот, что Великий князь Сергей Михайлович?

КШЕСИНСКАЯ. Царский подарок. А князю Сергею я сказала: живи сам в своем доме, в собственном особняке. Когда купишь такой мне как Таврический дворец, может, взять такой подарок и соглашусь.

Особняк Кшесинской, подаренный царем. За столом сам Император Николай Александрович с императрицей Александрой Федоровной и все шесть Великих Князей.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*поднимаясь, чтобы отрыть застолье, провозгласить первый тост*). Тут я самый старший по возрасту, мне и слово. (*Оглядев собрание*). Видите, сколько тут нас, Романовых? Во главе с самим Императором Николаем Александровичем. Такому созвездию имен мог бы позавидовать каждый из европейских монархов.

КШЕСИНСКАЯ (*перебивая*). Уточняю! Мог бы гордиться таким собранием...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*продолжая*). ... таким собранием достойных мужей. Предлагаю тост за династический Дом Романовых, за нашего государя – императора с его дражайшей супругой и...

ИМПЕРАТОР (*вставая*). ... и за очаровательную владелицу этого дома Кшесинскую Матильду Феликсовну, разбившую не одно-то сердце, покорившую весь Санкт-Петербург. Виват!

Князь Сергей! Приглашайте мадам на полонез, вы, я полагаю, тут самая подходящая пара для Матильды. Мы уж как-нибудь к вам пристроимся, за прямой пойдем, за Кшесинской...

Гремит оркестр. Кшесинская ведет за руку князя Сергея, а сама не спускает восхищенных глаз с Императора. Так и идет прямо перед собой, так и шла бы, так и въехала в стол перед Императрицей...

ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*вытирая салфеткой забрызганную шампанским свою высокую грудь*). Голубушка, надо смотреть не на Императора, а под ноги. Балерины в столы не влетают.

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*пытаясь прийти на выручку, чтобы разрядить обстановку*). Матушка Императрица! Это она на вас загляделась. Вам она благодарна за такой ценный подарок, как дом, это вы сподвигли Николая Александровича на такую щедрость, так отметить заслуги святого искусства.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ (*сделав большие глаза*). В сторону, про себя. Что это он лепит-то? На себя не пожож, неутешенный грешник.

Вслух. Вот вы, князь, способны, оказывается, на какой «комплиман». Цицерон! С языка слетает и влетает... куда...

КШЕСИНСКАЯ (*иронично*). Прямо в стол влетает вместе со мной. Простите, государыня-императрица... припадаю к ногам вашей милости...

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (*значительно мягче*). Вы, милочка, в другой раз, когда будете танцевать свою, например, «Жизель» или «Мадам Баттерфляй», глядите, не вылетите со сцены в дверь да прямо на улицу. Как артистка кордебалета Филимонова – назад туда к себе, в Смоленскую губернию.

КШЕСИНСКАЯ (*вспыхнув*). Я тут родилась, матушка. До Курляндии далеко, а до... а до...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*Кшесинской*). Что, мадам, вы хотели этим сказать?

КШЕСИНСКАЯ (*резко, глядя на Императора*). А до Японии близко.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*твердым голосом*). Смотри кому и когда, в каком положении.

И повернувшись боком к Матильде, стал приглашать императрицу Александру Федоровну на вальс Штрауса из «Голубого Дуная».

* * *

ГОЛОС СВЫШЕ. Когда у Кшесинской родился сын, на фамильную дачу к ней под Санкт-Петербургом прибыли сразу трое: сам царь и два Великих Князя – Сергей и Владимир Андреевич.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*чмокнув новорожденного в щечку*). Дарю тебе бумагу на деньги в банке... целое состояние...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*чмокнув в щеку Кшесинскую*). Дарю мальчику отчество.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (*кланяясь новорожденному*). Дарю тебе имя свое, нашу фамилию.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ.

Но, когда из Действующей армии на фамильную дачу Кшесинской вскоре прибыл молодой князь Андрей – сын Владимира Андреевича и Кшесинская, несмотря на войну, объявила, что все втроем, естественно, с малышом, они отправляются на медовый месяц в Париж, оба Великих Князя, онемев, не знали, куда себя деть.

Эйфелева башня была уж построена, стояла, выражая в железе иную эпоху: не хватало этих тронх из России, чтобы стать символом еще и туризма, обладая титулом грации всего Большого Парижа.

Шла мировая война. Официально князь Андрей ехал поближе к «линии Мажено» отдавать почести русским солдатам до смерти защищавшим, как свою, эту прекрасную Францию.

«Тихо вокруг

Сопки покрыты мглой.

Вот из-за туч блеснула луна.

Могилы хранят покой».

* * *

ГОЛОС СВЫШЕ.

А в России в это время все стало происходить с калейдоскопической, фантастической быстротой. Произошла Февральская революция, во главу страны встало Временное правительство Керенского. И монарха российского Николая Второго вместе с семьей арестовали. И пожелали предать суду, но царь, уже будучи арестованным, отрекся от трона в пользу своего брата. Но и тот отказался.

И повисло глухое молчание, тишина в ожидании выстрела из орудия главного калибра «Авроры», крейсера стоящего у Петропавловской крепости.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ – ДВОЮРОДНЫЙ ДЯДЯ ОТРЕКШЕГОСЯ МОНАРХА (*оповестив обо всем этот всех Романовых*). Голубчики мои дорогие, надо спешно покидать Россию, бежать, нет, драпать сейчас же, сию минуту, поспешно... уезжать за границу. Все, что тут происходит, надолго. И чем дольше, тем, я полагаю, будет все хуже и хуже... Вернемся, когда кипятик в чайнике отключится...

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ (*глядя на Кшесинскую, которую позвали тоже сюда, к Романовым*). И куда? Куда едем?

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Не знаю, как другие Романовы, но я предпочел бы прекрасную Францию.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ. И мы вот... с Кшесинской... тоже решаем.

КШЕСИНСКАЯ (*твердо поставленным голосом*). Что вы титулами себе тут обзываете? Титулы новой властью отменены. И надолго, если не навсегда, навечно.

Вслух, при всех. Вот вы... вы, гражданин Сергей Михайлович, вы, гражданин Романов... Князь Сергей, у меня к вам деликатная просьба.

В сторону, про себя. Князь Андрей с сыночком уже в автомобиле, а автомобиль рядом тут, на углу Мойки... срочно, сию минуту, пока не схватили...

Вслух, при всех. Да, князь Сергей, я прошу вас убедительно... У меня тут кое-что из фамильных драгоценностей, главное же там, на даче... Прошу вас, съездите и заберите. Вот ключи от дачи. Приедете и привезите в Париж...

Сцена четвертая

Санкт-Петербург, переименованный в Питер. По Невскому проспекту по направлению к Дворцовой площади движутся колонны. Звучит «Марсельеза», слова «Интернационала» - нового гимна, написанные тоже французом:

Мы наш, мы новый мир построим.

Кто был никем, тот станет всем.

Это есть наш последний

И решительный бой!

С Интернационалом

Воспринят род людской!»

СЛЫШАТСЯ ГОЛОСА: «Хлеба, земли! Хлеба, земли!..»

«Мир – хижинам, война – дворцам!»..

Среди демонстрантов попадают полицейские, знают, высшие чиновники, даже кое-кто из Романовых.

ГОЛОСА, КРИКИ. Расплодился эти Романовы... В сторону и расстрелять... К Зимнему дворцу... В сторону и расстрелять... расстрелять, расстрелять... Хлеба и зрелищ!..

На углу Невского и Мойки куча людей в серых одеждах. Почувствовав приближение колонны, читают Блока.

Первый человек – в солдатской шинели, скорее всего, офицер.

Из драмы «Роза и крест»

БЕРТРАН. «Всюду беды и утраты,

Что тебя ждет впереди?

Ставь же парус свой косматый,

Меть свои крепкие латы

Знаком креста на груди.

Странная песня о море

И о кресте, горящем над вьюгой...

Смысла ее не постигнет

Рыцаря разум простой.

Голос мой глух и бессилён

Темный напев передать»...

Второй человек – в черном морском бушлате, тоже, скорее всего, из поэмы «Возмездие». Юность – это возмездие. Ибсен.

«В глазах любого офицера

Встают видения войны.

На их, обычных прежде, лицах

Горят заемные огни.

Чужая жизнь свои страницы

Перевернула им. Они

Все крещены огнем и делом;

Их речи об одном твердят:

Как Белый Генерал на белом

Коне, средь вражеских гранат,

Стоял, как призрак невредимый

Шутя спокойно над огнем;

Как красный столб огня и дыма

Взвился над Горным Дубняком;

О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком.
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...»

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК – В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ. Кажется, эти толпы прошли.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК – В ЧЕРНОМ МАТРОССКОМ БУШЛАТЕ. Да, кажется.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я – Соколов, посланный Колчаком. Я участник расследования в Алапаевске... Массовой гибели всех Романовых. Сброшены в шахту... Последним вытащили Велико-го Князя Сергея Романова. На груди нашли медальон с портретом Кшесинской.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Я – поэт, Николай Гумилев, офицер.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тоже будешь расстрелян.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК (*не обращая вниманья на реплику*). Медальон? С Кшесинской? Знаю, знаю все эту историю... Послала его на дачу к себе - спасти ее драгоценности, и он был арестован...

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Какая жестокость.

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Какая любовь. Ну, и что теперь будет?

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Пробираюсь к границе. Имею поручение от самого Колчака: передать все это там, куда следует... Чтобы стало известно всей Европе, всему миру, каждому человеку...

ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК. Белое движение начинается?

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Началось.

Видя проходящих мимо людей в кожанках, с пулеметными лентами, скрещенными на груди.

И вечерами, в час назначенный, -

Иль только снится мне? -

Девичий стан, шелками схваченный,

В тумане движется окне.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ МАТРОССКОМ БУШЛАТЕ. Эти стихи он читал когда-то Кшесинской.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОЙ СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ. Князь Сергей.

Ее несчастливый любовник!

ГОЛОС СВЫШЕ. Обманутый вкладчик...

Эхо, катаясь по каналу у Мойки. ... чик... чик... чик... Где-то откуда-то с неба...

ГОЛОС КШЕСИНСКОЙ: Мой мальчик! Когда тебе будет плохо, вали все на меня...

* * *

Париж. Елисейские поля, Эйфелева башня, Триумфальная арка - фоновые места французской столицы.

Дама под черной вуалькой прогуливается под ручку с молодым человеком у Александровского моста. Это русская балерина Кшесинская, а молодой человек – ее сын.

Прохожий, тоже из русских эмигрантов первого поколения. Но где же князь Андрей?

КШЕСИНСКИЙ. Колесит на такси по Парижу. Зарабатывает на жизнь.

СЫН КШЕСИНСКОЙ. Мама, зачем же ты так? Так и сказала бы, что мой отец, князь Андрей, погиб на войне против красных, тут это можно... Что – у нас уже нет денег, не хватает средств к существованию?

КШЕСИНСКИЙ (*резко*). Да есть, есть! Семейные драгоценностей хватит нам на всю жизнь. Не хватает – поедем с тобой в Монте-Карло, я сяду к столу за рулетку, я обязательно выиграю... Я обязательно во всей этой жизни выигрываю... выигрываю... выигрываю...

Кшесинская, не сдержавшись, рыдает. Ни мужа, ни родины, ни сцены.

СЫН КШЕСИНСКОЙ (*улавливая ее настроение*). Да, но у тебя есть я – твой любящий тебя, преданный тебе, твой замечательный сын... Они тут забыли, что этот, Александровский мост между прочим, построил на свои деньги наш русский царь Александр Первый. когда мы, русские, после изгнания Наполеона, оказались тогда тут, в Париже...

Идем же к Эйфелевой башне. Что я тебе покажу.

Прогуливаясь по Елисейским полям, они оказываются у Эйфелевой башни – этой Мекки, самым посещаемым иностранцами местом Парижа.

Долго-долго, отдыхая на видовых площадках, поднимаются до самого верха.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ, ОН ЖЕ РОМАНОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Редкая птица долетит до середины Днепра, да, мама?

КШЕСИНСКАЯ (*устало улыбаясь*). Да, сынок.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. А теперь посмотри, что я буду делать тут. И гордись!

Снимает пиджак, передает его матери и, став вверх ногами на самый край башни, идет на руках по бордюру на виду всех, кто с ними там, – всех этих разноязыких людей, на виду всего Парижа, оказавшегося где-то внизу, на высоте чайки, летящей отсюда до Сены.

Кшесинская стоит бездыханно, боясь слова молвить, не зная, что делать. Молодой Кшесинский – Романов соскакивает с края башни на твердую почву, кладет фуражку перед собой.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР РОМАНОВ. Господа! Не обессудьте... «Же не манж ра де рюи си жур – я ничего не ел шести суток»... Да здравствует Учредительное собрание! «Вив ля ви – да здравствует жизнь!» Французы – наши друзья... (*Обрачаясь к матери*). Ты довольна?

КШЕСИНСКАЯ. Ты забыл, кто я: твоя мать – балерина, а не воздушная гимнастка, а я не в цирке работаю, князь, а в театре.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. Я не князь, мама, а ты не в театре Дягилева. Нас, Романовых, туда не приглашают... Считают тебя едва ли не виновницей русской революции – самой злодейской и самой не правой...

КШЕСИНСКАЯ. На днях приходил Соколов – офицер Колчака. Принес печальную весть: твоего ближайшего родственника из Дома Романовых, можно сказать, твоего крестного отца... вместе с другими Романовыми... сбросили в Алапаевские в шахту. На груди Великого Князя Сергея нашли медальон...

СЫН КШЕСИНСКОЙ (*резко, нетерпеливо*). Ну, и что? Ну, и что? Говори...

КШЕСИНСКАЯ. В медальоне был мой портрет, фотография, сынок, твоей матери.

СЫН КШЕСИНСКОЙ. Слава Богу, не застрелился хоть. Не своими руками...

КШЕСИНСКАЯ. Пойдем, сынок, свечку поставим.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. Куда?

КШЕСИНСКАЯ. Да в храм.

МОЛОДОЙ КШЕСИНСКИЙ. Не знаю такого храма тут. все католические.

КШЕСИНСКАЯ. Ну, давай сходим на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Поклонимся хоть, там лежит много русских.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Через какое-то время Кшесинской сказали, что в России, где-то под Екатеринбургом, расстрелян был гражданин Романов Николай Александрович вместе с семьей. В первые, наверно, за весь свой век прима-балерина не стала к станку. Пожалела эти свои сладкие, сладкие ножки, из-за которых, говорят, и случилась вся эта заварушка в России.

«Шипенье пенистых бокалов

И пунша пламень голубой».

А офицер Соколов, посланный в Европу самим Колчаков, так и остался в Париже. Взял в руки гитару да и запел на весь Париж, так и поют, говорят, до сих пор:

«Соколовский хор из бара

Был когда-то знаменит.

Соколовского гитара

До сих пор в ушах звенит.

Всюду деньги, деньги, деньги,

Всюду деньги, господа!

А без денег жизнь плохая, ха-ха,

Не годится никуда».

* * *

ГОЛОС СВЫШЕ. Похоронили Кшесинскую в Париже на том же кладбище Сен Женевьев де Буа, где лежат многие русские. Сын ее, уже тоже немолодой, но Романов, без всяких титулов просто Владимир Романов, долго мучился: что бы это написать на надгробном камне? В Швейцарии как раз осквернили могилу всемирно известного артиста Чарли Чаплин – тоже гения сцены, кинематографа.

Владимир Романов получше и понял, что фамилии не надо, не надо наносить Кшесинскую золотом на могильной плите. Просто и в то же время грандиозно так написал: «Генералиссимус

Сцена пятая

Москва, Кремль. 1945-й год Великой Победы.

Грозный в своем кабинете, на привычном месте, под портретом Ивана IV (Грозного).

ГРОЗНЫЙ (*В сторону, про себя, размышляя*). Эти экстрасенсы нас заколебали и предсказывают, и предсказывают! Советники мои без них никуда. Но этот советник хорош: предсказал нам победу! Великую Победу!

ВОЛЬФ МЕССИНГ – экстрасенс на все времена. Помню, я спросил его: «А как я узнаю, что вы говорите правду, что вы экстрасенс?»

Он ответил: «Смотрите в это окно вниз туда, на ворота в Спаской башне. Я пройду мимо часовых ваших без всякого пропуска...»

Вслух, на весь кабинет. И прошел!

Тут же раздается звонок телефона:

ГОЛОС БЕРИИ. Он прошел?

ГОЛОС ГРОЗНОГО. Кто?

ГОЛОС БЕРИИ. Этот Вольф, этот Волк по-русски.

ГОЛОС ХОЗЯИНА КАБИНЕТА. Это Мессинг прошел, показав часовым просто бумажку. Я это видел сам, лично.

ГОЛОС БЕРИИ. Вот вы мучаетесь над главным своим вопросом по итогам Великой Победы. Вот вы начинали с ним вместе: он - ефрейтором, а вы в простом френче, никто. А теперь вокруг вас одни маршалы, и вы маршал.

ГОЛОС ХОЗЯИНА КАБИНЕТА. И я.

ГОЛОС В ТЕЛЕФОННУЮ ТРУБКУ. Как мне только что доложили, в Париже на русском кладбище появилась плита, на которой написано: «Генералиссимус русской сцены». Приказал стереть второе слово, пускай останется так, просто и конгениально:

ГОЛОС ХОЗЯИНА КАБИНЕТА (*в сторону, про себя*). Это наводит на мысль. Сотрите и третье слово, пусть останется одно.

И вслух, по другому телефону. Приказываю: Хозяину главного кабинета в Кремле присвоить самое высокое звание...

Пауза. И тихим, тихим голосом.

Такое звание: «Генералиссимус».

И учредить для этого огромные звезды у меня на погонах, по звезде Героя соотруда на каждом плече.

ГОЛОС ОТТУДА. А китель какой?

ГОЛОС ТУДА. А китель маршала.

Кладя телефонную трубку. Вслух.

Экстрасенсы! Что хочешь сделают, даже вырвать готовы Победу. А пустяка сообразить, какой надо китель, не могут...

ГОЛОС СВЫШЕ. Вскоре обладатель Кителя Маршала с погонами Генералиссимуса по одной, но огромной, во весь погон Золотой Звезде на каждом плече, сидел под своим же портретом.

А к концу века другой хозяин того же кремлевского кабинета велел отыскать останки последнего русского Императора где-то под Екатеринбургом и перенести в город Санкт-Петербург, перезахоронить те останки в Петропавловской крепости, в некроле храма, рядом с Петром Великим. Как известно, Петр так и остался Полковником преображенцев. После него все Романовы были только Полковниками, как и последний из русских монархов – почетный гражданин Петропавловской крепости Николай Александрович Романов.

Этого у него не отнять.

Занавес.

г. Орел, 15 ноября 2010 г.

ЭПИЛОГ

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Сладкие ножки Кшесинской – это же всего один шаг, одно «па» длиной в тысячи километров. На Западе – Польша, на Востоке – Курильские острова. Не успело смолкнуть эхо от взрыва президентского самолета в смоленской Катюни, как Япония озвучила притязания на Кунашир. А вскоре и саммит в Южной Корее и новые соглашения с Сеулом.

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ПОРТ (*бывший Чемульпо*). На рейде новый российский крейсер «Варяг». С корабля несутся звуки вальса «На сопках Манчжурии». В белой парадной форме матросы и офицеры. Перед ними тени предков – капитана Руднева с бывшего «Варяга» и капельмейстера Моршанского полка в Тамбовской губернии - автора этого вальса Агапкина.

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ АДМИРАЛ (*вручая прежний гюйс того героического «Варяга»*). Это и наше национальное достояние.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ (*принимая реликвию*). Настоящий Андреевский флаг! Пусть снова плещет он на ядерном крейсере. Флаг жив, существует, значит, традиции живы... Урра!..

- Уррр-а-а! – несется по рейду.

И грянули сотни крепких, просоленных океаном мужских голосов.

- Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает.

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает.

ГОЛОС СВЫШЕ. Морские ветры перенесли эти крепкие голоса на Курилы. И там, на Кунашире, откликнулось эхо.

Все вымпелы вьются, и цепи гремят.

Наверх якоря поднимают.

И стал наш суровый и гордый «Варяг»

Подобен кромешному аду.

И почему бы не вспомнить, что первой песней, которую мы, пацаны, запели тогда, в сорок третьем, в Малоархангельске – после самого пекла Орловско-Курской дуги, когда нас освободили, была эта – песня, она! Как грянули мы её, пацаны, после первого урока в первом классе:

– Наверх вы товарищи, все по местам!

И я написал тогда, помню, свое первое произведение из пяти строк о победе Весны, о моем бумажном кораблике, пущенному мной по ручью навстречу Солнцу. И это моё первое сочинение, помню, прочитали всей школе.

Занавес.

ПОСТ-СКРИПТУМ. Познакомился с итогами Переписи населения России в 2010 году: за какие-то шесть лет нас стало меньше на четыре миллиона, и не выдержал я и заплакал. И пусть мои слёзы капаят на этот занавес с горьким финалом, а я все про них...

Ох, уж эти сладкие, сладкие, сладкие ножки Кшесинской!

Говорят, сладкие ножки Кшесинской разложили Романовых, а Романовы разложили империю. Говорят, император наш был Николаем Палкиным. Думаю, был бы он Палкиным если бы не любил сладкие ножки Кшесинской? Какой же он Палкин? Не жесток, бесхитростен, влюбчев, но в тоже время хороший семьянин. А всё остальное – это страсти по власти.

*г. Орел,
15-17 ноября 2010 г.*

*Париж – это праздник,
который всегда с тобой.
Эрнест Хемингуэй.*

БРЫЗГИ ФРАНЦУЗСКОГО

(романтическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЖАНЕТТА БРЕДЕЦКАЯ – «русская гейша» с французским акцентом, девица с иллюзиями 22-24 лет, выпускница факультета романской филологии провинциального университета где-то в Серединной России, переводчица.

ЯНА ШМАЛЕНКОВА, она же **ГАМАЛИЯ** – подруга Жанетты, жена пакистанского миллионера в Париже, якобы посланника Украины в ЮНЕСКО.

СЛИВОНЧИК СТРИБОГ СТЕПАНОВИЧ – «кофеин» (к.ф.н.), профессор вуза, бывший начальник по науке университета, ныне зав. кафедрой межфака, долгожитель и сексуал.

ЭРИК ШАНСОН – господин из департамента Шампань – Арденн, Франция, посланник университета. Отец троих детей, тайный любовник Жанетты.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА ВЕЛИХОВА, она же **ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ** – зав. кафедрой французского языка, женщина с идеальным прошлым, бывшая любовница Сливончика, мать двоих внебрачных детей.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА – одинокая, преподаватель латыни, отправляемая на пенсию.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО – московский мультимиллионер, открытый любовник и содержатель Жанетты.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЕРОХИН – молодой доцент, с признаками доктора наук, тоже воздыхатель Жанетты.

НАТАЛЬЯ КИРЮХИНА – студентка, однокурсница Жанетты.

ПЛУТАРХ – отчим Жанетты, пройдоха и плут, но все с оборотом против себя.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА – деревенская бабушка Жанетты.

КОНСУЛ в Париже с русской печалью в голосе.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ – супруга Эрика Шансона.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА.

СТАРУШКА-ТУРИСТКА в Париже.

БАРОН – хозяин бара в русской провинции.

ПРИЗРАК АРТЮРА РЭМБО.

ОФИЦЕР, ВРАЧ и другие.

Члены французской кафедры провинциального университета где-то в серединной России, студенты «5 ПГ (*парижские гейши*)», соседи Жанетты по общежитию, русские и французские туристы, жители столиц и провинции, живые реальности и призраки, тень преподавателя Евгения Семеновича Колпина, выбросившегося с девятого этажа, а также кое-когда самой Жанетты Бредецкой как Д'Артаньяна в юбке.

ФОНОВЫЕ МЕСТА.

Патри муан – национальное достояние Франции.

Эйфелева башня. Церковь «Сакре кер» (*Святое сердце*), храм св. Александра Невского, Александровский мост – в Париже. Реймский собор с цветными витражами. Мельница – интерактивный музей Артюра Рембо – в Шарлевиле.

Таинственные знаки в Москве, знаковые места.

Донской монастырь, могила Гоголя.

Окно в Кремле, откуда на горящую Москву смотрел когда-то Наполеон.

Лобное место.

Действие начинается в одном из провинциальных русских городов, затем переносится в столицы, через которые Жанетта Бредецкая проходит путь наверх, в «высшее общество».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Провинция, университет. Кафедра французского языка. Отмечается День Святого Валентина - День всех влюбленных.

СЛИВОНЧИК (*протяжно*). И тишина-а! Покойнички в гробах летаю-ю-ть. А вампирчики-то, наши студенты, пьют нашу кровушку.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Пора бы уж им разбежаться. Семнадцать часов, как раз времечко наших заседаний.

СЛИВОНЧИК (*живо, потирая руки*). И-ех! И когда хоть в последний разок собирались мы на заседание очередное чае-питей-

ное?

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Как когда? Да на День всех Татьян, 25 января! Все же семь человек из семнадцати - Татьяны на кафедре. Семь дней рождений заодно сразу.

СЛИВОНЧИК. Зачем заодно? Предлагаю растянуть на семь заседаний. Эффективнее!

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Кадры эти, вот обнаглели! Торт не могли нам в тот раз купить, студенты, называются. Вот и сейчас всего три бутылки принесли – две водки и одну «мамонта». Могли бы на коньячок разориться. И вина - элексиру долгожительства, червивки навроде «агдама» или хотя бы французского – какого-нибудь «мартини».

СЛИВОНЧИК. Или розового шампанского, если уж не «мадам Клико».

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Все мадамы тебе на уме, сластотерпец.

СЛИВОНЧИК. А ты бы, Инна Алексеевна, помалкивала. У тебя же латынь в руках – бразды правления. Что ты им зачеты всем подряд лепишь? Пусть гнутся...

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Вон ваша Мурка, Венера Милосская (*кивая на зав. кафедрой*) меня на пенсию отправляет.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*встыхнув*). Чего это вы, Инна Алексеевна, ай белены объелись? Выражайтесь помягче как-нибудь, по-французски. Адекватно, что ли, не можете подобрать?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А что? Мне теперь терять нечего. Может, в последний разок тут с вами сажу, пресмыкаюсь.купаюсь в вашей любви.

Члены кафедры оживляются, раздаются отдельные голоса: «Да ты что? Да мы тебя, Инночка, приглашать всегда будем». – «Да и как же мы, теперь без латыни-то?» - «А как без русского, без литературы? Обходимся же, и ничего».

СЛИВОНЧИК (*строго*). Без литературы можно. Мозги ею только пудрить. Вон и ЕГЭ не предусматривает ни зарубежной, ни русской. Одна крамола от литературы этой, мозгов сотрясение.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. У нас в стране все так: разброс мнений, качает в разные стороны. То каких-то пару лет тому, при прежнем Президенте, литературу собирались вводить даже в технических вузах. А то крест ставят даже на Хлестакове.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*насторожась*). Это что же! По-вашему, правая рука не знает, что делает левая?

СЛИВОНЧИК (*валяжно так*). Да, ладно, ладно! Не прежние времена. Для образования гуманизации пусть говорят ассоциации, мозги компостировать нации.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*строго*). Обходились без «ревизоров» и обойдемся. Вот без языка, без лингвистики попробуйте обойтись. Что мы без лингвистики - мошकारа, мерзость низко летящая!

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Венера Васильевна, да вы что! Нет, вы, действительно, белены, что ли, все тут объелись? Вначале всегда было слово! Литературное!

РАЗРОЗНЕННЫЕ ГОЛОСА. Выражения подбирайте все-таки, выражения!

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А что ж, ей можно, а нам нельзя?

ГОЛОСА. Нельзя, нельзя против, она все же зав. кафедрой.

СЛИВОНЧИК (*громогласно*). Ну ладно, кончайте балаган, девочки! Приступаем к всеобщей молитве – любви и обожанию друг друга. В общем, к Дню Святого Лаврентия... Какого Лаврентия?... Ну этого, Лаврентия Палыча, что теперь на Антарктиде. А заодно и к дню рождения всех наших уважаемых Тань. Первый тост: за всех Татьян кафедры! Чтобы они в скором будущем защитились и стали все кандидатками, профессоршами.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*ехидно*). Доцентами сначала пусть станут. Это вы у нас, Стрибог Степанович, один такой выдающийся: не доктор наук, а сразу профессор.

СЛИВОНЧИК (*в ответ*). Мура, Мурочка! Зато ты у нас и кандидат, и доцент, это точно. Как снайпер. Никак никуда не сдвинешься. Ни в прямую, ни в обратную сторону. Итак, второй тост за тебя: за зав. кафедрой.

Все живо поднимают рюмки, фужеры. Разговор становится разнообразнее, велеречивым.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*накрывая ладонь на бутылку*). Все, моя! А то, боюсь, на третий тост и не хватит.

ГОЛОСА. Меры принимать надо, меры. Стрибог Степанович, спойте свою коронную – «Мурку!»

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*слегка раскрасневшись, раздраженно набирает мобильник*). Жанетта, Жанетта, это ты? А мы на

мели. Ну хотя бы еще бутылочку коньячку... Ну не «Наполеона», нет, свойского розливу. Зачем? У нас гость... Ну да, простого «посолу» – армянского, если четыре звездочки... А если молдавского, то пять. А лучше, милочка, такую и такую – две, чтобы еще раз не бегать...

Подмигнув всем присутствующим. Сейчас будет, мухой! У этой Жанетты связи с Бароном через дорогу, с баром. Она там своя.

(Огорченно). Вот обнаглели! В прошлый раз даже торт не принесли.

ЖАНЕТТА *(там за зверью, уже находит, приостановясь).* Да жрите, жрите, хоть захлебнитесь!.. «Мадам Клико» им, розовое шампанское...

А тут голоса с разных концов стола.

«Что значит староста! Писаная красавица». – «Р-раз- и в дам-ки». – «Стрибог Степаныч! Ну спойте, спойте «Мурку»-то».

СЛИВОНЧИК *(наливая себе из Венериной бутылки).* За взаимопонимание. А если за трение, то только двух полов о третий. «Ийехали на тройке с бубенцами!» За международное сотрудничество.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА *(радостно).* Одобрям-с-с, одобрям-с.

СЛИВОНЧИК *(подливая в рюмку себе и наклоняясь к ней).*

Возраст уже, а еще ничего, смотришься. *(Всем)* Я тогда их на кафедру взял сразу троих молодых, одна в одну.

(Наклоняясь в другую сторону, к Венере Васильевна). А сейчас какие пошли, а? Пьют прямо из горла, мрак.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Это вы про Жанетту? Не наш человек в Гаване, язык слабо знает.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Так во Францию давайте пошлем, на стажировку. Или ее на латынь, а меня на грамматику.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Уж придумаем что-нибудь.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Обойдемся без ваших советов, тоже мне - Советская власть.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Французы, говорят, приезжают? Человек пятнадцать, студенты и преподаватели. Вот возле них пусть и потрется, поводит гостей по городу, по значным местам. Все же языковая практика...

Дверь приоткрывается, Жанетта передает Велиховой пакет.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*тряхнув по-цыгански плечами и на стол бух, бух бутылку за бутылкой*). Эх-ма! (*И Сливончику*). И за что я люблю черного лебеда, так это за то, что у него красный нос!

Сцена вторая

Хрущевская пятиэтажка где-то на окраине города. Общежитие, две соединенные комнаты в шестикомнатном отсеке с общей кухней. Комнаты представляют «квартиру» Бредецких, в них проживают четверо: мать и отчим Жанетты, сама Жанетта и ее младший брат. Жанетта занимает комнатушку в семь «квадратов», все остальные ютятся в проходной двадцатиметровке.

Жанетта пьет чай на кухне. Стол Бредецких в самом углу, у окна.

ЖАНЕТТА (*прислушиваясь*). Опять внизу под нами духовой оркестр, репетиция. Дикари! Не красный уголок, а прямо тебе Большой театр. Или театр Зимина – московская оперетта. Штраус, увертюра к «Летучей мыши» с доставкой на дом... Долбят и долбят, одно и то же, а тут аж кастрюли прыгают. Хоть бы мыши, что ли, в барабанах дырку проели...

Кричит в коридор: «Мама! Мам, а мам!!» (В сторону). Ах да, мама ушла вчера в поликлинику, опять сердце. А все из-за этих проклятых литавр. А, скорее всего, из-за мужа своего – моего отчима. Муж – объелся груш. Так и норовит ущипнуть меня за бок. Зазеваешься – и на диванчик приложит. Плутархом зовут соседи – дескать, плут и прохиндей. А-а, какое там, так себе – мелкий мошенник. Исхитрился вторую комнатушку выбить, соединил одну с другой – иллюзия «квартиры».

Прохиндеи в общагах не прозябают. Прохиндеи живут в котеджах, на Мальте. А этот Плутарх... из сантехников перейдет скоро в «бомжи» – без определенного места жительства. Еще пару раз хватанет меня за бок, я ему это устрою... через одного знакомого – капитана милиции...

А, вот и он, легок на помине. – Кто капитан милиции? – Нет, этот... Плутарх, мой отчим, уважаемый наш сантехник... высшей пробы...

Появляется отчим Жанетты – мужчина лет пятидесяти пяти, с легкой танцующей походкой. Заметив Жанетту, пытается положить руку ей на плечо.

ЖАНЕТТА (*шипя по-змеиному*). Посажу-у-у-у... посажу...

ПЛУТАРХ (*с улыбочкой*). Хочешь тыщу рублей подарю? Все же в вузе учишься, деньги нужны.

ЖАНЕТТА. Бедная, бедная мама.

ПЛУТАРХ. Нам, сантехникам, теперь доступ всюду, даже к Интернету.

ЖАНЕТТА. Это зачем тебе?

ПЛУТАРХ. Когда хоть в Париж свой укаатишь, комнату освободишь? Там пойдешь на панель. Эта твоя Гамалия – Яна Шмаренкова, жена пакистанского миллионера, прописана ведь в Париже.

ЖАНЕТТА (*сквозь зубы*). В Париже прописки нет, просто не существует.

Плутарх, подходя к газовой плите, гремит кастрюлей, достает кусок мяса. Держа навесу, начинает объедать его со всех сторон.

ПЛУТАРХ (*хитровато глядя на нее*). Васесуалий Лоханкин?

ЖАНЕТТА. Васисуалий ел ночью.

ПЛУТАРХ. А я днем и ночью, между прочим... Ладно, хватит дуться, хмурое утро. Расцветай! Вот тебе сто, нет, двести рябчиков. Отдашь своим алкашам на кафедре.

С такой же своей нестандартной, легкой, танцующей походкой отчим исчезает за дверью. Жанетта раздраженно отталкивает стакан - ложечка мелко-мелко дрожит в стакане.

ЖАНЕТТА (*оттопырив нижнюю губку*). Ох уж эта мама! Сколько раз говорить, не рассказывай этому дикарю... страсто-терпцу... что я только тебе одной доверяю. Все знают и про Яну – мою розовую мечту, и про Париж. Господи! И когда я от них хоть куда-нибудь денусь! Зеркала негде поставить, платье повесить. Духи, несессер положить некуда. Дикарь! Скоро свои газовые ключи будет класть мне на шею.

Однако. Сто рублей все же дал. Нет, смотрите-ка, двести! За коньяк будет чем расплатиться с барменом, не то в другой раз не дадут. Французы приезжают. Из департамента Шампань-Арденн, из города Реймса. Пятнадцать человек на сундук мертвеца – йохохо... Интересно, кого из наших студентов к ним приставят?

Опять «блатных»? Кирюхину нашу, эту уж, точно, продвинул на Запад. Тетка ее в страховой компании, говорят, шубу норковую подарила Венере... А отец Кирилла Лаврова сделал в квартире Сливончика евроремонт...

И все же алле, вперед! Отступить некуда, пятый курс окончательный и бесповоротный. Позади Москва. С нами Бог и наши любимый «кофейничек» Женя Колпин, пока не бросился вниз головой с девятого этажа. И почему хоть? Ведь замечательный был «парле ву Франсе», не блатной, в наше блатное-то времечко... Хари! Лицемеры, съели человека, а теперь ездят к нему на могилку с цветами...

Думаю: как это нашим девицам после университета удастся зацепиться за Францию? Одна живет даже в Париже, другая – где-то возле Лиона, еще одна в Люксембурге... А еще одна, говорят, стала любовницей даже князя Монако. Лично моя «розовая мечта» - это Яна Гамалия. Ну и что же, что вышла замуж на Восток куда-то. Хоть не за красавца, этого пакистанского миллионера, зато живет с ним то в Париже, а то, говорят, в Женеве. И представляет почему-то Украину в ЮНЕСКО. Это он так мозги всем пудрит – миллионер пакистанский. Может, и сделал ей это все за свои миллиончики, за деньги все можно.

Стук в дверь. Входит бабушка – мамина мама, Авдотья Федосовна, Жанеттина бабушка. С сумарями наперевес.

ЖАНЕТТА (*обрадовавшись*). Ой, бабушка! Авдотья Федосовна! Голубушка! Родная моя деревенька!

Бросается на шею к ней.

А это что у тебя? Ах, это гусь? Какая важная птица, длинная шея! Прямо князь из Монако, маркиз.

Гусь стоит, охлопывая себя крыльями, посреди кухни.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*оглядываясь*). А где ж твоя мама, внучечка?

ЖАНЕТТА. А в поликлинике, где же?

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*сделав большие глаза*). Как в поликлинике?

ЖАНЕТТА. С сердцем. Она у нас ведь сердечница.

АВДОТЬЯ ФЕДОСОВНА (*улыбаясь сквозь слезы*). Любит вас, любит, вот и сердечница!.. А это тебе, дочечка (*лезет она в карман и сует пакетик в руку Жанетты*). Леденцы, твои любимые!

Пензию вчера получила да прямо сюды к тебе, лётмя летела. Вот еще тебе – сто рублей, все же в вузе учишься, помогать надо. На книжки всякие, на учебники.

ЖАНЕТТА (*улыбаясь*). Вместо книжек теперь Интернет, называется. В век компьютеризации для дегуманизации. А конфеты бывают шоколадные, бабаевские.

АВДОТЯ ФЕДОСОВНА (*всплеснув руками*). Это что же такое, дочечка? Кто такой Бабай - Интернет?

ЖАНЕТТА. Это, чтобы Париж отсюда было видеть, Эйфелеву башню.

АВДОТЯ ФЕДОСОВНА. Какие навучные дети пошли, вот наука чего достигает!

ЖАНЕТТА (*в сторону*). А это на Париж себе будем откладывать.

И кладет бабушкины деньги отдельно в своем кошельке.

Сцена третья

Та же Жанеттина комнатуха. Жанетта Бредецкая спит, разметавшись. Вскрикивает вдруг, озираясь.

ЖАНЕТТА (*под нос себе*). О Господи! Опять этот сон! Наваждение какое-то, ужас! Мама! – кричит она в соседнюю комнату. – Ах да, мамы нет, еще вчера ушла в поликлинику, и ее там оставили, госпитализировали. Скорее всего, в городскую положили больницу, в Семашку... Эй, братик! Где отчим? Ах, нет его, с вечера еще не приходил?

Встает решительно и проверяет дверь: заперта.

ЖАНЕТТА. А где же тогда этот проклятый старик? Куда хоть запропастился? Ведь был же ночью, являлся, рвался ко мне сюда. Грязные эти его липучие лапы, - я чувствую их на себе до сих пор. Чесночное дыхание, сивухой прет. Чем хоть они закусывают, эти сантехники? Неужто у них от природы отвратный такой, смертный дух изо рта? Вот еще претендент! Что вообразил: за какие-то пару сотен я впущу его и себе на всю ночь, будет лапать меня, лобзать... Так, крючок на двери, плюс внутренний замок, ключ в скважине. Нет, скважины в ключе нет, ключ в скважине... Что это я, неужто крыша едет? Прямо какой-то ужас!..

Ну-ка, заглянем в соседнюю комнату: действительно, там только брат мой спит, на диванчике. Никакого отчима нет. Да, но все-

таки он был этой ночью, приходил ведь, мучитель мой. Неужто мог пролезть в форточку? В этот узенький форт – неприступную крепость, бастион нравственности, целостности моей территории. Да, он был тут, был все же, был. Вот следы его пальцев на плече, моем теле. Не-ужто это от металлических прутьев – изголовья кровати? Дыша духами и туманами, а не чесноком своим мне прямо в лицо... обещал на Париж десять тысяч. В гробу видала я даже и миллион – в рублях, в евро, в долларах... Какие мерзкие, долгоиграющие, прожигающие насквозь эти его мелкие глазки – бусинки, как электросварка...

Эй, братик! Отчим с вечера домой заявлялся? Ах да, я уже спрашивала. Не являлся... А мама где? Ах, да, госпитализировали, отправили на стационар... Значит, не было никого? Это сон мой, ее ужас, мой постоянный кошмар? Хоть бы бабушка, что ли, пожила тут, пока мама в больнице. Так нет же, приехала, сходила в больницу, проведала маму мою – свою дочку и цурюк, в деревню к себе, к своим гусям.

Уже рассвело. А на рассвете обычно спускается на крылышках ангел-утешитель, твоя «розовая мечта» - эта Яна, жена пакистанского миллионера, жительница Парижа, посланник Украины по культуре в ЮНЕСКО. И что она скажет тебе, Жанетта, сегодня, сию минуту, сейчас?

На фоне окна возникает слегка танцующий призрак. Тянет сюда к ней свои длинные руки, и руки эти почему-то сантехника, отчима, и тянутся, вытягиваются они, делаются все длиннее – сюда от самой двери.

ЖАНЕТТА (*отмахиваясь*). Чур-чур! Это не ты уже, Яна – Гамалия, пакистанская миллионерша, а другая подружка – Нинон, тоже Шмарикова. В прошлом году после выпуска ее тоже послали во Францию на стажировку, откуда она не вернулась. И она, говорят, там вышла удачно замуж, теперь так же в Париже. Сама себе сделала карьеру, без всякого рекомендательного письма...

Стук в дверь. Молодые, резкие, разрозненные голоса.

ЖАНЕТТА (*в сторону, про себя*). Кто бы это? Ах да, это студентки, моя группа – «5 ПГ (парижские скважины)». Чего это вы в такую рань претесь, девочки? Я еще не одета.

ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ. Хватит дрыхнуть! Французы приехали,

нас ждут. Прием гостей, распределение поручений. Венера звонила Кирюхиной по мобильнику, послала вот за тобой.

ЖАНЕТТА. Я-то хоть зачем? Без меня, что ли, не обойдутся? (*В сторону, веселее*). Значит, и я понадобилась. Однако куй железо, пока горячо. (*И громко туда, за дверь*). Сейчас, девы! Дайте рожу хоть сполосну. А денежки брать?

ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ (*в один галос*). Ну, а как же!

ЖАНЕТТА (*туда им за дверь*). Ладно, гоните к Венере, я вас догоню.

Остается одна, стоит какое-то время в оцепенении. Смотрит в угол комнатушки, откуда иногда является призрак Яны – Гамалии, подружки, ее двойника. И тут вслед за Яной – женой пакистанского миллионера – возникает другая картина.

ЖАНЕТТА. Глядите, белый парус! Лазурный берег, призрак князя Монако. И это я там где-то, тоже княгиня, принцесса на горошине, Д'Артанян в юбке... И вот уже я напротив знаменитого замка Ифф. И где-то там же поблизости этот гениальный юноша – великий поэт Артюр Рембо, похороненный в яме для бедных... И все они: князь Монако, Д'Артанян в юбке, Артюр Рембо, все они заключены в одном ком-то, кто идет сюда сейчас этой легкой, танцующей, развинченной походочкой... Нет, это не отчим, а живой Абрамович в Монако и его белая, ослепительно белая яхта...

Дверь открывается – конечно же, это сантехник, отчим ее, Плутарх – первопричина ее ночных кошмаров и дневных потрясений.

ПЛУТАРХ. Ты еще не ушла? Эти на лестнице ждут тебя. На, вот тебе еще двести тугриков, с утраца подкалымил.

ЖАНЕТТА (*кивнув за дверь*). И кто же там?

ПЛУТАРХ (*иронично*). Подружки твои – «парижские гейши». Кадры Венерины. (*Смеется*). Хорош товар, экспорт-импорт. Не Венера, конечно, но венерическое в них что-то есть.

ЖАНЕТТА. Заруби себе на носу: друзей в интеллигентских кругах не бывает. Есть только общие интересы.

Жанетта выходит за дверь. На площадке – вся ее группа «СПГ («парижские гейши»)». Непривычно тихие, словно кем-то ушибленные. И вдруг словно черти раздирают Жанетту.

ЖАНЕТТА (*отчаянно, на всю лестничную площадку*). Ну что, девочки! Венерину любимую, что ли, какую поет Агузарова?

Ах, Калифорния – рай...
 Шампанское и ананас, -
 Рекой польются деньги...

Вот они, денежки (*трясет Жанетта кошелечком*). Венере на шампанское...

ДИМА ЕРОХИН (*появляясь в дверях и подхватывая вместе со всеми*).

За дипломы и апломбы,
 За дипломные,
 За сезон дождей, дожди обломные...

ЖАНЕТТА. Вы зачем здесь, Дмитрий Васильевич?

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Венера послала. Вас проконтролировать.
Не обращая внимания, девицы подхватывают хором на все общежитие:

Эх, Калифорния – рай...
 Рекой польются деньги...

ПЛУТАРХ (*просунувшись в дверь*). Звезды, чего спать не даете, дуры! В каждой сидит ночной человек, Венеры Милосские!

Сцена четвертая

Перед спектаклем. У входа в провинциальный театр. На ступеньках Жанетта Бредецкая с алой розой в руке - над головой. Высокая, стройная блондинка, с распущенными кольцами волос по плечам. Она пришла сюда первой и замерла в ожидании гостей из Реймса. Их должен привести сюда Дима Ерохин, Дмитрий Васильевич. С утра водит французов по городу, показывает местные достопримечательности.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Почему его-то назначили? Формальный подход: доцент, язык знает? Зато она - женщина. В театр Инна пригласила не кого-нибудь, а тебя! Это ее идея, у нее связи с артистами. Они дают контрамарки Инессе. Гостей – четверо: трое студентов и один, кажется, молодой преподаватель... Эрик, Эрик Шансон, кажется... Конечно то, что Дима водит гостей по городу, - заслуга Инны Алексеевны. Дмитрий Васильевич в недавнем прошлом – студент, тоже их выпускник. Именно у Инессы Дима писал курсовые, диплом. И именно Диму Инна Алексеевна натаскивала по переводу. Инна Алексеевна – талант, гений разговорного языка, у нее это в крови. А ведь ни разу не бывала

во Франции, в прежние времена была у Сливончика невыездной. Зато детей начальства, кого надо за границу отправить, Сливончик пристраивает именно к ней. Щепетильна, антикоррупционна, берет плату строго по таксе...

Жанетта переступает с ноги на ногу, еще выше поднимает над собой алую розу, собираясь, стоя на порошках, кого-то приветствовать. Но это другая группа, другие студенты.

ЖАНЕТТА (в сторону). Бьюсь, как рыба об лед, работаю над языком, а все как в песок. Если всерьез строить жизнь, рассчитывать на Париж, без Инессы не обойтись. Однако она на меня ноль внимания. Это первый звоночек – приглашение на спектакль... шанс надо не упустить...

Неожиданно откуда-то сбоку возникает раскрасневшаяся Инна Алексеевна. Несмотря на возраст, она, как всегда, элегантна. Сколько ни бывает французов на кафедре, именно ее выделяют, признают у нас тут настоящей француженкой.

ЖАНЕТТА (бросаясь к ней с розой). О, вы, Инесс, как всегда, «комильфо»!

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (сдержанно). Розочку, ма шер, побереги для гостей, вручишь господину Шансону. А волосы могла бы и не делать так вот, мелким «барашком».

ЖАНЕТТА (потупя взор). Но, Инна Алексеевна, дорогая, я же красивая, да? Смотрите, какая я высокая, стройная, какие у меня ровные, длинные ножки и фигурка ничего себе... А сколько у меня поклонников...

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (заканчивая фразу). И не разбрасывай волосы откровенно так по плечам, моя дорогая. Сдержанность – принцип... А-а, вот и сам господин Эрик Шансон... Как это мило зовут вас, шарман, музыкально, сама музыка слова, се бьен.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Инна Алексеевна говорит быстро-быстро, сыплет горохом, однако по-русски. Ерохин, который целый день водит гостей по городу, не выходя из роли, говорит уже по-французски.

ГОСПОДИН ШАНСОН (в длинном белом пальто, улыбаясь). Первый день, и прямо в театр.

Дима Ерохин пытается провести рукой по блестящим кольцам волос на плечах Жанетты.

ЖАНЕТТА (отстраняясь от него, бросается к господину

Шансону, подает ему розу). Си ль ву пле, месье. – Это для вас, Эрик.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

Так и сидели они в полукруглом уютном зальчике театра подвое: Жанетта с Эриком, Инна Алексеевна с Димой Ерохиным и где-то, двумя рядами выше, остальные французы – из департамента Шампань-Арденн.

Кажется, ставили классику – Бунина или Тургенева. Расковавшись и для себя неожиданно, Жанетта пытается говорить быстро-быстро, почти как Дима Ерохин. Сама не совсем понимая, о чем она говорит. Только бы не молчать, не перервать ниточку, тоненькую такую, возникшую между нею и им.

ЭРИК (*держит ее руку в своей*). Кто вас так назвал – Жанетта? Это что – в честь Жанны Д'Арк?

ЖАНЕТТА. Моя деревенская бабушка, она у нас словотворица.

ЭРИК. Как это... словотворица? Экривен – писатель, она артистка, художник?

ЖАНЕТТА. Взяла два слова и сделала одно: ЖАННА и АНТУ-АНЕТТА.

ЭРИК. О, Антуанетта – королева Франции с печальным лицом. Зачем так печально?

Так и сидели – вдвоем, молодые, уже не слушая никаких слов со сцены. Просто не было никакого спектакля перед глазами, были у каждого свой спектакль, своя драма в душе.

ЖАНЕТТА. Реймс – это еще и Артюр Рембо, неспа – не так ли?

ЭРИК. Шалон – главный город департамента. Прах поэта перенесен из Марселя сюда (*читая на ушко ей*).

Вот «**Зимние грезы**» Рембо.

«Зимой мы едем в розовом вагоне,
Подушки голубые для меня в раю!
И я ищу губами под покровом
Уж вечера ту спутницу мою».

«**Первый вечер**».

«Она была раздета взглядом,
А за окном деревья наги.
И это было рядом, рядом,
И близко-близко на бумаге».

После спектакля Жанетта Бредецкая бросилась провожать Эрика в его резиденцию – общежитие университета. И провожала его до утра.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*на другой день после спектакля, спрашивая Жанетту*).

Что такое классика, знаешь?

ЖАНЕТТА (*подумав*). Раздельно. То и то. Театр и кафедра, игра, но раздельно. Это - радость! А то – удовольствие. Это в нас, а то – в них. Никогда не насытятся, все им мало (*вздыхнув*).

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Ты – счастливая, еще молодая. Но уже разочарованная. Прошла через все.

Сцена пятая

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. *Заседание кафедры. Как всегда, рутинные, учебно-методические вопросы и, как всегда, после всего чей-нибудь День рождения. На сей раз опять двух Татьян: секретарши Кирюхиной и доцента Базельской. Тайный ход Велиховой: чтобы вопросы прошли перед тем без сучка, без задоринки.*

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*энергично*). Итак, в конце концов, все решено, отражено в протоколе. Кто «за»? Кто «против»? Кто «воздержался»? Принято единогласно... С французами небольшой нюансик. Инна Алексеевна, после театра господин Шансон куда-то исчез. Официально поехал в Москву, а его видели в соседнем регионе. В гостинице, в какой-то рабочей одежде, с накладными усиками.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Шпиономания какая-то! Все нам шпионы мерещатся!

ГОЛОС ИЗ-ЗА СПИНЫ. Да не шпиономания, не сети шпионажа, а рыбка в сетях... Видели, говорят, там же и в то же самое время – кого бы?

ГОЛОСА ЧЛЕНОВ КАФЕДРЫ. Да кого?.. кого бы?.. кого?..

ТОТ ЖЕ ГОЛОС. А нашу студентку... Жанетту Бредецкую... Браво, скандал какой-то, международный конфликт.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*строго*). Вы что – с ума посходили? Нам это нужно?

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*туда же, в угол, где сидят ее постоянные сторонники - «сателлитки»*). Молчите, с придурью!.. Вам

спасибо за информацию, а вам, Инна Алексеевна, за позицию. Действительно, нам это не нужно!

И последнее (*уже другим тоном*). Подумать надо над списком: кого из выпускников посылаем во Францию, на стажировку. Теперь так: остальные из других вузов города. Хорошенько продумайте и внесите свои кандидатуры.

На другой день в рекреации факультета, встретив Жанетту и отозвав ее в сторонку.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Ну и где же ты была, Пенелопа? Семинар по лингвистике пропустила, как и лекцию по грамматике.

ЖАНЕТТА (*покраснев*). В деревне была у бабушки, бабушка заболела.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Передай привет бабушке, мама пусть выздоравливает. А сама завтра же приходи домой ко мне, телефончик мой знаешь? Спроси у Кирилла Лаврова или у Димы... Не гнись, в глаза смотри... Да бесплатно, бесплатно, ничего с тебя не возьму... Будем готовиться к Франции, конкуренция уже сточается.

ЖАНЕТТА (*оторопев*). Ясненько. (*И в сторону*). Хотя, конечно, как всегда. Утро туманное, все покрыто мраком неизвестности.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Еще через день. После занятий по языку студентки-выпускницы из группы «5 ПГ (парижские гейши)» доцента Базельской собрались, заметим, в отсутствие Жанетты Бредецкой. Тайком как-то - в уголочке, под лестницей. Сгрудившись, стоят, косятся на Дмитрия.

ДМИТРИЙ (*в сторону*). А вы уходите, опять донесете, что мы тут ее без нее самой обсуждаем, говорим про нее что-то не так. А вот давайте говорить так...

СТУДЕНТКИ. Да, девочки, видели, как она отвечала сегодня? На все вопросы та-та-та, как из пулемета.

- Ну и что?

- Как что? Кто-то с ней занимается.

- Ну и что, что! Все за денежки занимаются, даже у Велиховой есть дипломники.

- Ну нет! Если кто-то имеет доступ к вопросам, то на зачетах, экзаменах кто мы тогда, а? Дуры набитые, дубиноголовые...

- Кто же с ней занимается? Классный кто-то.

- Латынянка, небось, Инесса.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Рынок, а у вас тут базар. Свободное развитие каждого – свободное развитие всех. Либерте, эгалите, фратерните – свобода, равенства и братство.

И еще через день.

ЖАНЕТТА (*устало*). Понедельник – тяжелый день. Хотя, по гороскопу, тяжелым бывает и вторник.

Раскрывает сумочку, заглядывает вовнутрь.

Ну-ка, что это? Конверт, письмо. Кто это ей подсунул? Ага, на конверте печатными буквами: «Жанетте Бредецкой». Написано левой рукой.

«Проститутка ты. Спишь со всеми подряд: с отчимом, бароном - барменом из бара напротив, а теперь и с французом этим – маркизом. Дождешься, сука! Когда-нибудь подохнешь от СПИДа».

Из конверта к ногам ее падает – что это? – презерватив.

ЖАНЕТТА (*схватившись за грудь*). О Господи! Кто же это? Отчим? Да, но откуда он про французов-то знает? Это кто-то из группы – «парижские гейши». Пять лет локоть в локоть просидели, наконец, узнаем друг друженьку...

Сумочка выпадает из рук Жанетты. Нечем дышать Жанетта упирается лбом в стенку, в дверной косяк.

ЖАНЕТТА (*не сдерживая рыданий*). Да за что они меня так? Что я сделала им такого... Боже! Сколько же в мире зла! Сколько ненависти! Так же нельзя! Просто жить невозможно так... кровью других!

Жанетта бьется о стенку головой, стекла дрожат. Слава Богу, в рекреации никого. Дело к пяти - обычное время заседания кафедры.

Сцена шестая

Рекреация факультета романской филологии. Объявление на двери: «Заседание кафедры французского языка по техническим причинам переносится на следующий понедельник.

Зав. кафедрой, доцент В.В.Велихова».

Жанетта тупо смотрит на дверь. Появляется латынянка Инна Алексеевна:

- О темпэра, о морис! О времена, о нравы!

И уводит Жанетту отсюда куда подальше, на улицу.

ЖАНЕТТА (*одна*). На меня тучи надвинулись. Дома насели, давят улицы, город горит всеми своими окнами, все тычут в грудь тебе, насмежаются: «Гейша, проститутка». Уехать, забиться в угол где-нибудь на Тихом океане, скажем, на островок Питкерн, где до сих пор живут потомки капитана Блая со своими метисками. Во второй мировой войне, когда Япония потерпела поражение, вход себе в те же страны Юго-Востока, к их подземным кладовым, она пробивала своими гейшами... Как у Пуччини, в опере «Мадам Батерфляй...»

Еду вчера в троллейбусе, а по стенке у старого магазина свастика аршинными буквами, вопли, призывы, проклятья. Свастика – это борьба партий, предвыборная кампания: «Страна без президента», «Общество без культуры», «Литература вне системы», «Поточное производство бомжей». Попытки цензуры... демократия сменяется анархией и даже монархическими лозунгами...

Кажется, все это сумасшествие во мне самой, все это из-за меня. Что-то во мне не так, стрелки не туда повернулись. Хочется закрыть голову руками и не смотреть никуда. Раньше этого за собой не замечала. Группа моя, эти «парижские гейши» дали понять. Это они подбросили мне письмоце...

Я не хотела этого, не хочу! Не люблю переворотов, потрясений! Хочу просто жить в стране, просто учиться, просто быть - девушкой, женщиной, матерью. Хочу просто иметь детей, воспитывать их, растить, быть спокойной за их будущее. Но те продвигаются на Восток, а эти вопят, те и другие продаются, наживаются... Там на Мальте – дома, тут – запасные аэродромы... спецназ – внутренняя полиция...

ЖАНЕТТА (*возникая опять перед дверью все с тем же объявлением о заседании кафедры*). Что это я? С ума схожу, что ли? О чем я? Какой-то бред.

В понедельник будут решать судьбу мою – посылать меня во Францию или не посылать? Господи! Хоть бы кто-нибудь словечко замолвил... Не хочу никаких политесов, не хочу, не хочу! Надоело, сыты по горло, пусть выбирают в Госдуму, хоть кого, без меня. Я лично на выборы не собираюсь...

Через день. Утром. Лежа все там же, в своей постели, в той же позе, в своей комнатухе.

ЖАНЕТТА (*сладо потягиваясь*). Явь это или опять разыгра-

лись фантазии? Какой же он обходительный, интеллигентия на босу ногу! Все шито-крыто. Свое, родное! Инесса говорит, русофобия это. И все-таки черные, восхитительные глаза! Так и ловит вопросы, понимает тебя с полуслова. И опять позвонил с утра по мобильнику. Вчера бродили по городу, заходили в кафе, правда, за мороженое платила я... Опять была с ним в гостинице...

«ОН. Какая у тебя молодая, шелковистая кожа. Я обожаю тебя, просто с ума схожу по тебе, Жанетт.

ОНА. А у тебя упругие, сладкие губы.

ОН. Хочешь, я прочту тебе стихи?

ОНА. Твои?

ОН. Одного русского, он написал их одной нашей студентке.

ОНА. Хочу... я хочу... я хочу...

ОН (читая слегка нараспев).

«Мы встретились, чтобы расстаться,

Друг друга боясь полюбить.

Француженка – тонкая грация

Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,

И будет окончено все.

О, это различие в нациях!

Вы, русские, странны, мусье...

Подрагивала паутинка

В ее пикардийских глазах...

Вот так и стоит среди зноя

С цветами, как огненный флаг»...

Кто это написал? Русский, кажется, Дмитрий? Да, да, Жанетта, это написал Дмитрий Ерохин. Кажется, так».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. *Еще через день. Понедельник, семнадцать часов. Заседание кафедры. Как обычно, вначале говорят о зачетах, подготовке к экзаменам, о курсовых, дипломных работах.*

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (после паузы). И последнее: о кандидатурах для поездки во Францию.

Открывается дверь. Широко улыбаясь, появляется господин Эрик Шансон. Венера Васильевна вскакивает и с распростертыми руками спешит навстречу гостю.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*делая широкий жест*). Может, наш друг из Франции хочет что-то сказать?

ГОСПОДИН ШАНСОН (*в нерешительности*). Бьен сюр, безусловно, конечно, если позволите.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Се серген, разумеется.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*сделав паузу*). У меня один маленький, как это, вопросик: почему человек с хорошим... как это... языкознанием, как... как Инна Алексан...

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*услужливо*). Инна Алексеевна, да?

ГОСПОДИН ШАНСОН, О да, да! Инна Алексеевна. Почему ее, как это... уходят на пенсию, так? Она говорит, как француженка, бьен.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Ну, это поправимо. Как раз распределяем нагрузки, все это мы предусмотрим.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*улыбаясь*). Се ту – все. Же вузем, желаю приятного отдыха (*обращаясь к Венере Васильевне*). Жатанд. Я жду вас... как это... в деканате.

Уходит.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*смотрит длительно вслед*). Ну, и какие предложения?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Первой предлагаю Бредецкую. В последнее время студентка много работала, я занималась с ней лично. Для карьерного роста ей просто необходима поездка в страну носителей языка.

И тишина.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*подбирая слова*). Вы так считаете?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Да, так считаю.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Никто не возражает, нет? Кого еще посылаем? Давайте определимся со второй кандидатурой.

ГОЛОСОК (*из угла, где сидят «сателлитки», кажется, голос Базельской*). Кирюхину давайте пошлем.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА. Кто против? Никто. Рекомендуем Бредецкую и Кирюхину. Повестка дня исчерпана. Мои дорогие, переходим к активному отдыху.

Сцена восьмая

Остановочных пункт километрах в пяти под городом. Жанетта и Дмитрий Ерохин только что вышли из электрички. До села, сельской школы, где Бредецкая подрабатывает на полставки, еще километра три. Уезжая во Францию, Жанетта хочет представить Дмитрия директору вместо себя, чтобы ее отпустили без проволочек

ЖАНЕТТА (*шурясь на солнце*). Видишь, какое красивое название остановки – «Светлая жизнь»! И дорога красивая. Вон за теми деревьями сразу же пруд. Прудочком, берегом, берегом – тут и школа. Деревенские дети благодарные, славные, не то, что городские – непоседы, бандиты. Я люблю детей своих, жалко их, Дима...

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Всего на месяц? Ну, может, на два, не спа – не так ли?

ЖАНЕТТА (*приостанавливаясь*). Не знаю, не знаю... Может быть, может... (*Вздыхнув глубже*). Покидаю, Дмитрий Васильевич, родные края, а на сколько – не знаю.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*оторопев*). А к-как же м-мы с тобой будем, Жанна?

ЖАНЕТТА (*рассмеявшись*). Ну, что вы, Дмитрий Васильевич! Может, скажете, что любите меня? Имеете серьезные намерения?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, имею. А что, если я директором тут окажусь, что тогда?

ЖАНЕТТА (*расхохотавшись*). Сначала машину купи. Чтоб я пешком тебя сюда не водила.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, и куплю.

ЖАНЕТТА. Знаешь, Димочка, сколько надо... тут пробыть директором... чтобы занять элементарный кабриолет?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Все шутишь, а я ведь всерьез.

ЖАНЕТТА (*ерничая*). Жанна – Жаня, так меня еще никто не называл.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Открою секретец: у меня уж почти готова докторская, ты ведь знаешь, какой я упертый.

ЖАНЕТТА. А я Д'Артаньян в юбке. Поставила себе цель: Париж завоевать. Для чего, по-твоему, поступают люди на французское отделение?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Деньги решают все. Хоть сто квартир покупай в Париже.

ЖАНЕТТА. Вот видишь? Им, значит, можно острова покупать, а нам и в Москве нельзя «прописаться»? Какие же это «либерте», «эзалите» и «фратерните»?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. И кому это «им»?

ЖАНЕТТА. На днях передали по телевидению, кто-то из наших купил дворец в Лондоне. Второй после Вестминстерского.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что – во француза втрескалась? Так бы и сказала: влюбилась, мол, по уши в этого шансонье... в Джо Дассена, Жака Бреля, Ива Монтана... во все Елисейские поля...

ЖАНЕТТА (*кокетничая*). И в Эйфелеву башню.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*превращаясь в мальчишку*). А про артистку одну не слыхала? Тоже русская, вышла замуж за «Мулен Руж». И родилась у нее там девочка. И вот у гейши что-то там не заладилось... с «Мулен Руж» этим. Костюмчик один чего стоит: килограммчиков семьдесят – а ну на себе потаскай. А порхать надо бабочкой! Вот она и цурюк назад – в Россию, а ей дочечку роденькую, того, не отдают. Говорят, тут родилась – значит, наша, французенка, имеет французское гражданство...

ЖАНЕТТА. Бабушка, Дима, надвое сказала.

ДИМА КРОХИН. Чья бабушка – твоя? Гуси Рим спасли?

ЖАНЕТТА. А меня спасать не надо. За мной, мальчик, не гонись.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

До школы они добирались порознь. Она – одним берегом пруда, он – другим. Встретились уже в кабинете директора, где и заключили временное соглашение. Однако нет в мире ничего временного, чтобы не стало в конце концов вечным. Но вечны у людей только Любовь, Свобода, Равенство и Братство.

* * *

Площадь перед университетом. Почти уж толпа собралась: из ректората, студенты, родители.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Во Францию отправляется частный автобус, двухярусный «Икарус». Зафрахтован студентами, едущими на стажировку, и туристами. Едет народ предприимчивый,

шустрый: хватануть воздушку за «бугром». Для товара в автобусе выделен специально грузовой отсек. Каждому пассажиру дается еще одно место рядом. Жанетта, например, доверху наложила книг – свои любимые, самые-самые. Кирюхина отдала свое место Венере Васильевне. Кроме студентов, та прихватила всяческий «дефицит»: главное – уютги, чтобы «гладить» Европу вдоль и поперек.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА (*пропуская Жанетту на переднее место*). А то такой анекдот – старый, но, по-моему, подходящий. Значит, так. К случаю. Так вот, собралась за границу компания: два еврея – для коммерции, два грузина – для инерции, два бурята – для заполнения штата и один русский (это я водитель) из другого клана – для выполнения плана.

ВЕНЕРА ВАСИЛЬЕВНА (*строго, автовладельцу*). Гляди, дорогой, в оба. А то не дай бог бутылки нам тут переколотишь... с «рашен водкой»...

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА (*выглянув в дверь*). Ого! Сколько народу! Вся площадь забита. Во Францию, глядите-ка, как на фронт провожают.

ПАССАЖИРЫ (*с разных мест*). Типун тебе на язык... Вот и дождь забусил – побежали слезки по окнушкам, брызги какие-то...

ЖАНЕТТА (*бросаясь к двери*). Вон она, мама моя, мамочка! Прощай, моя дорогая, любимая!

Выбегает из автобуса. Перед Жанеттой возникает отчим. Пытается притянуться ее к себе, чмокнуть в щечку.

ЖАНЕТТА (*оттолкнув его*). Мама где, мамочка?

ОТЧИМ (*растерянно*). В Москву увезли... на профилактику...

ЖАНЕТТА (*в толпу*). Прощай, Родина! Русские гейши рванули в Европу!

Заметив Дмитрия Васильевича, стоящего в отдалении.

Глаза-то какие! Просто дождь, просто ливень. Прощай Димон, Димочка! Позади Москва, впереди – Париж... Ливень, ливень, капли жемчужные, брызги французского...

Сцена первая

Париж. Елисейские поля. Маленькое кафе с видом на «Мулен Русс». За столиком – двое: Жанетта Бредецкая и Эрик Шансон. Наконец-то они вместе и где – в самом сердце Парижа. Сидят за столиком, молча смотрят в глаза друг другу. Хотя обоим много о чем надо сказать.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Как в знаменитой сцене Штирлица: встрече с женой. Вся музыка в нас.

ЭРИК (*оживясь*). Музыка, муза? Да, да. Се ля ви, это так.

ЖАНЕТТА. «Семнадцать мгновений весны», синема, ты смотрел?.. Ан, де, труа... дис сет – семнадцать... мгновений.. ди прантант – весны...

ЭИРК (*улыбаясь*). О ляля! (По-русски). «Семнадцать мгновений весны.» Я – русский разведчик, шпион, а ты – Мата Хара? Но нам хорошо? Хорошо, Жанетт? (*Запевая*). Се си бо...

ЖАНЕТТА (*улавливая и подпевая*). Ноги тоже ажур.. та-та, та-та, та-та...

ЭРИК. Мы кого-нибудь ждем?

ЖАНЕТТА. Почему?

ЭРИК.Ничего не заказываем.

ЖАНЕТТА. Гамалия – моя русская подружка, моя розовая мечта. Между прочим, живет тут, в Париже. Она посланник ЮНЕСКО от Украины.

ЭРИК. Пур куа – почему от Украины?

ЖАНЕТТА. Муж ее – пакистанский миллиардер.

ЭРИК (*смеясь*). О, как это по-русски... Прихоть? Да? Что хочу – то ворочу, так?.. Официант! Розового шампанского...

ЖАНЕТТА. «Мадам Клико».

ЭРИК. Какого года?

ЖАНЕТТА. Года твоего рождения, шер – мой дорогой.

ЭРИК. У меня нет дня рождения. Я родился между годами, в високосном году. У меня свой календарь... ты меня понимаешь, ма шер – моя дорогая?

ЖАНЕТТА. Еще бы! У меня один друг в России... да ты его знаешь – Дима Ерохин, Дмитрий Васильевич, он водил вас тогда по городу... У него тоже такой календарь. Составлен кем-то на

конкурс... тоже ЮНЕСКО... идеальный календарь – для всех народов, религий и рас...

ЭРИК (*смеясь*). И для меня?

Принимает из рук официанта шампанское, ставит бутылку на столик между собой и Жанеттой.

ЖАНЕТТА (*шутливо щелкая его по носу*). Конечно, и для тебя, мой мужчина.

ЭРИК. Какая у тебя нежная, шелковая кожа (*жмурит глаза от удовольствия*).

ЖАНЕТТА (*вскакивая*). Как я счастлива, как я счастлива, представляешь?! Я в Париже, на Елесеиских полях! В окно вижу «Мулен Руж»... где-то рядом «Сакре кер»... Я тут с тобой, любимый... Уди-ви-тельно, как во сне...

ЭРИК. Все двенадцать месяцев по тридцать дней. Плюс к каждому поквартально еще один день – всего 364. В конце года – перед Первым жанвье (*января*) еще один день... А я родился в високосном году: это еще плюс один день, Жанетт...

ЖАНЕТТА. Я знаю, знаю! Это раз в четыре года, летом – между июнем и июлем... нулевой день...

ЭРИК. О! Я как раз в такой день и родился. В никакой. У меня нет дня рождения целых три года. Представляешь? Целых три года друзья платят за меня в кафе в свой день рождения, когда поднимают тост за мое появление на свет, ха-ха-ха.

Жанетта молча смотрит на дверь.

ЭРИК. Моя дорогая, ты чем-то обеспокоена?

ЖАНЕТТА (*часто моргая*). Соринка, что ли, в глаз попала? Или подвернулась ресничка?.. Мне почему-то вспомнилась Франсуаза Саган, ее роман «Немного солнца в холодной воде». И я, как Натали Сильвенер, тоже провинциалка в Париже, даже глубже – я из России... мне грустно...

ЭРИК. Но почему? У тебя много солнца, и ты совсем не в холодной воде, ты со мной.

Эрик берет левую руку Жанетты и прикладывает ее к своей груди, к сердцу.

ЭРИК. Слышишь? Она горячая, эта твоя люазо – птичка.

ЖАНЕТТА. Натали Сильвенер закончила, как наша Анна Каренина... тоже под поездом...

ЭРИК (*обеспокоенно, оглядываясь вокруг*). Почему все сидят,

не танцуют? Официант, кельнер! У вас есть музыка? Что-нибудь русское... «Очи черные»...

ОФИЦИАНТ. Только это: «По Дону гуляет казак молодой»... «О чем дева плачет, о чем слезы льет?»

ЖАНЕТТА (*оживясь*). Нет, нет, это песня наших дедушек, бабушек. Вот!

Достает из сумочки мобильник. Включает.

Ага, из «Серебряного века»:

«Ананасы в шампанском,
Ананасы в шампанском...
Крылолет буеров...»

Нет. Вот. Песня Агузаровой. Мы поем ее даже в студенческой аудитории, в перерыве между парами.

«Эх, Калифорния, Калифорния,
Рекой польются деньги...»

ЭРИК (*наклонясь к Жанетте, через столик*). А это что у тебя? Кес-кесе – что такое? Зелененькое.

ЖАНЕТТА (*слегка смутившись*). Это? А-а (*махнув рукой*). Это доллары, фальшивые. Все девочки наши – парижские гейши – носят такие в сумочках. На счастье, как талисман.

ЭРИК (*смеясь*). О, бонэр, бонэр. Фальшивые деньги. Пакистанский миллиардер и фальшивые доллары... На, возьми от меня сто евро – настоящие.

ЖАНЕТТА (*отстраняя его руку*). Мне Гамалия принесет, сколько хочешь. У нее такого добра куры не клюют.

ЭРИК. Почему «не клюют»?

ЖАНЕТТА (*рассмеявшись*). Потому что это наши куры, русские, а у вас Галльский Петух все клюет. Все подряд, подчистую. И все ему мало, мало.

ЭРИК. А у вас всего много?

ЖАНЕТТА. Се сертен, конечно. Один Красноярский край – семь Франций по территории. От Китая до Северного полюса.

ЭРИК. Как оживилась ты! Глаза горят, щечки розовые. Та птит пюс, делье де синь – как эта блондиночка моя, голубоглазая...

ЖАНЕТТА. Да, оживилась, рада! Вон и моя подружка, видишь, стоит у двери? Какая красавица! Гамалия – жена пакистанского миллиардера, она же Яна Шмаренкова – двойник мой, моя розовая мечта.

Сцена вторая

Реймс, департамент Шампань – Арденн. Общежитие местного университета. В комнате двое: Жанетта Бредецкая и Наталья Кирюхина, обе из России, выпускницы провинциального университета, находятся тут на стажировке, переводчицы.

ЖАНЕТТА (*приподнимаясь в постели*). Господи! Опять этот призрак, что ли? Неясная какая-то тень моей мамы. Вошла в распахнутое окно, а вышла в закрытую дверь. Печальная, лицо какое-то зыбкое, водянистое, что ли. Рука на черной косынке, на перевязи, неужто сломала руку? Мамочка, мама, что с тобой, тебе плохо? Откликнись, тебя уже выписали из больницы или ты еще там, в хирургическом корпусе?.. Где я? Начинаю путать Россию с Францией, свой город с Реймсом, свой собор – Михаила-архангела - с Реймским кафедральным, готическим. Были в нем вчера с Эриком. Как и обещал, он повел меня туда, в этот собор, со знаменитыми цветными витражами – самыми выдающимися во Франции, а может, и в мире.

Надо же, тут короновали французских королей! Когда Эрик подвел меня к этому месту, я словно почувствовала на своей голове корону. Одна из русских княгинь – из Киева, что ли, – была когда-то королевой Франции. Господи, страшно подумать даже! Тут хотя бы вместе, рядом бы, заодно постоять под венцом с Эриком... Нескончаема традиция, кому как повезет. У Сальвадора Дали жена была русская – Ольга Хохлова, а у Пикассо – своя муза, свой идеал – Галла...

Мама, мамочка! Мама ушла в эту дверь, а цветные витражи Реймского собора – эти шедевры зодчества – так и остались стоять... А эта гейша дрыхнет, как ни в чем не бывало...

Жанетта с отвращением, почти с ненавистью, смотрит на Кирюхину Наталью – свою соседку по комнате.

Уже третьи сутки спит, как сурок. Никуда не ходит, ничего не видит. Таких русских тут, как и в Турции, зовут «Наташками». Представьте себе, я не Жанетт, а Наташка... Наших еще тут двое, этажом выше. Тоже на стажировке, правда, из другого университета. Остальные туристы в соседнем общежитии, менее комфортабельном. У Венеры комната на одну персону... они уже собираются уезжать, скоро уедут. Венера рыскает по магазинам, ищет вино – чтобы хорошее было и подешевле. Возит домой – в свой

университет, поит свою клиентуру...

Надо ей подсказать, где это: на самой окраине, от центра, по дороге на консерваторию, за Дворцом наций. В сорок пятом союзники, кроме нас – советских, тут подписывали первую капитуляцию гитлеровской Германии. Годовщина, что ли, какая – уже по городу развешаны флаги стран – победительниц...

Раздается сигнал мобильного – «Алкатель», французского производства. Исполняется неаполитанская песня «Скажите, девушки». Кажется, ее поет Лючано Паваротти, а там у них, дома, – Дима Ерохин, Дмитрий Васильевич, это когда он в хорошем настроении.

ЖАНЕТТА (*нажимая кнопку, автоматически по-русски*). Да, я слушаю (*тут же переключаясь*). Уй, же кут – я слушаю! (*обрадованно*). Эрик! (*тут же прикусывает язычок, с опаской смотрит на соседнюю постель, на спящую Наташу*). Сейчас выхожу, сейчас...

Быстро, быстро одевается. И, небрежно, мазнув по губам помадой, даже не взглянув в свое зеркальце, бросается к двери. На лестничной площадке останавливается.

ЖАНЕТТА (*хватаясь за голову, морщась*). Как бы могла выйти моя мама? Отсюда и прямо в Россию, из общежития в общежитие?

(*В сторону, более реально*). Эрик ждет меня в условленном месте. Где-то почти в зарослях, как он говорит, «Булонского леса». Мне кажется, в России наши отношения с ним были даже более легализованными. Там мы с ним гуляли по улицам, ходили даже в театр. Тут же он меня постоянно скрывает... Я как-то уловила, у Венеры мелькнуло: у него трое детей, и все трое – мальчишки дошкольного возраста. Он ими безумно гордится, во Франции любят детей...

Во всяком случае, где-то читала, сразу же после войны, когда надо было поднять демографию, сделать населению рост, перед женщиной с детской коляской, переходящей улицу, хоть полчаса на перекрестке мог стоять сам президент де Голль... Сейчас всюду «арабы», даже тут в общежитии – выходцы из Алжира, Марокко... Целые пригороды Парижа заняты ими, как гетто... А для простого француза город для проживания дорогой. Так говорит Эрик, так говорят все, в том числе и уборщица в их общежитии.

Она из Ливии, черную работу делают черные, белые – граждане Франции – получают субсидии. Система социальных выплат тут ахреновенна. Не работаешь год – платят, живешь безбедно, по-нашему даже хорошо. Подошел срок окончания выплат, поработал с месячишко – бросил. Опять перебираешь предлагаемые работы – не надо, не по тебе, не подходит, не по твоей натуре и квалификации... И опять то же самое, пошел на второй круг, на третий... И так до социальной пенсии, которая тоже ничего себе... Тоже не то, что у нас...

Ничего не скажешь, Европа, «золотой миллиард».

Жанетта зябко передергивается всем своим гибким телом, поднимает стоячий воротничок. Все же март – месяц, и тут еще холодновато. как подует с Атлантики.

ЖАНЕТТА (*морицась*). Пальто доходное уже, надо куртку купить. А-а, - машет рукой. – Обойдемся, пока молодая... Интересно, а сколько лет жене Эрика? Бальзаковский возраст – дело растяжимое... И все же, как зовут госпожу Шансон, ее имя? Тоже тайна, а спросить – стыдно, «берлинская стена», какую давно уж сломали, забыли, все иногда против нас. А те двинули на Восток. У них с Эриком «стены» нет, но что-то между существует, однако...

ЖАНЕТТА (*замечая Эрика за кустом дикого винограда и бросааясь к нему в объятья*). О, Эрик! Я не могу без тебя!

Сцена третья

Реймс. Общежитие университета. У входа стоит «Икарус». Завтра русским студентам во главе с Велиховой отправляются этим автобусом обратно к себе в Россию. Останутся только четверо: Жанетта Бредецкая с Натальей Кирюхиной и еще двое, из другого университета.

Появляется Жанетта. К ней тут же подбегают подружки из «5-й ПГ (парижские гейши)».

ОДНА ИЗ НИХ. Ой, Жанетточка, Жанна! У тебя деньги есть? Евро, евро. Мы иссякли. А тут такой «зайчик» подвернулся... ну шапочка, шапочка с ушками... в одном магазинчике. Вот, видишь? (*одевает*). И ей (*показывает на подружку*) такую же хочется. Двадцать евро, всего двадцать... Жанетточка, ну займи, дай двадцать евро. Мы тебе, как только приедем, сразу вышлем...

Как получим стипендию... у родителей выможем... ей богу, сразу же...

ЖАНЕТТА (*доставая кошелек, отсчитывает последнее*). Ладно, перебьемся. Все же кормят тут, раз в день обедаем. С голоду не помру...

ПОДРУЖКИ. Не помрешь, не помрешь. Вон какая ты толстощекая, и фигура тоже ничего себе (*подмигивая*), подходящая.

ЖАНЕТТА. У Велиховой бы просили. Вот у кого денег, небось, как в госбанке.

ПОДРУЖКИ. Все. Выдохлась наша Венера Милосская. Накупила вина в бочонках - на весь, говорит, университет, на весь ректорат, деканат... на все подкупы и содержания...

ЖАНЕТТА (*показывая глазами на службу из столовой*). Молчите, дуры! Они же все понимают. Уже какой сезон сюда ездим. Наблатыкались и они тут по-русски.

«Парижские гейши» убегают. Появляется, важно вышагивая, господин Шансон. Он тут мэтр, профессор, от департамента по науке, человек официальный. Эрик в длинном белом пальто и с тростью.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*указывая Жанетте тростью на стоящий у входа «Икарус»*). Как это... восвояси уже, а ля мэзон, домой?

ЖАНЕТТА (*вспыхнув*). А мы сейчас куда с тобой, Эрик? В собор? (*капризно*). Но, Эрик, Эрик, мы его уже посещали. Целых два раза (*показывает на пальцах*). И даже не постояли у трона, где королей у вас тут... венчали... Едем в Париж?

ГОСПОДИН ШАНСОН. Мы с тобой, авек туа, его посетили, как это... трижды (*показывает три пальца*). Едем тогда в Шолон - главный город нашего департамента. А там и в Шарлевиль, к нашему великому юноше - Артюру Рембо. Ты же любишь литературу, поэтов, неспа - не так ли?

ЖАНЕТТА (*кокетливо*). Мне один молодой человек рассказывал, ученый один... молодой...

ЭРИК. Дмитрий Васильевич, Дима?

ЖАНЕТТА. Ну, Дима, Дима. Только я его не люблю, я тебя люблю (*притягивает его к себе, целует*). Так вот, Дмитрий Васильевич ездил в Москву, в главную библиотеку России. Приезжал господин Майор из ЮНЕСКО... испанец... господин Майор -

гражданское лицо, не военный, просто такая фамилия. Господин Майор говорил, что Артур Рембо был похоронен в Марселе, в яме для бедных... в общей могиле... И этот факт стал достоянием общественности, пресса вмешалась. Теперь прах Рембо лежит тут у нас, на его родине, в Шолоне. Едем в Шолон...

ЖАНЕТТА (*решительно*). Едем! (*И в сторону*). Водит меня по закоулкам, кругами. Подальше от своего университета. Бойтся показать – француз, называется, первый любовник.

ЭРИК (*обеспокоенно*). Что ты, что-то не так?

ЖАНЕТТА (*дрожащим голосом, но радостно*). Так, так, шерри, мой дорогой. Едем в Шолон, идем в Шарлеруа. Урра-а! В зеленое кабаре.

«Я в восемь дней порвал свои ботинки,
Я в них сходил в Шарлеруа. И вот
Там, в кабаре зеленом, как с картинки,
Спросил я с ветчиною бутерброд».

ЭРИК. И кто это перевел? Все он, твой Дима, Дмитрий Васильевич?

Шолон – главный город департамента Шампань - Арденн. Жанетта подхватывает Эрика под ручку, стараясь идти с ним в ногу, попадает в такт его широкому шагу.

ЭРИК (*освобождаясь от ее руки*). Не надо, Жанетт, не играй.. как это, в русскую рулетку? Я тут фигура даже больше, чем в Реймсе. Я тут как это... начальник по науке от департамента. Департамент тут... при университете, а университет там...

ЖАНЕТТА (*смеясь, радуясь солнцу, ветру, своему ощущению свободы*). Я тут совершенно счастлива. Вообще, как Кармен, люблю Бизе, тореадора...

ЭРИК (*подхватывая ее за талию, держа перед собой*). А я – Пушкина, я – Алеко, люблю Земфиру, русских, русскую, тебя, шарман, моя дорогая.

ЖАНЕТТА (*освобождаясь от его объятий и становясь на ноги, на твердую почву*). А почему главный город департамента не Реймс – Реймская область, а Шолон?

ЭРИК. У нас имена департаментов – от рек, гор... Арденны...

ЖАНЕТТА. И Шампань, Шампань! Брызги французского...

ЭРИК. Regarg, видишь? Это старая мельница. Была никому не нужна, заброшена. Теперь это интерактивный музей Артюра Рем-

бо. Мы гордимся великим юношей. За три года в поэзии пройти три эпохи, третью - поэты мира никак не пройдут до сих пор... И разочарованный, горький, всего в двадцать лет, он бросил поэзию, уехал в Африку и занялся продажей оружия и работоторговлей... и умер от разочарований...

ЖАНЕТТА (*читая нараспев*).

«Такой счастливый, вытянул я ноги
Под стол зеленый. Просто созерцал
Сюжеты вышивки. Вдруг кто-то на пороге.
Глаза такие, блеск живых зеркал!
О поцелуй! Какой во мне живет...»

ЭРИК (*наклоняясь, целует Жанетту и уже за нее продолжает сонет*)

«Смеясь, она несет мне бутерброд!
Он с ветчиной, он на цветном подносе.
Розово-белый слой и пахнет чесноком»...
Вот и полянка за мельницей. Ландшафт.

В мгновение ока Эрик достает из саквояжа бутылку шампанского.

ЖАНЕТТА (*восхищенно*). Розовое – мое любимое!

И оба (*читая уже вместе, во весь голос*).

«Над кружкой пива облако пронесит,
Луч солнца золотится далеко».
Да здравствует Артюр Рембо!
Да здравствует все поэты Земли!
Либерте! Эгалите! Фратерните!
Жетэм.

Сцена четвертая

Дорога из Шарлеруа. На дороге двое: Жанетта Бредецкая и Эрик Шансон. Возвращаются в Шолон – главный город департамента Шампань – Арденн, путем, описанным Артюром Рембо.

ЭРИК ШАНСОН. Я уж забыл, когда и ходил пешком. А тут иду с тобой, и мне так хорошо.

ЖАНЕТТА. Поэт заставляет каждого вспомнить, почувствовать себя молодым, пережить себя заново.

ЭРИК. Что, моя дорогая?

ЖАНЕТТА. Эрик.

ЭРИК. Моя дорогая, о чем?

ЖАНЕТТА. Я, например, уже не ошущаю языкового барьера...

Эрик.

ЭРИК. Моя дорогая, у тебя соленые губы.

ЖАНЕТТА (*нараспев*). «Смеясь, она несет мне бутерброд!

Он с ветчиной, он на цветном подносе.»

ЭРИК. «Розово-белый слой и пахнет чесноком».

ЖАНЕТТА. Эрик! Я чувствую, это все скоро закончится... Они уедут сегодня, чуть позже и я.

ЭРИК. Ну, что ты, Жанетт! Я уже принял меры, оформил тебе стажировку на год.

ЖАНЕТТА. И Кирюхиной?

ЭРИК. Да, и Кирюхиной.

Пауза длится слишком долго. Гнетущая тишина.

ЖАНЕТТА (*наконец-то*). Весна-а. Видишь лесок? Он молчит! А у нас в это время леса полны птиц, и птицы поют, представляешь?

ЭРИК. Я понимаю. Тебе хорошо. Но ты как конфетка: в золотой обертке. А тебе хочется леса, свободы. Я знаю такое средство, оно одно... Но пока я не могу тебе этого дать. Отдадимся же власти стихии, жизни. Время покажет. Все поэты говорят: к таланту надо иметь еще и терпение...

ЖАНЕТТА (*оттопырив капризно губку*). Но почему, почему?

ЭРИК (*живо*). Что – почему?

ЖАНЕТТА. Артюр Рембо... ведь гений, а был так нетерпелив. Он же оставил поэзию.

ЭРИК. За три года поэт прошел три вечности, разве этого мало? «Пьяный корабль» - это целая жизнь, его Одиссея. Молодой, прекрасный юноша вокруг старушки Европы, Жанетт! Я не могу пока, не могу! Ты меня понимаешь? Это надо выстрадать... вдвоем с тобой, нет, втроем... еще и с Рембо на его корабле... вокруг старых привычек, старушки Европы...

ЖАНЕТТА (*голосом, полным отчаяния*). Ты не любишь меня! Ты хочешь иметь сразу двух: жену и меня... хочешь растлить меня, бросишь потом на панель...

ЭРИК. Ну, что ты, что ты, Жанетт! У нас с тобой не роман, у нас с тобой... жизнью такой живут многие...

ЖАНЕТТА. А я не хочу. Я хочу каждый день, каждый час, всего тебя, а не по частям.

«Я знаю: жребий мой измерен.
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я завтра должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я».

ЭРИК. Пушкин?

ЖАНЕТТА. После тебя твоя Жанетт будет только доживать свою жизнь.

ЭРИК. Тебе хочется жить в Париже? Это тебя удовлетворит?

ЖАНЕТТА. Говорят, я - Д'Артаньян в юбке. Ты напишешь мне рекомендательное письмо к господину де Тревилю? Моя розовая мечта – подружка Гамалия, жена пакистанского миллиардера... Все же жена... а я любовница твоего департамента по науке... всего Шолона...

ЭРИК (*улыбаясь*). Еще и поэта Артюра Рембо, и меня лично. О, Жанетт!

ЖАНЕТТА (*горько*). Гала-концерт! Концерт отменяется, Гала остается.

* * *

Париж. Комнатушка на Монмантре, где вечно обитают бедные студенты, художники, пока не выберутся наверх. Комнатку снял Жанетте Эрик.

ЖАНЕТТА (*глядя в маленькие окошко*). Птичье гнездо. Даже Сакре Кер не видать. Чтобы увидеть храм, надо спуститься вниз. «Святое сердце» всегда высоко, сияет своей белизной.

Он снял мне эту очаровательную комнатушку, чтобы ко мне сюда приезжать, приходить. Чтобы я ждала, изнемогала, любила... Сказал, что-то придумает, что?.. У меня ни гроша. Лежу, голодная, вот уже трое суток. Хорошо, что есть выучка - студенческая, еще российская.

Когда мне совсем плохо, звоню маме. Этому «малышу» (*она достает из кармана мобильник - «Алкатель», французского производства*) расстояние ни по чем. В море, космосе, шахте, в Париже – всюду человека достанет. Вот кому золотой памятник надо ставить – кто изобрел мобильник...

ЖАНЕТТА (*набирая любимый номер*). Мама, мамочка! Это я, твоя непутевая. Я – в Париже, у меня все хорошо, даже замеча-

тельно, ты за меня не волнуйся, у меня лучше некуда... некогда. некогда... Ну я закругляюсь, целую тебя, моя родненькая. Да! Мои финансовые дела скоро пойдут на поправку. Обещал один человек, которому можно верить... Все.

Жанетта отрывает ухо от «Алкателя». Смотрит перед собой в пустоту. Скрипят порошки, раздаются шаги.

ЖАНЕТТА (*насторожась*). Что это – шаги Командора? Нет шаги Командора скуповаты, тяжки. А эти семенящие, легкие – лисьи...

Сцена пятая

Жанетта сидит, опершись о столик перед окном. Кто это, что?

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Эрик ходит не так. Я слышу шаги его еще с третьего этажа, они широкие, четкие. Хоть и в них тоже какая-то потусторонность, надрыв. Притом Эрик предварительно позвонил бы... Он был тут три раза, каждый раз они не могли расстаться, всякий раз он оставался с ней до утра. «Какая у тебя белая, нежная, молодая, шелковистая кожа! Какие длинные, кольцами волосы по плечам, как у Марии-Антуанетты». А Иннеса. А Инесса, Инна Александровна говорит, что это вульгарно... в последний раз он оставил у нее этот галстук. Он и сейчас висит на гвоздике, у окна...

Стук в дверь повторяется. Кто-то из тех, кто точно знает, что она тут, никогда никуда не девается, ждет.

Жанетта, наконец, встает, открывает. Перед ней стоит женщина в черном – не старая еще, бальзаковского возраста, лет за тридцать, около сорока.

ЖАНЕТТА (*машинально по-русски*). Вы ко мне?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*по-французски*). Да, к тебе! Я узнала твой голос.

ЖАНЕТТА (*усмехнувшись*). Ах, это вы звонили вчера, я тоже узнала. И откуда номер у вас? Ах да, он забывчив. Он записал мой номер и положил в карман пиджака. А вы как всякая добропорядочная жена лазите по карманам.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Наташка! Как это... сука... Это вы, русские едете сюда чтобы чистить карманы нашим мужьям, вы спите с ними... вы...

ЖАНЕТТА (*слушает молча*).

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*бросая кошелек на стол*). Вот тебе деньги! Чтоб не шла на панель. Чтоб муж не принес домой дурную болезнь...

Жанетта слушает молча.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Вы, русские, ничего не можете сами! Вы претесь сюда к нам, в Европу! Ваша Россия нищая, прогнила...

ЖАНЕТТА (*уперев руки в бока*). Но-но, Россию не трожь! Русофии не потерплю! *И бьет наотмашь женщину по щеке.*

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*в крике*). Я детей своих защищаю! Семейный очаг!

ЖАНЕТТА. А я Родину! И любовь.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ (*заметив галстук на стене*). Да вон же, вон его вещь! Так он, действительно, был тут! Был!

ЖАНЕТТА. А ты как думала? Все это шуточки? Это – любовь. Держат мужей не цепью, а сердцем... Вот тебе галстук и пойдешь удавиться...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Какая злая! Приехала к нам и такая злая!

ЖАНЕТТА. Мы до поры до времени добрые. Но тут голос слыше! Божий! Ты знаешь хоть, что такое любовь?

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ, ЖЕНА ЭРИКА. Я – мать, у меня трое детей.

ЖАНЕТТА. А у меня жизнь после этого к чертовой матери! У меня не будет троих детей, не будет, может, и одного!

ЖЕНА ЭРИКА. Я принесу тебе много денег, еще и еще. Только уезжай отсюда обратно к себе в Россию, оставь моего мужа. Ты – ведьма, ты – темная сила, с тобой Эрик будет несчастен, а мы все... и дети мои... погубнем...

ЖАНЕТТА (*решительно*). Вот тебе твой кошелек! Вот тебе мои пирожки! И дуй отсюда к себе в Иордань!

ЖЕНА ЭРИКА. Куда?

ЖАНЕТТА. До хаты ваялай. К своей собственности – к мужу. У нас такого добра навалом. Прислал жену - семью свою защищать. Стратотерпец...

Женщина в черном уходит. Жанетта снова одна.

ЖАНЕТТА. Ах, Жанетт, Жанетт! Этого тебе еще не хватало –

русско-французских страстей!.. Какой смысл теперь тут сидеть, ожидаючи? А может, все-таки объясниться? Раз и навсегда, но зачем? Пора степной кобылице и в стойло – в Реймс свой, в университет, поближе к столовой. А тут сдохнешь с голоду, и тебя, как Рембо, отволокут за ноги в яму для бедных... Адье, мадам (*делает прощальный жест ручкой, за которой только что исчезла Женицина в черном, и начинает собираться*). В Реймс, так в Реймс! Поближе к телу... Однако что же это я – бросаю Париж, свою розовую мечту? В прошлый раз Эрик мне на этот счет кое-что обещал: прислать какого-то человека, нужного человека. Подождем? Не под дождем.

Жанетта возвращается в исходное положение, - ложится обутой, на застеленную постель.

И опять шаги. На этот раз твердые, конечно, мужские. Стук в дверь.

ГОЛОС КРЕПКО ПОСТАВЛЕННЫЙ. От господина Шансона.

ЖАНЕТТА (*путаясь с дрожащей цепочкой*). Проходите.

ВОШЕДШИЙ. Грохотайло Филипп. Русский, из Москвы. Мультимиллионер.

ЖАНЕТТА (*иронично, беря себя в руки*). А почему не пакистанский миллиардер? Или хотя бы Абрамович прямо с Чукотки в Париж на своей белой яхте?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Я серьезно. Мне нужна переводчица. Обратился в Реймс, в университет, к своим людям – вас порекомендовали. Говорят, дипломированный переводчик. Кроме того, обладает шармом, умеет людей притягивать.

ЖАНЕТТА (*начиная оттаивать*). Кто это вам сказал? Господин Шансон?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Фирма веников не вяжет. Абсолютная тайна. Заводим дело в Париже. Туристическая фирма. Начиная с Монматра – с самых бедных, так сказать, с обездоленных, нижних слоев.

ЖАНЕТТА. А, пирамида, значит.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какая?

ЖАНЕТТА. Хеопса.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Кто такой, где живет?

ЖАНЕТТА. В Древнем Египте, пакистанский миллиардер.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Послушай, ты мне, девочка, нравишься. Если ты по-французски чешешь так же, как по-нашенскому, то у нас склется, дело пойдет. Ну, и кто же ты, социальное происхождение?

ЖАНЕТТА. Мата Хари, шпионка. Прислана сюда для укрепления.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Это хорошо, даже замечательно. Мы тут устроим им фейерверк. Деньги у меня есть... Для начала снимем комнату где-нибудь в районе Эйфелевой башни. Господин Шансон обещал помочь с оформлением.

ЖАНЕТТА. Спасибо, товарищ Бендер.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. За что?

ЖАНЕТТА. Спасает меня от панели.

Сцена шестая

Офис московского мультимиллионера в Париже, где-то в районе Пале Рояль. Квадратная комната, в которой постоянно обязана быть, можно сказать, как исполнительный директор Жанетта Бредецкая.

ЖАНЕТТА (*поясняет, держа наотлет телефонную трубку*). Это, как у нас в России, «Рога и копыта». Нас всего двое: Генеральный директор – этот Филипп Грохотайло, вечно живой. Он пропадает вечно, шастает по значным местам Парижа. Является частенько вечером, даже к ночи. И под шафе. А ты тут торчи, сиди на телефонных звонках, которых, по правде, тоже нет, но это так считается: отвечать на звонки, принимать посетителей. Считается, что Генеральный бегаёт по конторам, оформляется, а ты ему тут расписывай всякую бумаженцию, переводы с московского языка на парижский. Бюрократия есть бюрократия, везде одна, с них рисуем.

Иногда кое-кто попадает в сети, по объявлению. В основном русские. Или бывшие русские во втором, шестом поколении. Не Клондайк. Вот и на этот раз звенит колокольчик, кто-то входит: мужчина, средних лет, представительный.

ЖАНЕТТА (*вставая*). Вы к нам? Это туристическая фирма, филиал, от Москвы. Мы только открываемся, начинаем набирать обороты... Вам куда надо - ехать, плыть, лететь?

МУЖЧИНА. В Рио – де – Жанейро – розовую мечту моего детства. Я – русский консул. Прохожу мимо, думаю: дай зайду... А тут такие силы, симпатяги, наши люди...

ЖАНЕТТА. К сожалению пока, кроме стран СНГ, ничего предложить не можем. *(Автоматически)*. Заходите, звоните.

Мужчина уходит. Появляется старая женецина – живая, подвижная, как ртуть.

СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. Я – туристка, пенсионерка. Русская, из Рио-де-Жанейро, Аргентина. У меня приличная пенсия, муж был дипломатом, но умер, оставил меня вдовой. Вот мотаюсь теперь по свету, трачу деньги и убиваю время.

ЖАНЕТТА. К сожалению, мадам, можем предложить поездку только в Рио-де-Жанейро, а также прогулки по Парижу, в районе Эйфелевой башни, с нашим гидом.

СТАРУШКА-ТУРИСТКА. Милочка, да я Париж как свои пять пальцев. А на Эйфелевой башне была уже раз пятьдесят. Я когда жила в Париже. Дорогой город, как и Брюссель. Не каждый француз может позволить себе, своим детям жить в своей столице. Париж – Мекка культуры...

ЖАНЕТТА. А Брюссель?

СТАРУШКА-ТУРИСТКА. Тоже Мекка, но для военных структур. Чиновники нагрянули из Восточной Европы. Где уж простым людям состязаться с государствами, особенно с НАТО.

ЖАНЕТТА. Самый дорогой город Москва! Во всяком случае для меня, бабушка.

СТАРУШКА-ТУРИСТКА *(показывая белые зубки)*. А-а. Понимаю, понимаю, патриотизм!

Патрия э муэрте – Родина или смерть. Лучше жить стоя, чем умереть на коленях.

После ухода старушки из Аргентины Жанетта выпивает целый стакан воды из графина. Сплевывает. Сволочь! Не может купить пепси-колу.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. «Сволочь» - это Филипп Грохотайло, который в данный момент дрыхнет в комнате рядом, приспособленной под жилье. Это его храп слышен сейчас через стенку. Вчера нализался – сегодня спит до обеда. Чем-то похож на отца ее – на Плутарха, сантехника, там России. Этот тоже своего рода сантехник, но рангом повыше. Если уж лапает, так и платить

обещает круто. Крутой! Деньги тратит пока на себя, насколько хватит – неясно.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Тоже мне Гегемон! Подозреваю. Как деньжата закончатся, так и бросит всю эту канитель... А может, в Москве у него неисчерпаемые возможности? Иногда он тут оставляет меня с собой. Если не соглашаешься, грозит вышвырнуть на панель. Так и живу теперь на два дома...

ЖАНЕТТА (*вдыхая*). Тут – за деньги, за жизнь в Париже, там, на Монмартре, - за любовь все еще цепляюсь, за господина Шансона. Чувствую, как затянуло, опускаюсь на дно... Призраки возникают, вот этот особенно – Кадо Руссель. Из песенки, разучивали ее с «гейшами» в университете.

Напевая. Так, так-так,

Кадо Руссель – большой чудак.

ЖАНЕТТА. «Кадо Руссель» - переводится как «русский подарок». Снимает стресс, тоску, веселит своей неприхотливостью, однако, как старое пальто, навевает воспоминания.

Появляется призрак – это Кадо Руссель.

КАДО РУССЕЛЬ (*Жанетте*). Чур-чур меня! Изыди... Да, если не на два дома живу, то с двумя мужиками. Реально или хотя бы мысленно. Не удержишься, ляжешь...

ЖАНЕТТА (*прогоняя призрак*). Прочь, шельма! Изыди, сатана! *Достает из кармана мобильник.*

Сейчас позвоним маме... Так, набираем «любимый»... Мама! Мамочка! Роденькая. Ты как там?.. Умираешь? Как, уже? Ой! Ой! Ой! Не умирай, не надо. Ты одна у меня, одна... Приезжать? Сейчас же? А то приеду к холодным ногам? О, Господи!.. Но ведь это Париж, заграница, тут же виза нужна. Консул, правда, какой-то знакомый мелькнул... А деньги? Ах, да! Гамалия даст? У нее муж – пакистанский миллиардер?.. Да врет она все, врет ведь, мама, мамочка. И я вру! Тут же я в фирме такой, что не говорят правды, все время, как по радио, мама, мамочка, я пропадаю, скоро, наверно, тоже умру, все тут сантехники, есть, конечно, хорошие люди, например, одна женщина сражается за своих детей, у нее их трое, а я сволочь последняя, в кого превращаюсь, ужас...

Жанетта сидит в оцепенении (говоря в пространство перед собой). Что я наговорила? И кому – маме, самому дорогому существу, понимающему тебя?

Ах да, слава богу, мобильник-то не работает, давно отключился. Кончились денежки. Тут не деньги – жизнь кончается, и ничего, ничего, еще поживем – увидим.

Сцена седьмая

Париж. Монмарт. Все то же «птичье гнездо» - комнатка, снятая для нее господином Шансоном.

ЖАНЕТТА (*пришивая латку на джинсах*). Так, одну кладем на натуральную дырку, другую – на другое колено, пришиваем. Для иллюзии моды. А что - современно. И джинсы еще поносятся, не надо выбрасывать. Походим в них, посверкаем латками... Попыталась вчера посчитать на Елисейских полях, сколько женского полу идет в платье, а сколько в джинсах. Редко платье мелькнет или юбка – штаны, фуражки – с козырьком на левое ухо...

Предчувствие какое-то, что-то произойдет: хорошее или плохое?

Так-так-так, так-так-так, так,

Кадо Руссель – большой чудак.

Третий день не хожу в «рога и копыта». Хватит дурить. Будь, что будет. А все-таки сию, вот жду его – этого мультимиллионера, «любящего лошадей». Ведь придет, как миленький явится, отсчитает зелеными повышенную зарплату...

Вру сама себе, обманываю себя: жду ведь и не его – «сантехника», а другого...

Говорю как-то: «Грохотайло. Фамилия-то какая-то, несуразная придумана, что ль?» - «Конечно, - отвечает. – Се сертен, разумеется». – «А какая же настоящая?» - «Абрамович». – «Ничего себе, - рассмеялась я. – А какая же у Абрамовича настоящая?» - «Грохотайло». Пол – Лондона скуплено Березовским, другая половина – Абрамовичем, от Биг Бенда до Вестминистерского дворца. А тут даже Триумфальную Арку купить некому, не хватает до полного счастья пять евро». – «Покупай, добавлю...»

- Вишь, какая ты – шутишь, а сама почернела – страдаешь. И хватить меня за плечо – ушипнул, этот «сантехник». И тут включился мобильник. И голос свой такой, близко знакомый – просто ужас: Дима. Дмитрий Васильевич? И вырубилось. голос исчез, как мираж. Как лимонадный Джо. «Как мимолетное видение, как гений чистой красоты»...

И опять чьи-то шаги по лестнице. – Не командорские, нет. Эрик? Не Эрик, шаги Эрика она знает, от них замирает сердце, кожа трясется, сыплются искры...»

Стук в дверь.

ЖАНЕТТА (*открывая*). Ты-ы-ы?.. Это ты, Дима-а-а... Дмитрий Васильевич-и-ич...

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*не глядя в глаза ей*). Мама твоя умирает, послала вот за тобой.

ЖАНЕТТА (*растерянно*). Что это мы стоим? (суется). Проходи, садись вот сюда. Вот, бери апельсинчик. Чаек будем?.. Может, вина?..

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Хорошо живешь.

ЖАНЕТТА. Хорошо... Я хорошо живу, Дима, Димочка, сразу с двумя, ты будешь третьим..

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что ты говоришь, Жанна? Успокойся, не надо...

ЖАНЕТТА. Призраки, призраки... слезы, брызги французского, Дима-а...

ДИМА ЕРОХИН. Брызги шампанского, Жанна?

ЖАНЕТТА. Нет, французского, французского. Одна артистка из России вышла тут замуж, родила дочь, захотела уехать обратно, так они не отдают ей дочь, не отдают, представляешь?

ДИМА ЕРОХИН. Представляю.

ЖАНЕТТА. Они говорят, она имеет французское гражданство.

ДИМА ЕРОХИН. Кто, артистка?

ЖАНЕТТА. Ты надо мной издеваешься, да? Дмитрий Васильевич...

ДИМА ЕРОХИН. Что ты, Жаня! моя дорогая, родная. Зачем так?.. Ты плачешь? Не плачь...

ЖАНЕТТА. Нет, нет, я не плачу. Это не слезы, это брызги французского, брызги, брызги... И из брызг рождается истина, облако, а из облака сюда ко мне он приходит, все он, он, он... шаги Командора... танцующая походка...

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Никто не приходит, Жаня, никто. Мы с тобою вдвоем, и будем вдвоем, навсегда.

ЖАНЕТТА. Да, а это вот... балалайка...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Где балалайка?

ЖАНЕТТА. Там, в телевизоре.

ДИМА ЕРОХИН. Тут нет телевизора.

ЖАНЕТТА. Там, в офисе. И он приходит туда, мой мучитель и утешитель – Никто. Как у Одиссея. У Артюра Рембо в его путешествии вокруг старушки Европы...

Так-так, так-так.

Кадо Руссель – большой чудак.

* * *

Утро следующего дня. Жанетта отрывает голову от подушки. Дима Ерохин спит, уткнувшись в свои кулаки, лежащие на столе. Чуткий - вздрагивает, смотрит Жанетте в глаза.

ЖАНЕТТА. Я вчера была нехорошая, пьяная, Дима?

ДИМА ЕРОХИН. Что ты, Жаня. Это Лев Котюков вчера был хорош.

ЖАНЕТТА. Кто такой Лев Котюков?

ДИМА ЕРОХИН. Друг мой бывший, ныне московский поэт.

ЖАНЕТТА. Вчера ко мне приходили тени. А то в самом деле было... Один русский сделал стойку на руках кверху ногами – на самом верху Эйфелевой башне, на самом верху, представляешь? А после ходил с шапкой по кругу, представляешь? Нет, ты этого не представляешь! Надо пожить тут, Дмитрий Василч, чтобы все это представить!

ДИМА ЕРОХИН. Поедем, Жаня, домой. Мама зовет. Поедем.

Жанетта вздрагивая, тихо плачет у него на плече.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

Париж. Пале Рояль. Русский туристический офис типа «Рога и копыта». В комнате трое: Жанетта Бредецкая, Филипп Грохотайло и Дмитрий Ерохин.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Так что у нас – любовный треугольник, жизнь втроем за мой счет? (*Обращаясь к Жанетте*). Не спа, не так ли, моя дорогая?

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*вмешиваясь*). Неспа. Думаю, что не спа... не спать – ни с тем, ни с другим... Жанетта приехала сюда не за тем.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*нагловато*). Я за такие деньги, целый взвод с панели сюда пригоню – различных национальностей.

ЖАНЕТТА (*не глядя в глаза*). Ну, и куда они идут, ваши деньжищи? На себя, Филипп Григорич, и тратите. Как говорите, на представительство. На днях обедать летали в Лондон, а в том месяце даже в Рио-де-Жанейро.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Что хоть далось вам всем это Рио-де-Жанейро!

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Кому «вам»?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. С высшим образованием, без гроша за душой.

ЖАНЕТТА. За душой! А у вас где душа?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*сдвигая брови*). У кого это у «нас»?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*вступаясь за Жанетту*). У новых русских. Наши олигархи, говорят, входят в десятку богатейших людей планеты. Абрамович покупает Вестминстерский дворец.

ФИЛИПП ГРИГОРЬЕВИЧ. Сказки это, пропаганда. Искусственно созданное продвижение Востока на Запад... Тоже мне деятели! И не заметили, как мы их запутали (*кивая на Жанетту*)... гейшами, инвестициями, рынком (*стуча себе в грудь*) деловым партнерством... А они все силой давят: армию продвигают, устанавливают ракеты...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Филипп, ты второй, а не первый! Дежавю – уже было. Насчет армии, вооруженных сил.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. А кто первый?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А первым Филиппом был отец Александра Великого – царь Македонии. Создал армию против персов, жуткую силу по тем временам, и сам стал ее заложником. Они же его и убили, передали власть сыну. Уж тому пришлось идти на царя Дария и становится великим. Армия, если она есть, должна воевать, завоевывать, действовать, требовать диктатуры, в крайнем случае, автократии, не то превратится в кучку негодяев и мародеров...

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какой умный! (*на Жанетту*). И ты с ним? Ну, и выметайтесь оба! Все, закрываю для вас контору. Набираю другой контингент... дураков... за то держащих язык за зубами... (*Жанетте*). Не Мата Хаара, как-нибудь обойдемся.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*Филиппу*). «У вас продается славышский шкаф?»

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. У нас тут ничего не продается. Это

меблированные комнаты. Вот стул, *(хватаясь за спинку)* которым я сейчас проломлю тебе башку, если оба вы не исчезнете, как сон, как дым, как утренний туман... Брысь, стерва! И ты, Лжедмитрий... голодранцы...

ЖАНЕТТА *(вступаясь за Дмитрия Васильевича)*. Париж тут все-таки, центр культуры, международная Мекка... хамить нельзя...

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО *(Жанетте)*. Х-ха! И ты, Брут, продался ответственным работникам?.. Вот ключи, закроете офис, и в ящик. А я полетел обедать в Чили, на Мыс Доброй Надежды...

ЖАНЕТТА. Между прочим, Мыс этот в Африке.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО *(уходя)*. Молодец! Я в тебе не ошибся. Это вот другие тебе жизнь гробят.

* * *

Реймс. Столовая университета. За столиком двое: Жанетта и Дмитрий Васильевич.

ЖАНЕТТА. Дай за казенный счет хоть отъежся, наголодалась в Париже. Что вам заказать, Дмитрий Васильевич? Рагу из овощей или кролика?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(усмехнувшись)*. Комплексный. Как и себе. Я, между прочим, тоже выбил сюда стажировку. Вернее, пару недель для работы над докторской.

ЖАНЕТТА. А мне продлили... до бесконечности... Мсье Шансон оформил на год как практику, в среде носителей языка.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН *(грустно)*. А-а, тот мсье, что был у нас? Как же, ходил с нами в театр.

ЖАНЕТТА. Мы-то помним, да он нас забыл.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН *(поглядев внимательно на Жанетту)*. Кто забыл, тому глаз вон...

ЖАНЕТТА *(уклончиво)*. А кто помнит – два.

Встают. Собираются уходить.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Ах, да, забыл! Мы не отметили наш союз?

ЖАНЕТТА *(краснея)*. К-какой с-союз, Дима?

ДИМА ЕРОХИН. Как какой... против третьих стран. Таких, как Грохотайло. Коммерсантов на босу ногу.

ЖАНЕТТА. Он богатый, но только в Москве. А тут играет роль какую-то... красную шапочку...

ДИМА ЕРОХИН. Наводнили Европу статистами, коммерсантами, коммивояжерами... Ну что – шампанского? Все же Шампань – Арденн тут... Мадам! Нам шампанского... розового?.. Нам розового шампанского, мадам.

Приносят ведерко, в ведерке шампанское. Ставят фужеры.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*улыбаясь*). Натуральное.

Шипенье пенистых бокалов

«И пунша пламень голубой». Олиграхи!

ЖАНЕТТА. Вам, наверное, всегда везет. Родились под счастливой звездой. Как там у вас, Дима, Дмитрий Васильевич, на кафедре?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Еще бы, везет! Было 0,7 ставки, в этом семестре стало 0,5.

ЖАНЕТТА (*округлив глаза*). Как, почему? Вы же такой талантливый, активный в науке. Столько публикаций в центральных журналах...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Язык за зубами держать надо.

ЖАНЕТТА. Ну почему, почему, кому это надо?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*махнув рукой*). А-а, так. Да Велихова – зав. кафедрой, кандидат. А из Сливончика долгожителя выращивают, так у них по 0,9... у других вроде этого...

ЖАНЕТТА. Кто, они?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А указывают наверх. Срезали ставки, мол... вместо тринадцати дали десять...

ЖАНЕТТА. Ну, и что, к ректору идти?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Защищаться надо – вот что! Под лежащий камень вода не течет.

ЖАНЕТТА. Не лей с ними.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А когда?

Сцена вторая

Шолон – главный город департамента Шампань-Арденн, родина Артюра Рембо.

Дмитрий Ерохин на автобусной остановке, только что прибыл из Реймса. Стоит в нерешительности, не зная куда идти.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*в сторону*). Вот два билета, а она не пришла, опоздала? Договорились ведь, обещала все показать. Была тут, все знает, а не пришла...

Мимо проходит мужчина – он с тростью, в длинном белом пальто. До боли знакомая личность.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*окликаая его*). Вас можно спросить, как пройти к интерактивному музею Артюра Рембо?

МУЖЧИНА (*приостанавливаясь*). К старой мельнице? Это сюда... (*всматривается в него*). Вы – Дима? Дмитрий Васильевич – из России, из вашего университета?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы, господин Шансон! Вот так встреча!

ГОСПОДИН ШАНСОН. Да, встреча. Вы тут в Реймсе на стажировке и сразу к поэту Артюру Рембо? А я тут работаю: то в Шолоне, то в Реймсе. Тут, в Шолоне, в офисе по науке. Как это у вас, долг платежом красен? Хотите, проведу вам лично экскурсию по музею?.. Не надо? Любите быть в одиночестве? Это хорошо, одному все увидеть, осмыслить, как это... переварить...

А где же Жанетт? Говорят, вы должны вместе приехать, вдвоем?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Н-не знаю. Опоздала, наверно.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*перекладывая трость на изгиб левой руки*). А я-то занят как раз, готовлю документацию. Вашему ректору хотя бы присвоить почетного доктора.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. А вашему?

ГОСПОДИН ШАНСОН. Нашему ректору у вас уж присвоили, еще в прошлом веке. За большую дружбу, сотрудничество между народами... Вашего ректора рекомендуют еще и к ордену Почетного легиона... Ищу вот формулировки, как выразить, за какие заслуги...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*широко улыбаясь*). Может быть, так? За совместную «одиссею», морское путешествие на, э, корабле вокруг старушки Европы... За то, что кафедру почти закрывают, не берут студентов...

ГОСПОДИН ШАНСОН. С кем, простите «совместное» путешествие? Ах, с Артюром Рембо? Се си бо... На каком корабле?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну какой корабль может быть в Шампань-Арденн? Ну, конечно же, на «Бигле»... и под шафе.

ГОСПОДИН ШАНСОН. Вы так считаете, Дима? Однако нужно ведь совершенно официально.

ДМИТРИЙ. Да, так считаю. Но это конфиденциально, между

нами, накоротке, Эрик.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*запоминая*). На ко-рот-ке... С вами, я думаю, мы еще встретимся.

ДИМА. В Реймсе, в университете. Передайте привет Жанетте. Как это у нее хорошо получается, когда читает.

«О поцелуй, какой во мне живет!

Смеясь, она несет мне бутерброд!

Он с ветчиной, он на цветном подносе, -

Розово-белый слой и пахнет чесноком...»

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*печально*). Прекрасно! А то вот такие строки.

«Их тысячи во Франции – полей,

Таких, где спят под осень мертвецы.

Взметнется вихрь, зимы летят гонцы.

Подумайте приходом всем о ней –

Об этой серной, мрачной птице,

Которая над головой кружится».

ЭРИК ШАНСОН (*горячо*). Зачем же так мрачно, Дима? Друг, ты еще молодой.

ДИМА ЕРОХИН (*немного веселя*). Сонет тоже Рембо, мой любимый.

«В толпе император, в апофеозе.

Весь в желтом и голубом.

Как пылок, все в розовом видится в нем;

И нежен, как папа, как Зевс в небе – грозен.

Солдаты на отдыхе. Время сиесты.

И красен лафет, позлащен барабан.

Встают перед Ним. И Питу, как баран,

Стоит перед именем доблестным, честным!

По правую руку его Дюмане

Кричит иступленно, сгорая в огне:

«Да здравствует Император!» Поньше

Сосед стоит тихо. И кивер на нем.

Стоит лесоруб в красном и голубом,

Как черное солнце в пустыне».

ЭРИК (*обнимая Дмитрия*). По-русски, и тоже прекрасно. Кто же перевел – вы, Дима? Вы – поэт? Говорят, хороший переводчик – соперник поэта. Вы – соперник... коварный соперник... ковар-

ство и любовь... Но почему у вас солнце «черное»?

ДИМА (*идя рядом легким, прогулочным шагом*). Почему, не «белое»? «Белое солнце пустыни» - есть у нас уже такой замечательный фильм.

ЭРИК. Нам не хватает синема, Дима. Нам не хватает Жанетт – тонкой женской натуры. Чтобы нас рассудить, оценить ситуацию.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Не зная как, оба они оказались вскоре у могилы Рембо – этого великого юноши, кумира всех поэтов Земли.

ДМИТРИЙ. И кто это рядом?

ЭРИК. Это мать его, мать.

ДМИТРИЙ. Поэзия?

ЭРИК. Поэзия? Поэзия вечно жива. Поэзия – это Франция, это – все.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*в тон ему*). «На сотни верст кругом Россия – отчий край».

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. В Реймс Дмитрий Ерохин вернулся только на третий день. Побывав еще в поселениях, на полях, виноградниках, где как раз предавали лозу земле, чтобы осенью благородный сок снова хлынул к людям неудержимым потоком, делая жизнь прекраснее, чем она даже есть. Все дело в том, люди, что где кому когда каким хочется видеть.

Для нас все - это Пушкин. Пушкин для нас – это все!

Сцена третья

Реймс. Общежитие университета. Дмитрий Ерохин, поэзевая у входа в крыло здания, где живут иностранцы.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН (*обращаясь к охране*). Выходила отсюда молодая особа: стройная, блондинка, волосы кольцами.

ОХРАННИК. Русская? Голубые глаза?

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Что – русские у вас под особым наблюдением?

ОХРАННИК. Видите, сколько арабов? Не уследишь.

ДМИТРИЙ ЕРОХИН. Значит, видели.

ДРУГОЙ ОХРАННИК. Да, с мужчиной. Большой такой, в черных туфлях с квадратными носами. Сели в «Вольво» с парижским номером.

* * *

Париж. Пале Рояль. Офис туристической фирмы. Вывеска снята. Квадратная комната офиса, но уже без телефона. В комнате – двое: Жанетта и Филипп Грохотайло.

ЖАНЕТТА. Это как называется – похищение? Я – заложница? Что обо мне подумает Дмитрий Васильевич, я же с ним в Шолон собиралась, в музей.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. В Париж вернулась. Сама уехала отсюда, я тебя не прогонял... У меня, Жанетт, новые планы. Бизнес тут не идет, сама видишь. Я так не привык, я размах люблю, деньги. А тут мышиная возня, а не бизнес. В изначале идея глупа: расчет на русских, эмигрантов шести поколений. Ну, зачем им переводчик, скажи: русский, французский? Да они чешут по-русски, как мы с тобой, а по-французски, а-а-а....

Вот идея! *Машет рукой.* Преображаемся. Переносим офис в Москву. Оттуда уже налаживаем связи с Парижем с фирмами, качаем туристов отсюда уже... сюда... Там французский твой пригодится, ферштейн?

ЖАНЕТТА (*растерянно*). Же компри, понимаю.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Из Москвы Париж ближе, чем из самого Парижа.

ЖАНЕТТА. И Филипп там есть.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какой?

ЖАНЕТТА. Киркоров. И тоже волосы кольцами.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Вот бабы! До чего же приглядчивы. Насчет этого дела медом вас не корми.

* * *

Шолон. Вечер. Администрация, представительство по науке. Господин Шансон сидит в кабинете, с кипой бумаг, под лампой.

ГОСПОДИН ШАНСОН (*портрету де Голля на стене*). Уж министром был бы, если бы не фамилия. Несерьезная.

ДЕ ГОЛЛЬ (*как бы оживая*). Весели народ, просвещай.

ГОСПОДИН ШАНСОН. Что тут веселого? Лепить, как говорят русские, «лепоту»?

ДЕ ГОЛЛЬ. Героев делаешь! Кавалеров Почетного легиона. С бумаг подвиг и начинается, с документации, а не с амбразуры.

ГОСПОДИН ШАНСОН. Ну, с чего я ему на «Почетный леги-

он» наскребу, с чего? Не воевал вместе с вами, господин Президент Пятой Республики. Амбразур, как у русских, не закрывал, не летал с Тюляном из эскадрильи «Нормандия – Неман», а орден Почетного легиона вынь да положь, а за что? Что я должен тут ему записать?

ДЕ ГОЛЛЬ. Кому?

ГОСПОДИН ШАНСОН. Ну, герою, герою! Русскому резиденту, тьфу, русскому президенту... ассоциации ректоров.

ДЕ ГОЛЛЬ. Вот и пиши, не жалей слов французских для хорошего русского. О! «За свои заслуги перед Отечеством он заслужил восхищение всех французов, всего департамента, французской нации, дружбы самого де Голля, если бы он был жив».

ГОСПОДИН ШАНСОН. Никакой личной жизни. Вечер уж, а сижу все, леплю, «оформляю бумаги», схватываю суть с голубой волны Атлантического океана. А семью позабыл, любовницу из-под носа уведит этот московский «шансон»...

Достает мобильник, набирает номер. Слушает голос оттуда.

ЭРИК (в трубку, через платок). Алло, алло. Это Диана?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (оттуда). Какая Диана?

ЭРИК (туда в трубку). Ну, какая в Париже, в тоннеле погибла?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (оттуда). Это Жанетт, Жанетта.

ЭРИК (туда, в трубку). Это которая русская? Блондинка, волосы кольцами, голубые глаза?

ЖАНЕТТА (оттуда). А откуда вы меня знаете?

ЭРИК (убирая платок). Да кто ж вас таки не знает во Франции? Популярны. Как Эдит Пиаф и Тереза Ракен.

Отключает мобильник. Сидит, мстительно улыбается.

Узнала голос. Особо когда убрал платок. В глубине слышен был мужской голос – Филиппа, «любящего лошадей».

* * *

Париж. Пале Рояль. Офис «Рога и копыта». В комнате по-прежнему двое: Жанетта и Филипп Грохотайло.

ЖАНЕТТА (восхищенно). Это он, он!

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Кто это он? Жалкий французик с тростью – автор смешных публикаций, плод собственных ничтожных стихов под фамилией Артюра Рембо?

ЖАНЕТТА (вспыхнув). Это ты ничтожество, жалкая ничтож-

ная личность! Сан фамий – без семьи, без таланта, без Родины. А Эрик – отец троих сыновей, профессор, я люблю его, люблю!

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*оторопев, приходя в себя постепенно*). В Москву, в Москву! И как можно скорее... Не хочу жить втроем. Ты же подстилка у него, ноги о тебя вытирают, а у тебя никакой гордости. Париж тебе подавай, и любой ценой! Да не Париж даже, а этого... под псевдонимом...

ЖАНЕТТА. И Дима, Дмитрий Васильевич лучше тебя. Трудом своим достигает, а не прохиндейством, как ты, новый русский, нувориш.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. В Москву, в Москву, Жанетт! В свою, родную болотину! И никаких гвоздей!

Сцена четвертая

Москва. Центр. Тот же туристический офис типа «Рога и копыта». Комната, но с видом на Кремль. В комнате – Филипп Грохотайло, генеральный директор. Появляется Жанетта Бредецкая.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Как всегда, с распушенными волосами.

ЖАНЕТТА (*односложно*). Да вот.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Какие длинные. Отсюда и до Парижа.

Раздается телефонный звонок.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО (*в трубку*). Хорошо, я все понял.

Кладет трубку. (Жанетте). Из Парижа. Из филиала... Что ж ты думаешь, я такой дурак. не оставлю там следы своего пребывания?

ЖАНЕТТА. Ну, так где мое рабочее место?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Как всегда, у телефона. С видом теперь на Кремль – святое место России.

ЖАНЕТТА (*односложно*). Не ерничайте, господин Генеральный директор.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. В общем, так: через стенку другая комната, со спальным местом, где мы будем встречаться. Ну, я пошел, полетел...

ЖАНЕТТА (*все так же – монотонно, без всяких чувств, с французским прононсом*). «Боинг», куда?

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Как всегда, в Рио-де-Жанейро. Обедать. У нас кризисов не бывает. Корпорация международная, картель...

ЖАНЕТТА (*односложно*). Сельхозартель. Колхозы все развалились.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. Представьте себе, живем, но под другим флагом.

Уходит, Жанетта остается одна.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Вот вцепился, как клещ. Сам мотается, туда-сюда, шмыгает, а мне ни шагу нельзя. А город мой близко. Мама в тяжелом состоянии, а он меня держит тут... А на что телефон? Звони, говорит, кому хошь и сколько хошь. Говори, что в Париже, мол... А тут так, проездом, в командировке...

Проходит к столу с графином. Наливает воды.

ТЬфу! Опять теплая, с мухой. Как и в Париже. Жлоб! Хоть бы «пепси-колу» купил... Сейчас позвоним своим «гейшам»...

Достает мобильник (в трубку). Милочка, это я, ваша непутевая. Жанетта, кто же еще?.. Да, отыскалась. Тут, в Москве, проездом, в командировке. Филиал у нас с видом на Кремль... Переводчицей, конечно, по специальности... Привет Венере, кафедре... всем... да хотя бы и ректору... Как увидеться, приехать ко мне? – не могу пока, кручусь мотаюсь, времени ни секундочки, плотный график. То все перевожу, перевожу – дипломатам всяким, представителям фирм, а то лечу с этим, как его... с генеральным... в Рио-де-Жанейро, обедать... Привезти что-нибудь вкусненькое? – Да привезу, привезу, дай хоть вырвусь из этого бедлама, от диктатора, этой сволочи...

Что пью? Да вот, мое любимое – розовое шампанское, целый графин... Не сопьюсь, не переживайте... Как, говоришь, зовут меня там, на кафедре, на всем отделении, Мадам Клико?.. Клико или Клюко? Нет, нет, это существенно. Это как Седельникова – от седла, от евреев, а Сидельникова – от купцов, сидеть в лавке. От купцов: в лавке сижу... Ну, в общем, заболталась. Привет. Всем, всем, особенно 5-й «ПГ» («парижским гейшам»).... До скорого.

Жанетта выключает мобильник. Держась за стеночку, проходит в соседнюю комнату. Ложится, натягивает одеяло до подбородка.

ЖАНЕТТА (*вздрагивая*). Господи! Колотит всю изнутри, голо-

ва кружится. Наверно, заболеваю... Круги какие-то перед глазами, опять эти призраки, сны цветные. Целую ночь на мотоцикле ездила: московская милиция с парижским пулеметом... нравственная полиция... Все спрашивала, как проехать в офис «Рога и копыта». А за рулем жена Ерика, а в коляске все ее трое сынишек, она их охраняет... От кого? Да от грачей – черных птиц над головой. Керы это – души усопших, то из «Одиссеи» Гомера, то от Артюра Рембо, Ван-Гога с его гениальной картины «Птицы над полями»...

Попалась вот современная книжка «Сабуровское поле», обложка – с этой картины. Так там зашифрованы керы - души умерших: в хлебах – тени и полутени, на небе, переходящем в птиц... Из линий и полутонов. Такие слова поэта Жама Сакре (*в переводе автора*):

«В книге моей с одинокого дерева
 Стаю швыряет в полет, как праща.
 Ярки поля. Что-то потеряно,
 В желтой соломе едва трепеща.
 Это терпенье мое огромное,
 Это не зелень,
 Не рай в ветрах.
 Это черное в синем, бездонное, -
 Жатва и прах, крик и крах.
 Как по душе мне те птицы, их кружево!
 Как насмехается стая над ружьями!»

Это – Поэзия, она меня доконает... Что это значит? Все эти птицы, души усопших?.. Мне плохо. Поэт какой-то умер у нас, в нашем городе, лучше бы не состязался, может, еще пожил бы просто как человек... Мне плохо. Это от мамы: ей плохо и мы не живем, умираем... Мама, родненькая! Прости меня, непутевую. Я тут близко, а все никак не приеду. Не могу, ну не могу, ты меня понимаешь?.. Я бы, конечно, ушла, сбежала, но как представлю всю эту нравственную полицию с пулеметом на мотоцикле, эти глаза Вселенной, а также Венерины, Сливончика – этого долгожителя вместе со всеми их игристыми пуншами и шампанским и ноль девятью десятками ставки, так все, отрубаясь, переступить не могу...

Жанетта встает, смотрит в окно. Переводит взгляд в угол и

широко, широко троекратно осеняет себя крестным знамением: «Боже, возьми мою душу на покаяние! Помоги другим, неустанным в жизни! Не дай пропасть нам, молодым еще, не поживши, прости меня трижды, Господи».

Сцена пятая

Русь, провинция, родной город Жанетты. Университет, отдельное здания факультета романской филологии.

ЖАНЕТТА (*стоя напротив*). Зайти или не зайти? Нет, пожалуй. Подожду своих «гейш» тут, на лавочке. Новый учебный год, на пятом - выпускном уж другие. Вон они прошли стороной. Шмыганули Велихова, Базельская – не заметили ее, ну и ладно. Мне бы Инну Алексеевну, только ее одну и хочется видеть... Час, другой. А Инны все нет. Может, и она у них на полставки?..

Все, ухожу. Дорогу к ней знаю, ходила же к ней домой на занятия. Пойду, отведу хоть душеньку, поделюсь, облегчу свою участь.

Мама умерла, я с кладбища и прямо к ней туда, к Инне...

Жанетта встает и уходит.

Квартира Инны Алексеевны. В зальчике – двое: Жанетта и она, ее любимый преподаватель.

ЖАНЕТТА (*утирая глаза платочком*).

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*пристав к ней*). Что с тобой, моя дорогая, зайчик?

Пауза. Где-то по радио бьют часы – Биг Бен, на ДOME инвалидов? Это куранты на Спасской башне...

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Что с тобой, Жаня?

ЖАНЕТТА (*пряча платочек*). Да, так... С кладбища прямо к вам сюда. Мама умерла.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*вздрагивает*). Не знаю, что и сказать.

ЖАНЕТТА. Едва отыскала могилку. На новом участке, в болоте. В яме для бедных.

Пауза. И опять тишина. Где-то звенит трамвай.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Что же делать-то, а?

ЖАНЕТТА. Отчим. Привел женщину, теперь они в моей комнате.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Что – совсем плохо было в Париже-то, а?

ЖАНЕТТА (*махнув рукой*). А-а.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А в Москве, тоже переводчиком?

ЖАНЕТТА. Тоже.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. А наши-то... подружки твои – «парижские гейши»... кто где. В основном на базаре. Все тебя считают кумиром, звездой.

ЖАНЕТТА. Не будем разочаровывать, да?

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Бьен сюр – конечно. Если негде жить – приходи, как-нибудь проживем.

ЖАНЕТТА (*вздыхнув глубоко*). Не знаю.

АННА АЛЕКСЕЕВНА. А что обо мне знаешь – про сына?

ЖАНЕТТА. Да.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА (*опустив голову*). Ты мне будешь за дочь.

Часы бьют четверть.

ИННА АЛЕКСЕЕВНА. Ну что, будем пить чай?

ЖАНЕТТА (*доставая мобильник*). Это вам подарок. Побывал в переделках – в Париже, Реймсе, Москве. Мне он больше не нужен.

* * *

Тот же город. Бар напротив университета. В баре пока только двое: бармен – он же Барон, хозяин бара, и Жанетта.

ЖАНЕТТА. Пришла попрощаться. Больше не увидимся, жаль...

БАРМЕН. Тебе плохо, Жанетт?

ЖАНЕТТА (*сквозь слезы*). Нет, почему же? Мне хорошо, даже очень! Уезжаю в Париж, навсегда. Покидать друзей очень жаль.

БАРМЕН. Почему, оставайся. Ты жемчужинка, очаровашка такая. Ты притягиваешь людей, мы станем богатыми. Лучшим баром в городе... Вот тебе кокошник, фартучек – все твое, сохранилось. И – работай, обслуживай, ласточка...

Жанетта принимает из рук барона свои белые одежды – прежние, еще с пивом – этим пенным, златокипящим напитком богов. А вот и первый посетитель.

ЖАНЕТТА. О ля-ля! Се си бо! Это пиво только что из Парижа!

БАРОН. Ты восхитительна, Жанетт! Конечно, не олигархами станем, не Абрамовичами, но покорим весь город.

Появляется студентка из университета напротив, конечно, факультета романской филологии, откуда же еще?

СТУДЕНТКА (*бросаясь к стойке*). О, Жанетт! Это ты? А говорят, ты в Париже.

ЖАНЕТТА (*грубовато*). Велиховой? День рождения пани Базельской? Фирма веников не вяжет... Гони, подружка, деньги на бочку. Просто так алкашам не наливаем, не субсидируем. Как в Париже, работаем, по-европейски...

БАРОН (*подмигивая*). Я работаю, как вельможа,

Я работаю только лежа.

«Наполеона» или «Мадам Клико» им туда под зарплату? Перебьетесь. Просыхай, гнилая интеллигенция... Жанетточка, видишь вон тот столик? Обслужи, скажи ребятам что-нибудь по-французски...

Жанетта подходит к столику со златокипящим подносом. За столиком – двое. – А где же третий? – третий сейчас подойдет.

ПЕРВЫЙ ИЗ ДВОИХ (*слегка развалиясь на стуле*). Ну, начинай, говори по-французски.

ЖАНЕТТА (*с готовностью, сначала по-французски, а со второй строчки по-русски*).

«О поцелуй, какой во мне живет!

Смеясь, она несет мне бутерброд!

Он с ветчиной, он на цветном подносе, -

Розово-белый слой и пахнет чесноком.

Над кружкой пива облако проносит,

Луч солнца золотится далеко».

Последние строки Жанетта договаривает, когда уже третий стоит у нее за спиной.

ЖАНЕТТА (*резко оборачиваясь*). Ах!

Перед ней стоит ее гендиректор.

ФИЛИПП ГРОХОТАЙЛО. А ты думала, что я только в Рио-де-Жанейро летаю обедать?

ЖАНЕТТА (*резко*). А ты думал, что я живу только в Париже?

ФИЛИПП. Жанетт! Ну что это... после столиц-то?! Я приехал к тебе, за тобой.

В том же городе, та же провинция. Мост через реку, рядом с пешеходной дорожкой рельсы – ходят поезда. Жанетт стоит у перил, замерев, как бы в оцепенении, выбирая: поезд или река?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. *Поезд – Анна Каренина, Натали Силвенер, река – она и никто другой, только она.*

ЖАНЕТТА *(сквозь слезы)*. Жизнь кончена. Все... Было уже – дежа ви. Впереди – Париж, позади – Москва... Прости, Эрик, солнце в реке, действительно, белое.

Перегнувшись через перила, смотрит на солнце в холодной воле.

Вслед за ней в воду бросается молодой человек в военном.

Скорая помощь. Больница. Реанимация. Жанетта лежит, не открывая глаза. Перед ней трое в белых халатах: врач, офицер – спаситель ее и Дмитрий Васильевич – доцент из университета.

ВРАЧ. Не знаю, будет ли жить. Если, конечно, захочет.

ОФИЦЕР. Будет. Захочет.

ВРАЧ. Видите – гаснет.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(молчит, смахивает молча слезу, шепча)*. Жанетта, Жаннеточка, ты меня слышишь? Это я, Дима, Дмитрий Василич. Не уходи от нас, не уходи, дорогая, любимая... *(Врачу растерянно)*. Не слышит, уходит...

Резко открывается дверь, кто-то бросается к умирающей:

О Жанетт, Жанетт! О Жанетт!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Это Эрик, господин Шансон из Реймса. Он целует Жанетту – в губы, в лоб, щеки, опять в губы. Не скрывая себя, своих чувств, жадно, неутомимо.

ЭРИК. О Жанетт! Прости меня, не умирай! Я с тобой, я к тебе прилетел на крыльях... как только позвонили... вот он, Дима, звонил... и я тут... О Жанетт! Зачем?.. Почему?.. Не хочу... Солнце белое, белое, белое...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ.

И о чудо! Это чудо. Подарок судьбы: Жанетта приоткрывает глаза.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А в университете на факультете романской филологии переполох. На французском отделении едва ли не бунт. Особенно среди пятикурсниц, этих «5 ПГ» новой волны.

«ПАРИЖСКИЕ ГЕЙШИ» *(на Велихову и др.)*. Они нас не любят.

Ни стипендий не видим, ни белого света.

ВЕЛИХОВА и ДР. Учеба – это вам не прогулка в пивбар, пиво колоколом. Это – труд, не каждый-то устоит, не свихнется.

Царские невесты – царские слуги,

Франкомассоны – козни Сатаны.

Интриги, учеба, учеба, интриги и ее раз учеба. В. Ленин

Девочки, девочки. Ерохину вернули 0,2, теперь у нее 0,7 ставки как и у Сливончика. А вам скоро повысят стипендию.

Да, еще ректор на всякий случай, отменил визит за границу. А, чтобы де Голль не обиделся, послал телеграмму. А студентов, чтобы они имели возможность купить торт, поздравил с повышением не только кафедре, но и себе.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А город молчал.

Университет, факультет романской филологии. Третий этаж. «5 ПГ» («парижские гейши» новой волны) все там же, где-то под лестницей.

ОДНИ ИЗ НИХ (*намекая*). И на нашей улице, будет праздник.

ДРУГИЕ. На базаре. Разъедемся – разъедемся.

(*Поэтессы*). А давайте, девочки, скинемся и купим Жанетте мобильник. Чем этих поить в день всех Татьян...

ПРАГМАТИКИ. Да что ж у нее нет, что ли?

ПОЭТЕССЫ. Подарила свой Инне Алексеевне.

ПРАГМАТИКИ. Хорошо, скинемся.

ПОЭТЕССЫ. Ой, как интересно! Будем звонить в свой Париж. Любовнику...

ПРАГМАТИКИ. Не прервется любовь. Можно любить и на расстоянии.

ПОЭТЕССЫ. И какой мобильник-то купим?

ПРАГМАТИКИ. А какой был – «Алкатель», французского производства.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. А отчим Жанетты, этот сантехник, стоял этажом ниже и слушал. И зачем он тут оказался? Дочь его новый жены поступила на английское отделение. И вот, чтобы оградить англичанку от французской «заразы», он и выступил инициатором там у себя в общаге: скинуться и поставить замок на входной двери. Неча собираться, ходить бесконечно к входной двери: Жанеттку проводить. «Парижские гейши» должны жить в Париже, а своих – он послал еще дальше, к чертовой матери.

Сцена седьмая

Дом на окраине, семейное общежитие, комнатуха Жанетты. Жанетта, расчесывая свои длинные белокурые, по плечам кольцами, волосы. Смотрит в окошко – на двор, на лес за двором.

ЖАНЕТТА (*в сторону*). Весна, море звуков, первые соловьи... А в Реймсе леса молчат. По-моему, у Рембо ни одной строчки о птицах... Господи! Я еще и о птицах смею думать. Мамы нет, самого дорогого существа. Нет работы, места в жизни, нет, по существу, ничего... Мне уже двадцать четыре, я уже старая, на сцену выходят восемнадцатилетние...

Хорошо, что отправился к своей женщине отчим. Со своими грязными, липкими руками – ручищами. И комнатуха теперь за мной, братишка спит через стенку... У меня предчувствие: что-то должно произойти, но что – не знаю. Хорошее или плохое – не знаю, не могу даже предположить. Однако гложет что-то, съедает тоска, тревога. Зябко, уходит энергия. Со стола утром упал нож – значит, придет мужчина. Если мужчина, то кто? Дмитрий Васильевич, кто же еще?..

Незаметно за спиной появляется Дмитрий Ерохин. Он крадется от самой двери, берет ее за уши, ни дает обернуться. Игра такая: «Угадай-ка, кто это»?

ЖАНЕТТА (*едва слышимо*). Дима?

Резко оборачивается: действительно, так

ЖАНЕТТА. Только что думала, загадала желанье...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Какое именно?

ЖАНЕТТА. Не скажу, тайна.

Первое впечатление спадает. Жанетта говорит монотонно, как заведенная, без эмоций. И вдруг падает головой на плечо Дмитрию.

ЖАНЕТТА (*рыдая*). Ой, Дмитрий Василич! Ой, Дмитрий Ва... си... лич-и-и-и!.. Ну, зачем он спас меня, зачем? Я не хочу жить, не хочу-у-у больше жи-и-и-и-и-и... не хочу-у-у...

Жанетту трясет всю, аж зубы звенят, зуб на зуб не попадает, просто ужас как ей нехорошо.

Дмитрий прижимает ее к груди, гладит рукой по плечу, по плечам.

ОН. Какая свежая, молодая, нежная кожа.

ОНА. Не надо, я не хочу.

ОН. Скоро я защищусь, стану доктором, профессором, ты станешь профессоршей. Хочешь? Мы будем с тобой разъезжать повсюду с лекциями: в Москву – во французский колледж, при МГУ. В Париже, в Сорбонне, на кафедру русской литературы, там заведует и живет, я знаю, добрый, хороший человек и ученый...

Так-так, так-так,

Като русель – большой чудак.

Ну подпевай, подпевай, Жанетта, свою любимую:

Кадоруссель – большой чудак,

Большой чудак.

* * *

Электричка. Остановка «Светлая жизнь». Из вагона выходят двое: Жанетта Бредецкая и Дмитрий Ерохин. Идут знакомой дорогой, по которой когда-то ходили они туда, за третий километр – в село, в сельскую школу.

ДМИТРИЙ. Солнце. Поля до самого горизонта. Пахнет мятой (наклонясь к Жанетте). Тебе хорошо?

Жанетта молчит.

ДМИТРИЙ. А здесь, на этом месте, тогда мы расстались и пошли врозь. А сейчас идем вместе.

Жанетта молчит.

ДМИТРИЙ. Хочешь, я возьму тебя на руки и понесу?

Жанетта не отвечает.

Дмитрий берет ее на руки и несет. До куста сирени, это шагов пятьдесят. Из-за сирени появляется человек.

ЖАНЕТТА (падая из рук Дмитрия, бросается вперед). Эрик!

ДМИТРИЙ (опешив). Эрик?

ЭРИК ШАНСОН. Сюрприз, да? (Жанетте). О Жанетт! Я знал, ты придешь сюда, ты мне говорила об этой дороге. Она похожа на дорогу у нас там – к Артюру Рембо.

ЖАНЕТТА (шепотом, глаза полны слез). Я помню, помню... дорога к Артюру Рембо... когда мы шли в Шарлевиль...

ЭРИК (восторженно). О Жанетт, Жанетт! Помнишь?

«Я в восемь дней порвал свои ботинки,

Я в них сходил к Шарлеруа. И вот

Там, в кабаре зеленом, как с картинки,

Спросил я с ветчиною...» что?

Жанетта с Дмитрием вместе... бу – тер – брод!

ЭРИК. «Такой счастливый, вытянул я ноги
Под стол зеленый...

ЖАНЕТТА. О, поцелуй, какой во мне живет!

ДМИТРИЙ. Смеясь, она несет мне бу – тер – брод!»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Вот так, Жанетта! Положив руки на плечи друг другу, они и идут проселочной дорогой Серединой Руси в Шарлевиль, к поэту Артюру Рембо, чтобы упросить, умолять его вернуться обратно в Поэзию. Прочь торговлю людьми и оружием! Да здравствует корабль, который, совершив «одиссею» вокруг старушки Европы... выведет их... куда?..

ДИМА ЕРОХИН. К счастью.

ЭРИК ШАНСОН. К тебе, о Жанетт!

АРТЮР РЕМБО (*возникая, как призрак, через века*).

«О, под рубашкой эти ножки!

Они спасут тебя: «Беги!»

.....

Я целовал ее могуче,

Она смеялась впереди...

Она была совсем раздета,

Листва лежала низко-низко.

И это было летом, летом,

И это было близко-близко.

Жанетта, приподнимаясь на цыпочки, целует Диму Ерохина.

ДМИТРИЙ. За что?

ЖАНЕТТА. За перевод.

Целует Эрика.

ЭРИК. За что?

ЖАНЕТТА (*кокетливо*). Ни за что, ни за что. Просто так.

Молодой человек идет навстречу.

ЭРИК (*по-русски ему*). Сколько идти еще до Шарлеруа?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*по-французски*). Вот тут и есть оно, это местечко, - Шарлеруа.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Эх, тройка, птица – тройка, молодая Россия, прекрасная Франция, – и кто вас только выдумал! Среди степей этих, в эхе солнечных бурь! Возлюби другого – ближнего, как себя самого! Возлюби – и – и – и...

30 августа – 4 сентября 2008 г.,
г. Орел – г. Малоархангельск

«ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ»

Концерт-шоу. Музыкально-лирическая новелла.
(Одноактная мелодрама)

Вместо пролога

Георгий Свиридов. Романс, вальс из «Метели».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Александр Подболотов. «Что
взгрустнулось?»

«Что взгрустнулось в тиши?
Все не так, не по себе.
Значит, пенье уж не пенье.
То ли милая ушла,
С кем-то вихрем закружила,
То ли молодость прошла,
Как подруга изменила.
.....
Хоть бы застрелиться, что ли?»
.....

ГОЛОС АВТОРА. Пою а' капелла.

«**Шагреновая кожа**»
(моя авторская песня)
«Страдаю, как уходят дни.
Как пролетает время, Боже!
Все до минуты, все они –
Моя шагреновая кожа.

Найти слова, свои слова,
Без них мир просто невозможен.
Пока она еще жива –
Моя шагреновая кожа.

По дню за строчку?
Вот я, на!
Режь по живому, сколько можешь!
И сокращается она –
Моя шагреновая кожа.

А ведь единственна, одна.
Уже с ладонь, а дышит все же.
И в этом все она, она –
Моя шагрeneвая кожа».

Картина первая

«Золотое кольцо». Надежда Кадышева. «Течет ручей».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Леонард Золотарев поет с Кадышевой.

«Хоть и прошли года, но мы не старые,
Недолюбившие, сидим, усталые.
Весна счастливая, а сколько красок в ней,
Под старой ивою течет, течет ручей.

ПРИПЕВ.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

И только помнится, как мы лопатили,
Не стали все-таки людьми богатыми,
Рядились простенько, гуляли все гурьбой,
Теперь я с проседью, а ты как лунь седой.

ПРИПЕВ.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

Судьбе, наверное, так было надобно -
Сердца открытые, как перед ладаном.
Недолюбившие, поведать есть о чем,
Любовь остывшая зажглась седым огнем.

ПРИПЕВ.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Золотой поэт России. Поет Леонард Золотарев а' капелла. Сергей Есенин – музыка Леонарда Золотарева.

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть».

* * *

«Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Читает Леонард Золотарев. Серебряный поэт России, северное сияние. Николай Рубцов. Стихи.

«Зеленые цветы»

«Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает.
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев. Николай Рубцов - музыка Леонарда Золотарева.

«Добрый Филя»

«Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
 Даже нечего крыть...
 Филя, что молчаливый?
 — А о чем говорить?»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев. Николай Рубцов - музыка Леонарда Золотарева.

«Видения на холме»

«Взбегу на холм и упаду в траву.
 И древностью повеет вдруг из дола.
 И вдруг картины грозного раздора
 Я в этот миг увижу наяву.
 Пустынный свет на звездных берегах
 И вереницы птиц твоих, Россия,
 Затмит на миг в крови и жемчугах
 Тупой башмак скуластого Батяя!...
 Россия, Русь – куда я ни взгляну...
 За все твои страдания и битвы -
 Люблю твою, Россия, старину,
 Твои леса, погосты и молитвы.
 Люблю твои избушки и цветы,
 И небеса, горящие от зноя,
 И шепот ив у омутной воды
 Люблю навек, до вечного покоя...
 Россия, Русь! Храни себя, храни!
 Смотри, опять в леса твои и доли
 Со всех сторон нагрянули они,
 Иных времен татары и монголы.
 Кресты, кресты... Я больше не могу!
 Я резко отниму от глаз ладони
 И вдруг увижу: смирно на лугу
 Траву жуют стреноженные кони.
 Заржут они – и где-то у осин
 Подхватит эхо медленное ржанье,
 И надо мной – бессмертных звезд Руси,
 Спокойных звезд безбрежное мерцанье.
 И надо мной – бессмертных звезд Руси,
 Спокойных звезд безбрежное мерцанье».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла. Сергей Есенин – музыка Леонарда Золотарева.

«Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящим
Я не в силах скрыть своей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящим
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, злотающихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла. Анатолий Передреев – Леонард Золотарев.

«Еще не все потеряно, мой друг»
«Как эта ночь пуста, куда ни денся,
Как город этот ночью пуст и глух.
Нам остается, друг мой, только песня,
Еще не все потеряно, мой друг!

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
В котором все в цветенье и разгаре.
«Сияла ночь, луной был полон сад».

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл,
Я ничего, мой друг, не забываю,
Я помню все, что ты не позабыл.

Все, что такой отмечено судьбою
И так звучит на сердце и на слух,
Что нам всего не перепеть с тобою,
Еще не все потеряно, мой друг.

Еще струна натянута до боли,
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль.

И дорогая русская дорога
Еще слышна, не надо даже слов,
Чтоб разобрать издалека-далека
Знакомый звон забытых бубенцов».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла. Владимир Костров – музыка Леонарда Золотарева.

«Лунное пенье трубы полковой
«А-а-а-а, мелодия под вальс «Амурские волны».

«Лунное пенье трубы полковой,
Честно прошедшей сквозь годы и войны,
Тихо играет оркестр духовой
Вальс незабываемый «Амурские волны».

А-а-а...

В старых Сокольниках около ив
Музыка льется свежо и просторно,
С детства тревожащий сердце мотив
Просто и грустно выводят валторны.

А-а-а...

Стало больнее и стало живей
Память о дальних и близких походах.
Руку сжимает девчонке своей
Юный влюбленный солдат – первогодок.

А-а-а...

Нет, несмотря на его старину,
Вальс этой может еще пригодиться.
В парке Сокольники, прямо в волну
Красное солнышко плавно садится.

А-а-а...

Тихо вокруг. Сопки покрыты мглой».

Испанская гитара, Армик.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО *(на фоне ее)*.

«Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нем.

Все равно глаза твои, как море,

Полыхают голубым огнем.

Мелодия как позывные, приглашение поэта.

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО *(на фоне позывных)*. Валентин Сорокин.

Стихи как песни, на музыку Леонарда Золотарева. Поэт Леонард Золотарев а'калелла.

«Две радости»

«У меня две радости, два долга,

Дар судьбы, не сам я выбирал –

Голубая зыбчатая Волга

И скуластый увалень Урал.

Я хотел, чтоб крепче отточилось
Вечное, как солнце, мастерство.
Чтоб душа чуть-чуть ожесточилась
Разным прихлебателям на зло.

Среди пестрых кепок и косынок
Я мечтал под скрипы якорей,
Как мне стать защитником и сыном
Родины березовой моей.

У меня две радости, два долга,
Дар судьбы, не сам я выбирал –
Голубая зыбчатая Волга
И я скуластый увалень Урал».

Поет Леонард Золотарев а' капелла. Валентин Сорокин – Леонард Золотарев.

«Чудо земное»

«Я верю в бессмертие дня
И в честную жизнь государства.
И в то, что на свете меня
Никем заменить не удастся.

За внешней похожестью фраз
Пусть даже потянутся люди.
Но рук моих, губ моих, глаз
Не будет, не будет, не будет.

Не ветер же я, не вода,
А мудрое чудо земное.
И я ненавижу, когда
Меня разлучают со мною».

Валентин Сорокин – Леонард Золотарев. Поет Леонард Золотарев а' капелла.

«Под свисты ятагана»
«Я славянин, и стать моя крепка,
И вижу мир я добрыми очами,
За мной летят сказанья сквозь века
И затихают рядом, за плечами.

Меня крылом пожары били в грудь,
Я приседал под свистом ятагана.
Мой путь прямой, и я не мог свернуть
Перед ордой лавинной Чингисхана.

Голодный, непричесанный, босой,
В стране своей измученный и жалкий,
Я их сшибал оглоблей, стриг косой,
Лупил простой, обыкновенной палкой.

Но, обретая силу и красу,
Я говорю, перебивая ропот:
– Да, я не раз еще тебя спасу,
Запуганная до смерти Европа!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Леонард Золотарев поет а' капелла.
(мои авторские песни)

«Забывтые хутора»
«Жили-были мы, люди,
В православной России.
Да и думали будем
Крест нести, как всегда.
Но с Чернобылем солнце
Вдруг испили до донца,
С польнями в оконце
К нам упала звезда.

Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели.
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.

Мы чего ожидаем?
Уж на юг не летаем,
Все гробы забиваем
На родимой земле.

Еще свадьбы играют,
Еще церкви сияют,
Купола обжигают
Дух святой в небеси,
А уж тут вымирают,
Нами рай заселяют,
Пустырями зияют
Хутора по Руси.
Мимо нас караваны
Пролетают, гортанны.
И зовут за туманы –
На красивую жизнь.
Мы еще напоемся,
Новых песен дождемся,
Навсегда остаемся
Там, где мы родились.

Доживем еще, люди,
И воспрянет Россия!
Воскресятся из буден
Села и города.
Верю – вижу ночами
И над нами, грачами,
Вознесется лучами
Золотая звезда.

...Мы не гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы с Чернобылем квиты,
Спим, травой перевиты,

Мы давно уж забыты
На родимой земле».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а'капелла.

«Кукушкины дожди»

(моя авторская песня)

(лирическая)

«Нежный-нежный, теплый-теплый дождь.

Шелковый, как пух кукушкин, дождик.

Милый мой, зачем же ты идешь?

А не та, кого желаю с дрожью?

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!

На зорьке на вечерней на хмельной.

Пообещай мне счастья, дорогая,

Поговори, поговори со мной.

Нежный-нежный, то не дождь, не дождь –

Шелковые, медленные руки.

Милая, зачем ты их кладешь

Мне на плечи – колдовские звуки?

Мягкий-мягкий, теплый-теплый дождь.

Шелковый, как пух кукушкин, дождик.

Милый мой, когда опять придешь

В сердце мое милостию божьей?

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!

На зорьке на вечерней на хмельной.

Пообещай мне счастья, дорогая,

Поговори, поговори со мной».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Русская народная песня. Хор русской песни. Поет Леонард Золотарев, подпевает хор.

«Уральская рябинушка»

«Вечер тихой песнею

Над рекой плывет.

Дальними зарницами
Светится завод.
Где-то поезд катится
Точками огня.
Где-то под рябинушкой
Парни ждут меня.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы!
Ой, рябина, рябинушка
Что взгрустнула ты?

Лишь гудки певучие
Смолкнут над водой,
Я иду к рябинушке
Тропкою крутой.
Треплет под кудрявою
Ветер без конца
Справа кудри токаря,
Слева – кузнеца.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы!
Ой, рябина, рябинушка,
Что ж взгрустнула ты?

Днем в цеху короткие,
Встречи горячи.
А сойдемся вечером,
Сядем и молчим.
Смотрят звезды летние
Молча на парней.
Но не скажут ясные,
Кто из них милей?

Укрывает инеем
Землю добела.
Степью журавлиною

Осень проплыла.
Но все той же тропкою,
Тропкой между гор
Мы втроем к рябинушке
Ходим до сих пор.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы!
Ой, рябина, рябинушка
Что ж взгрустнула ты?

Кто из них желаннее,
Руку сжать кому?
Сердцем растревоженным
Так и не пойму
Оба парни смелые,
Оба хороши.
Милая рябинушка,
Сердцу подскажи.

Ой, рябина кудрявая
Оба хороши.
Ой, рябина, рябинушка
Сердцу подскажи».

Картина вторая

Георгий Свиридов. Вальс из пушкинской «Метели».
ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поют Алла Пугачева и Леонард Золотарев. «Осенние листья». Слова Лисянского, музыка Мокроусова.

«Осенние листья шумят и шумят в саду,
Знакомой тропой я рядом с тобой иду.
И счастлив лишь тот, в ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет.

Пусть годы проходят, живет на земле любовь.
И там, где расстались, мы встретились нынче вновь.
Сильнее разлук тепло твоих рук,

Мой верный, единственный друг.
 А – а – а ...
 В саду опустевшем тропа далеко видна,
 И осень прекрасна, когда на душе весна.
 Пусть годы летят, но светится взгляд,
 И листья над нами шумят.
 А – а – а ...
 Осенние листья шумят и шумят в саду,
 Знакомой тропой я рядом с тобой иду.
 И счастлив лишь тот, в ком сердце поет,
 С кем рядом любимый идет».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Три богатыря (Смоленская застава). Музыка Леонарда Золотарева. Поет Леонард Золотарев а'капелла. М.Исаковский. «На заречьи», Н.Рыленков. «Бродит ветер», А.Твардовский «Полночь».

М.Исаковский. «**На заречьи**»
 «На заречьи, прошлым летом,
 Помнишь, ты бродил в лугах?
 Ты - на том, а я - на этом,
 Мы на разных берегах.

Ты бродил, и так хотелось,
 Чтоб меня ты вспомнил вдруг.
 Не пилося мне и не елось,
 Не спалось и не сиделось,
 Ни на что мне не гляделось,
 Лишь на твой заречный луг.

Я следила зорким глазом,
 Я ждала, не шла домой.
 Ну, а ты ни ра - ни разу
 Не ступил на берег мой.
 На заречьи, прошлым летом,
 Помнишь, ты бродил в лугах?
 Ты - на том, а я - на этом -
 Мы на разных берегах.
 А – а – а ...

Мы на разных берегах».

Н.Рыленков.

«Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

Обмахну слезу с ресницы,
 Попрошу: «Возьмите, птицы,
 Не тоску мою с собой,
 Так платочек голубой».

Станет спрашивать он птицы
 Обо всем, что сердцу снится.
 О девчонке молодой,
 О раките над водой.

О тропинке под ракитой,
 Месяц листьев золотых.
 Мой платочек, шелком шитый,
 Вы отдайте в тот же миг.

На кайме его нашиты
 Все тропинки, все ракиты,
 Все лощины и холмы,
 Где хоть раз встречались мы».

А.Твардовский. «Полночь»
 «Полночь в мое городское окно
 Входит с ночными дарами.
 Позднее небо полным полно
 Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
 Где-нибудь в дедовском поле
 Скопища эти холодным огнем
 Точно мне в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Звездное небо томило:
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светлы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты».

ГОЛОС АВТОРА. Леонард Золотарев. Поэт Леонард Золотарев
а'капелла.

Леонард Золотарев
«Зеленые глаза»
(моя авторская песня)
«Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Стареем мы, сполна дается сдача
Виски белеют как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами.
И что с того – она не человек.

Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – слава богу.
Проходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!»
Испанская гитара. Армик. «**Фламенко**».

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла. Марина Цветаева. «**Марина**», Юлия Друнина «**Орлы**», Ольга Фокина «**Шукшину**». На музыку Леонарда Золотарева.

«**Марина**»

«Кто создан из камня, кто создан из глины,
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело - измена, мне имя - Марина,
Я - брэнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти,
Тем гроб и надгробные плиты...
В купели морской крещена и в полете
Своём непрестанно разбита.

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня - видишь - кудри беспутные эти,
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной воскресаю.
Да здравствует пена, веселая пена,
Высокая пена морская!»

* * *

«Орлы»

«Два сильные, два хрупкие крыла
И шеи горделивый поворот.
Да здравствует безумие орла,
Бросающегося на самолет!»

Он защищал свое гнездо, как мог, -
Смешной бунтарь, пернатый Дон Кихот.
Да здравствует взъерошенный комок,
Бросающийся в лоб на самолет!

Ах, Дон Кихот, и как вы не смели,
Геройство ваше – темы для острот.
И все-таки да здравствуют орлы,
Бросающиеся на самолет!»

* * *

«Шукшину»

«Ты был моей далью,
Ты был моей высью,
Когда опали
Кленовые листья.

Когда пламенела,
Красуясь, рябина.
И тихо летела,
Светясь, паутина.

Во влажных низинах
Роились туманы.
Я шла, мой желанный,
По гиблым трясинам.

И звери, и гады
Ползли по поднизью.

Но шла я, как надо,
Ты был моей высью.

Кусты и колючки
За платье хватали.
Но надо ли лучше –
Ты был моей далью.

Я шла, не сгибаясь,
По белым метелям,
Я шла, улыбаясь,
Не шла, а летела.

И время настало,
Ты близко, ты рядом –
Смертельно усталый,
С угаснувшим взглядом.

О, что же случилось.
Кто выкрал, упрятал
Все то, что светилось,
И кто виноват в том?

Ты был моей высью,
Ты был моей далью,
Когда опадали кленовые листья.
Когда пламенела,
Красуясь, рябина.
И тихо летела,
Святясь, паутина».

Испанская гитара, Армик. «**Фламенко**».
ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Классика. «**Песня певца за сценой**» из
оперы Аренского «**Рафаэль**».
Неополитанская песня. «**Вернись в Сорренто**».
Поет Леонард Золотарев (а' капелла).

* * *

«Страстью и негою сердце трепещет,
Льются томительно песни любви,
Страстью и негою взор ее блещет,
Блещут в нем звезды, звезды любви.

Грудью, взволнованной в жарких объятьях,
Нежится море в сверкающем сне.
Как я люблю, не в силах сказать я,
Страшно и сладостно мне!

Ах! Сладостно мне!
Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови!

Жизнь моя - сердца восторг и мученье,
Ясное небо цветущей весны.
Голос твой - сказки задумчивой пенье,
Пенье иль ропот, ропот волны.

О, если б мог я волне беззаботной
Нежное слово безумно сказать!
Рад бы я чайкою быть бысролетной,
В бурю с волнами рыдать!

Ах! Сладостно мне!
Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови!»

* * *

«Помнишь ли ты это море?
Здесь, в лазоревом просторе,
Что обвило, словно лента,
Берег дивного Сорренто?

Иль тебе милей другое –
Край неведомый, далекий?

Иль Сорренто позабыла
Ты в разлуке роковой?

О, вернись сюда скорее,
На простор морей широких!
Здесь и песня веселее,
Армат цветов пленяет.

Ночи лунные над морем
Неужели ты забыла?
Во вражде мы были с морем
Я любил, и ты любила.

А цветов благоуханье
И призывный звон гитары,
И горячие лобзанья, –
Неужель забыто все?

Нет, я знаю, все вернется
Мы увидим снова счастье,
Сердце радостно забьется,
Позабыв разлуки зло.

О, не оставь меня,
Тебя я умоляю!
Вернись в Сорренто,
Вернись, молю!
Вернись в Сорренто,
Вернись, молю!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. А.В.Кольцов «Соловушка». На музыку
Леонарда Золотарева. Поет Леонард Золотарев а' капелла.

Пройдет время, и песни Кольцова
пойдут по всему пространству
беспредельной Руси.

В. Белинский

«Ты не пой, соловей,
Под моим окном.
Улети в леса
Моей родины.

Ты скажи, как без нее
Пропадаю я,
Что трава по степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе девице!»

ГОЛОС ВЕДУЩЕГО. Поет Леонард Золотарев а' капелла.

«**Ноченька**»
(русская народная песня)
«Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Да ночь осенняя!

Что ж ты, ноченька,
Принахмурилась?
Что ж, осенняя,
Затуманилась?

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

Что ж ты, девица,
Призадумалась?
Или нет у тебя
Друга милого?

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Да ночь осенняя!»

Георгий Свиридов. Романс, Вальс из «пушкинской Метели».
ГОЛОС ВЕДУЩЕГО (*читая есенинское*).

«Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Все равно глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем».

Занавес.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Через трудности - к цели.
Река сама себе пробивает русло
Из разговора.

Апокриф. Скрипка.

Дедушка говаривал частенько:
Не впадай от темноты в тоску!
Вот, внучок, состаришься маленько,
К Богу приведешь свою строку.

Тайны видишь, в знаки заключая,
Как же это можно без Творца?
И дарил мне, дней не омрачая,
Скрипку, бесноватую с лица.

– Укрошай! – И хлебороб Макарыч
Нежно клал чертеж перед собой –
Станешь звуком, музыкой, гитарой,
Мастера боится бес любой.

И когда в концерте вдох ли, Бог ли
Дал возможность просиять и мне,
Людам с божьей помощью апокриф
Я сыграл и на одной струне.

30 сентября 1996г.

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

трагедии, драмы, мюзиклы

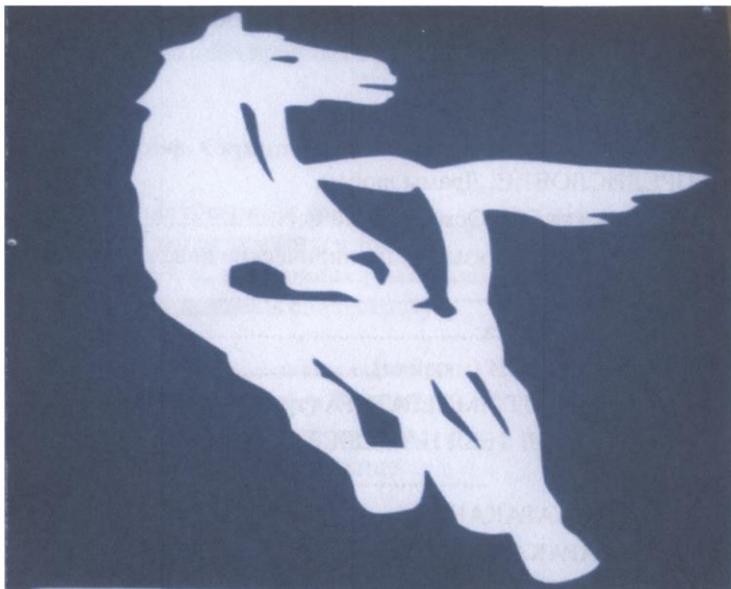
СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ. Драмы любви.

Курляндская Г.Б., Осмоловский О.Н.....	3
«ЖДИ МЕНЯ» (музыкально-лирические новеллы)	6
Ольга Чехова	6
Валентина Серова.....	19
НОЧИ ВАЛЕРИИ (мюзикл).....	32
МАНУСКРИПТ ИМПЕРАТОРА (трагедия).....	51
«Я ПОЛЮБИЛ ТЕБЯ НА ВОЛГЕ (Разина любовь)» (трагедия)	109
КНЯЖНА ТАРАКАНОВА	171
(ТЬМУТАРАКАНСКАЯ)	171
(трилогия, историческая трагедия	171
по Г. Данилевскому)	171
I. АВАНТЮРЬЕРА, ИЛИ СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ	172
II. УЗНИЦА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ	211
III. ТАЙНА МОНАСТЫРЯ: МОНАХИНЯ ДОСИФЕЯ.....	247
СЛАДКИЕ НОЖКИ КШЕСИНСКОЙ (драма).....	265
БРЫЗГИ ФРАНЦУЗСКОГО (драма).....	320
«ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ» (мюзикл).....	382

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Апокриф. Скрипка.....	406

Лети, мой Пегас, вперед на Парнас.

*За ваше здоровье!
A votre santé!*

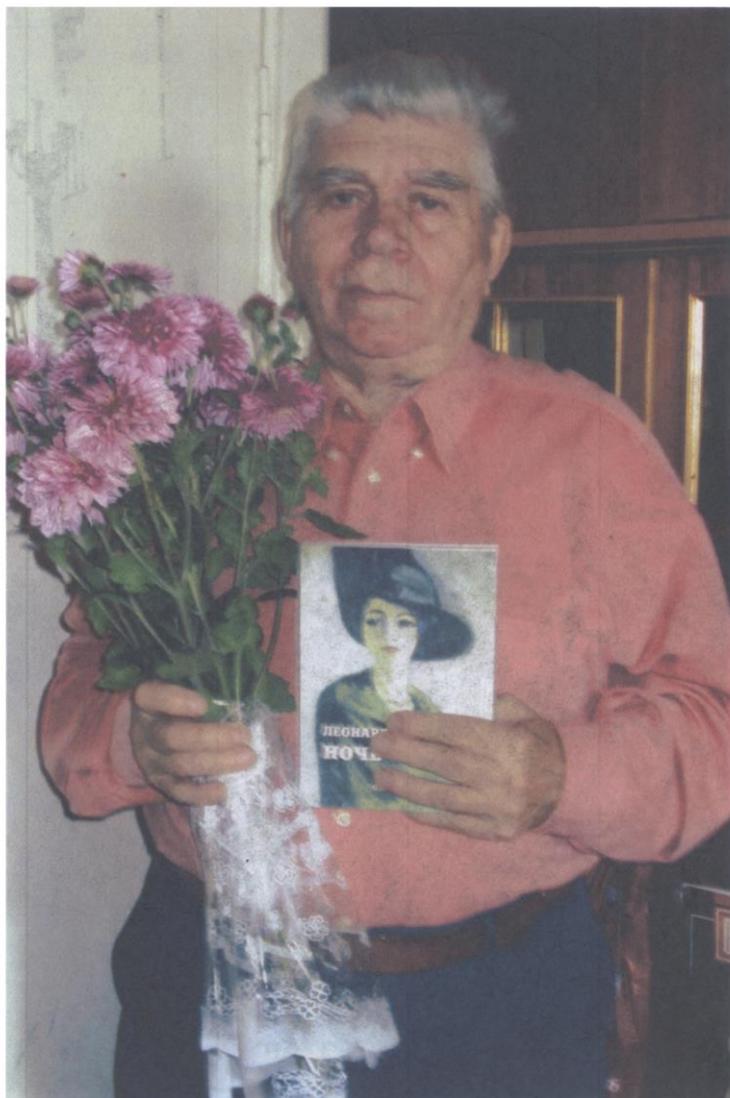
Силуэт. В стиле Пикассо.

Потом – в стиле Платова.

А это мы с сыном, перед Бунинской библиотекой.

И в «Бунинке» до презентации моей книги.

*А это там же после презентации.
«Друзья мои! Прекрасен наш союз...»*

В Малоархангельске, в моем гефсиманском саду.

«Ой, роза ты, роза моя! Ой ты, роза бело-розовая!..»

В Орле. Сергей Есенин, мой любимый поэт.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

Леонард Михайлович Золотарев
СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ
ТРАГЕДИИ, ДРАМЫ, МЮЗИКЛЫ

В авторской редакции и корректуре.

Дизайн и верстка – Андрей Плетнёв.

На обложке использованы мотивы храма св. Александра Невского – в Париже. Княжна Тараканова с картины неизвестного художника на Александровском мосту в Орле. Фрагменты картины Павла Корина «Александр Невский».

Издатель Александр Воробьёв.

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Заказ № 200. Подписанно в печать 12.12.11г. Тираж 100 экз.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьёва: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.

Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.

E-mail: orlik_id@orel.ru | www.orlik-id.orel.ru

*Тут взлетел, очутился в Париже
Александровский мост из Орла*

Леонард Золотарёв